

Высшее профессиональное образование

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В двух частях

Часть 2

1700 — 1815 ГОДЫ

Учебник

История

АКАДЕМ'А

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В двух частях

УЧЕБНИК

Под редакцией В. С. Бондарчука

Часть 2

1700 – 1815 годы

Рекомендовано

*Учебно-методическим объединением по классическому
университетскому образованию в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности «История»
и направлению подготовки «История»*

Москва
Издательский центр «Академия»
2011

УДК 93/99(075.8)
ББК 63.3(4)(7)я73
И907

Авторы:

Д. Ю. Бовыкин (гл. 6, 16.7, 16.8; гл. 17); *В. С. Бондарчук* (гл. 2, 7, 15, 18.4);
Н. В. Кирсанова (гл. 6, 18.2, 18.3); *А. С. Медяков* (гл. 8, 9, 13, 14, 18.6);
Н. М. Мещерякова (гл. 1, 3, 18.1); *А. И. Патрушев* (гл. 8, 18.5);
Л. А. Пименова (гл. 4); *В. В. Согрин* (гл. 11, 18.8); *Н. Б. Тер-Акопян* (10.3, 18.9);
А. В. Толстиков (10.1, 10.2, 18.7, 18.8); *А. В. Тырсенко* (16.1—16.5);
Е. Э. Юрчик (гл. 5, 12).

Рецензенты:

доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН *А. С. Намазова*;
кандидат исторических наук, доцент факультета иностранных языков
и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова *И. Е. Андронов*

История стран Европы и Америки в Новое время: В 2 ч.
И907 Ч. 2. 1700—1815 годы : учебник для студ. учреждений высш.
проф. образования / под ред. В. С. Бондарчука; [Д. Ю. Бовы-
кин, В. С. Бондарчук, Н. В. Кирсанова и др.]. — М. : Изда-
тельский центр «Академия», 2011. — 384 с.

ISBN 978-5-7695-6026-2

В учебнике историческое развитие стран Западной Европы и Америки представлено как результат сложного взаимодействия многих факторов: демографии, экономики, социальных и государственно-политических процессов, индивидуального и массового сознания, общественной мысли, религии, науки и культуры. В части 2 учебника особое внимание уделяется ключевым проблемам истории Европы и Америки XVIII—начала XIX в. — активной реформаторской деятельности и революционным потрясениям.

Для студентов учреждений высшего профессионального образования, изучающих всеобщую историю. Может быть полезен преподавателям, аспирантам, а также всем, кто интересуется вопросами истории.

УДК 93/99(075.8)
ББК 63.3(4)(7)я73

*Оригинал-макет данного издания является собственностью
Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым
способом без согласия правообладателя запрещается*

© Коллектив авторов, 2011

© Образовательно-издательский центр «Академия»,
2011

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2011

ISBN 978-5-7695-6026-2 (Ч. 2)
ISBN 978-5-7695-6025-5

РАЗДЕЛ I

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И АМЕРИКА В XVIII в.

Глава 1

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Просвещение как идейное течение зародилось в последней четверти XVII в. и развивалось на протяжении всего XVIII в. — в переходный исторический период, когда отход от средневековых устоев и традиций уже явственно обнаружился во всех областях жизни общества. Шел процесс освобождения от теологических представлений о религиозной концепции мироздания и бытия, утверждалось рационалистическое мировоззрение.

Просветительское движение возникло в странах Европы, а затем приобрело более широкий, международный характер. Ранее всего оно сформировалось в Англии, где крупнейшим представителем этого движения был *Джон Локк* (1632—1704). Именно английское Просвещение способствовало развитию этой идеологии в других странах.

Взгляды просветителей складывались под влиянием новых исторических условий, глубокого и всестороннего знания и осмысления действительности, научных открытий XVI—XVII вв. Воззрения просветителей формировались в тесной связи с великими достижениями и идеями Коперника, Бруно, Галилея, Кеплера, под сильным воздействием открытий Ньютона и других ученых в области *натуральной философии* (естествознания). Наконец, просветительская мысль опиралась на научные труды предшественников как в сфере философии (начиная от античных философов и вплоть до мыслителей XVII в. — Бэкона, Декарта, Спинозы, Гоббса), так и в сфере общественно-политических идей.

Для эпохи Просвещения характерна еще достаточно слабая дифференцированность научных знаний. Просветители были эрудитами во многих областях. Их энциклопедичность определялась представ-

лением о том, что разнообразные науки неразрывно связаны между собой, поэтому в своих сочинениях они затрагивали различные темы, нередко весьма отдаленные друг от друга. Мыслители эпохи Просвещения считали Средневековье «варварской эпохой», когда царил «полная немощь человеческого разума», подвергали критике общественную ситуацию в тех странах, где сохранялись еще средневековые черты. Эта критика опиралась на теоретические идеи, разработанные просветителями, была нацелена на обновление всех сфер жизни — духовно-религиозной, государственно-политической, социально-экономической.

1.1. Теоретические взгляды просветителей

Рационализм. В идеологии Просвещения укрепился мировоззренческий рационализм, более последовательный, чем у гуманистов эпохи Возрождения и философов XVII в. Просветителей отличала непреклонная вера в могущество человеческого разума. Разум являлся для них высшим и универсальным критерием оценки всех сторон действительности и исторического процесса, составлял стержень их мировоззрения. Французский просветитель *Ж.-А. Кондорсэ* считал разум «единственным орудием» для познания истины, а просветитель-испанец *Х. Кадальсо* утверждал: «Разум есть единственный судия». На разум, а не на веру и божественное откровение призывали полагаться просветители. Рационализм стал символом Просвещения, а XVIII в. получил название *век Разума*.

Однако первенство разума перед верой вовсе не означало разрыв мыслителей того времени с религиозным сознанием. Проблема веры сохраняла для них немалое значение, но у большинства просветителей отношение к религии было отнюдь не простым. Оставаясь, как правило, людьми религиозными, «добрыми христианами», они часто скептически оценивали традиционные христианские верования — католицизм, протестантизм, критиковали духовенство и церковь. Некоторые просветители приходили к новому пониманию христианской идеи, в их среде широко распространился *деизм*, согласно которому Бог — первопричина, творец мира, он как безличное начало не вмешивается в жизнь природы и общества. Вольтер считал его «великим архитектором мира». Шел поиск новых религий — *разумной, естественной, гражданской* и других. Некоторые просветители воспринимали реформационную догматику религиозных общин, иные даже склонялись к *атеизму*. Просветителей называли *свободомыслящими философами*, что подразумевало их принцип «свободно думать о вопросах религии». Свободомыслие стало важным просветительским постулатом. Веротерпимость отличала взгляды большинства выдающихся мыслителей эпохи Просвещения.

Природа и человек. В сочинениях просветителей «познание божественного» как сущность представлений эпохи Средневековья вытеснена проблемами светской науки о земном. Научные открытия пробудили пристальный интерес к природе, вызвали восхищение ее грандиозностью, гармонией, красотой, целесообразностью. Просветители преклонялись перед природой, утверждая, что «природа и разум управляют сообща».

Вслед за гуманистами просветители ставили человека в центр природы. *Антропоцентризм* явился фундаментальным принципом их мировоззрения. Они подчеркивали самоценность природы человека, включающей добродетели, деятельное начало и общественную значимость. Человек в представлении многих мыслителей того времени обладает всепокоряющей силой, предназначен к высоким помыслам и свершениям. При этом человек рассматривался ими весьма абстрактно, вне временных рамок и конкретных условий. *Индивидуализм*, утверждаемый просветителями, опирался на безграничную веру в человека, в возможность свободного проявления его гения. Многие мыслители разрабатывали теорию *естественного состояния* (особенно Дж. Локк), преследовавшую цель представить человека изначально автономным, свободным от множества пут и связей (в отличие от корпоративно-скованного человека Средневековья), независимого и обеспеченного правами как личность, как свободно действующий субъект, как индивидуальный собственник.

Общество и его благо. Представления просветителей об обществе как о совокупности индивидов включали в себя *принцип общего блага*, не противоречащий индивидуализму. Придавая общему благу большое значение, просветители стремились найти пути к его достижению, сохранению и защите. Вольтер считал благо общества единственной мерой нравственности, а *Г. С.-Д. Болинброк* призывал «не шадить своей жизни для блага общества». Гражданский пафос просветителей поднимал принцип общего блага на высочайший уровень.

Власть воспринималась просветителями в качестве гаранта общего блага. Революции XVI—XVII вв., остро поставившие вопрос о политической власти, побуждали их к исследованию этой проблемы, в частности вопроса о происхождении института власти. Многие из просветителей нашли его решение в дальнейшей разработке теории *общественного договора*. *Ж. Ж. Руссо* в своем трактате «Об общественном договоре» (1762) рассматривал такой договор как соглашение, изначально заключенное человеческим сообществом с целью передачи своих властных полномочий группе людей, обязанных обеспечить порядок и соблюдение интересов каждого. Теория общественного договора радикально отрицала прежде существовавшее представление о божественном происхождении власти.

Принцип нравственности. Наряду с рационализмом важное место в воззрениях просветителей занимала нравственность. С нрав-

ственной позиции они оценивали явления действительности и свои новаторские проекты. Дж. Локк считал, что вопросы морали «являются целью человеческого рода». Многие просветители специально исследовали этику как науку о морали, посвящая ей отдельные произведения, среди которых особое место занимает фундаментальный труд *А. Смита* «Теория нравственных чувств» (1759) — по сути, нравственный кодекс Просвещения. Мыслители старались обосновать светские начала этики, независимые от религии, стремились к секуляризации морального сознания. Вольтер писал, что настоящая добродетель — не теологическая, а общественная и практическая, т. е. соответствующая новой эпохе.

Естественно-правовая теория. Любая проблема рассматривалась в рамках естественно-правовой теории, служившей просветителям для обоснования идеи данных человеку от природы неотъемлемых естественных прав: природной свободы и равноправия личности перед законом. Под свободой просветители понимали полную свободу человека распоряжаться своей личностью и своей собственностью, а также свободой действий. Кроме того, по их теории, естественные права гарантировали гражданские свободы и права человека в обществе. Просветители признавали также естественное верховенство самого общества над властными институтами, суверенитет общества, его право на сопротивление несправедливой власти. Центральным звеном естественно-правовой теории признавался *естественный закон*, который должен быть согласован с разумом.

Оптимизм, прогресс, просвещение. Мировоззрению многих просветителей был присущ оптимизм. Они верили в возможность совершенствования — на основе разума — природы человека. С верой в прогресс связано особое внимание, которое они уделяли проблемам воспитания, обучения, что приводило многих мыслителей к созданию педагогических систем. Как правило, просветительская педагогика, с одной стороны, была антисхоластической, отвергавшей каноны средневековых методов обучения, а с другой, требовала непрерывной связи с жизнью, с практической деятельностью, наукой и опытным знанием. Испанский ученый, драматург и государственный деятель *Г. Ховельянос* был уверен в необходимости просвещать народы, чтобы сделать их счастливыми. Немецкий философ, критик и эстетик *И.-Г. Гердер* призывал воспитать Европу в духе гуманности и разума, которые «охватят в свое время весь земной шар».

Практицизм просветителей. Просветители стремились к тому, чтобы их сочинения оказывали воздействие на современников. Просветительская мысль, включая в себя переоценку традиционных ценностей, призывала к преобразованию существующего политического и общественного порядка. Поиски путей такого обновления позволили просветителям осуществить подлинный прорыв во всех областях гуманитарного знания. Мир Просвещения — это не только идейные и нравственные искания, но и поиски практических способов дости-

жения общественного блага. Идеология Просвещения включала в себя проекты и планы преобразований, которые так или иначе оказали воздействие на реформы, проводившиеся в ряде европейских стран.

1.2. Достижения просветителей в науках

Философская мысль просветителей. Значительный вклад в историю философии внесли материалистические учения Просвещения. Ключевой фигурой в развитии просветительского материализма был Дж. Локк. В своем главном сочинении «Опыт о человеческом разумении» (1689), продолжая идеи Бэкона и Гоббса, Локк углубил *материалистический сенсуализм*. Он выводил познание из чувственного восприятия и опыта. *Дж. Толанд* в трактате «К Серёне» (1704) и другие английские мыслители пошли дальше Локка в развитии идей материализма, выдвинув проблему материи и движения, которое понималось ими не как механистическое, а как всеобщая внутренняя активность.

Выдающимися мыслителями эпохи Просвещения были французские философы, создававшие свои труды в 1740—1770 гг., — *Ж.-О. Ламетри*, *К.-А. Гельвеций*, *Д. Дидро*, *П.-А. Гольбах*. Они доказывали, что материя изначальна и вечна во времени и пространстве и меняет лишь формы своего существования. В теории познания они оставались сенсуалистами. Крупные философы другого направления, против которого как раз и выступали французские материалисты, придерживались *агностицизма* — учения, отрицающего познаваемость объективного мира. Шотландский философ, историк и экономист *Д. Юм* явился родоначальником этого направления, обосновав в «Трактате о человеческой природе» (1748) основной принцип агностицизма — непостижимость чувственного опыта как источника знаний. Немецкий философ *И. Кант* создал во второй половине XVIII в. учение о двойственном характере познания. Он подразделяет все явления на две группы: доступные человеческому познанию опытным путем и «вещи в себе», сущность которых не может быть понята. Таким образом Кант соединил материализм и агностицизм.

Экономические взгляды просветителей. Интерес к материальной основе общественной жизни, вызванный изменениями в традиционной экономике, стал особенно заметен с конца XVII в. и в течение всего XVIII в. Итальянский просветитель *П. Верри* полагал, что *общественная экономия* — «безусловно, самая полезная и плодотворная для благополучия людей». Почти все просветители в своих сочинениях в той или иной степени затрагивали экономические проблемы: депрессию в торговле, состояние промышленности и банковской системы, развитие аграрного сектора и т.д. Были и просветители, специально занимавшиеся экономической теорией. Благодаря их трудам с конца XVII в. шел процесс становления политической

экономии как науки. Экономическая мысль вышла за рамки меркантилизма с его приоритетом сферы обращения. Просветители-экономисты выдвинули новую теорию причин накопления в обществе богатств — *трудовую теорию стоимости*, согласно которой стоимость товара определяется трудом, затраченным на его производство. К этой теории приближались Локк и другие просветители. Американский просветитель *Б. Франклин* в 1729 г. писал: «Стоимость всех вещей наиболее правильно оценивать трудом». Развернутое обоснование трудовой теории стоимости дал *А. Смит* в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776). Во Франции во второй половине XVIII в. классическую политическую экономию разрабатывали *физиократы* (*физиократия* — господство природы). Основоположник школы физиократов французский экономист *Ф. Кенэ* считал единственным источником обогащения не труд вообще, а конкретный труд в сельском хозяйстве. Земля, по учению физиократов, есть основа общественного богатства.

Социология просветителей. Просветители предложили свое решение принципиальной проблемы социологии — соотношения личного, частного, и общественного интересов. Они признавали гармоничное сочетание того и другого, так как «частный интерес не может быть отделен от общего».

В учении об обществе просветителей интересовала и природа общественных связей, причин единства общества. Чаще всего *гражданское общество* (так большинство просветителей определяли общество) трактуется ими как политическое, т. е. общество, рассматриваемое во взаимосвязи с государством. Обычно определения *гражданское* и *политическое* отождествлялись. Однако появилось в это время и другое понимание природы гражданского общества. Французский просветитель *Г. Мабли* пришел к выводу, что общество скреплено потребностями взаимной помощи и взаимными услугами, т. е. он признавал социальные связи гражданского общества. Так же понимали проблему и некоторые испанские просветители. *А. Смит* вкладывал в определение гражданского общества иное содержание, рассматривая его не только как политическую и социальную категорию, но более всего как союз, скрепленный экономическими узами взаимных хозяйственных, материальных услуг сограждан.

Просветители-правоведы. Просветители полагали, что право и закон обязаны своим происхождением природе и разуму, на основе которых создается фундамент законотворчества и разрабатываются конституции государств. Одновременно права личности постепенно конкретизировались как права политические (связи и отношения в государственной сфере) и права гражданские (на самостоятельные действия в обществе).

Крупнейшим правоведом был *У. Блекстон* — автор 4-томного труда «Комментарии к законам Англии» (1765—1769), который до сих пор признается классическим. Блекстон высоко оценивает гаран-

тии правовой государственности, имея в виду верховенство законов, свободу личности, независимость судей. Другим прославленным юристом был итальянский просветитель *Ч. Беккариа*. Его сочинение «О преступлениях и наказаниях» (1763) сделало его признанным авторитетом в области уголовного права и формирования новой правовой системы. Именно Беккариа впервые обосновал *принцип презумпции невиновности*.

Политическое учения. Важное место в трудах просветителей занимает исследование государственной организации. Ими разработаны *максимы правления* государства: верховная власть, опирающаяся на принципы нравственности, должна существовать для человека и в то же время для общественного блага.

Ориентируясь на *максимы*, просветители обосновали *теорию разделения властей*, обеспечивающую, по их мнению, необходимое соотношение разных ветвей власти, независимых друг от друга. Первым эту теорию выдвинул Локк в труде «Два трактата о правлении» (1689). Позже *Ш.-Л. Монтескье*, приняв идею самостоятельности законодательной и исполнительной властей, также высказал мысль о необходимости независимой судебной власти. Теория разделения властей была завершена концепцией равновесия властей, в соответствии с которой все ветви правления образуют систему взаимного контроля. Просветители тщательно изучали различные формы государства (монархия, республика), его функции, prerogatives и цели.

Исторические взгляды просветителей. Мыслители эпохи Просвещения высоко ценили историю — «великую учительницу благоразумия и гражданственности» и оставили немало исторических сочинений. Джон Локк, как и другие просветители, особо подчеркивал основной принцип исторического исследования — отдавать предпочтение документам-первоисточникам. Реализуя этот принцип, *Л.-А. Муратори* осуществил грандиозную публикацию хроник и других источников по истории Италии за тысячу лет. Историю считали наукой нравственной, призванной совершенствовать человека, его разум. Необходимость освоения исторического опыта видели в том, что это позволяет извлекать полезные уроки и находить свидетельства разумности в действиях людей прошлых времен.

Главную задачу просветители видели в рационалистическом истолковании истории, в противовес теологии опровергая божественную санкцию при объяснении развития общества, и содействовали секуляризации исторического мышления. Такой отказ от теологического подхода свидетельствовал о понимании просветителями истории как науки. Крупнейшим историком был *Болинброк*, написавший знаменитые «Письма об изучении и пользе истории» (1736—1738), фактически манифест историографии эпохи Просвещения. Ценность «Писем» Болинброка прежде всего в том, что это была попытка изучения прошлого на теоретическом уровне.

К достижениям просветителей следует отнести выявление определенных закономерностей развития общества, поиск причинно-следственных связей конкретных событий, стремление к обобщениям. Объектом изучения была политическая и религиозная история (с целью ее антицерковной ревизии). Вместе с тем родилась тенденция рассматривать как одну из причин развития общества материальный фактор. При этом исторические явления рассматривались под углом зрения роли личности, в основном правителей, законодателей и других персон, достойных остаться в памяти народов для потомков.

Просветители трактовали историю как мировую, широко применяя в своих исследованиях сравнительно-исторический метод, отказываясь от европоцентризма. Пример такого подхода дал Вольтер, который чуть позже Болингброка также обратился к теоретическому осмыслению истории. В его «Опыте о всеобщей истории и о нравах и духе народов» (1756 — 1769) развивалась идея прогресса человечества, произведение было проникнуто просветительским оптимизмом. Английский историк Э. Гиббон в 1776 — 1788 гг., опираясь на источники, создал труд по политической истории Рима и Византии «История упадка и крушения Римской империи», где осветил также историю раннего христианства и его влияние на общество. Сочинение немецкого мыслителя И.-Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784 — 1791) проводит мысль о закономерном характере исторической эволюции общества как о продолжении развития природы. Гердер в духе Просвещения подчеркивает естественную природу законов общества и определяет поступательное движение истории как направленное к высшему состоянию — гуманности.

Идейное сообщество просветителей. Глубина и широта идейной деятельности просветителей определили их место как наиболее передовых мыслителей своего времени. Они обладали творческой энергией, чувством высокой гражданственности. Широкое распространение просветительских идей, их взаимное обогащение происходили благодаря изданиям сочинений просветителей, переводам их на другие языки, личным контактам и переписке. Французы с восторгом знакомились с произведениями английских мыслителей. Вольтер писал о них как о «наставниках человечества». В Италии знали сочинения многих англичан. Французских просветителей читала вся Европа. На австрийских просветителей влияли идеи немецких и итальянских мыслителей, в частности Муратори. Взгляды просвещенной элиты Испании формировались благодаря знакомству с сочинениями просветителей других стран: «Духом законов» Монтескье, «Общественным договором» Руссо, трудами Беккариа, которые были переведены на испанский язык. Просветители-европейцы с интересом изучали идеи американцев Б. Франклина и Т. Джефферсона, которые в свою очередь находились под влиянием Локка, французских (философов) и других европейских авторов. Просветителей идейно объединяло стремление осознать и преобразовать действи-

тельность. Ценность идеологии Просвещения состояла в том, что она теоретически обосновывала становление нового общества, что в ней проявилось новое мышление, шедшее на смену средневековому.

Просветители не замыкались лишь в своем кругу, их идеи распространяли многочисленные последователи и пропагандисты, публицисты и журналисты. Они активно влияли на общественно-политическую жизнь. Так, в Англии появились сообщества приверженцев Просвещения: «*Лунное общество*» Бирмингема, «*Литературное и философское общество*» Манчестера (оба возникли в 1781 г.), издавалось множество журналов и газет просветительской направленности. Во Франции идеи Просвещения получили мощное звучание благодаря изданию знаменитой 35-томной «*Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел*» (1751—1780), составленной сообществом мыслителей во главе с Д. Дидро. Идеи Просвещения в большей или меньшей степени распространились во всех государствах Италии. Особенно благоприятные возможности для этого сложились в Венеции и Тоскане, где выходили многие известные газеты и журналы. В Милане публиковался журнал просветителей «*Кафе*». В 1760—1780-е гг. в Испании появилась периодическая печать просветительского толка, с 1781 г. выходил журнал «*Цензор*», в 1765 г. в Стране Басков возникло «*Экономическое общество друзей Отечества*», а затем подобные же общества появились по всей стране, как и просветительские салоны. Важную роль в пропаганде идей Просвещения в Португалии играли Академия наук (образована в 1779 г.) и издаваемые академией «*Экономические записки*». В Германии распространителями идей Просвещения стали нравоучительные еженедельники и многие периодические издания, а начиная с 1760-х гг. — патриотические общества, профессиональные общества учителей и врачей, другие организации.

Просвещение как явление всемирно-исторического масштаба было одним из самых значительных этапов в истории развития идей. Просветительское движение, продолжавшееся в течение всего XVIII в., завершилось к первым десятилетиям XIX в., его интеллектуальный запас постепенно утратил свое влияние. «*Затухание*» Просвещения произошло после Французской революции, ставшей поворотным событием для умонастроений просветителей. Наступала новая эпоха перехода к проявлениям того строя, который просветители сами обосновывали теоретически и приветствовали в противовес средневековому. Реальность оказалась гораздо сложнее, она обнажила противоречие между действительностью и многими просветительскими идеями — такими, как *естественный закон, естественные права*. Теории Просвещения не были созвучны новым историческим условиям, утратили свою актуальность. Однако ряд идей Просвещения был подхвачен следующими поколениями мыслителей — представителями либерализма, социализма, позитивизма. Важнейшие звенья духовного наследия Просвещения — *свобода человека, общее благо, правовое равенство, веротерпимость, нравственный идеал* — стали достоянием новых поколений.

РЕФОРМЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ)

Предпосылки реформ. XVIII в. был веком реформ. В первой его половине проведение значительных реформ было обусловлено чрезвычайными обстоятельствами — тяжелыми военными поражениями некоторых стран (Испании — в войне 1701—1714 гг., монархии Габсбургов — в войне 1740—1748 гг.), либо изменением их государственного статуса (превращение Савойского герцогства в Сардинское королевство в 1720 г., образование Неаполитанского королевства в 1730-е гг.). Во второй половине века, в основном в 1760—1780-е гг., реформы развернулись сразу во многих государствах: в Испании, Португалии, Габсбургской монархии, в Германии (в Пруссии, Баварии, Бадене, Ганновере и десятках других более мелких германских государств), в Италии (в Тоскане, Парме, Неаполитанском и Сардинском королевствах), в Дании, Швеции и Франции. Реформы были обусловлены как объективной практической необходимостью — давлением назревших проблем, так и особыми идейными мотивами.

Правящие круги приступили к реформам, убедившись, что государство (абсолютная монархия) в том виде, как оно сложилось в XVII в., уже во многом не отвечает требованиям времени. С очевидностью обнаружилось, что многие традиционные социальные, административные, хозяйственные порядки и установления препятствуют экономическому развитию и обуславливают недостаточную эффективность государственного механизма. Все острее давали о себе знать в ряде стран слабая степень управляемости, ограниченность ранее достигнутой государственной централизации. В монархии Габсбургов, Испании и в некоторых других государствах сохранялся разнородной административно-территориальной устройством: многие города, провинции и области сохраняли различные привилегии, что влекло за собой их значительную обособленность от центральной власти и питало партикуляристские настроения. Особенно уязвимым звеном всех абсолютистских монархий была финансово-налоговая система, не способная обеспечить растущие потребности государств в денежных средствах, что было вызвано постоянным ростом расходов на аппарат управления и армию. В ряде стран отчетливо проявилась неполная подконтрольность центральной власти как отдельных территорий, так и господствующих сословий. Там, где все еще сохранялись феоды и сеньории, значительная часть судебных, налоговых

и административных полномочий оставалась в руках дворянства. Церковь, обладавшая в католических странах налоговыми и судебными привилегиями, отстаивая собственные экономические и властные интересы, вторгалась в сферу государственных прерогатив. Неудовлетворительность государственного управления некоторых стран нередко была вызвана низким профессиональным уровнем чиновников (следствие отсталой системы образования).

В XVIII в. обнаружилась неэффективность экономической политики абсолютистских монархий: унаследованная от прошлого меркантилистская система тормозила развитие внешней торговли и отрицательно сказывалась на состоянии мануфактур. Внутренние таможенные границы, регламентация хлебной торговли сдерживали внутренний товарооборот и осложняли обеспечение хлебом городов.

Просвещение и реформы. Особенность развернувшегося во второй половине XVIII в. реформаторства состояла в том, что оно совпало с подъемом Просвещения и в той или иной степени испытало его влияние. Всесторонняя критика просветителями Старого порядка позволяла более ясно представить реальную действительность, выявляла проблемы, назревшие в обществе, и подводила к осознанию необходимости их решения. Поиск нового, лучшего общественного устройства из занятия утопистов-одиночек превратился в предмет размышлений и дискуссий интеллектуальных кругов. Во многих странах Европы появились и широко обсуждались различные проекты социального обновления. Просветительская общественно-политическая мысль не только широко распространилась в образованных слоях населения — она стала оказывать влияние на умонастроение правящих кругов, которые находили в идеях Просвещения определенные притягательные стороны. Некоторые монархи и влиятельные государственные деятели готовы были воспользоваться этими прогрессивными идеями в ходе преобразований.

Просветители не ограничивались критикой устаревших порядков, а старались определить пути претворения в жизнь своих проектов общественного обновления. В их представлении народ (крестьянство и городское население) оставался «непросвещенным» (вследствие монополии духовенства на образование) и поэтому способным только на стихийные разрушительные выступления, приносящие больше вреда, чем пользы. Средний слой (состоятельные горожане, купцы, юристы, люди умственного труда), по мнению философов, не готов был стать реальной силой социальной перестройки вследствие своей немногочисленности и слабого влияния в обществе, а дворянство и духовенство в своем большинстве отвергали любые нововведения, опасаясь за свои привилегии. Именно поэтому просветители утверждали, что только монарх, обладатель всей полноты власти, усвоивший их идеи, сможет осуществить реформы в интересах «всеобщего счастья». Деятели Просвещения не отвергали абсолютизм — напротив, они призывали к его укреплению, видя в этом залог того, что

монарху удастся преодолеть сопротивление противников обновительных мер. Так, в просветительской среде родилась идея *просвещенного монарха, философа на троне*. Самые выдающиеся умы европейского Просвещения связывали с таким монархом все свои надежды на общественное переустройство на основе принципов разума и верховенства законов. Даже ненавидящий монархов Ж. Ж. Руссо писал прусскому королю Фридриху II о своей готовности «умереть у подножия его трона», если тот сделает народ в своем государстве счастливым. Просветители (в частности, Вольтер) не скупились на восхваление «просвещенных» государей, что и стало одной из причин, вызвавших к жизни характерное явление второй половины XVIII в. — сближение поборников «вольностей и прав» с монархами: между ними началась оживленная переписка, происходили личные встречи, завязалось сотрудничество философов с властями.

Назревшие реформы в случае их проведения в жизнь должны были затронуть интересы и привилегии дворянско-аристократического слоя и католической церкви. С этой точки зрения доктрина *просвещенного монарха*, которая предлагала путь мирных преобразований «сверху» и высоко поднимала престиж мудрого государя-реформатора, становилась привлекательной для правителей и могла содействовать тому, что идеи Просвещения, во многом отрицавшие устои Старого порядка, проникли в сферу государственной политики абсолютизма.

За реформами второй половины XVIII в. закрепилось название *просвещенного абсолютизма*. Это понятие появилось в исторической литературе в 1840-е гг., но до сих пор сама природа просвещенного абсолютизма, а также цели, характер и результаты реформ, как и вопрос о степени воздействия на них Просвещения, остаются дискуссионными. Связь между просветительскими идеями и рядом реформ второй половины XVIII в. очевидна: тот факт, что в нескольких государствах, иногда почти одновременно, проводились сходные преобразования, свидетельствует о наличии общего идейного стимула в виде просветительских теорий (например, теории физиократов, новых правовых концепций и др.). В настоящее время некоторые историки склонны считать, что влияние Просвещения на политику реформ во второй половине XVIII в. проявлялось преимущественно в том, что создало особую умственную атмосферу, стимулировавшую стремление к переустройству общественного порядка.

Кроме того, в большинстве германских государств при проведении реформ правители руководствовались прежде всего не идеологией Просвещения, а особой доктриной государственного управления — *камерализмом* (*камера* — палата, помещение, где размещались государственные учреждения). Эта доктрина, направленная на укрепление государства и его финансовой устойчивости, возникшая во второй половине XVII в. в Германии, опустошенной Тридцатилетней войной, подчеркивала, что условием достижения столь значимой цели является обеспечение благополучия подданных. Такая позиция

отчасти сближала камерализм с идеологией Просвещения. Помимо Германии камерализм получил признание в государственных кругах других стран, в том числе в Швеции и России. Таким образом, хотя реформы второй половины XVIII в. принято определять понятием *просвещенный абсолютизм*, они имели разные идейные источники.

Основные направления реформ. Реформаторская деятельность затронула государственное управление (административную, налоговую и судебно-правовую системы), экономику, образование, церковь. Приоритет, который отдавался преобразованиям в той или иной сфере, зависел от конкретных условий каждой страны.

Реформы управления преследовали цель добиться большей государственной централизации: уменьшалась или сводилась на нет самостоятельность областей путем сокращения административных полномочий местных (сословных) органов власти или их полной ликвидацией и заменой назначаемыми сверху чиновниками.

Упорядочивались работа судов и судопроизводство, запрещались пытки и самые жестокие виды смертной казни, а в Великом герцогстве Тосканском, в монархии Габсбургов и в некоторых германских государствах казнь вообще была отменена. Реформаторы стремились к тому, чтобы суды стали независимыми от исполнительной власти, старались повысить авторитет судей и искоренить возможность их подкупа. В Тоскане и Габсбургской монархии была во многом изменена правовая система. Новые нормы гражданского права устанавливали равенство всех подданных перед законом и судом, а также право каждого обладать собственностью.

Важнейшая цель реформ — укрепление финансовой системы и увеличения доходов государства. Среди принятых для этого мер выделялась своей радикальностью введенная в Тоскане и монархии Габсбургов система налогообложения — *единый для всех, включая дворянство и духовенство, поземельный налог*, величина которого зависела от размеров земельного владения и его доходности. Наряду с отменой налоговых привилегий было положено начало свободному отчуждению дворянских и церковных земель путем упразднения майоратов, фидеикомиссов и церковного права «мертвой руки», которые препятствовали продаже недвижимости привилегированных сословий.

Практически все реформаторы добивались ускорения развития промышленности, сельского хозяйства и торговли как главных условий усиления мощи государства. Были ликвидированы многие цехи, в Австрии для поощрения предпринимательства и создания мануфактур предоставлялись суды под очень низкие проценты, а в некоторых германских государствах предоставлялся кредит сельским хозяевам. Стимулировать торговлю должна была отмена отягощавших ее налогов и внутренних таможенных пошлин, рыночных регламентов, монополий. В ряде стран власти установили свободу хлебной торговли. Почти повсеместно осуществлялись также работы по осушению болот и освоению пустошей, вводились новые сельскохо-

зайтвенные культуры, улучшались пути сообщения. Эти и другие меры были продиктованы не столько давлением буржуазии (еще очень слабой в странах, где проводилась политика просвещенного абсолютизма), сколько стремлением властей создавать более благоприятные условия для предпринимательства и способствовать вовлечению в него также и дворянства.

В монархии Габсбургов и Дании власти уменьшили барщину и отменили крепостное право. Кроме того, делались попытки расширить землевладение крестьян путем распространения долгосрочной аренды (с правом выкупа участка на благоприятных условиях), продажи доминальных земель монархии (в Тоскане, Дании, Австрии, а также в Швеции) и конфискованных земель Ордена иезуитов в Неаполитанском королевстве. В Германии (в Бадене, Гессен-Касселе и Ганновере) на землях правящих домов были отменены феодальные повинности крестьян, хотя и не безвозмездно — от них требовали вносить соответствующие платежи. В Майнцском архиепископстве крестьянам навязали выкуп феодальных повинностей в размере 20-кратной величины ежегодных платежей. Посягать на феодальные повинности крестьян в дворянских владениях правители не осмелились.

Результатом реформ в католических странах явились значительное ограничение роли церкви в светских делах и ее большее подчинение государству. Власти ликвидировали инквизицию, судебные и налоговые привилегии духовенства и присвоили себе право утверждать назначение высших церковных иерархов. В Габсбургской монархии и Неаполитанском королевстве были закрыты десятки и сотни монастырей, их имущество (как и имущество упраздненного Ордена иезуитов) перешло к государству, завладевшему также школами иезуитов, лишенных права заниматься образовательной деятельностью. Власти покровительствовали науке, книгоизданию, заботились о расширении образования (кое-где вплоть до всеобщего), стараясь придать ему практическую направленность.

Особенности реформаторской деятельности в отдельных странах. В разных странах реформы существенно отличались по своему масштабу и глубине. Наибольшего размаха и интенсивности реформы достигли в Австрийской монархии в правление *Иосифа II*, в Великом герцогстве Тосканском при *Петре Леопольде I* и в Датско-норвежском королевстве (в 1770 — 1772 гг., а затем с середины 1780-х до конца 1790-х гг.). Ход реформ в немалой степени зависел от личности их инициатора и проводника — монарха или полномочного министра, от их идейных взглядов, твердости, политических устремлений. Иосиф II в Австрийской монархии, министры *И.-Ф. Струэнзе* в Дании, *С. Помбал* в Португалии действовали деспотично: они шли напролом, осуществляя такие преобразования, на которые господствующие сословия никогда бы не согласились добровольно. Некоторые реформы проводились в ускоренном темпе, без достаточной подготовки общества, без всякой попытки опереться на его под-

держку. Иосиф II считал это совершенно ненужным, так как был уверен в разумности и, следовательно, правильности своих начинаний. Между тем его реформы не только ущемляли интересы дворянства и духовенства, но также задевали традиционные привилегии цехового бюргерства. В немалой степени вследствие чисто бюрократического метода преобразований и пренебрежения мерами по нейтрализации оппозиции Иосиф II к концу своего правления оказался в изоляции и вынужден был в связи с массовым движением протеста в австрийских Нидерландах и Венгрии отменить значительную часть своих реформ. Трагически — казнью — закончилась реформистская деятельность И.-Ф. Струэнзе в Дании. Здесь наглядно проявилась зависимость политики реформ от личности их инициатора — сразу после устранения Струэнзе все реформы были отменены, хотя спустя более чем десятилетие преобразования возобновились.

Из всех европейских стран, в которых во второй половине XVIII в. проводились преобразования, Франция была экономически наиболее развитой, однако необходимость реформ с каждым десятилетием ощущалась здесь все более остро, так как общие для абсолютистских монархий изъяны в финансово-налоговой и правовой сферах были в этой стране особенно велики. Несмотря на то что во второй половине века Франция была важнейшим центром европейского Просвещения, попытки преобразований, предпринимавшихся с конца 1760-х гг., заканчивались провалом. Это было обусловлено разными причинами. Спротивление проведению реформ оказалось во Франции чрезвычайно сильным, причем со стороны и привилегированных сословий, и городских низов Парижа, поднявших бунт против введения свободной торговли хлебом, вызвавшей временное повышение цен. Король *Людовик XVI* (1774 — 1792) не оказал необходимой поддержки реформаторам. В итоге провести в жизнь идеи Просвещения с помощью реформ и преодолеть или хотя бы смягчить постоянно нараставший кризис монархии во Франции так и не удалось.

Формирование новой государственной доктрины. В некоторых странах традиционную теорию божественного происхождения государства и идею монарха «милостью Божьей» сменила доктрина *общественного договора* как первопричины возникновения государства и власти монарха, обязанного в соответствии с этим договором заботиться о благе подданных. Существо новой доктрины прусский король *Фридрих II* (1740 — 1786) выразил в получившем большую известность афоризме: «Король — только первый слуга государства, призванный заботиться о всеобщем благе». Однако Фридрих II истолковывал этот постулат в духе прусской абсолютистской традиции как ничем не ограниченное право короля по собственной воле решать все за своих подданных, понимая под «всеобщим благом» укрепление мощи государства и деспотической власти монарха при сохранении сословно-крепостнических устоев. Это не мешало использовать в прусских официальных документах просветительскую

фразеологию. Например, в своде законов, составленном при Фридрихе II, утверждалось, что права подданных «основаны на естественном законе свободы» — и это при том, что крепостная зависимость прусских крестьян обрекала их на полное бесправие.

Новый и выраженный в еще более определенной форме взгляд на отношения между монархом и подданными высказал в конце своего правления герцог Тосканы Петр Леопольд I. Правитель, даже наследственный, писал он, «только делегат, слуга народа, чьи заботы и тревоги он должен сделать своими собственными». Однако в отличие от Фридриха II, для которого декларация о новой роли государя была лишь словесной данью времени, Петр Леопольд стремился осуществить ее на практике. Среди просвещенных монархов второй половины XVIII в. он, возможно, наиболее глубоко усвоил идеи Просвещения и последовательно руководствовался ими в своей деятельности на протяжении всего периода правления. В конце 1780-х гг. по распоряжению Петра Леопольда был опубликован полный отчет о состоянии государственных финансов Тосканского герцогства и разработана конституция, предусматривавшая создание при монархе выборного совещательного собрания. Конституция не была введена в действие, но эти беспрецедентные меры свидетельствовали о новом, просветительском понимании роли монарха как ответственного перед подданными и о его стремлении приобщить их к государственным делам.

Итоги и результаты реформ. Реформаторская деятельность второй половины XVIII в. имела далеко не одинаковые результаты в разных странах. В Пруссии и других германских государствах реформы не оказали значительного воздействия на общественные порядки, тогда как в Габсбургской монархии, Тоскане, Дании, Неаполитанском королевстве и в ряде германских государств преобразования периода просвещенного абсолютизма принесли с собой немало важных новшеств. Они посягнули на феодальные отношения в деревне, хотя и не затронули дворянское землевладение. Отмена крепостной зависимости, уменьшение барщины и феодальных платежей, попытки расширить крестьянское землевладение — все это преследовало цель улучшить положение сельской массы. Новаторским характером отличались меры по расширению образования, законы о веротерпимости, резкое ограничение цензуры (так, в Австрии было разрешено обсуждать и критиковать в печати деятельность императора). Были провозглашены новые правовые принципы, шедшие вразрез с сохранявшимися традиционными устоями общества, началась гуманизация правосудия и было прекращено привлечение к суду по обвинению в ведовстве и магии. Благодаря более свободному доступу в административный аппарат и систему образования выходцев из непривилегированных сословий возросла социальная мобильность. Хотя с началом Французской революции реформы закончились, а некоторые были отменены, в ряде государств немалая их часть сохранилась и способствовала модернизации общества.

3.1. Общественно-политическое развитие в первой половине XVIII в.

Аграрные процессы. При Вильгельме I Оранском большой размах приобрела практика распродажи коронных доменов. Кроме того, король раздавал их своим фаворитам, которые помогли ему получить английскую корону, раздавал земли, конфискованные у ирландцев-католиков, во время событий 1688—1689 гг. вставших на сторону Якова II. Переход земельных владений из одних рук в другие продолжался и в дальнейшем. Действовавшие в тот период аграрные законы создавали благоприятные юридические основания для наступления землевладельцев на крестьянские участки. Новостью были *парламентские огораживания*. Власть пошла навстречу лендлордам: по их просьбе парламент издавал частные акты о «разделе общинных земель» в их владениях — так оформлялась правовая база присоединения лендлордом к своему владению крестьянских земель. К середине XVIII в. было издано 208 подобных актов. Все это привело к преобладанию в сельской Англии *лендлордизма*, занявшего прочные позиции в аграрной экономике страны. Во владениях лендлордов повсеместно распространилась крупная капиталистическая аренда (*капитальные фермы*). Обширные хозяйства арендаторов открывали новые возможности для интенсивного земледелия, применения усовершенствованной техники, более прогрессивных методов обработки земли.

Вследствие парламентских огораживаний земли крестьян сокращались, крестьянство как социальная категория постепенно, но неуклонно уменьшалось. «Более всего я скорблю, — писал современник, — о том, что исчезают наши крестьяне». Судьба крестьянина могла сложиться по-разному: если повезет, он мог стать батраком в деревне или наемным работником на промышленном предприятии, но большая часть крестьян пополняла ряды пауперов.

Промышленность. Свобода от опеки королевской власти, от регламентаций и монополий создала простор для развития мануфактур. Первая половина и середина XVIII в. — период особенно интенсивного развития мануфактурного капитализма. Мануфактура существовала и в деревне, и в городе, как в старых отраслях (сукноделии, горнодобывающей отрасли), так и в новых (льняной, хлопчатобумажной). Численный рост мануфактур прослеживался во всех сферах производства. Так, в сахароварении в Лондоне к началу XVIII в.

насчитывалось 17 мануфактур, в 1748 г. их было уже 80; в бумажной промышленности — соответственно 50 и 278. С середины XVIII в. берут начало всемирно известные до сих пор фирмы — *Веджвудов* в гончарном деле, *Уотменов* (Ватманов) в бумажном (*ватманская бумага*). Широкое применение наемного труда стало нормой. В угольной промышленности Ньюкасла насчитывалось до 40 тыс. рабочих, в хлопчатобумажном производстве Ланкашира было занято не менее 30 тыс. человек, в доках Кента трудились более 3 тыс. рабочих. Новой чертой промышленности был рост централизованных мануфактур — признак накопления средств в руках предпринимателей, хотя по-прежнему преобладали предприятия рассеянного и смешанного типа, где целыми семьями работали надомники. Современники, ранее отдававшие предпочтение торговле, начали рассматривать промышленность как самую выгодную сферу хозяйственной деятельности.

Внутренняя и внешняя торговля. На основе общественного разделения труда формировался внутренний рынок, активизировался товарный обмен между промышленностью и сельским хозяйством. Выделились 16 преимущественно аграрных графств и 10 — промышленных. Специализация происходила и в самой промышленности: одни графства производили в основном текстильные товары (Ланкашир), в других преимущественно развивалась металлургия (Сассекс). И внутри одной отрасли наблюдалась детальная специализация: в сукноделии традиционные широкие сукна, которые были в ходу у простого люда по всей стране, изготавливались в Йоркшире; в графствах Норфолк и Глостершир вырабатывались сукна высокого качества. Ноттингемшир и Лестершир славились своими трикотажными изделиями. Торговые ярмарки давно превратились из сезонных в еженедельные, а некоторые собирались дважды в неделю. В городах строились торговые холлы, работавшие в определенные дни, появлялись постоянные торговые лавки. Оживление внутренней торговли было связано с улучшением средств сообщения. Появились путевые заставы, которые следили за состоянием дорог, содержали лошадей для дилижансов. Проводились и работы по углублению рек для облегчения навигации.

Наиболее динамичной сферой экономики оставалась внешняя торговля. Стоимость английского экспорта возросла с конца XVII до середины XVIII в. в 3 раза (с 4 до 12 млн ф. ст.). География экспорта характеризовалась уменьшением доли вывоза продукции в европейские страны и значительным увеличением вывоза в колонии — в Америку, Вест-Индию, Африку. Оттуда Англия вывозила и реэкспортировала в Европу множество колониальных товаров: табак, сахар, хлопок, органические красители (*индиго*). В торговле между Англией, Америкой и Африкой сложился своеобразный *треугольник*: английские товары обменивались в Африке на рабов, которых вывозили в Америку для работы на плантациях, а на вырученные от рабо-

торговли деньги приобретались колониальные товары. Англия уже в начале XVIII в. вышла на первое место в мире по торговле «живым товаром». Работоторговлей занимались 3 крупные компании, получая баснословные прибыли (400—500, иногда 1 000 %), они поставляли в Америку в начале XVIII в. ежегодно 20—25 тыс. рабов, в середине XVIII в. — вчетверо больше. На работоторговле в Англии разбогатели целые города (например, Бристоль). Возникло множество коммерческих предприятий — индивидуальных и коллективных. Среди торговых компаний особенно выделялись *Ост-Индская* и *Левантийская*, торговля с Индией приносила английским купцам ежегодную прибыль в 1 млн ф. ст.

Накоплению в стране богатств благоприятствовала финансовая система. Особенностью Англии была доступность кредита. Рядовой предприниматель любого достатка мог получить кредит под небольшие проценты, что способствовало расширению производства и активизации торговых операций. До 4/5 всех хозяйственных сделок совершалось в кредит. Денежные богатства концентрировались в *Английском банке* (основан в 1694 г.). Существовали и частные банки, в середине XVIII в. их было более 30. Динамизму экономической жизни содействовала устойчивая монетная система, утвердилась золотая валюта, чеканились *золотые монеты — гинеи* (название — от *Гвинея*).

Население страны и структура общества. С 1701 по 1751 г. население Англии возросло с 5,8 млн до 6,5 млн человек. Городское население составляло 13 % в начале XVIII в. и 16 % в середине века. Промышленный Лондон превратился в крупнейший город Европы: в 1750 г. в нем проживало 675 тыс. жителей (11 % всего населения страны). Среднегодовой приток жителей в столицу равнялся 8 тыс. человек. Кроме Лондона крупными городами считались Бристоль, Норидж (более 20 тыс. человек). Другие города насчитывали, как правило, менее 10 тыс. жителей. Динамика миграции населения свидетельствует о его передвижении в промышленно-развитые графства (Миддлсекс, Ланкашир и др.).

Структуру общества определяли экономические процессы. В стране насчитывалось примерно 60 тыс. семей буржуазии. В обществе велико было влияние финансистов, с которыми имели дело предприниматели во всех областях хозяйственной жизни. Доминирующие позиции в экономике занимало купечество, торговый капитал количественно превалировал над промышленным. Из 10 тыс. купеческих семей 2 тыс. были семьями наиболее состоятельных купцов, занимавшихся заморской торговлей. Более заметной становилась фигура мануфактуриста. В населении сельской Англии большой слой составляли арендаторы. «Денежный интерес» играл в обществе все более значительную роль, что было очевидно для современников. Однако английское дворянство ощущало себя исконно господствующим слоем, его доходы признавались самыми устойчивыми. Многие обеспе-

ченные люди вкладывали свои средства в приобретение земель, считавшихся респектабельной формой собственности. «Земельный интерес» отождествлялся с национальным интересом. В стране было 16,5 тыс. дворянских семей, из них 186 семей аристократии.

Основная часть населения страны состояла из ремесленников, мелких торговцев и крестьян, которых постепенно становилось все меньше. Более низкое положение в обществе занимали наемные рабочие мануфактур, небольших мастерских, батраки, подмастерья, ученики, поденщики. Их насчитывалось до 700—800 тыс. На самой нижней ступени социальной лестницы находились пауперы. По разным подсчетам, от четверти до половины населения составляли бедняки с семьями. *Пауперизм* стал главной социальной проблемой Англии. Часть пауперов жила в приходах, получая в соответствии со старинным законом мизерное пособие по бедности (3—4 пенса в неделю; для сравнения — рабочий получал 12 пенсов), другие же скитались по стране. Суровые законы запрещали бродяжничество и нищенство. Государство выработало особую систему мер по поддержанию спокойствия в обществе и использованию труда пауперов. Бедняков помещали в работные дома, где они трудились в казарменных условиях; отправляли в исправительные дома и тюрьмы; детей бедняков отдавали в ученики ремесленникам, т. е. в наемные работники. Принятый еще в 1662 г. *Закон об оседлости* был объявлен постоянно действующим. Местным властям предписывалось в течение 40 дней высылать паупера, пришедшего в чужой приход, и переправлять его в законный приход. Паупер носил знак на правом рукаве — букву «P» (паупер) и первую букву названия своего прихода.

Развитие парламентарной системы. Компетенция парламента продолжала расширяться. Укреплению конституционного режима способствовали *Акт о должностях* (1707) и некоторые другие законы, запрещавшие ставленникам монарха занимать государственные посты. Тогда же из королевского Тайного совета постепенно выделился кабинет министров как особый институт исполнительной власти. На усиление власти парламента влияли и субъективные обстоятельства. В соответствии с *Законом о престолонаследии* (1701) бездетного Вильгельма III сменила на троне сестра его жены Марии — *Анна Стюарт* (1702—1714). Она не была способной правительницей и не прибавила авторитета королевской власти. После смерти Анны корона перешла к *Ганноверской династии* (1714—1901), находившейся в дальнем родстве с Тюдорами и Стюартами. Первые короли этой династии *Георг I* (1714—1727) и *Георг II* (1727—1760) плохо изъяснялись по-английски, им были чужды культура и политические традиции Англии.

В таких условиях утверждались определенные обычаи, прецеденты политической практики, которые включались в парламентскую систему. Реальную исполнительную власть первые Ганноверы посте-

пенно уступали кабинету министров, который сконцентрировал в своих руках государственное управление. Уже при Георге II короля лишь информировали о заседаниях кабинета, сам он на них не присутствовал. Король не мог, как прежде, назначать министров по своему усмотрению и произволу; укреплялся конституционный принцип, согласно которому король назначал министров из партии парламентского большинства. Кроме того, была узаконена ответственность назначенных королем министров не перед самим королем, а перед парламентом. Лидер парламентского большинства стал главой кабинета министров, *премьером* (официально его называли *первым лордом казначейства*). Оформление этого принципа связано с именем лидера вигов *Роберта Уолпола*, крупного государственного деятеля, который длительное время (1721 — 1742) возглавлял кабинет министров и все больше оттеснял короля Георга II на второй план. С именем Уолпола связан еще один принцип: кабинет уходил в отставку сразу после очередных выборов, если только его партия теряла большинство в парламенте. Государственно-политический строй Англии был столь необычным, что на континенте говорили об *абсолютизме парламента* в стране.

Конституционный строй упрочивался еще основательнее перед лицом угрозы *якобитского движения* (1689 — 1746) — борьбы за власть претендентов на английский престол — сына Якова II Якова-Эдуарда и его внука Карла-Эдуарда, живших во Франции (затем в Риме). Из эмиграции они руководили (опираясь главным образом на поддержку французских властей) движением своих сторонников-якобитов, среди которых были католики-ирландцы, часть шотландцев, поддерживавших исконно шотландскую династию Стюартов, а также немногочисленные англичане, настроенные против «иностраных правителей» (Вильгельма III и Ганноверов). Якобиты организовали в Англии 5 восстаний (особенно серьезных в 1715 и 1745 гг.) в период восшествия на престол и правления Ганноверов; устраивали заговоры против них; предприняли 6 попыток интервенции. Отпор якобитам консолидировал население Англии в отстаивании существующего государственного строя: формировались отряды добровольцев, создавались ассоциации для сбора средств на борьбу с якобитами. Якобитизм как альтернатива новой государственности не нашел широкой поддержки в обществе.

Конституционная монархия была большим шагом вперед по сравнению с прежним государственным устройством. Тех, кто приезжал в Англию из других стран, поражали верховенство представительного органа, свобода личности, гарантия права собственности, устранение властью экономических стеснений, строгой цензуры. Вместе с тем политический режим, установившийся в стране, сохранял вплоть до 1832 г. прежнюю избирательную систему с ее земельным цензом и отсутствием тайных выборов. Право голоса имели приблизительно 250 тыс. избирателей, т. е. 5 % населения. По-преж-

нему существовали так называемые «гнилые», «карманные» местечки — малонаселенные округа, избирателям которых местный ленд-лорд «рекомендовал» голосовать за определенного кандидата в депутаты. Так, герцог Ньюкасл имел 7 таких округов и 7 своих ставленников «избирал» в парламент. Власть в верховном органе государства находилась в руках *олигархии* — представителей земельной аристократии. В палате общин заседали пять Тауншендов, четыре Кэвендиша, четыре Йорка и члены других аристократических семей. В графствах власть была в руках знати и дворян рангом пониже, которые обычно занимали должности мировых судей. В 1716 г. срок полномочий парламента был удлинён с 3 до 7 лет, что укрепило его независимость от избирателей. Коррупция становилась обычной парламентской практикой: процветали подкуп избирателей, покупка мест в парламенте, продажность самих депутатов. Тщательно охранялась тайна прений в палатах, дебаты были закрытыми, протоколы заседаний не публиковались, лишь специальные репортеры готовили для прессы краткие заметки, не разглашавшие содержания прений.

Виги и тори. Непременным компонентом парламентской системы стали две постепенно оформлявшиеся политические группировки — *виги* и *тори*. Их часто называли «новые виги» и «новые тори» в отличие от «старых партий» периода Реставрации. Социальной базой тори являлись земельная аристократия и широкие слои дворянства, пропитанные, как считали современники, «духом торизма».

Тори придерживались консервативной политической ориентации, т. е. в конституционном компромиссе 1688—1689 гг. между короной и парламентом они отдавали предпочтение монархической власти; они неизменно поддерживали англиканскую церковь.

В 1712 и 1719 гг. тори добились принятия законов, ущемлявших интересы диссентеров.

Виги также опирались на земельную аристократию, которая, однако, смыкалась с верхушкой буржуазии, прежде всего финансовой. Именно поэтому вся буржуазия признавала вигов своей партией. Виги были главными поборниками компромисса, неуклонно отстаивали привилегии парламента. По своим церковно-религиозным взглядам виги склонялись к веротерпимости, всегда отстаивая интересы диссентеров: отменили торийские законы 1712, 1719 гг. и приняли закон 1727 г., открывший диссентерам доступ к административным постам. Общины баптистов, квакеров и других диссентеров (всего их было до 250 тыс. человек) существовали по всей стране, но более всего — в городах среди торгово-ремесленного населения, средних и мелких предпринимателей.

Обе политические группировки, стоявшие у колыбели парламентаризма, оберегали устой конституционной монархии, неприкосновенность «лучшей в мире конституции» (особенно перед лицом яко-

битской угрозы), олигархическую власть, старинный избирательный закон. Соперничество между ними в борьбе за места в парламенте, правительстве, местной администрации, в армии и церкви проистекало из экономических противоречий. В конкретных вопросах тори всегда отстаивали «земельный интерес», т. е. то, что экономически затрагивало дворянство. Виги же выдвигали на первый план «денежный интерес», т. е. материальные выгоды буржуазии. Другое различие касалось политических методов. Виги действовали на политической арене чрезвычайно активно, чего нельзя сказать о тори. Современники называли вигов «особенно мобильными и прогрессивными». В правление королевы Анны преобладали торийские кабинеты. Видными политиками-тори были граф Оксфорд и лорд Болингброк. При Ганноверах у власти долгое время находились кабинеты вигов (1714—1762) — это был так называемый «век верховенства вигов». Многие правительства вигов бессменно возглавлял *Р. Уолпол*, их крупными деятелями были также герцог *Д.-Ч. Мальборо*, *У. Питт-старший* (граф Чэтэм).

Внешняя политика. В начале XVIII в. претерпели существенные изменения взаимоотношения Англии с Шотландией. В 1707 г. была принята новая уния (взамен прежней династической), которая ликвидировала самостоятельный шотландский парламент. 16 шотландцев-лордов заняли места в английской верхней палате, и 45 шотландцев могли быть избраны в палату общин. Уния сохранила за Шотландией автономию лишь в решении вопросов сугубо местного значения, например в судебной сфере. Шотландия теряла свою независимость. Государство все чаще стало называться Великобританией.

Внешняя политика правящих кабинетов, особенно воинственно настроенных вигов, была весьма энергичной. В ее основе лежали два принципа: *принцип политического баланса*, или европейского равновесия, нацеленный на то, чтобы не допустить преобладания на континенте какой-либо державы, и *принцип наступательной торгово-колониальной экспансии* с целью приобретения новых колоний. Англия постепенно оттесняла своих извечных соперников в Европе и значительно преуспела в этом: в 1703 г. был заключен *Метуэнский договор*, закрепивший зависимость Португалии от Англии; в результате войн Англия получила часть испанских колоний, успешно конкурировала с Голландией. Однако на первый план выдвинулось англо-французское соперничество. Почти постоянное военное противостояние между двумя государствами современники окрестили *второй Столетней войной*. В трех больших европейских войнах — за испанское наследство (1701—1714 гг.), за австрийское наследство (1740—1748 гг.) и Семилетней (1756—1763) — Англия принимала деятельное участие. Она всегда участвовала в коалициях против Франции и добивалась ослабления ее позиций как в колониях, так и в Европе. Одним из итогов Семилетней войны, поддержанной вигами

во главе с У. Питтом-старшим, стало получение Англией почти всего п-ва Индостан. Ост-Индская компания из торговой превратилась в территориальную и стала военной компанией. Именно в середине XVIII в. закладывались основы колониальной империи, ее эксплуатация стала источником огромного обогащения метрополии.

Внутренняя политика. Активная внешняя политика страны требовала огромных затрат, правительство прилагало чрезвычайные усилия для изыскания средств на их покрытие. В то время прочно укоренилась практика внутренних и внешних государственных займов. Финансовая политика строилась на том, что обеспеченные слои общества субсидировали государство под высокие проценты. Государственный долг возрастал по мере увеличения расходов на войны: в начале века — 14,5 млн ф. ст., в 1757 г. — почти 78 млн. Для выплаты процентов государство-должник вводило множество налогов (особенно «прославились» этим кабинеты вигов). К середине XVIII в. в Англии сложилась налоговая система, включавшая всевозможные пошлины, тарифы и бесчисленные акцизы — косвенные налоги на товары массового потребления (солод, соль, уголь, свечи, мыло и т. п.). В арсенале экономической политики, кроме того, был протекционизм, ограждавший внутренний рынок от конкуренции иностранных товаров в интересах собственного производства. Достигалось это благодаря введению суровых запретительных тарифов, строго регламентирующих экспорт и импорт. Всячески поощрялся (даже премировался) вывоз из Англии готовой продукции. В то же время вывоз сырья из страны был под запретом, особенно это касалось высоко ценившейся шерсти. Ввоз иностранного сырья, напротив, всемерно стимулировался государством, а вот импорт готовых товаров запрещался. Такими мерами протекционистская политика создавала благоприятные, «тепличные» условия для собственных мануфактур.

Наука, просвещение. Процветающие в Англии естественные науки отвечали реальным потребностям производства, торговли, мореплавания. Тогда творили великие ученые — физики, химики: *Роберт Гук*, *Роберт Бойль* и другие, прославившие Лондонское королевское общество — Академию наук. *Исаак Ньютон* — физик, астроном, математик в своем главном труде «Математические начала натуральной философии» (1687) заложил основы классической механики и закона всемирного тяготения (небесной механики). И. Ньютон оставался бессменным президентом Общества с 1703 по 1727 г.

В конце XVII в. возникло новое идейно-культурное движение — Просвещение. Идеи английского Просвещения формировались после революции и ее политического итога — переворота 1688—1689 гг., что и обусловило главную особенность Просвещения в Англии: для английских мыслителей характерно в большей степени обоснование утвердившегося в стране порядка, критика же средневековых инсти-

тутов «варварского времени» (как пройденного этапа) занимала в их сочинениях гораздо меньше места. Другие особенности английского Просвещения были связаны с тем, что оно развивалось в условиях экономического подъема страны, укрепления новой государственности, свободной атмосферы общественной жизни. Отсюда его типичными национальными чертами стали оптимизм и практицизм.

В мировоззрении выдающегося мыслителя начального периода английского Просвещения Джона Локка в полной мере воплотились характерные для просветителей идеи. В трактате «Опыт о человеческом разумении» (1689) Дж. Локк отдает разуму первенство перед верой, утверждает, что «нельзя принять откровение, если оно противоречит ясной очевидности разума». Дж. Локк разработал теории «естественного состояния» и общественного договора, анализировал природу общества, обосновал идею народного суверенитета. Концепция государства Локка предусматривала монархию с двухпалатным парламентом, а также разделение властей. При этом он видел в парламенте олицетворение народного суверенитета. Локк придавал огромное значение этике. Он считал, что, только опираясь на моральные принципы, человек способен достичь счастья, а общество — справедливого порядка. На этике зиждется и педагогическая система Локка, преследовавшая цель воспитания полезного для общества человека. Будучи верующим, постоянно апеллируя к Творцу, Локк был и убежденным сторонником веротерпимости, но не распространял ее на английских католиков и атеистов.

В последующие десятилетия просветители опирались на идеи Дж. Локка. В области философии материалистические взгляды Локка развивали *Джон Толанд* (1670—1722), *Энтони Коллинз* (1676—1729) и другие.

3.2. Начальный этап Промышленной революции (1760—1780-е гг.)

Предпосылки революции. Мануфактуры, занимавшие ведущее положение в промышленности, производили подавляющую часть продукции (78 %), оставив позади мелкотоварное ремесло. Вместе с тем мануфактура как форма организации производства достигла предела своих возможностей — потенциал ручного труда исчерпал себя. Назрела объективная потребность в модернизации производства. Настоятельная необходимость в новой организации промышленности диктовалась повышенным спросом на промышленные товары не только для растущего экспорта (в том числе в колонии), но прежде всего в самой Англии. Внутренний рынок снабжал теперь бывших крестьян, деревенских ремесленников-кустарей, численно увеличивавшуюся категорию наемных рабочих — всех тех, кто раньше сам обеспечивал себя домотканой одеждой, самодельной обувью,

предметами повседневного обихода. Арендаторы нуждались в более совершенных сельскохозяйственных орудиях. Состоятельные слои общества по мере роста их покупательных способностей также влияли на расширение емкости внутреннего рынка.

Предпосылки для появления нового типа производства складывались постепенно, вследствие как промышленного развития, так и успехов экономики страны в целом. Разделение труда в мануфактуре, особенно централизованной, упростило производственные операции и вызвало их детальную специализацию, облегчив возможность замены ручного труда машинным. Экспериментальные единичные изобретения машин и другие усовершенствования в производстве появились уже в начале века. В 1705 г. *Т. Ньюкомен* изобрел пароатмосферную машину для подъема воды из шахт, пытаясь решить эту все еще насущную для горнодобывающей отрасли проблему. В 1733 г. *Дж. Кей* усовершенствовал ткацкий станок, снабдив его так называемым «самолетным» летучим челноком, что увеличило производительность станка во много раз. *Э. Дэрби* использовал в металлургии для плавки чугуна каменный уголь вместо древесного (1735). В 1750 г. *Б. Хентсмен* осуществил плавку стали тоже на минеральном топливе. Все это свидетельствовало о тенденции технической модернизации производства.

Аграрные преобразования также способствовали формированию необходимых предпосылок для перехода промышленности на новую стадию развития. В процессе аграрного переворота, с одной стороны, расширялся рынок необходимых для промышленности рабочих рук вследствие обезземеливания крестьян, а с другой — возрастали земельные богатства лендлордов и других состоятельных людей. Таковы были последствия продолжавшихся парламентских огораживаний. Успешному решению важной для развития промышленности проблемы накопления богатств содействовали не только результаты аграрных преобразований и подъем экономики страны, но и политика государства — эксплуатация колоний, практика государственного долга, система налогов и протекционизм. Для основания промышленного предприятия нового типа с применением машин, как показали эксперименты, требовались колоссальные средства: от 50 до 400 тыс. ф. ст.

Развитие и сущность Промышленной революции. В 1760-е гг. началась техническая модернизация промышленности, связанная с широким внедрением в производство многих машин и механизмов, сконструированных к тому времени. За три десятилетия было выдано 800 патентов на изобретения. Англия стала первой страной, где в промышленности произошла подлинная революция, закрепившая за англичанами титул «первой индустриальной нации». Исходным пунктом промышленного переворота явилось изобретение и применение машины-орудия, рабочей машины, заменяющей ручной труд. Появились также новые передаточные механизмы (трансмиссии). Ме-

ханизация отдельных отраслей протекала неравномерно, в различных темпах, и мануфактура сохранялась еще длительное время, лишь постепенно сдавая свои позиции. Неслучайно обновление производства началось в текстильной отрасли, где механизация требовала меньших капиталовложений, чем в горнодобывающем и металлургическом производстве, и обеспечивала быструю отдачу затрат. Переворот произошел прежде всего в сравнительно молодой хлопчатобумажной отрасли, в которой изначально отсутствовали цехи с их скользящей производством регламентацией.

Серия технических новшеств была применена прежде всего в прядении. В 1765 г. ткач *Дж. Харгривс* изобрел и построил механическую прядильную машину «Дженни» (так он назвал прялку по имени дочери), состоящую из 15—18 веретен и значительно увеличивавшую производительность труда. «Дженни» получила широкое распространение в стране (к концу 1780-х гг. работало более 20 тыс. таких машин). Однако эта прялка приводилась в движение все еще руками. В 1767 г. изобретатель *Т. Хайс* создал так называемую «*ватерную*» прядильную машину, работавшую с помощью двигательной силы воды. Прялка Хайса отличалась высокой производительностью, но изготовляла лишь толстую нить. Наконец, предприниматель из Ланкашира *С. Кромптон* в 1779 г. изобрел «*мюль-машину*», вырабатывавшую тонкую и прочную нить (*мюль* — сорт тонкой ткани). Распространение прядильных машин повлекло за собой изобретения в отстающем ткачестве. В 1785 г. *Э. Карптрайт* создал *механический ткацкий станок* с ножным приводом, который увеличил производительность в 40 раз. Почти одновременно с ним *Т. Белл* сконструировал машину для изготовления набивных тканей.

Важные технические открытия произошли в металлургии, работавшей уже на каменном угле. В 1784 г. *Г. Корт* изобрел прокатный стан — машину для проката фасонного металла, обеспечивавшую в 15 раз бóльшую производительность, и процесс пудлингования (получения ковкого железа). Выдающийся ученый-механик *Дж. Уатт* в 1784 г. получил патент на изобретение нового двигателя — универсальной *паровой машины*, постепенно вытеснившей водяной двигатель. Паровой двигатель Дж. Уатта сыграл ключевую роль в переходе промышленности на новую техническую базу.

Внедрение машин потребовало новой организации промышленности. Появились фабрики (некоторые современники называли их «машинофактурами»). Фабрика (или завод, часто в тяжелой промышленности) была оснащена серией однотипных (например, ткацких) либо разнородных рабочих машин. Непременные компоненты фабрики — это механический двигатель, приводивший в движение все машины и передаточные механизмы. Первую фабрику (прядильню) в 1770-е гг. близ города Дэрби основал *Р. Аркрайт*. Уже в 1780-е гг. в стране работало около полутораста текстильных фабрик — складывалась фабричная система. Модернизация привела к

значительному росту производства и торговли. Так, в 1764 г. в Англию было ввезено 4 млн фунтов хлопка для выработки тканей, а в 1780-е гг. импорт составлял почти 33 млн фунтов. Каменного угля было добыто в 1750 г. 5 млн т, а к концу 1780-х гг. ежегодно добывалось вдвое больше. Производство чугуна с 1720 по 1788 г. выросло в 3 раза.

Промышленный переворот повлиял на социальную структуру общества. Фабричная система вобрала в себя и объединила пеструю массу наемных работников из числа бывших крестьян, разорившихся ремесленников, лавочников. Все они были лишены средств существования и возможности самостоятельно трудиться, а на централизованных фабричных предприятиях попадали в одинаковые условия. В стране быстро и в крупных масштабах шел процесс концентрации наемного труда, формировалась новая общность производителей — *фабрично-заводской рабочий класс*. Р. Аркрайт в 1770-е гг. нанимал 300 рабочих, в 1780-е гг. — уже 650. Большие фабрики могли использовать более 2 тыс. рабочих. Динамично протекавшая Промышленная революция создала в Англии многочисленный пролетариат, который к концу 1780-х гг. насчитывал 1,5—2 млн человек. Возникновение фабричной системы изменило и облик буржуазии. Место прежнего мануфактуриста, связанного с системой рассеянных мануфактур, занял *фабрикант*. Формировалась численно возрастающая промышленная буржуазия, в ходе обновления производства впервые заявившая о себе как об особой социальной категории. Фабриканты происходили из разных слоев общества: были среди них лендлорды, епископы, купцы, финансисты — все, кто имел средства и считал для себя выгодным приобщиться к динамично и перспективно растущему промышленному производству. Ряды промышленной буржуазии пополняли предприимчивые диссентеры (особенно квакеры). Лишенные гражданских и политических прав, они интенсивно занимались предпринимательством. Капиталы преуспевающих фабрикантов неуклонно росли. Кроме формирования рабочего класса и класса фабрикантов промышленный переворот привел также к ускоренному разорению мелких самостоятельных производителей — городских и сельских ремесленников. Промышленная революция означала радикальную ломку традиционных технических основ и социальных отношений, базисом которых было ручное производство.

В период начавшейся Промышленной революции *Адам Смит* (1724—1790) — один из основоположников классической политической экономии вслед за *У. Петти* (1623—1687) разрабатывал *трудовую теорию стоимости*. А. Смит был создателем социологического, правового, исторического учений, он начал свою научную деятельность как профессор логики и морали. В 1776 г. Смит опубликовал «*Исследование о природе и причинах богатства народов*», где впервые в истории научной мысли был предпринят анализ современного ученому общества и его экономических основ. Смит придавал

решающее значение техническому прогрессу, развитию всех производственных возможностей, конкуренции как «великому рычагу гармонии». Центральной фигурой для него являлся производитель — промышленник-предприниматель, носитель общественного прогресса, суть которого Смит видел в накоплении капитала.

Последствия модернизации. К концу 1780-х гг. обозначился результат демографического взрыва: население страны за 30 лет увеличилось с 6,5 до 8 млн человек. Численность жителей промышленных городов (Манчестера, Бирмингема, Шеффилда) возросла в 2—3 раза. Теперь почти четверть населения жила в городах. Облик страны быстро менялся: она покрывалась индустриальными трубами и доменными печами, дорогами с жестким покрытием (щебнем), сетью каналов, чугунными мостами (наряду с прежними — каменными). Возникли целые районы фабричного производства: северо-запад с хлопчатобумажной промышленностью, центральный — с металлургией и металлообработкой. Радикальное отделение промышленности от сельского хозяйства завершило многовековое формирование внутреннего рынка, что чрезвычайно активизировало торговую деятельность. Ранее размеренный ход хозяйственной жизни сменился растущим оживлением. Результатом Промышленной революции явилось огромное по тем временам увеличение производства. Современник писал англичанину на континент: «Ты не узнал бы теперь своей страны... Ты нашел бы ее центром мира».

В то же время модернизация экономики обусловила рост социальных контрастов. Фабричная система внесла много нового в положение тружеников, применение машин на фабриках подчинило рабочих монотонному ритму механизированного производства в душных помещениях под контролем хозяйского надсмотрщика и сопровождалось усиленной интенсификацией труда. Бесперебойная в производстве машина позволяла хозяину удлинять рабочий день до 15—18 часов. С появлением газового освещения вошла в практику ночная работа. Нормой стало широкое использование низкооплачиваемого женского и детского труда. Штрафы взимались за малейшее нарушение фабричной дисциплины. Введение все новых машин приводило к увольнению рабочих, которые пополняли армию безработных. Для фабричных рабочих типичным стало подчинение новым промышленным порядкам из страха перед голодом, изгнанием, тюремным заключением в случае неповиновения.

В то же время в ходе Промышленной революции началось рабочее движение фабричного пролетариата, который стал цементирующей частью разноликой массы наемных тружеников еще сохранявшихся мануфактур, ремесленных мастерских, поденщиков. Борьба пролетариата носила экономический характер, ее целями были повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Она принимала форму стачек, подачи петиций в органы власти, демонстраций протеста против тяжелых условий труда и существования. Соци-

альный протест достигал крайней степени в выступлениях фабричных и других рабочих против машин и фабрик. Это движение получило название *луддизм* (по имени легендарного подмастерья *Неда Лудда*, который якобы первым сломал свой станок). Луддиты поджигали фабрики, ломали машины, причиняли ущерб фабричному оборудованию. В 1769 г. парламент принял первый закон против разрушителей машин. Одновременно на базе обществ взаимопомощи рабочих и их клубов возникли профессиональные союзы — *тред-юнионы*. В среде рабочих, как писал современник, «царил всеобщий дух объединения». Рабочие-текстильщики организовали свои союзы раньше других. Постепенно устанавливались контакты между тред-юнионами одной профессии. Так, совместно действовали тред-юнионы ткачей Манчестера, тред-юнионы шляпников Лондона, прядельщиков Ланкашира.

Начавшаяся в 1760-е гг. Промышленная революция со свойственными ей глубокими техническими и социальными сдвигами растянулась во времени почти на столетие (до 1830—1840-х гг.).

3.3. Политические процессы в 1760—1780-е гг.

Правление Георга III. Восшествие на престол *Георга III* (1760—1820), внука Георга II, имело серьезные последствия для политической жизни Англии. В стране почти полвека (с 1714 г.) господствовали виги, и оппозиция их власти оформилась не только среди тори, но и в широких общественных кругах. «Верховенство вигов», которые «мертвой хваткой» держали в своих руках управление страной, выявило неприглядные черты их политики. Расцвет коррупции, казнокрадство, воинственная внешняя политика и, как следствие, рост государственного долга и усиленное налогообложение — все это вызывало глубокое недовольство вигами во всех слоях населения. Торийской оппозиции это было на руку, и она обрушивала на вигов сокрушительную критику.

Молодой 22-летний Георг III, первый из королей Ганноверской династии, зарекомендовал себя как истинно английский правитель. Энергичный и упорный, он, в отличие от прежних Георгов, желал реально править, а не просто занимать престол. Георг III заговорил, наконец, с подданными по-английски, стал посещать заседания правительства. Более того, своими неординарными политическими действиями он вновь воскресил, казалось, уже решенную проблему соотношения прерогативы короля и полномочий парламента. Опираясь на тори, Георг III попытался править самостоятельно, пренебрегая установившимися политическими традициями. В 1762 г. король вопреки парламентской практике самовольно сместил кабинет вигов и сформировал новое правительство, не имевшее большинства в парламенте, — *правительство королевских друзей*. Его возглавил

тори лорд Бьют, который даже не был членом парламента. Часть депутатов начала кампанию против действий короля и его правительства, против «дворцовой революции». Среди них своей активностью выделился журналист *Джон Уилкс*. В 1763 г. в № 45 газеты «Северный британец» он подверг критике тронную речь короля, что выглядело невиданной смелостью. Дж. Уилкс поднял вопрос о прерогативе короны, отстаивал права парламента и резко выступил против нового правительства и олигархического режима. Георг III в нарушение конституции приказал заключить Уилкса (депутата парламента) в тюрьму. Как жертву королевского произвола Уилкса поддержало население, особенно жители Лондона. В прессе и на митингах звучал лозунг «Уилкс и свобода!». В стране нарастала внепарламентская оппозиция не только действиям короля, но и в целом господству олигархии. «Повсюду царили возмущение и беспорядок», — констатировал современник. Освобожденный из заключения Уилкс вынужден был на время эмигрировать из Англии.

Правительство Бьюта продержалось до 1763 г.; виги не сразу утратили свое политическое первенство, их кабинеты до 1770 г. четырежды приходили к власти, после чего надолго (до 1830 г.) наступил торийский период правления. Необычное поведение Георга III, рецидив самоуправства короля трактуются историками (вслед за современниками) по-разному. Одни объясняют это неустойчивой психикой короля, который страдал периодическими приступами душевной болезни, другие — попыткой возродить абсолютизм. В действительности Георг III стремился склонить в пользу короны устоявшееся равновесие «король — парламента», ограничив чрезмерно возросшую при вигах роль парламента. Впоследствии Георг III правил как конституционный монарх (с 1811 г. при регенте), т. е. в рамках законов, определявших полномочия парламента, и не выходил за рамки своих прерогатив как главы исполнительной власти.

Движение радикализма. События, ознаменовавшие начало правления Георга III, выявили наличие в стране нового политического фактора — самостоятельной позиции буржуазии (*среднего класса* по терминологии англичан). Эту позицию открыто выражал журналист Дж. Уилкс, который по возвращении из эмиграции критиковал олигархию и настаивал на «абсолютной необходимости создания новой системы» государственного устройства, учитывавшей интересы буржуазии. Экономически крепнущая в ходе промышленного переворота буржуазия была главным оппонентом режима олигархии. Средний класс выдвигал в политической сфере требования проведения реформы парламента, изменения избирательного права и предоставления мест в палате общин. В экономической сфере — требование беспрепятственной свободы торговли (*фритреда*) и устранения барьеров протекционизма, поскольку буржуазия осознавала свою экономическую силу и не боялась конкуренции на внешних рынках. На первый план политической жизни вышла проблема не-

соответствия господства олигархии, двух ее партий, потребностям предпринимательской деятельности. Политически пробуждавшаяся буржуазия требовала демократизации государственного строя и вызвала к жизни самостоятельное движение среднего класса — *радикализм*.

Ярким представителем радикализма стал Дж. Уилкс. С 1768 г. он трижды избирался в парламент от столичного графства Миддлсекс, но олигархическое большинство парламента каждый раз отказывалось признать его депутатом. В Лондоне сторонники Уилкса устраивали массовые демонстрации в его поддержку. Лишь в 1771 г. Дж. Уилкс занял место в палате общин. Идеи радикалов нашли выражение в «*Письмах Юниуса*» — анонимно изданных в конце 1760-х гг. памфлетах, которые в течение трех лет будоражили общество. В них критиковалось господство олигархии, разоблачались коррупция, беспринципность парламента, интриги депутатов. Автор памфлетов требовал реформы избирательной системы, предоставления права голоса средним слоям. Радикалы создавали свои общества, главной целью которых была борьба за избирательную реформу: «*Общество защитников Билля о правах*» (1769) возглавил Дж. Хорн Тук; «*Общество Дж. Картрайта*» (1775) добивалось реформы парламента; «*Общество конституционной информации*» образовали совместно Хорн Тук и Картрайт. Радикалы руководили оппозиционными кампаниями, политическими митингами, которые впервые вошли в практику в стране, привлекая широкие массы ремесленников, лавочников, рабочих, испытывавших на себе негативные последствия промышленного переворота.

К движению радикалов примыкали также диссентеры. Количество их общин к этому времени увеличилось. Наряду со старыми диссентерами — пресвитерианами, индепендентами, квакерами, баптистами и др. появились новые — *методисты*. «Отпочковавшаяся» от государственной, но близкая по догматике к англиканству, методистская церковь, основанная *Дж. Уэсли*, стала первой строго централизованной организацией религиозных общин диссентеров. Общая численность диссентеров в Англии достигла тогда более полумиллиона человек. Большинство их принадлежало к среднему классу, квалифицированным ремесленникам, преуспевающим торговцам. Современники отмечали значимую роль диссентеров в «открытии индустриальных новшеств», считали их людьми нового времени. Однако в религиозном отношении диссентеры оставались ущемленными. Приобретенные вигским законодательством 1727 г., они в период торийских кабинетов, в 1780-е гг., остро ощутили свое юридическое, политическое и гражданское неполноправие. Диссентерам приходилось дважды венчаться при вступлении в брак: сначала в своей церкви, затем в англиканской. То же относилось к процедуре крещения. Диссентеров заставляли платить десятину на содержание государственной церкви. Они не имели избирательных прав, не могли учить-

ся в престижных учебных заведениях, нести военную службу. Добиваясь равноправия, диссентеры создали объединенные организации разных вероисповеданий и пытались разрешить свои проблемы в рамках движения радикалов, близких им по политическим задачам.

Размежевание в политических группировках. Виги и тори не могли не реагировать на зарождение и бурное проявление движения радикалов, которое грозило перспективой появления серьезного политического конкурента. Среди вигов и тори нашлись дальновидные политики, трезво воспринимавшие новую политическую ситуацию. Их первоочередной заботой стало расширение своей социальной базы, привлечение на свою сторону среднего класса. Группировку вигов серьезно лихорадило под напором критики со стороны короля и тори. В их среде развернулась борьба за лидерство и доходные посты. Ощущалась безотлагательная необходимость выработать тактику, учитывающую новый фактор — ширящееся движение радикалов. Образовалась группа «левых вигов», которую возглавили видные политические деятели депутаты *Ч. Фокс* и *Р. Шеридан*, драматург-просветитель и блестящий парламентский оратор. «Левые виги» склонялись к проведению парламентской реформы и предоставлению среднему классу избирательных прав.

Среди тори выделилось крыло *молодых тори*, лидером которых и главой правительства на долгое время (1783 — 1801, 1804 — 1806) стал *У. Питт-младший*, талантливый прозорливый политик, отличавшийся тактической гибкостью и решительностью. Благодаря своим личным качествам — исключительной работоспособности, дару убеждения, умению привлечь к себе даже прежних недругов и, главное, полной отдаче себя делу — У. Питт-младший нашел общий язык с Георгом III и приступил в 1785 г. к «реконструкции и реформам» государственного управления и финансов. Его кабинет укрепил таможенную службу, ввел практику утверждения гражданского листа монарха, учредил фонд погашения государственного долга, на треть повысил доходы страны. За У. Питтом-младшим упрочилась слава наиболее выдающегося из всех британских премьеров XVIII в. Молодые тори выступали и против вигов, и против *ортодоксальных тори*. Стремясь расширить свою социальную базу, тори предложили в 1785 г. Билль об избирательной реформе, предполагавшей перераспределение избирательных округов в пользу крупных промышленных центров и ликвидацию 36 «гнилых местечек». Однако билль был отклонен парламентом. Зато тори преуспели в другом: в 1786 г. они в интересах среднего класса добились заключения договора с Францией о принципах свободной торговли.

Англия в период освободительной борьбы ее колоний в Северной Америке. Война североамериканских колоний за независимость, за отделение от метрополии (1775 — 1783) укрепляла оппозицию в самой Англии. Радикалы солидаризировались с колонистами. Дж. Уилкс был объявлен американцами «поборником американской

свободы», а радикалы — их естественными союзниками. Английские просветители также поддержали сопротивление американцев «деспотизму метрополии». *Т. Пейн* отправился в Америку и опубликовал там в 1776 г. прозвучавший набатом памфлет «*Здравый смысл*», в котором призывал американцев сбросить власть английской монархии. В защиту американцев выступили *левые виги*. Даже некоторые стойкие приверженцы олигархической системы Англии, каким был, например, просветитель *Э. Бёрк*, оправдывали борьбу американцев, считая колониальную политику англичан «позором, бедствием и падением Англии». Выступления в Англии против войны с колониями сочетались с борьбой английского народа против олигархии. Во время войны открыто проявилось недовольство населения властями: подавались многочисленные петиции протеста, устраивались митинги.

Правительство прибегло к репрессиям: полиция, армия, суды были мобилизованы против оппозиционных сил. Торжество американцев, отстоявших свободу от метрополии и добившихся самостоятельности, разделяли поддерживающие их англичане. Отпадение колоний было чувствительным ударом по правящему режиму Англии. Общественность сосредоточилась на колониальной проблеме, некоторые англичане с тревогой воспринимали поражение в Северной Америке как начало конца колониального могущества Британии. Власти же выработывали новую тактику в колониальной политике. С одной стороны, последовали частичные уступки отдельным колониям, с другой — активизировалась колониальная экспансия. Потеря североамериканских колоний в какой-то мере восполнялась интенсивной эксплуатацией Индии. В 1784 г. правительство У. Питта-младшего провело реформу управления Индией, чего настойчиво добивалась английская буржуазия, выступавшая против бесконтрольного хозяйничанья Ост-Индской компании в колонии и претендовавшая на участие в прибылях, поступавших из Индии. Согласно реформе был создан правительственный Совет, состоявший из 6 членов и 3 директоров, глава правительства назначал генерал-губернатора Индии, а Ост-Индская компания могла иметь лишь 10 % дивидендов от эксплуатации колонии. С 1788 г. Англия приступила к колонизации пятого континента — Австралии. Было основано *первое английское поселение* (будущий город Сидней), а затем *первая колония* — Новый Южный Уэльс.

В Ирландии с 1692 г. действовал *Карательный кодекс*, по которому жестоко преследовались ирландцы-католики и практиковался захват земель крестьян. Естественной реакцией населения был новый подъем освободительной борьбы против английских лендлордов, осевших в колонии. В 1762 и 1772 гг. в Ирландии вспыхнули крестьянские восстания. Ирландцы сочувственно восприняли борьбу американцев, солидаризировались с ними, что серьезно беспокоило правящую олигархию. Результатом стало смягчение властями Англии

Карательного кодекса. В 1783 г. вступил в силу *Акт об отречении*, по которому парламенту Ирландии была предоставлена автономия (до этого по закону Пойнингса 1495 г. ирландский парламент являлся филиалом английского парламента). Кроме того, в колонии вводилась самостоятельность судебных органов. После устранения в середине века угрозы якобитизма, проживавшие в Англии католики (их насчитывалось до 57 тыс. человек) получили некоторые уступки. В 1778 г. им разрешено было совершать богослужение по католическому обряду (всего в стране было 367 католических приходов), а также иметь земельную собственность и передавать ее по наследству.

Образование. В условиях экономического роста увеличивался спрос на грамотных, более образованных людей, возросла заинтересованность в развитии обучения со стороны состоятельных слоев общества, которые с этой целью усиленно занимались благотворительностью, вкладывая средства в основание новых и переоборудование действующих школ. Уровень грамотности населения постепенно повышался, но государственной системы образования не существовало. Широкая сеть приходских благотворительных грамматических школ, существовавшая в Англии под надзором церкви, обеспечивала детям основы начального образования — изучение родного языка и Священного писания. Кроме того, существовали частные специализированные школы (с ремесленным уклоном, певческие и т. д.) прежде всего для детей из диссентерских семей. Среднее гуманитарное образование давали привилегированные классические колледжи (Винчестер, Итон), где изучались древние языки и произведения античных авторов. Выпускники этих колледжей часто продолжали учебу в университетах Кембриджа и Оксфорда.

4.1. Социально-экономическое развитие страны

Демографические процессы. В течение XVIII в. численность населения Франции выросла с 21 — 22 до 27 — 28 млн человек (примерно на 30 %). При этом территория страны существенно не увеличилась, как и рождаемость: прирост населения обеспечило снижение смертности, что произошло благодаря сочетанию многих факторов. В XVIII в. короли Франции вели меньше войн, чем в XVII в., и военные действия разворачивались в основном за пределами французской территории. Постепенно стали смягчаться свирепствовавшие в прошлом массовые голодовки. Правда, голод и в XVIII в. оставался повседневной реальностью для большинства населения Франции; современник насчитал 16 голодовок за столетие в масштабах всей страны, но, как правило, они носили более локальный и менее разрушительный характер, чем прежде. На протяжении большей части XVIII в. климатические условия были достаточно благоприятными и обеспечивали относительно стабильные урожаи, поэтому производство продуктов питания не отставало от роста населения. К тому же и правительство принимало меры: контролировало цены на зерно, посылало продовольствие в голодающие провинции, а местные власти делали запасы зерна и распределяли продукты в неурожайные годы. Отступали и эпидемии. *Последняя вспышка чумы* на территории Франции была отмечена в 1720 — 1721 гг. в Марселе, и местной администрации с помощью армии удалось ее локализовать. Но по-прежнему часто случались эпидемии тифа, дизентерии, оспы. Бороться с ними помогали постепенный прогресс гигиены и успехи медицины, в частности *начало оспопрививания* (во Франции оно впервые было осуществлено в 1754 г.). Развитие акушерства и распространение медицинской помощи при родах способствовали снижению младенческой и женской смертности. Общий рост населения сопровождался постепенной урбанизацией, и в результате доля городского населения с 1720-х по 1789 г. возросла с 16 до 19 %.

Ускорившийся демографический рост был неравномерным как во времени, так и в пространстве. В частности, высокой смертностью был отмечен холодный и неурожайный период конца 1730-х — начала 1740-х гг. Население некоторых провинций, например Бретани, в течение века почти не выросло. Не удивительно поэтому, что многие современники не замечали общего ускорения темпов прироста

населения. Напротив, они утверждали, что французская нация «вырождается». Катастрофическое состояние экономики и обусловленное этим сокращение численности населения стали в XVIII в. расхожими темами антиправительственной публицистики.

Экономическая конъюнктура. 1720—1770-е гг. в Европе были временем экономического роста, подъема промышленности и торговли. По оценкам историков, с начала XVIII в. до предреволюционных лет во Франции объем промышленного и ремесленного производства вырос втрое, среднегодовой прирост составлял 1 % (против 1,17 % в Англии). По темпам роста производства в некоторых передовых отраслях — таких как хлопчатобумажная промышленность и металлургия — Франция даже обгоняла Англию. Франция превосходила Англию и по темпам роста внешней торговли, но не по общему ее объему. Общий объем сельскохозяйственного производства с 1720-х гг. возрос, по разным оценкам, на 25—40 %. Демографический подъем стимулировал высокий спрос на продукты питания, что вело к росту цен. С 1720-х до 1780-х гг. стоимость жизни возросла на 45 %. Заработная плата также росла, хотя и не так быстро, как цены.

Франция предпринимателей. Формы организации промышленного производства были разнообразными. Сохранялось традиционное ремесло. Ремесленники производили товары, рассчитанные на нужды жителей своего города и округи. В то же время Франция далеко продвинулась по пути капиталистического развития. В целом ряде отраслей утвердилось крупное производство, которое не только удовлетворяло потребности местных жителей, но и работало на вывоз. Оно существовало в двух видах. Имелись *централизованные мануфактуры*: металлургические, бумажные, производящие предметы роскоши (шелковые, бархатные и парчовые ткани, мебель, фарфор, хрусталь, гобелены, парфюмерию). Большая же часть крупного производства представляла собой рассеянную мануфактуру. Мануфактуристы доставали сырье и раздавали его работникам, которые трудились на дому или в маленьких мастерских вручную, используя самый простой инвентарь. Затем мануфактурист забирал готовую продукцию, расплачивался с работниками, продавал их изделия и получал прибыль. Так в основном было организовано, например, текстильное производство. Многие надомники, работавшие на мануфактуриста, жили в деревне. Для малоземельных крестьян это стало основным источником пропитания, а не сельское хозяйство. Такая система существовала во Франции и раньше, но в XVIII в. она особенно широко распространилась и обеспечивала рост производства.

Подъем проявился в разных отраслях промышленности и в разных провинциях в неравной мере. Прирост традиционных суконного и полотняного производства был в целом умеренным, а в некоторых провинциях и городах эти отрасли даже пришли в упадок. Шелко-

ткачество в Туре почти совсем остановилось, в другом крупном центре — Лионе развивалось средними темпами, а в Ниме переживало подъем. Особенно процветала новая отрасль текстильного производства — изготовление вошедших в моду во второй половине XVIII в. набивных ситцевых тканей. Число предприятий, специализировавшихся на выпуске этого вида продукции, выросло от 40 в начале 1760-х гг. до более чем 170 к 1789 г. В силу своей новизны данная отрасль не знала цеховой организации ремесла. В ней легко применялись технические новшества, получили широкое распространение централизованные ткацкие и ситценабивные мануфактуры. Примером может служить находившаяся недалеко от Версаля мануфактура Оберкампа, на которой в 1780 г. трудились 900 рабочих. Значительная часть производимых хлопчатобумажных тканей шла на изготовление занавесок для окон и кроватей, а также носовых платков, превратившихся в XVIII в. в предмет массового потребления. Ситценабивное производство стало важным элементом колониальной («треугольной») торговли, так как яркие разноцветные ткани пользовались большим спросом у вождей африканских племен, поставлявших «живой товар» французским работарговам.

Во второй половине XVIII в. в текстильном производстве появились зачатки механизации, стали использовать английские машины. Однако их применение было скорее исключением, чем правилом. В 1789 г. во Франции насчитывалось приблизительно 900 прялок «Дженни» (в Англии в то же время — 20 000).

Еще более высокими темпами развивались добывающая промышленность и металлургия. Добыча угля в XVIII в. выросла в среднем на 700—800 %. Компания Анзенских угольных копей на севере Франции за полвека увеличила производство втрое; в 1789 г. она нанимала 4 000 рабочих. На металлургическом заводе акционерного общества в Ле Крезе было занято 600 рабочих, выплавка там производилась в доменных печах на каменном угле, для приведения в действие мехов использовались паровые машины. С середины XVIII в. до 1789 г. выплавка чугуна выросла более чем втрое, а выплавка железа — вдвое и к концу 1780-х гг. достигала 60 тыс. т в год, что приближалось к английским показателям (в Великобритании в те же годы выплавлялось примерно 63 тыс. т железа).

Однако в целом по стране крупные текстильные и металлургические предприятия, на которых применялись передовые методы производства, были в явном меньшинстве. Количественно в текстильной промышленности преобладало ручное надомное производство, а в металлургии — плавильные печи старого типа, работавшие на древесном угле. Франция стояла на пороге промышленного переворота, но он еще не начался.

Увеличение производства и населения вело к росту торговли. Крупные города Франции связывала сеть хороших дорог, за состоянием которых следило государство. За пределы страны большая часть

товаров вывозилась и ввозилась по морю, через главные портовые города Бордо, Нант и Марсель. Французские купцы активно торговали с европейскими странами. Они вывозили ткани, сукно, вина, предметы роскоши, иногда — зерно и сахар; в Северной Европе покупали лен, пеньку, железо, смолу и лес, в Азии — хлопок, фарфор и пряности.

Со временем все большее значение приобретала колониальная торговля, особенно с колониями на Антильских островах в Вест-Индии. В XVIII в. она стала развиваться гораздо быстрее, чем торговля с Европой. С 1715 по 1789 г. объем французской внешней торговли возрос в 5 раз, при этом доля в нем колониальной торговли увеличилась с четверти до половины. В американские колонии французы везли продовольствие, изделия мануфактур и негров-рабов из Африки для работы на плантациях. С плантаций на Антильских островах во Францию поставляли сахарный тростник, какао, кофе, красители.

Рост промышленности и торговли сдерживался сохранением цеховой системы, внутренних таможен и привилегий.

Крестьянская Франция. Франция XVIII в. была преимущественно аграрной страной. Подавляющее большинство ее населения (примерно 18—19 млн человек в конце века) составляли крестьяне. Постепенно росли специализация и товарность сельского хозяйства.

Во французском обществе распространилась «мода» на сельское хозяйство. Публиковались книги по агрономии (во второй половине XVIII в. вышло 1105 наименований такой литературы против 96 в первой половине века), создавались сельскохозяйственные общества и кружки. Правительство поощряло этот интерес, но больших перемен он не принес. Важным новшеством было только распространение картофеля, который к концу XVIII в. превратился в обычную повседневную пищу в крестьянских семьях. На юге страны появились посевы кукурузы, используемой в основном в качестве кормовой культуры. Существенные улучшения затронули виноградарство; высококачественные вина из Бургундии и района Бордо завоевали Париж и европейский рынок. При этом техника сельскохозяйственного производства изменилась мало, что было связано в первую очередь с нехваткой капиталов в аграрной сфере. Сеньоры-дворяне расходовали ренты преимущественно на личные нужды. Богатые крестьяне и сеньоры-буржуа предпочитали вкладывать капиталы не в модернизацию производства, а в приобретение земель и покупку государственных должностей, являвшихся ступенькой на пути в дворянское сословие.

Начиная с середины XVIII в. правительство, следуя передовым агрономическим теориям своего времени и заботясь об увеличении налоговых поступлений, стремилось сделать сельское хозяйство более эффективным. Оно поощряло распашку пустующих земель, предоставляя за это налоговые льготы. Правда, отсутствовало четкое

определение, какие земли следует считать пустующими. Как правило, пустоши были общинными землями и использовались для выпаса скота. Сеньоры стали предъявлять права на часть общинных земель, что вызывало недовольство крестьян. Таким образом новые правительственные меры создавали почву для конфликтов. Что касается их реальной экономической отдачи, то она сильно различалась в отдельных провинциях. В среднем по стране, по оценкам историков, распаханные пустоши составили примерно 2,5 % обрабатываемых земель.

Дробление цензивы в условиях демографического роста усугубило проблему малоземелья. Малые размеры наделов вынуждали многих крестьян арендовать землю, так что большинство крестьян-цензитариев являлись одновременно мелкими арендаторами. Самим крестьянам доставалась лишь малая доля результатов их труда. Значительную часть они отдавали в виде налогов королю, повинностей сеньору, арендной платы и церковной десятины. Из оставшегося примерно третья часть приходилась на семенной хлеб. В результате у подавляющего большинства земледельцев, за исключением богатых крестьян и капиталистических фермеров, оставался лишь прожиточный минимум. Рост цен на хлеб в голодные годы приносил выгоду только крупным землевладельцам и торговцам, но не большинству крестьян, у которых не было излишков хлеба на продажу.

Во французской деревне сохранялись феодально-сеньориальные порядки и условный характер крестьянского держания. При этом во Франции сосуществовали разные типы аграрных отношений. В зерновых районах севера преобладала капиталистическая, фермерская аренда. На юге, в условиях традиционной средиземноморской поликультуры, сохранялась испольтщина; здесь хозяйство велось преимущественно силами членов крестьянской семьи и масштабы применения наемного труда были невелики. Размеры феодально-сеньориальных платежей сильно менялись от одной местности к другой. В некоторых провинциях (например, Бретани, Бургундии, Лимузене, Оверни) эти платежи были велики и многочисленны, что могло тормозить развитие крестьянского хозяйства. Кроме того, в некоторых провинциях сохранялись серваж и право «мертвой руки». Крестьяне, на которых они распространялись, платили сеньору особые повинности и были ограничены в праве наследования земельного надела. Известен также целый ряд относящихся к 1770—1780-м гг. примеров того, как сеньоры предпринимали архивные розыски с целью увеличить свои доходы за счет восстановления старых, забытых крестьянских повинностей. В историографии это явление получило название *феодальной, или сеньориальной, реакции*. Вместе с тем в областях с передовым сельским хозяйством сеньоры сдавали свои земли в крупную аренду, так что в рамках сеньории там широко применялся наемный труд и развивалось капиталистическое фермерство.

Бунты и беспорядки. XVIII в. был в основном спокойным и благополучным; вплоть до предреволюционных лет не отмечалось крупных народных восстаний. Вместе с тем в отдельных городах и провинциях то и дело вспыхивали локальные волнения и беспорядки, которые чаще всего были спровоцированы дороговизной хлеба в неурожайные годы.

В XVIII в. в результате малоземелья крестьянства, специализации сельского хозяйства, роста городского населения, занятости крестьян на расseyанной мануфактуре остро встала проблема продовольствия. И крестьяне, и трудовое население городов боролись за дешевый хлеб, составлявший в то время для большинства людей основу рациона питания. Преобладающей формой народного протеста стал *хлебный бунт*.

В ходе бунта его участники грабили булочные или осуществляли принудительную таксацию, заставляя торговцев продавать хлеб по низкой цене. В 1780-е гг. хлебные бунты в деревнях зачастую были направлены уже не против торговцев, а против сеньоров, которых восставшие обвиняли в утаивании запасов зерна.

4.2. Регентство (1715—1723)

Великий король Людовик XIV оставил тяжкое наследство своему преемнику. Длительные войны подорвали силы государства. Управлять страной при несовершеннолетнем Людовике XV стал назначенный регентом племянник покойного короля *Филипп II, герцог Орлеанский* (1674—1723). Согласно завещанию Людовика XIV, был образован регентский совет под председательством герцога Орлеанского и все решения полагалось принимать на совете большинством голосов.

Регент не мог согласиться с таким ограничением своих полномочий и в 1715 г. получил от Парижского парламента согласие опротестовать завещание Людовика XIV. За это он отменил королевский указ 1673 г., запрещавший парламентам подавать ремонстрации до регистрации закона, и восстановил парламенты в их прежних полномочиях. Результатом этой сделки стало оживление парламентской оппозиции.

Многие современники и историки не скупались на критику в адрес герцога Орлеанского и его политики. Регенту особенно ставили в вину распушенность нравов, царившую при дворе, пренебрежение к нормам религии и морали. Однако в современной историографии регентство Филиппа II Орлеанского подверглось переоценке. Обычно в истории Франции периоды регентства сопровождались ожесточенной борьбой за власть и политической нестабильностью, а герцог Орлеанский сумел передать Людовику XV королевство более сильным во внутри- и внешнеполитическом отношении, нежели сам

получил его после смерти Людовика XIV. Так как Франция была ослаблена длительными войнами, регент проводил миролюбивую внешнюю политику и заключил союзы с Великобританией и Голландией. В религиозной сфере герцог Орлеанский проявлял терпимость, и преследования янсенистов временно затихли.

Главной проблемой, которую пришлось решать регенту, было катастрофическое состояние финансов. Ж.-Б. Кольберу в свое время удалось сбалансировать бюджет, но войны Людовика XIV повлекли за собой неуклонное ухудшение состояния финансов. Дефицит бюджета нарастал. Чтобы оплатить расходы на войны Людовика XIV, государство постоянно брало займы, и теперь пришло время возвращать долги, а денег на их уплату в королевской казне не было. К 1715 г. государственный долг достиг примерно 2 млрд ливров, и государство оказалось на грани банкротства.

В затруднительном положении регент прислушался к советам шотландца *Джона Лоу*, изучавшего банковское дело в Англии и Голландии и прославившегося сочинением о развитии финансов и торговли. Дж. Лоу предложил оригинальное решение проблемы: выпустить банковские билеты, которые имели бы хождение наравне с металлическими деньгами. Он считал, что, получив на руки удобные в обращении банковские билеты, люди станут больше покупать и продавать, это оживит экономику и поможет государству преодолеть трудности. Фактически он предлагал ввести в обращение бумажные деньги, которых во Франции еще не знали.

Регент согласился на эксперимент, и в 1716 г. Лоу при поддержке государства учредил частный акционерный банк. Выпускаемые билеты стали пользоваться большим спросом. Затем Лоу основал компанию, которая получила монопольные права на торговлю с Луизианой и другими колониями в Новом Свете, с Индией, Китаем и Сенегалом. Компания начала выпускать и продавать акции, дававшие право на участие в прибылях от колониальной торговли. Акции имели успех и раскупались очень быстро, их цена росла. Лоу заручился поддержкой правительства и занял пост генерального контролера финансов, а его банк в 1718 г. получил статус королевского. Как и предполагал Лоу, финансовые и торговые операции оживились.

Однако успех вскружил голову предприимчивому банкиру. Он выпустил банковских билетов и акций на сумму, которая в несколько раз превышала имевшиеся у государства запасы золота и серебра и возможные прибыли от торговли с колониями. Сказались также интриги банкиров-конкурентов, распространявших враждебные Лоу слухи. В начале 1720 г. в обществе зародилось беспокойство, которое быстро переросло в настоящую панику. Все старались сбыть с рук «бумажки», обменяв их на металлические деньги. Запасы звонкой монеты были быстро исчерпаны, и пришлось объявить о банкротстве. В результате краха банка сам Лоу разорился и бежал за грани-

цу. Эксперимент продолжался 2 года, и его последствия были неоднозначны. Некоторые сумели быстро нажать огромные состояния. Другие же — и таких было гораздо больше — разорились, поддавшись первоначальному ажиотажу. Система Лоу стимулировала подъем торговли и предпринимательства. Государство извлекло временную выгоду из этой операции, потому что сумело расплатиться бумажными деньгами со своими кредиторами. В то же время после краха банка Лоу во французском обществе надолго укоренилось недоверие к бумажным деньгам, и их не пытались снова ввести в оборот вплоть до конца XVIII в. Неудавшийся эксперимент Дж. Лоу, таким образом, надолго задержал развитие банковской системы во Франции.

4.3. Правление Людовика XV

Борьба правительства против янсенистов. Одной из главных забот правительства в первой половине — середине XVIII в. была борьба с янсенистами, фактически представлявшими собой не только религиозную, но и политическую оппозицию. Они подвергали яростным нападкам орден иезуитов и боролись против признания на территории Франции антиянсенистской папской буллы. В этой борьбе их поддерживали парламенты. Священники, епископы и аббаты, заподозренные в янсенизме, приказом короля лишались права служить, их отправляли в ссылку. В начале 1750-х гг., по распоряжению официального епископата, приверженцам янсенизма стали отказывать в последнем причастии перед смертью, что вызвало сильное возмущение в обществе. Янсенисты, со своей стороны, критиковали произвол правительства и умело воздействовали на общественное мнение. Они подпольно издавали газету *«Нувельз эклезиастик»* (*«Церковные новости»*), в которой публиковались богословские сочинения, политические новости, многочисленные свидетельства жертв произвола властей, парламентские ремонстрации с критикой церковной политики правительства. Янсенистская газета широко распространялась в Париже и провинции, ее тиражи достигали 5—6 тыс., а некоторых выпусков — до 18 тыс. экземпляров. В XVIII в. янсенизм нашел множество приверженцев в парламентах, неизменно выступавших в его защиту.

Реформы середины XVIII в. На протяжении многих лет Франция была процветающей страной и ее экономика успешно развивалась, но к середине века правительство столкнулось с серьезными проблемами: в казне не хватало денег. Финансовые трудности возникли в связи с войнами, которые вела страна в 1730—1740-е гг. Расходы на вооружение поглощали львиную долю поступлений от налогов. Трудности усугублялись крайне неравномерным распределением налогового бремени. Многие категории населения обладали налоговыми привилегиями, связанными с их сословной принадлежно-

стью, социальным статусом или местом проживания. Во Франции налоги в среднем были ниже, чем в Великобритании или Голландии, но налоги с непривилегированного населения оказывались при этом значительно выше, чем в других странах.

Для покрытия военных расходов правительство прибегало к займам, продаже государственных должностей и рент, к лотереям, но дефицит бюджета все равно рос. Король вместе с генеральным контролером финансов попытались провести реформу налогообложения и сделать его более равномерным. В 1749 г. был введен новый налог *двадцатина* в размере 5% с любых доходов, что встретило ожесточенное сопротивление со стороны парламентов, провинциальных штатов и духовенства. Парламенты и провинциальные штаты отказывались одобрить этот налог. В конечном счете король уступил, и духовенство было освобождено от уплаты двадцатины.

Правительство продолжило реформаторский курс и попыталось проводить экономическую политику в соответствии с передовыми учениями своего времени. В середине XVIII в. завоевали популярность идеи *физиократов*, которые считали, что богатство страны создается в сфере сельскохозяйственного производства, а поэтому необходимо обеспечить для него самые благоприятные условия. Они были сторонниками свободы предпринимательства и рассматривали государственное регулирование как препятствие развитию экономики. Им принадлежит ставший знаменитым лозунг «Laissez faire, laissez passer» («Предоставьте свободу рук, не препятствуйте»). Глава физиократов *Франсуа Кенэ*, занимавший пост придворного медика, имел влияние на короля. В 1763—1764 гг. под воздействием экономической теории физиократов правительство ввело свободу торговли зерном и мукой. Отмена государственного регулирования привела к росту цен на хлеб, особенно чувствительному в неурожайные годы. Это вызвало недовольство в народе и серию хлебных бунтов. Правительство обвиняли в пособничестве спекулянтам. Под воздействием широкого общественного недовольства правительство отступило и к концу 1760-х гг. вернулось к регулированию цен на продовольствие.

Парламентская оппозиция. Постоянным фактором внутриполитической жизни Франции XVIII в. была парламентская оппозиция. С 1730-х гг. Парижский, а впоследствии и провинциальные парламенты не переставали резко критиковать религиозную политику правительства, защищая янсенистов и осуждая все направленные против них меры как акты произвола.

Проводимая министрами Людовика XV политика реформ также вызвала сопротивление парламентов, которые стали рупором недовольства по поводу роста налогов. Парламенты упорно сопротивлялись введению двадцатины, направляя королю ремонстрации и отказываясь регистрировать новый налог. Они объявили себя защитниками интересов нации от чрезмерного налогообложения. В этих

условиях в январе 1757 г. произошло *покушение на короля*. *Р.-Ф. Дамьен*, нанесший Людовику XV легкую рану перочинным ножом, был слугой в домах магистратов Парижского парламента и не раз слышал речи о том, что король нарушает законы страны. Введенная правительством свобода торговли зерном также вызвала протесты парламента и требования восстановить регламентацию цен.

Позиции правительства в его противоборстве с парламентами осложнялись тем, что среди министров короля не было единства. Соперничая друг с другом, одни министры становились заклятыми врагами парламента, а другие стремились заручиться их поддержкой. Примером тому могут служить события начала 1760-х гг., когда парламента обрушили шквал пропаганды на Орден иезуитов. Орден обвиняли в том, что его религиозная доктрина противоречит духу свободы, а сам он является орудием папского, т. е. иностранного, вмешательства в дела национальной французской церкви. На стороне парламента выступил влиятельный министр *герцог де Шуазель*, уговоривший короля одобрить изгнание иезуитов. В результате совместных усилий парламента и Шуазеля серией постановлений и указов 1762—1764 г. деятельность Ордена иезуитов на территории Франции была запрещена.

По мере роста политической активности парламента развивалась их идеология, которая нашла отражение в текстах ремонстраций и в трактатах, сочиненных магистратами. В этих произведениях не только осуждались отдельные мероприятия правительства, но и критиковался современный государственный строй в целом, как «министерский деспотизм», а парламента изображались гарантами законности и представителями французской нации. Парламентские ремонстрации и теоретические сочинения публиковались и широко распространялись, вызывая в обществе живой интерес.

Реформы Мопу́ и Терре́. Парламента набирали все бóльшую силу и становились помехой для королевской власти. В результате постоянные выступления парламентской оппозиции привели Людовика XV к мысли о необходимости радикальной реформы государственного управления. Осуществить ее взялся канцлер *Р.-Н. Мопу*. В 1771 г. серией королевских указов парламента и ряд других верховных судов были распущены, а продажа судебных должностей отменена. Упраздненные парламента заменялись новыми, членов которых назначал король. Численность парламента была сокращена, а их полномочия урезаны. Одновременно с парламентской реформой Мопу генеральный контролер финансов *аббат Терре* реформировал управление финансами, пытаясь сделать его более централизованным, сократить число служащих финансового ведомства, а также заменить собственников должностей и частных предпринимателей-откупщиков назначаемыми государственными чиновниками. Реформы Мопу и Терре назрели, они представляли собой своевременные шаги по пути модернизации государственного аппарата. Однако проводились реформы

авторитарными методами и оказались крайне непопулярными. Особенно это относится к парламентской реформе Р.-Н. Мопу. Несмотря на то что парламенты являлись замкнутыми привилегированными корпорациями, они сумели внушить обществу, что представляют интересы всей французской нации и обеспечивают соблюдение законов в стране. Именно поэтому роспуск парламентов в их прежнем виде был воспринят общественным мнением как свидетельство того, что французская монархия выродилась в деспотию.

Внешняя политика Людовика XV. В XVIII в. выявилось противоречие между великодержавными амбициями французской монархии и возможностями их реализации. Основной целью внешней политики Франции было сохранение «европейского равновесия» в том виде, в каком оно сложилось после войны за испанское наследство. Со временем эта цель становилась все менее достижимой.

Война за польское наследство (1733—1738). После смерти польского короля Августа II Франция поддержала кандидатуру *Станислава Лещинского*, тестя Людовика XV, на польский трон и приняла участие в войне за польское наследство. Противниками французского короля в этой войне были монархия Габсбургов, Саксония и Россия. Вмешательство Франции оказалось неудачным: французский экспедиционный корпус был разгромлен, а Станислав Лещинский свергнут с престола. Польским королем стал кандидат России и Австрии *Август III*, а Станислав Лещинский в качестве компенсации получил герцогства Лотарингию и Бар. После его смерти в 1766 г. Лотарингское и Барское герцогства отошли к Франции, в результате чего французская восточная граница отодвинулась дальше от Парижа.

Война за австрийское наследство (1740—1748) и «ниспровержение альянсов». В 1740 г., после смерти императора Карла VI, целый ряд европейских государей стали оспаривать права его дочери Марии-Терезии на наследование владений дома Габсбургов. Против Марии-Терезии образовалась коалиция в составе Пруссии, Баварии, Саксонии и Испании. Людовик XV также вступил в коалицию под давлением доминировавшей при дворе антигабсбургской партии. Австрию же поддержали Великобритания и Голландия. Военные действия разворачивались в основном в Европе, но были затронуты и колонии: англичане предприняли блокаду французских владений на Антильских островах и в Индии. В результате этой войны Фридрих II Прусский захватил Силезию; Франция же, несмотря на ряд блистательных военных побед, оккупацию Австрийских Нидерландов и Голландии, по условиям мирного договора ничего не получила. Общественное мнение во Франции выражало крайнее недовольство. Говорили, что Людовик XV «потрудился для прусского короля». Выражение «трудиться для прусского короля» (т. е. впустую, без пользы для себя) во французском языке стало поговоркой.

К середине XVIII в. расстановку сил в Европе определяли два основных противоборства: франко-британское и австро-прусское. Французы и англичане соперничали в колониях (в Вест-Индии, Северной Америке, Индии) и в мировой морской торговле. Традиционные союзники Франции — Швеция, Речь Посполитая и Османская империя — в XVIII в. явно ослабели и не могли оказать ей серьезную поддержку. Правителей Священной Римской империи беспокойло возвышение Пруссии, и Мария-Терезия не оставляла надежды вернуть себе Силезию. Учитывая эти новые реалии, а также наметившееся сближение Фридриха II с англичанами, австрийские и французские дипломаты решили порвать с более чем двухвековой традицией противостояния, и в 1756 г. в Версале был заключен союзный договор между Францией и Австрией. В историографии принято именовать это событие *дипломатической революцией*, или *ниспровержением альянсов*.

Семилетняя война (1756—1763). К франко-австрийскому союзу присоединились Россия, Саксония, Швеция и Испания. Им противостояли Великобритания, Пруссия и Ганновер. Еще до начала военных действий в Европе англичане начали захватывать французские корабли и предприняли блокаду заморских владений Франции.

В Европе война началась летом 1756 г. с наступления Фридриха II; события развивались для французов и их союзников с переменным успехом. На море и в колониях англичане имели подавляющее превосходство и одерживали победы над французами и испанцами. Они отняли у Франции Канаду, часть Луизианы (другую часть французы вынуждены были уступить Испании), колонии в Индии и Сенегал. Размеры британских владений в Северной Америке выросли вдвое. Правда, ценой больших территориальных уступок французам удалось сохранить наиболее важные для развития колониальной торговли владения на Антильских островах с их сахарными плантациями. В Северной Америке Франция удержала за собой архипелаг Сен-Пьер-и-Микелон и право рыболовства у Ньюфаундленда, в Индии — 5 торговых факторий, а в Африке — остров Горн у побережья Сенегала, являвшийся форпостом французской работорговли.

Хотя Франция и не утратила заморских владений, эксплуатация которых приносила ей реальную экономическую выгоду, но результаты Семилетней войны воспринимались французским обществом как тяжелый удар по национальному престижу.

Неудачи во внешней политике вели к дискредитации власти, подрывали основу взаимного доверия и согласия между обществом и властью, ставили под сомнение эффективность действий правительства; особое недовольство вызывало усиление налогового пресса. Подданные не желали платить высокие налоги, если это не приносило военных побед и громкой славы.

4.4. Общественная жизнь

Французское Просвещение. Сильное воздействие на духовную атмосферу Франции середины—второй половины XVIII в. оказывали сочинения философов-просветителей. При всем разнообразии идейно-политических пристрастий общим для них было стремление, вооружившись научным методом, обосновать принципы справедливого общественного устройства. Отличительной чертой французского Просвещения была острая критическая направленность. Традиционные духовные ценности и социальные институты были подвергнуты пересмотру с точки зрения их разумности и целесообразности. Сочинения просветителей обосновывали необходимость проведения в стране глубоких, всесторонних реформ для создания такого порядка, который обеспечил бы общее благо и соблюдение прав человека.

Выдающимся просветителем старшего поколения был *Шарль Луи Монтескье* (1689—1755). Известность ему принесли «Персидские письма» (1721) — сатирическое изображение нравов французского двора, написанное от лица персов, приехавших во Францию в конце царствования Людовика XIV. Широкий общественный резонанс получила *конституционная теория* Ш.Л. Монтескье, изложенная в трактате «О духе законов» (1748). Разнообразие исторических судеб древних и современных народов мыслитель связывал с условиями их жизни, в первую очередь с природой и климатом, а особенности государственного строя — с размерами территории страны. Наилучшим государственным устройством для Франции, с точки зрения Монтескье, была бы конституционная монархия, в которой власть короля ограничена законами и привилегиями аристократии. Образцом конституционной монархии для него была Англия. Развивая идеи Дж.Локка, Монтескье создал теорию разделения властей. Независимость друг от друга законодательной, исполнительной и судебной власти являлась бы, по мысли Монтескье, гарантией свободы и не позволила бы монархии выродиться в деспотию.

Самым знаменитым в Европе французским просветителем стал *Мари Франсуа Аруэ* (1694—1778), известный под псевдонимом *Вольтер*. Он был автором многочисленных философских статей, повестей, поэм, театральных пьес, исторических сочинений. На формирование взглядов Вольтера оказали влияние Дж.Локк и другие английские мыслители. По своим религиозным воззрениям он был деистом и при этом отличался воинствующим антиклерикализмом. На протяжении многих лет Вольтер выступал в защиту несправедливо осужденных и добивался исправления судебных ошибок. Он полагал, что во Франции необходимо обеспечить свободу слова и вероисповедания, покончить с религиозной нетерпимостью, дать равные права всем людям независимо от сословного происхождения. Всех этих благ Вольтер ожидал от деятельности просвещенного мо-

нарха, «философа на троне», которому лучше, чем кому бы то ни было, известно положение дел в стране.

Среди мыслителей середины XVIII в. выделялся писатель, художественный критик и философ-материалист *Дени Дидро* (1713 — 1784), убежденный в том, что знания являются мощной силой, с помощью которой можно улучшить общество. Именно поэтому он поставил перед собой цель сделать достижения современной науки доступными всем образованным людям. Вместе с *Жаном Лероном Д'Аламбером* Дидро стал вдохновителем и редактором знаменитой «*Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел*» (1751 — 1780). Дидро удалось привлечь к созданию «Энциклопедии» многих талантливых людей Франции того времени: ученых и писателей, инженеров и промышленников. Первое издание «Энциклопедии» насчитывало 21 том статей и 14 томов иллюстраций, таблиц и указателей. «Энциклопедия» содержала свод передовых научных и технических знаний, а также умелую и осторожную критику французских государственных учреждений, социальных институтов, законов и церкви; пропагандировала просветительские идеи разума и прогресса, свободы и равенства. Это издание, продолжавшееся несмотря на многочисленные цензурные преграды, оказало огромное влияние на всю читающую публику и способствовало распространению идей французского Просвещения в Европе.

В отличие от большинства просветителей сельский священник *Жан Мелье* (1664 — 1729) хотел не реформировать существующие порядки, а полностью их уничтожить. Найденное после его смерти «Завещание» проникнуто ненавистью к королям, дворянам, чиновникам, церковникам, финансистам, обогатившимся за счет простого народа. Мелье призывал бедняков восстать против угнетателей. «Завещание» нелегально распространялось в списках, а в 1762 г. Вольтер опубликовал выдержки из него.

Своеобразным мыслителем второй половины XVIII в. был *Жан Жак Руссо* (1712 — 1778). Он последовательно развивал *идеи эгалитаризма*. По мнению Ж. Ж. Руссо, равенства людей перед законом было бы недостаточно, чтобы обеспечить подлинное равенство. Следовало бы еще уравнивать их имущественное положение. Источник всех общественных зол Руссо видел в частной собственности. Однако возврат людей к «естественному состоянию» без частной собственности он считал невозможным. Руссо мечтал о демократической республике без крайностей богатства и нищеты. Он не разделял веры своих современников во всемогущество науки и просвещения. Первой работой, принесшей ему известность, был трактат «Рассуждение о влиянии искусств и наук на нравы» (1750). Автор доказывал, что развитие цивилизации испортило людей и для улучшения нравов необходимо вернуться «назад к природе». Свои политические идеалы — теорию народного суверенитета, идеи демократии и примата общественного над личным — Руссо изложил в трактате «Об обще-

ственном договоре» (1762). Идеи Руссо, утверждавшего, что при заключении общественного договора каждая личность добровольно отказывается от своих прав в пользу народа и впредь должна полностью подчиняться коллективной воле, завоевали широкую популярность у поколения будущих французских революционеров.

Автор, известный под фамилией *Морелли*, полагал возможным уничтожить в корне все пороки и несчастья общества. Для этого в сочинении «Кодекс природы» (1755) он предлагал «уничтожить частную собственность, ввести уравнильное распределение и запретить роскошь».

Ревностным проповедником идеи равенства был *Габриэль Бонно де Мабли* (1709—1785), который считал частную собственность злом и воспевал добродетели патриархального сельского общества, обращаясь в поисках идеала к античной афинской демократии и порядкам древней Спарты.

Общественное мнение во Франции. В XVIII в. общественное мнение вышло из-под контроля государства и началась смелая критика действий короля и его министров. Существовало три влиятельных оппозиционных идейных течения: *янсенизм*, *парламентская идеология* и *Просвещение*. Характерными чертами общественных умонастроений того времени были враждебность ко всему, что воспринималось как деспотизм, произвол, посягательство на свободу личности и права нации; утрата доверия правительству и ожидание реформ; убежденность в том, что Франции необходимы политические институты, представляющие интересы нации.

Местами общения, очагами формирования и распространения общественного мнения во Франции XVIII в. были кафе, салоны, научные и литературные общества, масонские ложи. Первые кафе появились в Париже в конце XVII в., когда сначала при дворе, а затем и в более широких кругах французского общества распространилась мода на заморские напитки. За чашкой кофе, чая или шоколада посетители кафе играли в шахматы, читали газеты, обсуждали литературные и политические новости. В салонах, хозяйками которых, как правило, были дамы из высшего общества, встречались аристократы, министры, модные литераторы и художники. Салоны имели разную политическую направленность. В одних собирались философы-просветители и их почитатели, в других — «святоши», поддерживавшие иезуитов. В философских, научных и литературных обществах и кружках, возникших во многих провинциальных городах, состояли дворяне, священники, чиновники, купцы, ученые, врачи. Они организовывали публичные чтения и обсуждение литературных новинок, проводили конкурсы произведений на актуальные и общественно значимые темы. Общества имели свои читальни, выписывали газеты и журналы, литературные произведения, «Энциклопедию» Д. Дидро. Таким образом расширялся круг читателей просветительской литературы. В обществе, разделенном сослов-

ными перегородками, философские, научные и литературные кружки объединяли людей из разных сословий и давали им опыт демократического межсословного общения.

Разновидностью философского общества были *масонские ложи*, но в отличие от философских обществ, работавших гласно и открытых для всех желающих, масонство было тайным братством, закрытым для непосвященных. Масонские ложи возникали как в буржуазных, так и в дворянских кругах; в них вступали многие высшие аристократы и священники, за исключением враждовавших с масонами иезуитов. Масоны проповедовали свободу и братство всех людей, способствовали распространению идей Просвещения, занимались благотворительностью. На своих тайных собраниях они не касались злободневных политических вопросов, не выступали против государства и церкви. Среди масонов встречались люди самых разных политических взглядов. В масонских ложах, где могли встречаться образованные люди, принадлежавшие к разным сословиям, вызревали новые, демократические формы общения.

Массовое сознание. В салонах, кружках и масонских ложах общались имущие и образованные люди. Народ же выражал свое мнение о происходящем в стране в форме всевозможных поверий и слухов. В первой половине XVIII в., в период борьбы правительства и официальной церкви против янсенистов, могила дьякона-янсениста на кладбище парижской церкви Сен-Медар стала местом массового паломничества; собиравшиеся на могиле бились в конвульсиях, а землю с нее продавали как чудодейственную реликвию. По приказу короля кладбище Сен-Медар было закрыто и оцеплено солдатами, но *конвульсионеры* продолжали собираться по домам. Власти их преследовали, многих заключили в Бастилию.

В 1750 г. по Парижу поползли странные слухи о том, что при попустительстве короля (а может, и по его приказу) в городе похищают детей. Делается это якобы потому, что некий больной проказой знатный господин (может быть, даже сам король) лечится, принимая ванны из детской крови. Порочащие короля истории передавались из уст в уста, распространялись в листовках и памфлетах.

В 1760-е гг., когда правительство попыталось либерализовать хлебную торговлю, в народе стали ходить слухи о *пакте голода*, заключенном между хлеботорговцами, министрами и, возможно, самим королем с целью нажиться на росте хлебных цен. Все это подорывало авторитет королевской власти.

Исследования специалистов в области исторической демографии обнаружили явное сокращение среднего числа детей в семьях, прежде всего в наиболее развитых областях северной Франции. У дворянства и городской буржуазии оно становится заметным на рубеже XVII—XVIII вв., а во второй половине XVIII в. прослеживается уже во всех социальных группах. Так как детская смертность в этот период снижалась, очевидно, что французы первыми в Европе начали

широко практиковать методы контрацепции и внутрисемейное планирование рождаемости, т.е. совершали, с точки зрения католической церкви, тяжкий грех. Это свидетельствует о глубоких переменах в умонастроениях, происходивших на массовом уровне: отныне человек брал на себя смелость самому решать вопросы жизни и смерти, не уповая целиком на Божью волю; благополучие в земной жизни люди стали ценить выше, чем спасение души.

4.5. Правление Людовика XVI

В 1774 г. Людовик XV умер и на престол вступил его девятнадцатилетний внук *Людовик XVI*. Поначалу на молодого короля возлагались большие надежды. При всей своей неопытности он был человеком хорошо образованным, набожным и исполненным самых добрых намерений. При этом его мировоззрение было, однако, отмечено глубоким противоречием: с одной стороны, он свято чтит традиции и основополагающие принципы французской монархии, с другой — признавал необходимым проводить реформы и считаться с общественным мнением. Это желание править по-новому, но соблюдая традиции, выразилось в крайней непоследовательности политического курса Людовика XVI.

Стремясь на первых порах заручиться поддержкой общественного мнения, король отправил в отставку непопулярных министров Людовика XV аббата Терре и канцлера Мопу и восстановил парламенты с их прежними полномочиями. Отмена реформы Мопу до сих пор вызывает споры среди историков. Многие считают, что этим Людовик XVI подписал смертный приговор себе и французской монархии, так как в лице парламента он возродил гнездо оппозиции всем будущим реформам. Однако в первые 10 лет царствования ему удавалось управлять Парижским парламентом благодаря существованию там влиятельной *министерской партии*, обеспечивавшей королю лояльность в обмен на высочайшее покровительство. Когда король и министры действовали уверенно и решительно, парламенты оказывались бессильными.

Реформы Тюрго (1774—1776). На пост генерального контролера финансов Людовик XVI назначил известного экономиста *Анн Робер Жака Тюрго* (1727—1781). Тот попытался провести в жизнь обширную программу реформ в духе учения физиократов и уничтожить все, что стесняло свободное предпринимательство в стране.

Тюрго считал, что для преодоления финансовых трудностей надо ввести строгую экономию и увеличить поступления в казну от налогов. Налоги же, по его мнению, можно было увеличить двумя способами: равномерно распределив их между всеми подданными и дав людям возможность обогатиться. Король одобрил планы Тюрго. Министр начал с того, что отказался от государственного контроля

над хлебной торговлей и ввел свободную продажу зерна и муки по рыночным ценам (что, на его взгляд, должно было привести к росту производства). Затем он уничтожил ремесленные и торговые корпорации (цехи и гильдии) и освободил крестьян от государственной повинности на строительстве дорог, заменив ее денежным налогом, падавшим на все сословия.

Тюрго нажил себе врагов при дворе и среди духовенства, его реформам снова, как и в середине века, и в начале 1770-х гг., воспротивились парламенты. Отмена государственного регламентирования хлебной торговли привела к росту цен на хлеб. В результате весной 1775 г. вспыхнуло народное восстание, известное как *мучная война*. В этот драматичный момент, когда на Тюрго обрушился шквал критики, король решительно поддержал министра в его начинаниях. Он помог ему сломить сопротивление Парижского парламента и заставил зарегистрировать разработанные генеральным контролером указы.

Однако реформатор на этом не остановился и выступил с предложением создать повсеместно выборные органы управления. С этим король уже не мог смириться. У него появились опасения, что реформы Тюрго угрожают основам французской монархии. Людовик XVI начал более внимательно прислушиваться к обвинениям в адрес министра-реформатора и в 1776 г. под влиянием королевы и приближенных отправил его в отставку. Проведенные Тюрго мероприятия были отменены. Попытка либеральных экономических реформ не удалась, просвещенное общественное мнение было разочаровано.

Министерство Неккера (1777 — 1781). В 1777 г. король поставил во главе финансового ведомства женева банка *Жака Неккера*, пользовавшегося в обществе репутацией знающего и опытного человека и имевшего обширные связи в банковских кругах. Ж. Неккер критиковал политику Тюрго, считая, что государство должно регулировать хлебные цены и обеспечивать благосостояние народа. Вместе с тем он пытался серьезно преобразовать управление финансами. Принятые им меры в этой области — централизация, сокращение числа должностей, замена собственников должностей и финансистов назначаемыми чиновниками — проходили в русле реформ, начатых в свое время аббатом Терре.

Ж. Неккер вынашивал также замыслы реформы провинциальной администрации. Он намеревался создать по всей стране провинциальные ассамблеи из представителей трех сословий (наподобие провинциальных штатов), которые оказывали бы помощь интендантам в сборе налогов и в делах местной администрации. Ассамблеи, по замыслу Неккера, могли бы стать противовесом влиянию провинциальных парламентов. Неккер успел создать четыре провинциальные ассамблеи, из которых реально работали лишь две.

Участие Франции в Войне североамериканских колоний за независимость. На период министерства Ж. Неккера пришлось участие Франции в Войне североамериканских колоний Великобрита-

нии за независимость. В 1777 г. Франция официально признала независимость Соединенных Штатов Америки, а с 1778 г. вступила в войну на их стороне. Ж. Неккер, используя свои связи в финансовых кругах, сумел обойтись без введения чрезвычайных налогов и оплатить военные расходы исключительно за счет займов, в основном у голландских и швейцарских банкиров. Благодаря компетентности и хорошей репутации Неккера его займы имели успех. Правда, недоброжелатели настойчиво твердили, что условия, на которых он получил эти деньги (преимущественно краткосрочные займы под высокие проценты), были выгодны прежде всего финансистам, но разорительны для государства. Чтобы доказать широкой публике необоснованность обвинений в свой адрес, в 1781 г. Неккер предпринял беспрецедентный шаг, опубликовав брошюру «Отчет королю» о состоянии финансов. В Великобритании практика публикации финансовых отчетов в то время уже существовала, но во Франции документ, содержащий сведения о государственных доходах и расходах, впервые стал предметом публичного обсуждения. Противникам Неккера из числа министров удалось убедить Людовика XVI в том, что глава финансового ведомства предпринимает сомнительные новшества, угрожающие основам абсолютной монархии. Дело в который раз кончилось отставкой министра и сворачиванием реформ. Общественное мнение выражало недовольство, а финансисты начали отказывать правительству в займах.

Результаты закончившейся в 1783 г. войны были для Франции неоднозначными. Победы французского флота и экспедиционного корпуса в Новом Свете и поражение Великобритании явились моральным реваншем за унижения Семилетней войны. Prestиж державы, подорванный в результате внешнеполитических неудач Людовика XV, был восстановлен. Но победоносная война, не принеся Франции существенных материальных выгод и территориальных приобретений (за исключением острова Тобаго и восстановления позиций в Сенегале), легла тяжким бременем на государственную казну.

Королевская власть и парламенты. В начале правления Людовика XVI выступления парламентской оппозиции удавалось прекращать с помощью «министерской партии», но управлять парламентом подобным образом год от года становилось все труднее, потому что среди министров короля не было единства. Монарх оказался не в состоянии справиться с фракциями, соперничавшими при дворе и в правительстве. Межфракционная борьба порождала нестабильность в действиях правительства и осложняла отношения короля с парламентами. К середине 1780-х гг. отсутствие согласия в министерстве привело к окончательному развалу «министерской партии» в Парижском парламенте. Вследствие этого сложнее стало добиваться регистрации парламентом королевских указов. Одновременно в стране усугублялось расстройство финансов, которое вскоре переросло в острый общественно-политический кризис.

5.1. Война за испанское наследство (1701 — 1714)

Военные поражения и территориальные потери Испании середины — второй половины XVII в. свидетельствовали о кризисе монархии. Начиная с 1668 г., Франция и Священная Римская империя заключали договоры о разделе владений Испании. Бездетность Карла II, последнего представителя династии испанских Габсбургов, давала возможность использовать для этого вопрос о престолонаследии. Бурбоны и австрийские Габсбурги равным образом претендовали на испанский престол: Людовик XIV был женат на сестре Карла II, а германский император был дядей испанского короля. Соперничество французских и имперских дипломатов при мадридском дворе закончилось победой сторонников Франции. Согласно завещанию Карла II, в 1700 г. корону Испании получил внук Людовика XIV Филипп, который правил в Испании как *Филипп V* (1700 — 1746). Восшествие представителя династии Бурбонов на испанский престол превращало Францию в могущественнейшую державу, ее влияние отныне распространялось на большую часть Европы и территории в Новом Свете. Монархия Габсбургов, Англия, Республика Соединенных провинций в 1701 г. заключили военный союз против Франции и Испании. Началась европейская *война за испанское наследство*.

Военные действия разворачивались как на Пиренейском полуострове, так и в Европе. Французские и испанские войска в Испании были вынуждены отражать атаки англо-португальских войск, наступавших из Португалии, австрийской армии, занявшей восточные и южные области страны, и англо-голландского флота, совершавшего нападения на западное и южное побережья. В ходе войны противники Бурбонов дважды захватывали Мадрид.

Положение Филиппа V осложнялось тем, что Арагон, Валенсия и Каталония поддерживали имперского претендента на престол эрцгерцога *Карла Австрийского*. С развитием военного конфликта оживлялись старые противоречия между Кастилией и автономными областями полуострова, обладавшими привилегиями (*фуэрос*). Арагонцы воспринимали происходящее как «кастильскую войну», чуждую их интересам, и видели в новом короле иностранца, который привел за собой иноземные войска. Отставка вице-короля Арагона, отказавшегося предоставить Филиппу V средства на ведение войны, стимулировала движение в защиту фуэрос в Арагоне и Каталонии. Ситуацией

воспользовался эрцгерцог Карл, пообещав сохранить местные привилегии этих областей. Сарагоса и Барселона приветствовали его как нового испанского короля.

Успех претендента на престол в восточных областях был основан и на использовании социальных противоречий. Усиление налогового нажима, солдатские постои стимулировали развитие движения народных низов — крестьянства и городского плебса. Эрцгерцог Карл обещал освободить крестьян от сеньориальных повинностей и утвердить королевскую юрисдикцию в городах, чем обеспечил себе поддержку большинства населения Арагона, Каталонии и особенно Валенсии. Крестьянские отряды не только нападали на французских солдат, но и захватывали имения крупных землевладельцев.

Отношение к эрцгерцогу Карлу местной знати и городской торгово-купеческой верхушки было двояким. Если в Арагоне и Каталонии часть дворянства поддержала претендента, то аристократия Валенсии была на стороне Филиппа V, надеясь, что новый государь сможет обуздать крестьянское движение.

Перелом в войне наступил в 1707—1710 гг., когда войскам Филиппа V удалось отвоевать Валенсию и Сарагосу. Каталония сопротивлялась вплоть до 1714 г.: королевской армии удалось взять Барселону уже после того, как были подписаны договоры, положившие конец военным действиям в Европе.

Результаты войны были плачевными для Испании. По *Утрехтскому* (1713) и *Раштадтскому* (1714) мирным договорам она лишилась своих владений в Италии и Фландрии. Англия оставляла за собой захваченные во время войны Гибралтар и о. Менорку и получала право на ввоз рабов в испанские колонии Нового Света (так называемое *право асьенто*). Несмотря на потерю своих европейских территорий, Испания оставалась могущественной колониальной державой, сохранив обширные земли в Америке. Права Филиппа V на испанский престол были подтверждены при условии его отказа от французской короны.

В ходе войны стали очевидными слабые стороны системы испанского абсолютизма: незавершенность процессов объединения в пределах полуострова, неэффективность государственного аппарата, дефицит финансовых средств. Государство нуждалось в преобразованиях для обеспечения своей жизнеспособности. Новая правящая династия вступила на путь реформ, которые и составили существо государственно-политической истории Испании в XVIII в.

5.2. Реформы государственной системы в первой половине XVIII в.

События войны 1701—1714 гг. стимулировали завершение централизации Испании. Филипп V писал о своем намерении установить

в государстве «единообразии законов, обычаев, судов и нравов». Местные привилегии Арагона, Каталонии и Валенсии были отменены так называемыми декретами *нового установления* (1707—1716) в наказание за восстание против законного государя. Представительные органы (*кортесы*) в этих областях перестали существовать. Местная администрация и система налогообложения были реформированы по кастильскому образцу. В 1717 г. были отменены внутренние таможенные границы между Арагоном и Кастилией. Кастильский язык в делопроизводстве постепенно стал вытеснять каталанский и валенсийский.

В 1718 г. была создана *система интенданств*, подобная французской, которая окончательно утвердилась к 1749 г. В 1750 г. страна была разделена на провинции, границы которых нарушали пределы исторических областей.

После реформ нового установления только Страна Басков сохранила свои фуэрос и таможенную обособленность.

Политическая разобщенность страны была преодолена. Представления о государственном единстве воплотились в обновленном королевском титуле: *Фердинанд VI* (1746—1759) стал именоваться *королем Испании и Индии*.

Важные изменения произошли в это время в системе государственной администрации. Система советов была реформирована: утрата европейских владений и новое установление привели к значительному сокращению их числа (исчезли советы Арагона, Италии, Фландрии). Совет Кастилии слился с Государственным советом и приобрел общегосударственное значение. В системе управления советам отводилась роль совещательных органов и апелляционных судов под наблюдением прокуроров, которых назначал король. Гранды перестали занимать высшие бюрократические должности в системе государственного управления.

Административная централизация завершилась созданием королевского *кабинет-совета* и так называемых *секретариатов кабинета* — государственного, военного, казны, флота — прообразов будущих министерств.

Внешняя политика Испании. После войны за испанское наследство испанские монархи стремились восстановить утраченное Испанией положение великой державы — отвоевать хотя бы часть потерянного в войне. Уже в 1717 г. предпринимается первая и неудавшаяся попытка вернуть территории на юге Италии — Неаполь и Сицилию. В конце 1730-х гг., приняв участие в союзе с Францией в *войне за польское наследство*, Испания так и не смогла вернуть территории на юге Италии, потерянные по Утрехтскому договору, но младшая ветвь испанских Бурбонов получила все же права на престол Неаполитанского королевства.

Международные отношения испанской монархии были поставлены в зависимость от династического союза с Францией, закреплен-

ного подписанием так называемых *Семейных пактов* в 1733, 1743, 1761 гг. На стороне Франции Испания приняла участие в Семилетней войне и пополнила свои колониальные владения территорией Луизианы (1763). Поражение Англии в войне против своих североамериканских колоний предоставило испанским Бурбонам возможность вернуть Флориду и Менорку (1783). В союзе с Францией или вне его столкновения с Англией успеха не приносили: так, несмотря на военные предприятия 1727, 1739 и 1779 гг., Гибралтар остался английским владением.

Экономическое развитие Испании. К концу XVIII в. население Испании составляло около 10,5 млн человек, увеличившись с начала века почти на 3 млн. На побережье был очевиден рост городского населения в крупных портах. Население Барселоны увеличилось втрое, достигнув 115 тыс. человек.

Сокращение территории государства, утрата европейских территорий благотворно сказались на хозяйственном развитии страны: появилась возможность более рационального использования экономических ресурсов, и прежде всего колониальных богатств. Испания реже, чем в XVI—XVII вв., участвовала в европейских военных конфликтах и вплоть до 1790-х гг. не вела войн на своей территории.

Хозяйственная обособленность различных частей Испании медленно преодолевалась. Устранение внутренних таможен между Кастилией и Арагоном способствовало налаживанию торговых связей между центральными и прибрежными областями полуострова.

Демографический подъем вызвал повышение спроса на продукты сельского хозяйства. При этом продовольствия не хватало — крупные города на побережье даже в урожайные годы ввозили хлеб. За вторую половину столетия цены выросли на 20 %, что было связано с высокой ценой на землю. Свободных земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, было мало. Две трети массивов плодородной земли были сеньориями, светскими и духовными. В их числе была так называемая «связанная», т. е. неотчуждаемая собственность: майораты дворянства и земли «мертвой руки», принадлежавшие церкви. Малоземелье в северных и центральных областях страны стимулировало распространение краткосрочной аренды и имущественное расслоение крестьянства. Крестьяне, не имевшие достаточной земли, становились поденными рабочими в латифундиях на юге и юго-востоке. Их зажиточные соседи соединяли оставленные ими участки в единый массив и сдавали его в аренду на короткий срок за очень высокую плату, из которой выплачивали ренту сеньорам.

Основные выгоды от изменения экономической ситуации получали продавцы сельскохозяйственных продуктов — крупные землевладельцы (высшие и средние слои дворянства и католическая церковь). Представители этого привилегированного слоя общества были объективно заинтересованы в хозяйственных нововведениях, напри-

мер рационализации налоговой системы и создании транспортной сети, что могло бы увеличить их доходы.

Развитию испанской торговли и ремесел препятствовала иностранная конкуренция. Купцы получали основные прибыли от посреднических операций в колониальной торговле, а приобретенные средства предпочитали вкладывать в покупку земель и стремились основать майорат для того, чтобы гарантировать неотчуждаемость своего имущества.

Покровительство королевской власти сыграло важную роль в восстановлении испанской мануфактуры. XVIII в. отмечен оживлением как рассеянного, так и централизованного мануфактурного производства. Испанские мануфактуры производили предметы роскоши (гобелены, керамику, стекло), военную форму. Наиболее развитой в промышленном отношении областью страны была Каталония. Во второй половине XVIII в. в Барселоне появились первые в Испании хлопкопрядильные мануфактуры, работавшие на колониальном сырье. Каталонские предприниматели экспортировали хлопковые ткани в Новый Свет. В целом же Испания продолжала вывозить сырье — шерсть, шелк-сырец, а с 1765 г. — американский сахар.

5.3. Испанское Просвещение

Начиная с 1730—1740 гг. в Испании стали развиваться идеи Просвещения, и постепенно, к 1760—1780 гг., они превратились в идеологию элитарного общественного движения. Просветительские идеи распространялись в своеобразной и противоречивой социально-культурной среде испанского дворянства: это титулованные магнаты, чиновники, офицерство, средние и низшие слои клира. Испанские просветители стремились к государственной службе, воспринимая ее как исполнение общественного долга, возможность принять личное участие в совершенствовании общества.

Оформление просветительской идеологии в Испании происходило под существенным иностранным влиянием. Однако испанские мыслители критически и избирательно относились к зарубежным философским теориям, их интересовали практические вопросы, связанные с экономикой, правом, системой образования. Просветители в Испании обратились к обсуждению политических тем только в конце XVIII в. Деятельность инквизиции делала невозможным публичное обсуждение религиозных проблем.

Распространение и популяризация идей европейского Просвещения в Испании связана с деятельностью монаха-бенедиктинца *Б. Х. Фейхóо* (1676—1764). Его труд «Универсальный критический театр, или Речи о материях всякого рода, разоблачающие всеобщие заблуждения» (первый том вышел в свет в 1726 г.) и обширная переписка, составившая сборник «Ученые и любознательные письма»,

переиздавались в течение века 15 раз. Фейхоо приобщал испанского читателя к достижениям европейской философии. Критика суеверий и общественных предубеждений, в том числе сословных и расовых, изучение точных наук и отечественной истории представлялись Б.Х. Фейхоо средствами интеллектуального возрождения Испании.

Просветители 1760—1780-х гг. относили к предрассудкам проявления фанатичной религиозности, сословное понимание чести и бестесия, представления о расовой и конфессиональной чистоте. С их точки зрения, рациональная критика должна служить прежде всего моральному совершенствованию личности.

Испанские просветители полагали, что материальный достаток всех членов общества и гармония отношений между различными социальными группами являются истинной целью социальных преобразований. Большое место в их сочинениях отведено критике сословных привилегий, которые они считали главным препятствием для экономического возрождения страны.

Местными центрами Просвещения в 1770—1790 гг. стали *Экономические общества друзей Отечества*. Первое Экономическое общество возникло в 1765 г. в Стране Басков. Его цели заключались в хозяйственном возрождении провинций, организации образовательных учреждений и благотворительности. К началу XIX в. в Испании действовало уже 73 общества по образцу баскского. С их деятельностью связано появление множества экономических исследований и проектов.

Одним из них был *Доклад об аграрном законе (1795) Г.Ховельяноса (1744—1811)*, посвященный проблемам сельского хозяйства, основы испанской экономики. Отсталость и малая производительность сельского хозяйства в Испании, по его мнению, были связаны с существованием привилегий дворянства и церкви. Ховельянос предложил разрешить распродажу майоратов, образовать государственный земельный фонд из имущества церкви и учредить наследственную государственную аренду.

Испанским просветителям было свойственно пристрастие к историческим исследованиям. Видные деятели просветительского движения *П. Кампоманес (1723—1803)*, *А. Канмани (1742—1813)*, *Г.Ховельянос* оставили солидные исторические труды. *Х. Кададьсо (1741—1782)*, известный литератор, написал роман «Марокканские письма», сюжеты многих глав которого посвящены отечественной истории. По мнению просвещенных испанцев, реформа общества и государства должна была быть основана на исторической традиции государственного и общественного устройства.

Развитие просветительского движения вызвало оживление испанской культурной жизни: появились новые образовательные учреждения, академии, салоны, возникла периодическая печать.

Преодолевалась культурная изоляция, столь характерная для Испании XVII в. С восшествием на престол новой династии страна

открылась влиянию европейской культуры, прежде всего французской. Дворянство осваивало французский язык — язык монарха и двора. Несмотря на противодействие инквизиции и существование *Индекса запрещенных книг*, в стране распространялась иностранная литература. Полноценная образованность стала немыслима без путешествий в другие страны.

Просветительская идеология была воспринята меньшинством общества. Консервативная аристократия и ортодоксальное католическое духовенство составили мощную оппозицию культурным новшествам. Духовный авторитет церкви в повседневной жизни был непререкаем. Идеологии Просвещения противопоставлялась проповедь воинствующего католицизма. Странники этих взглядов обвиняли просветителей в чрезмерном преклонении перед иностранцами и презрительно называли их «офранцузенными». Обвинение в «офранцузивании» было обвинением в ереси и вело к политической дискредитации. Самым ярким примером тому был *инквизиционный процесс* 1778 г. по обвинению в чтении запрещенных книг, в ереси и атеизме над *П. Олаvide*, высокопоставленным чиновником, просветителем, общественным деятелем. В результате процесса П. Олаvide был приговорен к монастырскому заключению.

5.4. Политика просвещенного абсолютизма в Испании

Цель реформ, предпринятых государством в XVIII в., заключалась в превращении Испании в экономически сильную и хорошо управляемую державу, способную успешно отстаивать свои интересы в Европе и Новом Свете. Испанские политики полагали, что утверждение политических принципов абсолютизма, проведение экономических преобразований выведут страну из состояния упадка. Испанские Бурбоны, укрепляя свою власть, стремились примирить дворянство и клир с необходимостью изменений в общественной жизни, поскольку поддержка привилегированных сословий была необходима новой династии.

В Испании *просвещенным царствованием* принято называть правление короля *Карла III* (1759—1788).

Третий представитель династии Бурбонов на испанском престоле, Карл III получил корону Испании и Индий уже в зрелом возрасте. Его политический опыт сформировался за 25 лет управления Неаполитанским королевством, в историю которого он вошел как король-реформатор, предпринявший налоговые нововведения и экономические преобразования, ограничивший привилегии духовенства. Современники подчеркивали уравновешенный характер монарха, его стремление к независимости в принятии политических решений и настоящий талант в выборе советников и доверенных лиц.

В Испании Карл III первое время продолжал опираться на рекомендации своих министров-итальянцев. В 1767 г. сложилось правительство, состоявшее из политических деятелей-испанцев, известных своими просветительскими взглядами (граф *П. Аранда* (1719—1798), *П. Кампанес*, граф *Х. Флоридабланка* (1728—1808)). Преобразования, осуществленные Карлом III и его просвещенными министрами, продолжали традиции государственного реформаторства, заложенные еще в начале столетия.

Административная централизация при Карле III завершилась созданием в 1783 г. *Государственной хунты*, обладавшей высшими консультативными полномочиями, а ее председатель получил права первого министра. Законодательные нововведения Бурбонов были закреплены в *Новейшем своде законов Испании и Индий*, имевшем общенациональный характер.

Отношения между церковью и государством были пересмотрены. В 1753 г. Испания заключила конкордат с папой римским, согласно которому испанские короли получали право утверждения кандидатур на епископские кафедры. Ни одна папская булла не имела силы на территории Испании без предварительного согласия короля. В 1767 г. Карл III предпринял радикальный шаг — по его приказу из Испании и ее колоний был изгнан Орден иезуитов.

Враждебность королевской власти по отношению к Ордену иезуитов объяснялась широкими привилегиями, которыми он пользовался в Испании. Это было настоящее «государство в государстве» с исключительными правами налогообложения и торговой деятельности.

В результате реформ под контроль государства была поставлена инквизиция. Во второй половине XVIII в. под влиянием королевской власти инквизиция уже не выносила смертных приговоров.

Многообещающими были преобразования в области колониальной торговли. Начиная с 1778 г. монополия Севильи и Кадиса ушла в прошлое, и 12 испанских портов получили право свободной торговли с 24 американскими портами. Испанские короли начали *политику протекционизма*. Права иностранцев в торговле с Америкой ограничивались и снижались пошлины на ввоз американских товаров, которые пользовались спросом в Испании. Королевская власть поощряла создание компаний для торговли с Новым Светом.

«Просвещенная монархия» обратилась и к реформе сельского хозяйства. Аграрные преобразования оказались медленными и противоречивыми, поскольку их осуществление было связано с наступлением на имущественные права привилегированных сословий. Реформаторы-просветители считали главной задачей увеличение количества земель, пригодных для земледелия, и привлечение к ним рабочих рук. Королевская власть приступила к колонизации пустошей: в 1770-е гг. организовывались так называемые королевские поселения в Сьерра-Морене, области на границе Экстремадуры и Андалу-

сии — начинание, которое закончилось неудачей. Постепенно ограничивалось действие майоратов. Еще в 1749 г. было разрешено распродавать майораты разоряющихся семей, но только 40 лет спустя было запрещено создавать новые майораты. В 1763 г. королевская власть пыталась приостановить процесс передачи имущества церкви в неотчуждаемое владение. В 1759 г. произошло долгожданное ограничение привилегий Месты: подлежали ликвидации налоги в ее пользу (плата за прогон скота по пастбищам) и в спорных случаях крестьянским интересам отдавалось предпочтение над исключительными правами корпорации овцеводов. Крестьянам разрешили огораживать свои поля от Месты.

Культурные реформы стали самой яркой страницей в истории испанского просвещенного абсолютизма. Поощрение деятельности различных научных академий (созданных еще в первой половине столетия), покровительство печати отличают просвещенное царствование Карла III. Монархия стремилась поставить под контроль просветительское движение. Королевская власть поддерживала Экономическое общество Страны Басков, и в 1773 г. королевский указ повелел создание подобных обществ во всех провинциях и крупных городах страны.

Традиционным учебным заведениям монархия противопоставляла новые, светские, созданные по государственной или частной инициативе. Таким образом монархия пыталась утвердить свое влияние в сфере образования, наступая на одно из важнейших исключительных прав церкви. В учебных программах основное внимание уделялось изучению так называемых полезных наук — математики, физики, химии, навигации, минералогии — и «живых» языков. Испанский язык и литература заняли почетное место в системе образования.

Преобразования эпохи просвещенного абсолютизма выявили стремление королевской власти к культурной регламентации. Монархия пыталась влиять на формирование мировоззрения своих подданных. В 1783 г. был издан указ о «дурных занятиях», который объявлял «честными и почетными», т. е. не порочащими дворянское звание, занятия ремеслом («механическими искусствами»): так была сделана попытка преодолеть представления о «чистоте занятий», распространенные в среде испанского дворянства.

Реформы просвещенного абсолютизма способствовали укреплению испанской централизованной монархии и оживлению хозяйственной жизни. Однако конкретные результаты большинства нововведений были весьма скромными, за исключением колониальной реформы и отношений государства и церкви.

ПОРТУГАЛИЯ

Португалия в первой половине XVIII в. В начале века существенно изменилось положение страны в системе международных отношений, в период войны за испанское наследство ее территория приобрела стратегическое значение. Англия в 1703 г. заключила два договора с Португалией, стремясь вовлечь ее в войну. *Договор о вечном союзе* положил начало длительному военно-политическому сотрудничеству Англии и Португалии. Маленькая пиренейская страна превратилась в постоянного и самого надежного союзника Англии на континенте, отныне противники Англии автоматически становились и противниками Португалии. Союз с великой морской державой гарантировал целостность колониальной империи Португалии. *Торговый договор* создал благоприятные условия для экспорта в Англию португальского вина и одновременно открыл португальский рынок для английских шерстяных тканей, что оказало огромное воздействие на экономическое развитие Португалии.

В XVIII в. увеличение экспорта вина и рост цен на хлеб и оливковое масло способствовали развитию специализации и повышению товарности сельского хозяйства. Часть дворянства втягивалась в торговлю вином и колониальными товарами. Отражением этого процесса стал закон 1770 г., провозгласивший торговлю «благородным» (т. е. совместимым с дворянским званием) занятием. Усиливалось разорение крестьян в результате повышения феодальных повинностей и налогов, сгона крестьян с земель для замены пашни виноградниками, сокращения фонда общинных земель. Значительную часть населения португальской деревни составляли безземельные крестьяне, работавшие в хозяйствах крупных землевладельцев и богатых арендаторов. В то же время в зерновых районах юга страны появилась прослойка зажиточных крестьян, арендовавших землю у сеньоров и применявших труд батраков.

В первой половине XVIII в. появились мануфактуры, производившие шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, бумагу, стекло, изделия из кожи. Некоторые из этих мануфактур были основаны предпринимателями-иностранцами.

Одной из причин экономического роста было заметное увеличение численности населения. За 100 лет — с середины XVII в. до середины XVIII в. — население Португалии выросло с 2 до 2,5 млн человек.

В то же время существовал целый ряд факторов, сдерживавших экономический прогресс, одним из которых было сохранение институтов феодального общества. Неотчуждаемость церковной и бóльшей части дворянской земельной собственности препятствовала формированию земельного рынка; цеховая система мешала становлению мануфактурного производства. Английские товары, наводнившие португальский рынок, вытесняли португальскую продукцию. Люди, обладавшие свободными средствами, предпочитали вкладывать их в колониальную торговлю, где прибыль была значительно выше, чем в сельском хозяйстве или в мануфактурном производстве. Наконец, огромный вред португальской экономике наносило поступление золота и алмазов из Бразилии. В начале 1720-х гг. Португалия ежегодно ввозила по 20—25 т бразильского золота. Золото и драгоценные камни пополняли королевскую казну, покрывали дефицит внешней торговли, создавали иллюзию богатства и экономического процветания. Португальская монархия, привыкшая к притоку золота, не проявляла ни малейшей заинтересованности в развитии промышленности, сельского хозяйства и внутренней торговли. Так, в первой половине XVIII в. сложилась парадоксальная ситуация — Португалия была очень богатой страной с архаичной экономикой, все более отстававшей от уровня наиболее развитых государств Европы.

Правление короля *Жоана V* (1706—1750) характеризовалось укреплением абсолютизма. Кортесы, в последний раз собравшиеся в 1697—1698 гг., на протяжении XVIII в. не созывались ни разу. Королевские советы, являвшиеся оплотом аристократии, постепенно упразднились. С середины 1730-х гг. власть была сосредоточена в руках назначенных королем государственных секретарей, многие из которых происходили из среды мелкого дворянства.

В первой половине XVIII в. огромной силой все еще оставалась католическая церковь. В Португалии насчитывалось более 500 монастырей, которым принадлежали лучшие земли. Инквизиция по-прежнему преследовала все проявления инакомыслия. Особую жестокость инквизиторы проявляли в отношении *новых христиан*, многие из которых вынуждены были покинуть родину. Орден иезуитов полностью контролировал всю систему образования. Ведущими дисциплинами в университете Коимбры были теология, каноническое право, священная история; в то же время естественные науки, математика, история Португалии считались второстепенными предметами. Сохранялась церковная цензура, составлялись Индексы запрещенных книг. В 1720 г. была основана Королевская Академия истории.

Благодаря бразильскому золоту в Лиссабоне, Порту и других городах велось большое строительство. Жоан V приглашал иностранных (преимущественно итальянских) архитекторов, художников, скульпторов. Современников поражали величественные храмы и роскошные дворцы с интерьерерами, украшенными мрамором, крас-

ным и черным деревом, огромными мозаичными и изразцовыми панно, слоновой костью; обилие золотой и серебряной утвари; церковные облачения, расшитые жемчугом и драгоценными камнями. Самыми известными архитектурными памятниками этой эпохи стали церковь, монастырь и *дворец в г. Мафра*, построенные по приказу короля в 1710—1730-х гг.

Португальское Просвещение. В первой половине XVIII в. среди образованных португальцев начали распространяться идеи Просвещения. Однако социальная база португальского Просвещения была чрезвычайно ограниченной, новые идеи стали достоянием лишь узкого круга людей, получивших хорошее образование (иногда в зарубежных университетах) и происходивших из среды дворянства и верхушки третьего сословия. Среди португальских просветителей были люди свободных профессий и духовные лица, крупные государственные деятели и чиновники. Одним из первых португальских просветителей был выдающийся дипломат *Луиш да Кунья* (1662—1749), написавший в конце жизни «Политическое завещание», в котором был предложен проект реформ. Важную роль в португальском Просвещении сыграл *Луиш Антониу Верней* (1713—1792), автор пятитомного трактата «Истинный метод образования» и многочисленных учебников. Наибольшей известностью среди португальских просветителей пользовался *Антониу Нунеш Рибейру Саншес* (1699—1783). Опасаясь преследований инквизиции, он покинул Португалию и работал в Голландии, России, Франции. Перу Рибейру Саншеса принадлежат многочисленные трактаты, записки, доклады, проекты, наиболее важным из которых был трактат «Письма о воспитании юношества».

Португальские просветители ясно осознавали, что за блестящим фасадом официальной Португалии скрываются отсталость и бедность основной массы населения, невежество и религиозный фанатизм, растущая зависимость страны от Англии. Единственным выходом из создавшейся ситуации просветители считали реформы, которые должна была осуществить королевская власть. Просвещенные португальцы выступали за укрепление абсолютизма, дальнейшую концентрацию власти в руках монарха, передачу королю судебных и политических полномочий, принадлежавших церкви и аристократии. Отношение просветителей к абсолютизму определялось тем, что в Португалии в середине XVIII в. монархия была единственной силой, которая могла обуздать своеволие феодальной знати и ограничить власть церкви. Для Рибейру Саншеса идеалом была *гражданская и политическая монархия*, которая должна опираться на труд и промышленность, обеспечивать равенство всех граждан перед законом и веротерпимость, охранять собственность.

Просветители считали необходимой отмену сословных привилегий, наносивших вред экономике страны, способствовавших разрушению нации и гражданского государства, мешавших правосудию.

По мнению просветителей, ни Бог, ни природа не разделяют людей на «знатных» и «незнатных». В то же время португальские просветители полагали, что принцип равенства нельзя применять к имущественным отношениям; собственность они рассматривали как вечное и незабываемое естественное право человека.

Рибейру Саншес призывал к отмене рабства и обеспечению равноправия всех жителей Бразилии независимо от цвета кожи. Однако другие просветители не разделяли эти идеи, так как отмена рабства привела бы к разрушению плантационного хозяйства в Бразилии и к потере доходов от работорговли.

На экономические взгляды многих португальских просветителей большое влияние оказали идеи меркантилизма. Кунья считал необходимым проводить протекционистскую политику и ограничивать импорт, создавать привилегированные компании, способствовать созданию мануфактур. Гораздо более радикальный характер имели воззрения Рибейру Саншеса, выступавшего за ликвидацию внутренних таможенных границ, свободу хлебной торговли, отмену церковной десятины и майоратов.

Важное место в идеологии португальского Просвещения занимал вопрос о роли церкви в жизни общества. Среди просвещенных португальцев не было атеистов; даже те из них, кто жил за пределами Португалии и был недосыгаем для инквизиции, никогда не критиковали религию как таковую. Однако просветители осуждали многие стороны деятельности церкви. Кунья считал вредным для государства сохранение церковного землевладения и института монашества; Верней и Рибейру Саншес предлагали сократить число монастырей и отменить привилегии духовенства. Просветители выступали против вмешательства церкви в политическую жизнь страны, поскольку такое вмешательство нарушает законные права монарха; требовали передать трибунал инквизиции и цензуру в ведение королевской власти, запретить пытки и аутодафе. Португальские просветители осуждали преследования новых христиан, их идеалом была веротерпимость.

Большое внимание в своих работах португальские просветители уделяли проблемам образования. Очень типично высказывание Рибейру Саншеса о том, что слава и возвышение королевств зависят не от завоеваний, а от образования монарха и его подданных. Систему образования, существовавшую в Португалии, просветители считали устаревшей. Верней писал, что эта система заставляет ученика ненавидеть учение. Был разработан детальный план реформы образования. Просветители предлагали увеличить объем преподавания дисциплин, полезных для общественного блага и государства, изменить методику преподавания, создать специальные учебные заведения для офицеров, моряков, торговцев, вести обучение на родном языке.

В целом португальское Просвещение имело достаточно умеренный характер: среди португальских просветителей не было ни атеи-

стов, ни приверженцев эгалитаризма, ни сторонников республиканской формы правления. Португальские просветители не испытывали интереса к философским вопросам, их занимали насущные проблемы социально-экономической, политической, культурной жизни страны, они видели свою цель в разработке программы реформ, которые вывели бы Португалию из состояния упадка и отсталости.

Маркиз ди Помбал и реформы просвещенного абсолютизма. В 1750 г. на престол взошел король *Жозе I*, который назначил на пост государственного секретаря по иностранным делам *Себастьяна-Жозе ди Карвалью-и-Мелу*, который вошел в историю как *маркиз ди Помбал*, крупнейший государственный деятель Португалии XVIII в. Маркиз ди Помбал, происходивший из небогатой дворянской семьи, своей энергией и административными способностями сумел завоевать доверие короля и постепенно оттеснил от трона других высокопоставленных чиновников.

Возвышению Помбала способствовало страшное стихийное бедствие — землетрясение, произошедшее 1 ноября 1755 г. Столица Португалии была разрушена, тысячи людей погибли. Оставшиеся в живых были охвачены паникой. В окружении короля маркиз ди Помбал оказался единственным человеком, сохранившим самообладание и способность действовать. Он возглавил спасательные и восстановительные работы, ежедневно отдавая десятки приказов. Облик нового Лиссабона соответствовал эстетическим идеалам Просвещения: широкие прямые улицы, прямоугольные кварталы, дома с большими окнами, пропускавшими много света и воздуха. Специальные каркасы должны были сохранять новые здания в случае повторения землетрясения. Разумные и энергичные действия Помбала укрепили его влияние, в 1756 г. король назначил его первым министром.

Доклады, трактаты, указы, написанные маркизом ди Помбалом, его переписка свидетельствуют о том, что взгляды этого государственного деятеля были близки воззрениям португальских просветителей. Высшими ценностями для Помбала были «свет разума» и общее благо. Его экономические взгляды складывались под влиянием идей меркантилизма. Одной из своих задач Помбал считал всемерное укрепление королевской власти и ограничение влияния церкви.

Сосредоточение всей власти в руках маркиза ди Помбала вызвало резкое недовольство многих аристократов. В 1758 г. возник заговор, направленный против Помбала и его покровителя — Жозе I. Заговорщики предполагали убить короля и возвести на престол его дочь — Марию, находившуюся под влиянием духовенства и придворной знати. Однако покушение на жизнь короля потерпело неудачу и Помбал получил возможность расправиться со своими противниками. Дело было передано в трибунал инквизиции. Участники покушения были подвергнуты мучительной казни. После этих событий сопротивление феодальной знати было окончательно сломлено.

Важнейшим направлением экономической политики маркиза ди Помбала стало создание королевских мануфактур для сокращения импорта. Только на королевских шелковых мануфактурах было занято около 3,5 тыс. человек. Государство оказывало покровительство также и частным мануфактурам, предоставляя им налоговые и таможенные льготы.

По инициативе Помбала были учреждены привилегированные компании для ведения торговли с различными районами Бразилии и с азиатскими владениями Португалии. Была также учреждена компания, получившая монопольное право торговать вином, произведенным в северной Португалии. Создание этой компании повлекло за собой заметное повышение цен на вино, что вызвало недовольство населения.

В феврале 1757 г. в г. Порту произошли волнения. События продолжались всего несколько часов; горожане захватили здание компании и уничтожили документы; человеческих жертв не было. Расправа с участниками волнений поразила современников своей жестокостью: было вынесено 26 смертных приговоров и еще около 450 человек были отправлены в тюрьму либо сосланы на галеры.

В 1761 г. было учреждено *королевское казначейство*, которое взяло в свои руки налоговую и таможенную политику, а также добычу алмазов в Бразилии. Создание казначейства, которое возглавил сам Помбал, способствовало упорядочению сбора налогов. Усилилась борьба с контрабандой, наносившей огромный ущерб экономическим интересам страны.

В 1760—1770-е гг. была значительно увеличена численность армии как в метрополии, так и в Бразилии, разработаны воинские уставы, налажено обучение офицеров-артиллеристов и военных инженеров, укреплена армейская дисциплина.

В годы правления маркиза ди Помбала был нанесен удар по позициям церкви. В 1759 г. Помбал, обвинив иезуитов в том, что они участвовали в покушении на короля, изгнал Орден иезуитов из Португалии и ее колониальных владений, конфисковав его собственность. Учебные заведения, находившиеся под контролем иезуитов, были переданы в ведение королевской власти. Инквизицию Помбал сохранил, но подчинил ее королевской власти. Великого инквизитора теперь назначал король, без согласия папы; главой инквизиции стал брат Помбала. В дальнейшем инквизиция перестала выносить смертные приговоры, последняя казнь состоялась в 1761 г. В 1768 г. церковь потеряла право осуществлять цензуру, эти полномочия перешли к королевской власти. Политика маркиза ди Помбала привела к разрыву отношений с Римом — в 1760 г. из Лиссабона был выслан папский нунций; конфликт был преодолен только к концу 1760-х гг.

В 1768 и 1773 гг. Помбал провел указы, запрещающие делить население страны на «старых» и «новых» христиан. Таким образом был

сделан шаг к прекращению дискриминации евреев. В 1761 г. был обнародован указ, освобождавший рабов, находившихся в Португалии (этот указ не распространялся на португальские колонии). Раб, ступивший на землю Португалии, обретал свободу. При Помбале было запрещено обращать в рабство бразильских индейцев.

Большое значение имела реформа образования, проведенная в соответствии с рекомендациями таких деятелей португальского Просвещения, как Рибейру Саншес и Верней. В середине 1760-х гг. открылся *Королевский дворянский коллеж*, предназначенный для детей аристократии и высокопоставленных чиновников и оборудованный по последнему слову науки середины XVIII в.

Начиная с 1772 г. в Коимбрском университете был резко увеличен объем преподавания естественных наук и математики, были созданы кабинет экспериментальной физики, химическая лаборатория, музей естественной истории, обсерватория, ботанический сад, анатомический театр. Тогда же началась реформа начального и среднего образования. Предполагалось открыть около 480 начальных школ и около 360 средних.

Реформы просвещенного абсолютизма осуществлялись в Португалии чрезвычайно жесткими методами. Маркиз ди Помбал, отличавшийся подозрительностью и жестокостью, беспощадно расправлялся не только с действительными, но и с мнимыми противниками. В период его правления процветало доноительство, сотни людей были брошены в тюрьмы без суда. В 1760 г. Помбал учредил пост главного интенданта полиции. В связи со всеми этими событиями многие португальские историки определяют режим, установленный Помбалом, как *просвещенный деспотизм*.

В 1777 г. Жозе I умер, королевой была провозглашена его дочь *Мария I*. Маркиз ди Помбал был отправлен в отставку и едва избежал смертной казни. Из тюрем были освобождены политические противники Помбала. При дворе вновь возросло влияние духовенства и аристократии. Привилегированные компаниии лишились поддержки государства. Однако другие реформы, проведенные при Помбале, не были отменены. Более того, некоторые меры, предпринятые в правление Марии I, оказались созвучны реформам Помбала: в 1779 г. была основана *Академия наук*, состоявшая из трех отделений — математики, естественных наук и литературы. Научные журналы, издаваемые Академией, сыграли значительную роль в распространении идей Просвещения.

Реформы просвещенного абсолютизма способствовали экономическому росту и развитию предпринимательства, модернизации системы образования, укрепили абсолютизм и ограничили политическое влияние в Португалии феодальной аристократии и католической церкви. Вместе с тем они не затронули основ старого порядка — в стране сохранялись дворянское и церковное землевладение, феодальные повинности, цеховая система, сословный строй, инквизиция.

Перемены в государственном строе. В первой половине XVIII в. Италия оставалась ареной военного соперничества Франции, Испании и монархии Габсбургов. Итогом нескольких войн стали значительные изменения на государственно-политической карте полуострова — великие державы перекраивали ее в зависимости от менявшегося соотношения сил. После поражения в войне 1701 — 1714 гг. Испания утратила все свои итальянские владения. Неаполь, а с 1718 г. и Сицилия достались Австрии, но она затем лишилась этих территорий. В 1735 г. Неаполь и Сицилия образовали единое самостоятельное *Неаполитанское королевство* во главе с *Карлом Бурбоном Испанским*, которое уже не являлось владением Испании. Ранее принадлежавший ей о. Сардиния некоторое время находился в руках Австрии, а потом перешел к Савойскому герцогству, которое с 1720 г. приобрело статус *Сардинского королевства*. Сохранившая за собой престол Савойская династия успешно продолжала в первой половине XVIII в. политику военно-политического лавирования, в результате которой кроме Сардинии приобрела также соседнюю с Пьемонтом западную часть Ломбардии.

Крушение испанской гегемонии, однако, не положило конец иностранному присутствию в Италии: в стране утвердилась другая европейская держава — Австрия. Она завладела в 1714 г. Миланской областью и Мантуей, а затем фактически подчинила себе герцогства Тосканское и Модену, где в 1730-е гг. воцарились правители из дома Габсбургов. Герцогство Парма, ранее также подчиненное Австрии, в конце 1740-х гг. перешло под управление испанских Бурбонов. В 1746 г. австрийцы захватили Геную. Правящий городской патрициат проявил готовность покориться захватчикам, но восстали с оружием в руках плебейские массы — ремесленники, грузчики, торговцы, подмастерья. В течение нескольких дней они яростно сражались с австрийцами и заставили их отступить, покинув Геную. Народ отстаивал независимость республики, но это не приостановило ее дальнейшего ослабления, что выразилось, в частности, в утрате о. Корсика: оказавшись не в состоянии справиться с оппозиционным движением на острове, Генуя, под давлением Франции, продала ей Корсику в 1768 г.

Клонилась к упадку и *Венецианская республика*. Отвоение у турок в конце 1680-х гг. Южной Греции (Пелопоннеса) стало ее по-

следней военной победой, одержанной благодаря выдающемуся военачальнику дожу Морозини. Уже в 1718 г. по Пожаревацкому миру Венеции пришлось вернуть туркам Пелопоннес и ряд островов. XVIII в. прошел под знаком ослабления военной и экономической мощи Венецианской республики, угасания ее некогда обширной торговли. Превращение Венеции во второстепенную державу стало настолько очевидным, что Австрия во второй половине XVIII в. склонялась к захвату ее территории.

В течение столетия несколько расширились международные связи итальянских государств: некоторые из них установили дипломатические отношения с Пруссией и с Россией (в 1770—1780-е гг.). Вместе с тем в полной мере сохранялись государственная раздробленность и политическая разобщенность Италии.

Экономическое развитие. С начала 1740-х гг. в Италии почти на полвека воцарился долгожданный мир, что благоприятно сказалось на экономике. За столетие население страны выросло с 13,4 до 18 млн человек. Увеличение спроса на продовольствие и сырье как в самой Италии, так и в других странах способствовало хозяйственному подъему, который, однако, затронул не все области Италии и не все отрасли экономики. Подъем особенно ощущался в Северной и отчасти в Центральной Италии. Благодаря освоению пустошей и осушению заболоченных территорий увеличивались площади обрабатываемых земель. В Ломбардии, Пьемонте и Венецианской провинции прогрессировала агрокультура на поливных землях, вводились передовые севообороты с посевами кормовых трав вместо пара, что позволяло интенсивно вести животноводство. Расширились посадки кукурузы, картофеля и риса, вывоз которого (как и оливкового масла с юга полуострова) значительно возрос. Некоторые землевладельцы начали применять машины для посева и обмолота зерна.

Промышленное производство развивалось главным образом в северных областях. Благодаря большим успехам шелководства в сельской местности росла первичная переработка шелка — разматывание шелковых коконов, скручивание нитей и шелкопрядение. В Ломбардии, Пьемонте и Венецианской области этим занималось множество крестьян-надомников. Численность шелкопрядилен в Ломбардии в 1760-е гг. достигла 750 (против 358 в конце XVII в.), а в Пьемонте уже в начале XVIII в. их было более 1 тыс., и производство шелка увеличилось здесь в течение века с 1,5 млн до 3—4 млн кг. Доля шелка (по стоимости) составила почти половину всего вывоза из Италии, ставшей его главным экспортером в европейские страны, особенно во Францию и Англию.

На севере страны наблюдался некоторый рост производства хлопчатобумажных тканей, но оно ограничивалось потребностями сельского населения. Итальянский хлопок не мог конкурировать с английскими, французскими и женеvскими тканями, которые наводняли городские рынки. В то же время традиционное для Италии шер-

стяное производство в Ломбардии и Венеции так и не вышло из состояния упадка.

Основной формой текстильного производства оставалась рассеянная мануфактура в сельской местности и в небольших городках. Только в последние десятилетия XVIII в. стали возникать единичные относительно крупные текстильные предприятия, использовавшие современное техническое оборудование, включая машины.

Социальный строй. В XVIII в. господствующее положение в обществе по-прежнему принадлежало разным группам дворянства. В Северной и Центральной Италии доминировал *городской патрициат* — как правило, замкнутые олигархии аристократических семей, державшие в своих руках аппарат управления. Например, в Милане господствовала олигархия, состоявшая из 60 титулованных фамилий. Несмотря на свою немногочисленность (на севере страны всего 1,1 % населения), городская знать обладала огромным экономическим и политическим влиянием. В больших и малых городах правящий патрициат строго контролировал доступ в свою среду и в сферу городского управления тех, кто посвящал себя «низким», «неблагородным» занятиям — торговле и промышленному предпринимательству, даже если такие люди обладали значительными капиталами. Богатство самой городской аристократии в XVIII в. складывалось из доходов от занимаемых ею должностей, от финансовых операций, ценных бумаг и сдаваемых в аренду земель. Концентрация дворянского землевладения в некоторых областях Италии продолжала расти. Например, богатые венецианские аристократы обладали тысячами, а богатейшие — десятками тысяч гектаров земли.

На юге Италии, в неаполитанских провинциях, сохранялось почти неограниченное господство 600 титулованных феодальных баронов, под юрисдикцией которых в конце XVIII в. находилось 3,4 млн человек из 5 млн населения Южной Италии, причем юрисдикция 80 крупнейших землевладельцев распространялась на 2 млн человек. Только в Неаполе, насчитывавшем к концу века более 400 тыс. жителей, все бóльшую роль играли высшая бюрократия, судьи и адвокаты. Крупные землевладельцы-феодалы господствовали также на островах Сицилия и Сардиния,

Стойкий спрос и повышение цен в течение века на сельскохозяйственную продукцию и сырье имели значительные хозяйственные и социальные последствия для итальянской деревни и крестьянства. Потребность в расширении сельскохозяйственных угодий не могла быть удовлетворена за счет огромных массивов дворянских и церковных земель, так как майораты, фидеикомиссы и право «мертвой руки» делали невозможной их куплю-продажу. Именно поэтому главным источником увеличения недворянского землевладения стали общинные земли, которые достигали значительных размеров (особенно в венецианской области и на неаполитанском юге) и служили подспорьем для малоимущих крестьян. По всей Италии начались захва-

ты общинных угодий. Состоятельные люди, так или иначе связанные с деревней, — торговцы сельскохозяйственной продукцией, управляющие дворянскими имениями, ростовщики, чиновники местной администрации, юристы, разбогатевшие крестьяне, наконец, бароны — старались с помощью самых разнообразных способов (часто незаконных) завладеть общинными землями.

Вместе с тем в течение XVIII в. в ряде областей Италии все более распространялась крупная земельная аренда. В Центральной и Южной Италии она имела посреднический характер: крупные арендаторы дворянских владений (торговцы, ростовщики, иногда богатые крестьяне) обычно ничего не меняли в хозяйственных отношениях и лишь пересдавали землю мелкими участками в субаренду крестьянам или скотоводам-пастухам под пастбища, требуя от них более высоких натуральных или денежных платежей, и наживались на этом. В то же время на севере Италии крупные арендаторы заводили собственные хозяйства капиталистического типа с применением наемного труда. Такие хозяйства, уже существовавшие в XVII в. в Ломбардии, стали в XVIII в. распространяться в Сардинском королевстве — в Пьемонте. Здесь во второй половине века за считанные десятилетия во многих провинциях большинство крестьян были вытеснены с земли, и часть их переведена на положение поденщиков или батраков в хозяйствах арендаторов-предпринимателей, особенно занимавшихся возделыванием и сбытом риса.

Вследствие таких хозяйственных перемен в XVIII в. в итальянской деревне складывалась *земельная буржуазия*, состоявшая из мелких и средних землевладельцев, а также крупных земельных арендаторов, часть которых переходила к капиталистическим методам хозяйствования. Интересы деревенской буржуазии и дворян-землевладельцев во многом совпадали, так как источником доходов обеих социальных групп были земля и труд крестьян. Слабая и разьединенная сельская буржуазия была еще весьма далека от того, чтобы оспаривать экономическое и политическое доминирование земельной аристократии. Вместе с тем ее хозяйственные методы в сочетании с захватами общинных земель в последние десятилетия XVIII в. ускоряли оскудение крестьянских хозяйств и способствовали росту недовольства среди деревенских масс.

Упадок Папства. Сдвиги в общественном сознании. XVIII в. отмечен падением политической роли Папства как в Италии, так и в целом в Европе. Ослабление влияния католической церкви явилось следствием распространения светского сознания и обострения противоречий между церковью и светской властью, не желавшей более мириться с привилегиями церкви, превращавшими ее в некое «государство в государстве». Такое положение особенно ощущалось в Неаполитанском королевстве. Здесь численность церковников (75 тыс.) была едва ли не самой большой среди итальянских государств, а доходы церкви в середине XVIII в. превышали как доходы с феодалов, так

и доходы королевской казны. Кроме того, Папство, ссылаясь на историческую традицию, упорно настаивало на том, что королевство является его феодалом.

Помимо налоговых привилегий церковников острую критику вызывали их особые юридические права, ограничивавшие роль государственного правосудия. Например, *правом убежища* обладали бесчисленные церковные институты — не только церкви и монастыри, но и помещения религиозных орденов и различных церковных учреждений. Всякий, кто укрывался в них, автоматически исключался из сферы государственной юстиции. В Неаполитанском королевстве в 1740 г. правом церковного убежища воспользовалось до 20 тыс. человек. Многие церкви становились пристанищем для преступников (нередко вооруженных) — воров, мошенников и убийц. Получая выгоду от своего покровительства, церковь отказывалась выдавать их властям и добивалась, чтобы тех, кто воспользовался правом убежища, судили церковные суды, которым были подсудны и сами церковники. Не случайно именно в Неаполе в первые десятилетия XVIII в. развернулась в печати полемика вокруг проблемы отношений между церковью и государством и необходимостью четкого разграничения их прав. Участники дискуссии отстаивали принцип полного верховенства государства над церковью в светских делах, в частности в юридической, судебной сфере. Особенно большую роль в привлечении общественного внимания к притязаниям и практике церкви, ущемлявшим суверенитет государства, сыграло сочинение видного неаполитанского юриста *Пьетро Джанноне* (1676—1748) «Гражданская история Неаполитанского королевства» (1723). Он смело обрушился на засилье церковников во всех сферах жизни, утверждал абсолютную недопустимость вмешательства церкви в светские дела и призывал королевскую власть установить строгий контроль над мирской деятельностью церкви, сохранив за ней только духовную власть. Книга П. Джанноне, переведенная на несколько языков, нанесла сильный удар Папству. Она была запрещена, а ее автор отлучен от церкви и брошен в тюрьму.

В первой половине XVIII в. дискуссия о разграничении прав государства и церкви распространилась на другие итальянские земли. В Италию стали все чаще проникать работы передовых европейских мыслителей. Начали выходить журналы, знакомившие читателей с научными открытиями и новой иностранной литературой (особенно французской и английской) по разным отраслям знания. Культурная изоляция Италии уходила в прошлое, тяга образованных людей к современной европейской мысли стала непреодолимой. Возродился интерес к наследию Г. Галилея, в котором видели одного из творцов новой науки. Одновременно расширялись личные связи и контакты образованных людей в разных концах Италии. Основанная в самом конце XVII в. в Риме литературная академия «Аркадия» быстро превратилась в первое общеитальянское культурное сообщество,

ее ответвления возникли во всех государствах полуострова, а ее численность выросла с 1,2 тыс. в 1710 г. до 2,6 тыс. в конце 1720-х гг. Периодические печатные издания постепенно переходили от решения чисто информационных задач к дискуссиям по проблемам экономики, политики, науки, религии, что делало журналы и газеты средством формирования общественного мнения.

Итальянское Просвещение. Такое изменение духовной среды создало условия для подъема общественной мысли, принявшего форму *просветительского движения*, охватившего все без исключения государства полуострова. Передовая интеллигенция, осознавая глубокую отсталость Италии, искала пути ее преодоления и совершенствования общества. Итальянские просветители сосредоточились преимущественно на разработке конкретных путей и методов социального переустройства. В своей переписке, в газетах, в кружках и обществах они обсуждали насущные проблемы Италии. Стали выходить десятки сочинений с проектами реформ в области экономики, законодательства, судопроизводства, образования. В Неаполе душой просветительского движения стал философ и экономист *Антонио Дженовези* (1712—1769). В Милане просветители создали «*Кулачное общество*», название которого символизировало вызов существующим порядкам. Ведущую роль в этом обществе играли *Чезаре Беккарриа* (1738—1794) и братья *Алессандро* и *Пьетро Вёрри*, издававшие журнал «Кафе».

Одним из главных препятствий на пути общественного прогресса просветители, особенно на юге страны, считали феодальную собственность на землю и оберегавшие ее майораты, фидеикомиссы, право «мертвой руки». Большой размах и остроту антифеодальная критика приобрела в Неаполе с его засильем светских и церковных сеньоров. А. Дженовези, *Г. Филанджьерри* (1752—1788) и другие неаполитанские просветители доказывали, что феодальный порядок является анахронизмом, причиной вековой отсталости южного общества, что монополия сеньоров на землю влечет за собой безземелье крестьян и обрекает сельское хозяйство на деградацию, а деревню — на страшную нищету. «Удел крестьян — быть постоянно угнетенными и обманутыми», — с горечью писал один из просветителей. Никогда ранее в печатных изданиях крестьянство не было объектом такого пристального и сочувственного внимания. Обличая землевладельцев в беспощадной эксплуатации крестьян, большинство просветителей, однако, проявляли умеренность, когда речь заходила о конкретных преобразованиях в деревне. Например, призывая к созданию мелкой крестьянской собственности, они ограничивались предложением использовать с этой целью церковные земли или пустующие земли в феодах, предоставив их неимущим крестьянам и батракам на условиях бессрочной аренды или выкупа.

Требуя ликвидации обветшалых и крайне запутанных законов и замены их простым и ясным законодательством, основанным на «ес-

тественных» правах человека, просветители выступали тем самым за преобразование общественного устройства на базе вытекавших из этих прав новых политических, социальных и моральных принципов, призванных стать основой нового миропорядка. Эти принципы получили особенно яркое выражение в книге Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764). Автор призывал к введению равенства всех людей перед законом, к отмене сословных привилегий дворян и духовенства, к независимости суда от государственной власти, к отмене пыток и смертной казни. Убеденный в том, что большинство преступлений вызвано нищетой, Ч. Беккариа настаивал на более гуманном отношении к осужденным. Книга была переведена на десятки языков, ее идеи в течение последующих полутора веков использовались при разработке новых форм законодательства во многих странах мира (включая США и Россию).

Наряду с перестройкой законодательства важнейшим условием и предпосылкой преодоления отсталости Италии просветители считали распространение знаний, образование. Обнажив пороки господствующей в Италии культуры, пропитанной схоластикой и теологией, оторванной от реальных жизненных проблем, они ратовали за развитие «полезных наук», способствующих улучшению земледелия, промышленности, общественных порядков. «Науки, — писал А. Дженовези, — должны спуститься с их недосягаемых высот и немного соприкоснуться с крестьянами и ремесленниками». Просветители хотели, чтобы образование было вырвано из рук церкви и из привилегии имущих превратилось в достояние народных масс, оставшихся поголовно неграмотными. С этой целью А. Дженовези предлагал открыть школы для крестьянских детей в каждой деревне, а Г. Филанджери — ввести бесплатное обучение для всей городской и сельской бедноты.

Просветители подняли на новый уровень критику церкви, начатую в первой половине XVIII в., призывая покончить с ее вмешательством во все без исключения сферы жизни общества, изобличая стяжательство, имущественные махинации и моральную деградацию верхушки клира и монастырской братии, произвол и жестокость инквизиции, гонения церковников на свободную мысль. Некоторые просветители предлагали провести реформу католической церкви: уменьшить численность духовенства, особенно монастырского и орденского, сократить церковные праздники, ритуалы и службы, оздоровить церковную жизнь. Вместе с тем критика церкви не распространялась на религию: просветители (за редким исключением) считали, что христианство играет в обществе положительную роль, являясь моральной опорой людей и регулируя их поведение.

Некоторые просветители сознавали, что отсталость Италии — это следствие ее государственной раздробленности, усугубляющей местный сепаратизм. Они доказывали, что у жителей любого города, любой местности есть общая родина — Италия и что страна вновь

сможет стать сильной и процветающей лишь в том случае, если все итальянцы сольются в единый народ и будет создано государственное единство. Таким утверждениям мыслители старались дать историческое обоснование. *Л. А. Муратори* осуществил огромную — в десятках томов — публикацию исторических источников за тысячу лет (с VI по XVI в.) в стремлении доказать, что Италия, несмотря на государственную раздробленность, всегда была особой страной и родиной всех, кто населял ее. Неаполитанец *Дж. Вико* (1668—1744) не принимал просветительского взгляда на историю как на неуклонное движение человечества по пути прогресса, однако в своем трактате «Новая наука» (1725) сделал вывод о существовании определенных исторических закономерностей, одной из которых он считал возникновение централизованной монархии, что могло подвести читателей к мысли о возможности ее создания и в Италии.

Просветители были уверены, что все предложенные ими преобразования можно осуществить мирным путем, причем главную надежду они возлагали на реформаторскую деятельность «просвещенных» государей, которым старались внушить, что достижение «всеобщего счастья» отвечает интересам монархии. Если же «истина не воссядет на престолах рядом с монархами» (Ч. Беккариа), если общественные порядки (особенно в деревне) не будут перестроены, можно ожидать народного возмущения, в котором просветители видели, скорее, разрушительную, а не созидательную силу и поэтому считали желательным предотвратить его.

Реформы в первой половине XVIII в. XVIII в. был насыщен реформаторской деятельностью. Самые значительные реформы в первой половине века были проведены в Сардинском королевстве в связи с тем, что постоянные войны и значительные территориальные приращения требовали дополнительных расходов и совершенствования системы управления. При короле *Викторе-Амадее II* (1694—1730) с целью увеличения государственных доходов и их стабилизации была проведена всеобщая поземельная перепись (*кадастр*), позволившая определить доходность феодальных, церковных и частнособственнических владений. На основе кадастра указом короля было введено всеобщее налогообложение. Налоговые привилегии дворян и духовенства значительно сократились, 166 феодалов (из 800, примерно), обладатели которых не смогли документально доказать древность своих прав на них, были отчуждены и проданы новым дворянам, преимущественно чиновникам, участвовавшим в проведении реформы.

Государство предприняло ряд мер, чтобы ограничить роль церкви в мирских делах. Сокращались или ликвидировались ее судебные права и привилегии. В Сардинском королевстве впервые в Италии была ограничена монополия церкви на обучение. Реформа школы предусматривала установление контроля монархии над образованием и превращение его в орудие власти. В Турине открылись 36 госу-

дарственных средних школ для детей состоятельных горожан и мелких дворян, а иезуиты лишились возможности вести обучение. Ежегодно в провинции отбирались для бесплатного образования в особом училище 100 способных юношей из бедных семей с целью подготовки квалифицированных и преданных королю чиновников. Король лично следил за их учебой и затем назначал на высокие должности. Однако доля расходов на образование (0,5—0,8 % всех государственных расходов) была крайне мала по сравнению с военными (64 %) и расходами на нужды королевской семьи (8—12 %).

Монархия посягнула также на главную прерогативу церкви — благотворительность, заменив ее *королевским патернализмом*. В городах на средства государства создавались приюты, в которых детей-сирот и детей из неимущих семей обучали полезным занятиям, чтобы таким образом дать им возможность зарабатывать на жизнь трудом, а не нищенствовать.

Однако ограничивая влияние церковников в мирских делах, королевская власть одновременно декларировала свою неизменную поддержку «святой веры» и свое покровительство церкви. Власть использовала церковь, чтобы строго контролировать состояние умов студентов Туринского университета и не допустить проникновения в него передовых идей. Студентам разрешалось сдавать выпускные экзамены, если только они исповедовались у своего викария или архиепископа. Именно правители Сардинского королевства, идя навстречу пожеланиям Папства, обманом арестовали П. Джанноне и продержали 12 лет в тюрьме, где он и скончался. В разгар реформ в королевстве по решению судов казнили осужденных за колдовство и чародейство.

В целом реформы в Сардинском государстве несли на себе отчетливо консервативный и узкопрагматический отпечаток, будучи всецело продиктованы *государственным интересом*, т.е. задачей укрепления монархии и абсолютистской власти.

В первой половине XVIII в. попытки реформ предпринимались и в других государствах Апеннинского полуострова, однако войны и упорное сопротивление дворянства, духовенства и городского патрициата срывали их проведение.

Реформы просвещенного абсолютизма. Во второй половине XVIII в. в условиях мирного времени возникли благоприятные возможности для широкой реформаторской деятельности в связи с явно назревшей необходимостью преодоления архаичных структур, тормозивших развитие общества. Выдвинутая просветителями программа преобразований частично совпадала с целями правящих династий, поэтому монархи привлекали просветителей к проведению реформ — использовали их советы или назначали на государственные посты.

Во всех итальянских государствах финансовые трудности, вызванные ростом расходов и несовершенством налоговой системы, требо-

вали ее преобразования. В Ломбардии, Парме, Тоскане, Неаполитанском королевстве упразднились или ограничивались налоговые привилегии дворян и духовенства, отменялись откупы налогов и государство возвращало себе (путем выплаты компенсации) ранее проданные частным лицам права на сбор косвенных налогов и пошлин.

В Ломбардии было завершено прерванное из-за войны составление земельного кадастра, что позволило ввести поземельный налог для всех землевладельцев. Были также ослаблены запреты на продажу дворянских и церковных земель, облегчена внутренняя торговля хлебом, поощрялись нововведения в агрокультуре, осушение заболоченных земель.

Итальянские монархи не могли более мириться с ущемлением церковью экономических и юридических интересов государства. Начатые реформы преследовали цель утвердить верховенство светской власти над церковью и ограничить ее чрезвычайно возросшую независимость от государства. В Неаполитанском королевстве запрещалось дальнейшее расширение церковного землевладения, были урезаны права церковных судов, упразднены инквизиция, некоторые религиозные ордена и десятки монастырей, конфисковано их имущество. Под влиянием идей просветителей правительство даже передало часть принадлежавших иезуитам земель мелкими участками в аренду крестьянам, однако давление крупных землевладельцев сорвало эту реформу. Некоторые аналогичные антицерковные меры проводились и в других итальянских государствах. Отовсюду изгонялись иезуиты, и в 1773 г. папа вынужден был *упразднить этот орден*. Были ослаблены и позиции церкви в сфере образования. В Ломбардии и Парме государство взяло в свои руки начальное обучение.

Особый размах реформы получили в Тоскане в период правления *герцога Петра Леопольда* (1765 — 1790), сына австрийской императрицы Марии Терезии. Заняв престол в 1765 г. в 18-летнем возрасте, Петр Леопольд в течение четверти века неотступно проводил широкую программу преобразований, опираясь на советников просветительской ориентации. Действуя осторожно, он не останавливался перед смелыми начинаниями.

Несколько облегчив налогообложение крестьян, Петр Леопольд попытался создать слой мелких землевладельцев. По его приказу большая часть земельных владений герцогской семьи (до 60 %), а также земли некоторых церковных и других корпораций и общинные угодья подлежали разделу на участки с целью продажи или сдачи в долгосрочную аренду. В случае выплаты положенных платежей крестьянин превращался в полного собственника арендованного участка. Петр Леопольд требовал при проведении этой операции отдавать предпочтение тем, кто непосредственно возделывал землю. Однако в итоге большая часть земель перешла не к крестьянам, а к состоятельным горожанам (торговцам, юристам) и крупным землевладельцам-дворянам.

Упразднение всех внутренних таможенных границ и введение свободной торговли сделали возможными свободный ввоз и вывоз сельскохозяйственной продукции. Проводились в значительных масштабах (хотя и без видимого успеха) работы по осушению заболоченных земель.

В Тоскане было введено самое передовое для своего времени уголовное законодательство. Разработанный на основе идей Ч. Беккариа уголовный кодекс отменял пытки и смертную казнь, фактически вводя принцип презумпции невиновности. Впервые в Италии Петр Леопольд опубликовал также государственный бюджет.

Исключительным явлением в практике абсолютистских режимов Европы стал проект конституции, разработанный по инициативе Петра Леопольда. Проект предусматривал создание однопалатного парламента (избираемого состоятельными налогоплательщиками), который выполнял бы при герцоге роль совещательного или консультативного органа. Петр Леопольд, вероятно, надеялся таким образом вовлечь имущие слои Тосканы в политическую жизнь и заручиться их поддержкой в проведении реформ. Однако конституция не была введена в действие: несмотря на ее крайне умеренный характер, она вызвала отрицательное отношение императорского правительства в Вене и не получила отклика у консервативно настроенных имущих слоев Тосканы. опередила свое время и задуманная Петром Леопольдом реформа церкви, предусматривавшая упрощение культа, запрет почитания мощей, резкое сокращение числа церковных праздников и церемоний, введение автономии церкви в Тоскане по отношению к Папству и др. Сначала эти реформы были отвергнуты местными епископами, а затем против них начались народные выступления.

Если реформы в Тоскане и ряде других итальянских государств несли на себе в той или иной степени отпечаток просветительских идей, то начатая в 1770-е гг. в Сардинском королевстве реформа по упразднению феодального порядка в области Савойя была проведена обычным для этого королевства авторитарно-бюрократическим путем. Крестьян обязали выкупать феодальные повинности на очень тяжелых для них условиях. За 20 лет реформы крестьяне внесли в счет выкупа землевладельцам миллионы, а конца платежам не было видно.

Реформы в итальянских государствах постоянно наталкивались на сопротивление светской знати, нобилей и церковников, которым удалось сорвать некоторые из них. Господство крупного землевладения нигде не было поколеблено, а социальные противоречия за годы реформ еще более обострились в результате усилившегося проникновения буржуазии в деревню и повсеместного роста обеднения крестьян. Когда началась революция во Франции, реформы были практически везде прекращены.

Образование и наука. XVIII в. отмечен ослаблением влияния церкви и религии на культуру. Растущий интерес к новым научным

знаниям обусловил изменения в содержании и методах преподавания во всех университетах, являвшихся бастионами теологии и схоластической философии.

В начале века возникли хорошо оснащенные физические лаборатории (в Падуе, Турине и Риме), анатомические кабинеты, обсерватории (в Болонье, Риме и Пизе). В Неаполитанском университете, где в начале XVIII в. существовало более 20 кафедр юриспруденции, теологии и догматизированной философии и только одна кафедра математики, в 1730-е гг. были учреждены кафедры химии и ботаники, астрономии, экспериментальной физики, анатомии, европейских языков, муниципального права, заложен ботанический сад и создана библиотека. В 1754 г. А. Дженовези возглавлял первую в Италии и Европе кафедру политической экономии (в 1768 г. такая же кафедра была создана в Милане специально для Ч. Беккариа). А. Дженовези стал читать лекции на итальянском языке, что явилось огромным новшеством, так как преподавание в Неаполитанском и других университетах велось на латыни и за отступление от этого правила преподавателей могли лишиться жалованья. Лекции Дженовези, пропагандировавшего экономический и гражданский прогресс, обличавшего невежество и суеверия, собирали сотни слушателей. Его приходили слушать не только студенты, но и образованные горожане. А. Дженовези способствовал распространению на юге Италии просветительских идей и созданию общественного мнения.

В 1740—1760-е гг. подобное обновление программ обучения произошло и в некоторых других университетах, что, по сути, являлось началом поворота от средневековых университетских каноников к новому научному знанию. О происходивших переменах свидетельствовала и отмена Папством в 1757 г. церковного постановления 1616 г., осуждавшего учение Н. Коперника.

Среди многих итальянских ученых-естествоиспытателей в XVIII в. выделялись натуралист и физик *Л. Спалланцани* (1729—1799), получивший известность благодаря своим открытиям в области физиологии человека и животных, и особенно *Л. Гальвани* (1737—1798) и *А. Вольта* (1745—1827), которые, наряду с Б. Франклином, явились зачинателями науки об электричестве. Их эксперименты и открытия (в частности, изобретение Вольта в 1799 г. первой электрической батареи — *вольтова столба*) вызвали общеевропейский резонанс и повлекли за собой такое расширение исследований в области электричества, что его изучение в XIX в. превратилось в одно из главных направлений естествознания.

К концу XVIII в. в городах Италии значительно вырос слой интеллигенции: литераторов, журналистов, издателей, преподавателей университетов и школ, студентов, юристов, медиков, музыкантов, актеров. Именно в такой среде находили питательную почву просветительские идеи обновления общественных порядков.

ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Демографическая динамика. В первой половине XVIII в. население Германии возросло с 15 до 17 млн человек. Столь медленный рост, причины которого были различны, часто прерывался голодными неурожайными годами и эпидемиями. Средняя продолжительность жизни при высокой смертности составляла чуть более 30 лет. Если, несмотря на значительное количество одиноких мужчин и женщин, в сельской местности все же наблюдался небольшой, но неуклонный прирост населения, то это объяснялось относительно высокой рождаемостью. Однако проблемой было не рождение, а сохранение жизни детей. Если женщина выходила замуж в возрасте 23—25 лет, то обычно у нее рождалось 4—6 детей, но выживала только половина из них.

В тех немецких государствах, где власти проводили активную демографическую политику, всяческими льготами поощрялось переселение людей (особенно квалифицированных мастеров) на свои земли. В начале XVIII в. в Вюртемберг из Франции перебралось несколько тысяч *вальденсов*, приверженцев еще средневековой ереси. Во Франконии осело около 150 тыс. лютеран из Австрии, Баварии и Пфальца. В 1725 г. 20 % населения герцогства Бранденбург-Пруссия составляли переселенцы.

Одновременно возрастала и эмиграция из самой Германии на юго-восток Европы, а также в Россию и Северную Америку. Тяжелые условия жизни и религиозные гонения вызвали массовую эмиграцию из Пфальца через Англию в Америку. Только в 1709 г. оттуда выехало более 13 тыс. человек, а к середине XVIII в. ежегодно выезжало в среднем по 2 тыс. В американских колониях к этому времени проживало уже более 100 тыс. немцев.

К середине XVIII в. темпы прироста и географической мобильности населения Германии значительно возросли. В 1748 г. в Бранденбурге-Пруссии проживало 3,5 млн человек, в 1770 г. — уже 4,2 млн, причем прирост, хотя и неравномерный, происходил во всех провинциях. В некоторых сельских местностях Бадена, Вюртемберга и Пфальца появилось даже избыточное население, устремившееся в Восточную Пруссию. Из Швабии поток переселенцев потянулся на Дунай, в Венгрию и Трансильванию, а также в российское Причерноморье.

В немецких городах в XVIII в. прирост населения при низкой рождаемости происходил в основном за счет сельских переселенцев, приезд которых как новых налогоплательщиков и строителей власти поощряли. Крупных городов в Германии в то время почти не было. На рубеже XVII—XVIII вв. в Гамбурге и Берлине проживало около 60 тыс. человек, в Страсбурге, Данциге и Бреслау — около 40 тыс. человек. Самыми крупными германскими городами к концу века были Вена (230 тыс.), Берлин (170 тыс.) и Гамбург (130 тыс.).

Сельское хозяйство и аграрный строй. В большинстве областей Германии все еще господствовало *трехполье*, но в XVIII в. продукция сельского хозяйства стала более разнообразной. Вблизи городов стали возделывать больше овощных, бобовых и масличных культур. В отдельных местах получила распространение *многопольная система*, в других, где применялось много удобрений, — *однопольная*, кое-где доминировало луговое хозяйство. Во второй половине XVIII в. значительно увеличилось выращивание свеклы и картофеля. Положение крестьян в большой степени определяли размеры их участков, плодородие почвы и навыки ее обработки.

Наиболее интенсивно развивалось сельское хозяйство в бассейне рек Рейн — Майн, в отдельных местностях с плодородной почвой в Тюрингии, Саксонии и Силезии. Животноводство оставалось на сравнительно низком уровне, только на хороших пастбищах и вблизи больших городов оно развивалось более успешно.

Благодаря мелиорации, обвалованию земель и осушению болот площади сельскохозяйственных угодий с 1648 по 1800 г. увеличились на 60 %. Самыми значительными были мелиоративные работы в междуречье Одера — Хафеля в Бранденбурге и на придунайских болотах в Баварии. Лучшему использованию земли способствовал также раздел общинных угодий на отдельные участки, причем инициаторами раздела обычно являлись не правители, а сами крестьяне.

В XVIII в. в Германии сохранялся *аграрный дуализм*: в западных областях преобладали крестьянские хозяйства на арендованной земле, в восточных — полностью доминировали крупные дворянские барщинно-крепостнические хозяйства, ориентированные на экспорт зерна. Сохранялась высокая степень товарности господских хозяйств. Вывоз зерна из Пруссии вырос со 100 тыс. т в конце XVII в. до 300 тыс. т в начале XVIII в. В дворянских имениях в Гольштейне, Мекленбурге и Пруссии распространялась более совершенная система севооборота, позволявшая повышать урожайность зерновых.

XVIII в. принес с собой новое явление в крестьянском вопросе — активное вмешательство в него государства. Действуя из самых разных побуждений — фискальных интересов, стремления расширить сферу своего контроля, просветительской критики — государство все чаще вмешивалось во взаимоотношения помещика и крестьянина. В 1750-е гг. в ряде германских государств, например в Ганновере и Баварии,

были осуществлены реформы, сводившиеся главным образом к переводу натуральных повинностей в денежную форму и фиксации крестьянских повинностей. В 1770-е гг. главным направлением аграрных реформ стало *законодательное сокращение барщины* — сначала на западе, в Бадене и других прирейнских княжествах, а затем и на востоке страны. Наиболее известным распоряжением на этот счет стал изданный в 1777 г. рескрипт Фридриха II «Опыт о формах проявления и об обязанностях государей». Барщина в прусских домениальных землях сокращалась с 5 до 3 дней. Однако аграрные реформы не привели к освобождению крестьян. Более того, их положение в восточных землях ухудшилось вследствие усиления эксплуатации, вызывавшей обеднение деревни.

Ремесло. Мануфактуры. Одним из наиболее заметных новых явлений было постепенное угасание цехового ремесла под влиянием экономических, демографических и технологических перемен. Цехи с их стремлением регламентировать производственную сферу все менее соответствовали духу времени. Более критическую позицию в отношении цехов заняли и власти, вмешательство которых в цеховые порядки было продиктовано характерным для абсолютизма стремлением рационализировать и унифицировать управление страной, устранив все промежуточные инстанции между монархом и его подданными (в данном случае — цеховое самоуправление и суд). Цехи все менее устраивали правителей и с экономической точки зрения. Их сдерживающее воздействие на рост производства мало соответствовало мечтам князей об активном торговом балансе в духе меркантилизма. В значительной степени из этих предпосылок родился *имперский закон 1731 г.* — один из немногих удавшихся и действительно важных законодательных актов, согласие на который дали как все три курии рейхстага, так и император. Этот закон, уточненный и дополненный в 1771 г., разрешал труд женщин-ремесленников, отменил ограничение числа подмастерий, запретил создание цехов и принятие цеховых уставов без ведома властей, ограничил цеховой суд и т. д. Закон имел компромиссный характер — усилив контроль государства в цеховых делах и внося некоторые послабления в цеховое устройство, он тем не менее признавал важность цехов в существовавшей экономической структуре. Показательна и реакция на этот закон — если Австрия и Пруссия, лидеры германского экономического развития, опубликовали его уже в 1732 г., то в некоторых имперских городах публикацию затягивали десятилетиями.

В роли динамичного элемента развития промышленности и ремесла выступали так называемые «дикие», т. е. нецеховые ремесленники в городе и особенно сельские ремесленники-надомники, бывшие основой развития мануфактуры. Заметный подъем сельского ремесла начался в середине XVIII в. В 1780 г. около трети деревенских дворов юго-западной Германии занимались уже преимущественно ремеслами, поскольку крестьянам необходимо было за счет

побочных промыслов обеспечить свое существование. В регионах с избыточным населением и плохими землями быстрее всего развивались свободные от цеховых пут и работающие на рынок сельские промыслы. Самым распространенным видом надомничества было ткачество, прежде всего полотняное. Его центрами стали силезский Бергланд, Гессен, нижний Рейн и Швабия. Надомничество все более широко распространялось также в хлопчатобумажном и шелковом ткачестве. Центр хлопчатобумажного ткачества в XVIII в. переместился из Швабии в Саксонию. Сырье для него доставлялось издалека, с Балкан, из стран Леванта и Вест-Индии. В Вестфалии и средней Германии ткачество шелка и шерсти было сосредоточено преимущественно в городах, на Рейне — в сельской местности. В конце XVIII в. надомники производили уже 43,1 % всей продукции, что лишь немного уступало городскому ремеслу (46,9 %).

На базе сельского надомничества развивался немецкий вариант рассеянной мануфактуры (так называемый *ферлаг*), при котором производство носило домашний характер, но поставки сырья, дальнейшая обработка изделий (например, отбеливание и окрашивание тканей) и их сбыт чаще всего были уже сосредоточены в мастерских, ставших «зародышами» централизованных мануфактур, как правило, бывшими государственными либо созданными с государственной помощью или участием. Всего к концу XVIII в. в германских странах существовало около 1000 мануфактур, в том числе в Пруссии — 220, в Саксонии — 170, в Баварии — 150. Около трети всех мануфактур приходилось на текстиль, заметное развитие получили стекольные, бумажные и пороховые мануфактуры, наконец, особой любовью немецких князей пользовался фарфор. С 1710 г., когда после открытия придворным алхимиком саксонского курфюрста секрета прозрачности китайского фарфора, была основана знаменитая Мейсенская мануфактура, немецкие князья стали наперебой заводить у себя фарфоровое производство.

Постепенно совершенствовалась и техническая сторона дела; например, первый паровой двигатель появился в Германии уже в 1751 г. Однако в целом доля мануфактур и к концу XVIII в. составляла не более 7—8 % общего объема производства. На мануфактурах нередко трудились обитатели сиротских приютов, работных домов и тюрем, пойманные бродяги и нищие — дешевая, но и крайне плохая рабочая сила. Именно поэтому зачастую мануфактурная продукция была низкого качества. Другими причинами трудностей и недолговечности мануфактур (большинство их просуществовало не более 5—10 лет) являлись ошибочная оценка возможностей сбыта, нехватка капиталов, дилетантские торговые и технические представления многих предпринимателей, среди которых появилось немало мошенников и аферистов.

Торговля. В XVIII в. торговля постепенно оживлялась, хотя именно в торговле негативные экономические последствия раздроблен-

ности были очевиднее всего: узость рынка отдельных германских государств, разнообразие платежных средств (монет), систем мер и весов, многочисленные и далекие от единообразия таможенные пошлины и т. д. На р. Рейне от Страсбурга до голландской границы располагалось свыше 30 таможенных застав, и торговые суда были вынуждены чуть ли не ежечасно приставать к берегу. Состояние дорог даже в XVIII в. было очень плохим — если во Франции уже началась эпоха шоссе, то в Пруссии Фридриха II дороги умышленно не ремонтировались, а то и разрушались, чтобы затруднить продвижение войск возможного неприятеля. Все это препятствовало складыванию единого внутреннего рынка.

Важнейшими торговыми партнерами германских стран были итальянские государства, Франция и Нидерланды. Империя вывозила в основном сырье — зерно, древесину, пряжу, а импортировала готовые изделия. Из Франции доставляли парчу, ювелирные украшения, шелковые ленты, туалетную воду, гобелены, мебель, посуду; из Нидерландов — колониальные товары, ткани, оружие, изделия из металла. В торговле с Восточной Европой большую роль играл Лейпциг, в заморской — Гамбург, связанный через р. Эльбу и систему каналов с р. Одером. На рубеже веков началось усиленное строительство каналов в Бранденбурге, связавших между собой реки Эльбу, Одер и Вислу и открывших путь из Богемии и Силезии к Балтике. Важное место в немецком экспорте занимал Бремен, через который вывозили зерно и полотно, а импортировали табак, сахар, кофе.

В XVIII в. немецкая торговля развивалась довольно интенсивно. Внешнеторговый оборот Германии к 1800 г. достиг 809 млн марок, хотя многие специалисты по экономической истории считают эти данные заниженными. Вместе с тем внешнюю торговлю, а также нуждавшуюся в привозном хлопке текстильную промышленность сковывало то обстоятельство, что полтора столетия войн и религиозных конфликтов помешали немцам принять активное участие в колониальной деятельности европейцев, хотя попытки такого рода неоднократно предпринимались. Созданная еще в 1682 г. в восточно-прусском городе Пиллау *Бранденбургско-африканская торговая компания* построила на западно-африканском побережье форт Грос-Фридрихсбург и со своими 30 кораблями занималась в основном морским разбоем и работорговлей. Впрочем, уже в 1717 г. компания была вынуждена продать форт голландцам. В начале 1750-х гг. в северогерманском порте Эмден были основаны *Азиатская* и *Бенгальская компании*, пытавшиеся основать фактории в устье р. Ганг, в Мадрасе и Кантоне. Неожиданное появление нового игрока на колониальной арене вызвало резкую реакцию, в английском парламенте раздавались голоса, требовавшие разрушения Эмдена. Однако обе компании просуществовали лишь 2—3 года. Страшнее английских пушек оказался недостаток внутренних ресурсов, экономической,

политической и военной мощи (особенно флота). Раздробленная Германия плохо подходила на роль колониальной метрополии.

Социальный строй. *Немецкое дворянство* эпохи абсолютизма не было однородным сословием с общими социальными признаками и интересами. В правовом отношении оно оставалось все еще сословием феодальным, организованным в ленный союз. Правовые отношения усложнялись тем, что, например, курфюрст Бранденбурга был ленником императора, а как герцог (позднее — король Пруссии) являлся суверенным правителем, поскольку Пруссия не входила в состав Империи.

Значительные правовые различия среди дворянства не зависели от богатства или силы. Имперское рыцарство чаще всего было беднее, чем многие дворянские роды — ленники территориальных князей. Оно оставалось замкнутой корпорацией, приверженной особому духу своей независимости в силу благородного происхождения.

В самом общем плане немецкое дворянство делилось на старое и новое. Это был вопрос не только престижа, но и привилегий, так как к рыцарству, обладавшему правом заседать в ландтагах, мог принадлежать только тот, кто имел занесенное в списки ландтага владение и мог доказать наличие не менее восьми поколений благородных предков. У «свежеиспеченных» владельцев рыцарских имений такого права не было. Однако вопреки сопротивлению старого дворянства пожалование во дворянство чиновников, офицеров, торговцев, придворных поставщиков, предпринимателей и ученых в XVIII в. стало довольно обычным явлением.

Привилегии и обладание местной судебной властью обязывали дворян вести особый образ жизни, зачастую разорительный для тех, кто был небогат. Для улучшения образования и воспитания дворянских сыновей создавались рыцарские академии, католические семьи посылали своих сыновей в иезуитские гимназии, а домашние учителя и гувернеры стали обыденным явлением. Дворянские отпрыски все чаще посещали университеты, хотя, как правило, очень недолго. Постепенно началось формирование нового типа сравнительно образованного и энергичного дворянина, рачительного сельского хозяина и хорошего государственного чиновника. Именно поэтому о немецком дворянстве XVIII в. нельзя говорить как о приходящей в упадок «паразитической» касте. Экономическая необходимость и социальные интересы пробудили в этом социальном слое значительную энергию, что и стало одной из причин прочной и долговременной ведущей политической роли дворянства во всех германских государствах.

Социальный облик *католического и протестантского духовенства* во многом был различным из-за специфики положения и функций в обществе. Католические священники в силу предписанного им celibата (безбрачия) в какой-то мере стояли вне общества. Обширная церковная собственность, не подлежащая продаже или насле-

дованию, обуславливала возможность существования многочисленного духовного сословия. Протестантское же духовенство, как правило, семейное и небогатое, напротив, было прочно включено в социальную жизнь общества.

Католический высший клир почти без исключений происходил из дворянства и далеко отстоял от низшего духовенства, чаще всего крестьянского по происхождению, бедного и необразованного. В протестантском духовенстве не было таких резких различий, но, разумеется, положение деревенского пастора разительно отличалось от положения придворного проповедника или главного пастора крупной городской церкви. Важным было и то, что среди протестантского духовенства должность пастора часто становилась семейной традицией. Пасторы, являясь обычно единственными образованными людьми в селах, исполняли кроме церковных также и различные административные обязанности, что приближало их положение к государственным чиновникам. Высшие евангелические священники обычно женились на дворянках, но пожалование им самим дворянского звания не было принято. Протестантское духовенство по праву можно считать профессиональным слоем, причем весьма динамичным социально. Почти все крупные немецкие философы, писатели, ученые и юристы XVIII в. происходили из пасторских семей.

Подавляющую часть (75—80 %) населения Германии и в XVIII в. составляло *крестьянство*, социальное положение которого после Тридцатилетней войны заметно ухудшилось (особенно в восточных областях). Так, свободные крестьяне Восточной Пруссии утратили право заседать в ландтаге, а введение наследственного подданства поместных и домениальных крестьян фактически превратило их в крепостных. Напротив, в это же время в Вюртемберге крестьянские общины расширили свое участие в выборах в ландтаг. Почти во всех германских государствах сохранилось деревенское самоуправление.

Немецкое крестьянство, обладавшее земельными наделами, в XVIII в. делилось на три основные группы. К первой принадлежали зажиточные крестьяне, хозяйство которых оценивалось в сумму более 10 тыс. талеров. Вторую группу составляли крестьяне с доходами, позволявшими им вести собственное хозяйство и обеспечивавшими сносное существование. Крестьяне третьей группы не могли прожить исключительно за счет сельского труда и были вынуждены заниматься побочными промыслами. В разных областях эта группа составляла от половины до трех четвертей всего крестьянства.

Кроме того, в немецкой деревне имелись и многочисленные слои сельских жителей либо вовсе безземельных, либо обладавших жалкими клочками земли — под огородом или вокруг дома. Эти группы, численность которых неуклонно росла, не принадлежали к сельской общине, поэтому статистика не включала их в категорию крестьян. Между тем в прусской Силезии в 1767 г. только 24,2 % сельского населения составляли крестьяне, обладавшие землей, 47,8 %

являлись огородниками, а 28 % — «лачужниками». Примерно таким же было соотношение и в старогерманских землях.

Следовательно, в XVIII в. социальная структура немецкой деревни значительно изменилась. Владельцы дворов и земельных наделов повсеместно превратились в меньшинство сельского населения, но именно они составляли верхушку крестьянской общины и задавали в ней тон.

Социальная структура немецких городов XVIII в. отличалась большой дифференциацией, на которую указывают очень дробные налоговые разряды жителей. Так, в 1731 г. во Франкфурте-на-Майне по этому критерию все население было поделено на 5 категорий. Горожане, принадлежавшие к разным категориям, были обязаны даже носить различную одежду. В княжеских резиденциях социальный облик определяли двор, бюрократия и военные. Они не входили в городскую общину и не могли быть членами магистратов, но их присутствие ощутимо сказывалось на экономической жизни городов. Так, в Брауншвейге в 1758 г., кроме низших слоев (36 % всего населения), 28 % были военными, 17 % — заняты при дворе, в администрации, церкви и культуре, 49 % были ремесленниками, а 6 % составляли торговцы.

Мелкое городское бюргерство представляли преимущественно цеховые мастера и их семьи. Не только мастера различались по степени благосостояния, но и престиж самих цехов был разным, как и влияние в обществе. К мелкому бюргерству принадлежали и различные торговцы, также обычно организованные по цеховому принципу.

Трудно провести отчетливую верхнюю и нижнюю границу этих слоев населения. К ним в XVIII в. принадлежали и обедневшие ремесленники и разбогатевшие «фабриканты», полуграмотные торговцы и образованные учителя. Характерной чертой мелкого бюргерства была традиционная набожность, а цеховые обычаи определяли нормы поведения. Большое значение придавалось соответствующим рангу, одежде и обращению, воспитанию детского послушания и подчеркнутому отмежеванию от неимущих слоев.

В социальной структуре немецких государств имелись и различные *особые и маргинальные группы*. Это вовсе не означает, что их члены были непременно бедны и социально унижены. Напротив, некоторые группы имели даже привилегированный статус, например переселившиеся в Германию гугеноты и выходцы из Чехии. Безусловно, неинтегрированными оставались евреи, несмотря на их заметную роль в обществе. В крупных городах им предписывалось селиться в особых кварталах — гетто, в других местах их проживание в строго ограниченном количестве разрешалось княжеской охранной грамотой. Евреи не могли владеть землей, входить в цехи и местные общины. При таких ограничениях им только и оставалось заниматься торговлей и судными операциями.

Особую социальную группу составляли *представители искусства* с низким социальным статусом — актеры, музыканты, певцы. Верхний слой этой группы был представлен придворными и городскими капельмейстерами, скульпторами, архитекторами и художниками, которым иногда даже жаловали дворянство.

На низшей ступени общества находились не входившие в цехи *представители «грязных» профессий* — скотобойцы, пастухи, лудильщики, коробейники. Их не всегда можно было отличить от бродяг, но нельзя путать с нищими попрошайками. Численность этих маргиналов постоянно колебалась, резко возрастая после войн и в неурожайные годы. Особенно много *нищих* можно было встретить в католических областях, поскольку милостыня считалась там богоугодным делом. По некоторым данным, в духовных владениях на 1 тыс. жителей приходилось 200 нищих. В протестантских государствах, где праздность рассматривалась как первый шаг к греховности, власти пытались бороться с нищенством полицейскими мерами, которые обычно не достигали цели.

Пруссия в первые десятилетия XVIII в. В 1688 г. преемником Великого курфюрста Фридриха Вильгельма стал его третий сын *Фридрих*. Поскольку его владения простирались от Балтики до Рейна, он неизбежно оказывался вовлеченным в международные конфликты и на Востоке, и на Западе. Отношения со Швецией осложнялись конфликтом из-за Передней Померании, с Польшей и Россией — из-за Западной Пруссии, а владения на Рейне вели к его противодействию экспансионистским устремлениям Франции. Имея сильную армию, Фридрих мог быть для соседей как ценным союзником, так и опасным противником. Его целью было добиться королевского титула, но император Леопольд I упорно уклонялся от положительного решения, поскольку считал, что Вена ничего от этого не выиграет. Только пообещав поддержку в притязаниях на испанский трон и предоставив в распоряжение императора 8-тысячную армию, Фридрих добился его согласия. 18 января 1701 г. он торжественно короновался в Кенигсберге — главном городе Восточной Пруссии, приняв титул *короля в Пруссии*. Тем самым подчеркивалось, что Гогенцоллерны являются королями только в принадлежавшей им Восточной Пруссии, тогда как западная часть Пруссии оставалась под юрисдикцией Польши. Вместе с тем поскольку территория Восточной Пруссии находилась вне пределов империи, Гогенцоллерны в качестве ее королей не считались ленниками императора и выступали как юридически суверенные европейские монархи. Фридрих I не был воинственным человеком, но расходы на 40-тысячную армию и невероятная роскошь королевского двора привели государственные финансы в полное расстройство. Вместе с тем он проявлял заботу об искусстве и образовании. По его замыслу были созданы университет в Галле и Академия наук в Берлине.

Преемник Фридриха I *Фридрих Вильгельм I* (1713—1740) был полной противоположностью отцу. Экономный до скарעדности и не терпевший пышности и мотовства, он считал, что это ведет к разрушению государства и резко сократил расходы на двор. От чиновников монарх требовал полной самоотдачи в работе и нещадно штрафовал их за малейшую недисциплинированность. Даже министра, пропустившего всего лишь одно заседание, он лишал полугодового содержания.

Добиваясь усиления своей власти, Фридрих Вильгельм I создал *Генеральную директорию* финансов, армии и доменов, объединившую военные комиссариаты и палаты доменов. Теперь все финансовые средства государства были сосредоточены в одних руках. Это, а также новая перепись всех крестьянских дворов значительно пополнили королевскую казну. Поскольку крестьяне были главными налогоплательщиками (с господских земель налогов не брали), то в 1739 г. Фридрих Вильгельм I запретил сгон крестьян с земли «без основательной причины и без немедленной замены прогнанного другим». Такая мера защищала крестьянство как сословие, но не отдельного сельского жителя, которому она ничего не гарантировала.

Главной целью Фридриха Вильгельма I стала *реорганизация прусской армии*. Он был одержим идеей увеличения военной мощи, за что получил прозвище «король-солдат». Учредив так называемую кантональную систему призыва рекрутов на местах, в массовом порядке привлекая к службе дворянство, значительно увеличив армию, на содержание которой уходило 4/5 государственных доходов, наконец, насаждая дух поклонения армии как ядра общества и государства, Фридрих Вильгельм I стал основоположником прусского милитаризма. В 1740 г. Пруссия по территории занимала десятое, а по численности населения тринадцатое место среди европейских стран, но по своей военной мощи и численности армии она находилась на 3—4-м месте в Европе. В итоге в Пруссии сложилась хорошо отлаженная государственно-бюрократическая организация, способная в полной мере мобилизовать все силы страны.

Продолжалось и территориальное расширение Пруссии. В 1720 г. по секретному соглашению с царем Петром I к ней была присоединена часть Западной Померании с важным балтийским портом Штеттин. Территориальные присоединения превратили Пруссию в сильнейшее протестантское государство в северной Германии.

Сын и преемник «короля-солдата» *Фридрих II*, или *Фридрих Великий* (1740—1786), стал одной из самых популярных фигур германской истории. Новый прусский король был яркой и противоречивой личностью. В полном смысле слова деспотично воспитанный отцом (достаточно сказать, что юношей он даже пытался бежать, но был посажен в крепость и принужден к наблюдению казни своего сообщника и друга), во многом и сам не чуждый деспотизма, он был одновременно духовно развитой и художественно одаренной нату-

рой. Фридрих получил прекрасное образование, увлекался философией, живописью и музыкой, написал несколько книг, в частности «О немецкой литературе» и «Историю Семилетней войны». В историю Фридрих вошел прежде всего как великий полководец и «философ на троне», классическое воплощение просвещенного монарха.

Во многом он стал продолжателем политики своих предшественников — благоустраивал свое небогатое королевство, осушал болота, привлекал поселенцев, учреждал мануфактуры, укреплял свою власть и, конечно, наращивал армию. В правление Фридриха II милитаризованность Пруссии достигла своего апогея — каждый тридцатый житель королевства был солдатом (во Франции это соотношение было 1 : 145, в Англии 1 : 310). Едва вступив на престол, Фридрих II предпринял действия, символизировавшие характерную черту его правления — использование армии как важнейшего средства достижения политических целей. Вторгнувшись во владения Габсбургов и захватив в ходе войны 1740—1748 гг. Силезию, он не только расширил территорию своего королевства благодаря присоединению одной из самых экономически развитых областей Европы, но и заявил о Пруссии как о новой великой державе. Вместе с тем Фридрих II положил начало так называемому австро-прусскому дуализму, превратившемуся в ключевую проблему германской истории на следующие сто с лишним лет.

Возникновение австро-прусского дуализма. Историческому развитию Австрии и Пруссии были присущи некоторые сходные черты. Обе страны были порождением немецкого продвижения на восток Европы и стали великими державами именно потому, что вырвались из политической тесноты Священной Римской империи, благодаря своим неимперским владениям создав себе новую базу государственной мощи вне ее пределов.

Вместе с тем весьма существенными были и различия. В то время как австрийские Габсбурги оказались отягощены грузом собственного прошлого, многочисленных династических, религиозных и политических обязательств европейского или общегерманского масштаба, мерилom политических действий прусских королей была конкретная выгода их государства. Неуместная в новых условиях приверженность Габсбургов к сохранению старого проявилась, например, в вопросах веры, все еще очень значимых в ту эпоху. На фоне зачатую воинствующего католицизма Габсбургов прагматичная веротерпимость Пруссии способствовала повышению ее авторитета в германском мире и делала более привлекательной для переселенцев, в том числе и из Австрии.

Вплоть до 1740 г. взаимоотношения Вены и Берлина мало чем отличались от относительной лояльности, характерной для отношений между императором и другими крупными имперскими князьями. Все изменило вторжение Фридриха II в австрийскую Силезию, открывшее *войну за австрийское наследство* 1740—1748 гг. В этой

войне европейского масштаба собственно австро-прусское противоборство протекало в форме двух *Силезских войн* (1740—1742 и 1744—1745).

Фридрих II умело использовал момент внезапности и оставленную отцом отлично вымуштрованную армию. При благожелательном отношении других европейских держав он захватил основную часть Силезии, откуда Австрия получала 18 % своих доходов. Пруссия сразу более чем на 1/3 увеличила свои территории и население, но Австрия, разумеется, не желала примириться с потерей столь богатой и развитой провинции. Именно поэтому спустя 14 лет, в 1756 г., началась *Семилетняя война*, вновь развязанная прусским королем, против которого выступила мощная коалиция Австрии, Франции, России и большинства германских государств. В этой войне Фридрих II и получил звание *Великого*. В немецкую историю вошли его блестящие победы над французами в ноябре 1757 г. под Россбахом и над австрийцами в декабре того же года близ Лейтена. Но в августе 1759 г. пруссаки потерпели сокрушительное поражение от русско-австрийских войск при Кунерсдорфе. Из 48-тысячной прусской армии уцелело лишь около 3 тыс. кавалеристов, была потеряна почти вся артиллерия. Отчаянно сражавшийся гусарский конвой уберег от плена короля, который даже был близок к самоубийству. Спасению и конечному успеху Фридриха II немало способствовали британские субсидии и внезапная смерть русской императрицы Елизаветы Петровны в 1762 г., преемник которой, Петр III, поклонник Фридриха, немедленно заключил мир. Впрочем, война Пруссии оставалась второстепенной в мировом столкновении Англии и Франции за господство на морях и за колониальные владения в Азии и Америке. В этом смысле Пруссия являлась британской «континентальной шпагой», сковывавшей французские силы в Европе. *Губертсбургский мир*, заключенный после общего истощения воюющих стран 15 февраля 1763 г., окончательно закрепил Силезию за Пруссией.

С этого времени в северной Германии появился мощный протестантский соперник католической Австрии в борьбе за гегемонию в Германии. Равновесие сил между ними означало складывание *австро-прусского дуализма*, определявшего отныне германскую историю. Редко единовременный военный конфликт в европейской истории приводил к столь длительной, принципиальной и непримиримой вражде, которая на сто с лишним лет разделила Австрию и Пруссию. Однако противоречия между странами отступили на второй план, когда в 1772 г. они совместно с Россией произвели *первый раздел* Польши. Присоединение западной части Пруссии привело к слиянию Восточной Пруссии с основной территорией Польши, что позволило удалить из титулатуры прусского короля предлог «в». Теперь Фридрих II называл себя «королем Пруссии», имея в виду земли Гогенцоллернов. Отныне Пруссия официально стала считаться королевством.

Реформы Фридриха II. Не менее чем громкими победами Фридрих II известен и своей деятельностью внутри страны. В качестве обоснования своего правления он использовал идею всеобщего блага и трактовал государство как специфический инструмент его достижения. Отсюда проистекала новая роль и новая легитимность монарха — отныне он был абсолютен не Божьей милостью, а в силу своего положения в качестве управляющего делами или, выражаясь словами самого Фридриха II, «первого слуги» государства, ответственного за общее благо, — ведь для того, чтобы государственный механизм работал безукоризненно, воля, его связывающая, должна быть абсолютной.

С этих позиций Фридрих II по-новому обосновывал даже те мероприятия, которые были начаты еще его предшественниками, например меркантилистскую экономическую политику. Фридрих в значительной степени способствовал подъему прусского сельского хозяйства: при нем были осушены и сделаны пригодными для обработки многие тысячи гектаров земли в низовьях рек, на новые земли привлекали колонистов, получавших материальную помощь и освобождение от налогов и военной службы на много лет. Он всячески содействовал развитию ремесел и торговли, основывал новые мануфактуры, упразднил внутренние таможи, несколько ограничил монопольные права цехов.

Помимо активной экономической деятельности Фридрих II осуществил еще целый ряд реформ, традиционно трактуемых как проявление политики просвещенного абсолютизма. Он отменил пытки и преследование «ведьм», фактически ввел всеобщее начальное образование (1763 г.), закрепил свободу вероисповедания и т. д. Одной из самых значительных реформ стала разработка всеобъемлющего нового законодательства, использовавшего некоторые просветительские идеи. Опубликованное уже после смерти Фридриха II новое прусское законодательство оставалось в силе вплоть до 1900 г. Прусский король существенно реорганизовал государственное управление: были более четко определены компетенции Генеральной дирекции и ее департаментов, а также учреждены новые — юстиции, строительный, по духовным делам, по образованию. Отменялась практика покупки должностей, были приняты меры, способствовавшие дальнейшей централизации и унификации управления на местах, разграничены судебная система и исполнительная власть. В 1782 г. был введен первый в Пруссии уголовно-процессуальный кодекс.

Вместе с тем мероприятия Фридриха II наглядно свидетельствуют о двойственности феномена просвещенного абсолютизма. Наряду с новшествами в административной, судебной и образовательной сферах Фридрих II практически оставил неизменными старые социальные и политические структуры. Правление Фридриха II было скорее абсолютистским, чем просвещенным. Король правил самовластно с помощью бесчисленных распоряжений и армии профес-

сионально вышколенных чиновников, но не доверял даже им, подвергая их постоянному контролю и проводя всю жизнь в бесконечных инспекциях. В социальной же области он ни в коем случае не хотел посягать на сословный порядок, более того — укрепил его, жестко связав отдельные сословия с их конкретными ролями в государстве. Опорой же государства Фридрих II считал дворянство и особенно заботился о нем. Были запрещены продажа дворянских имений бюргерам и допуск их в офицерский корпус. Король сам строго следил за тем, чтобы дворяне не вступали в брак с людьми низших сословий и не занимались коммерцией. Начиная с 1769 г. в Пруссии учреждались земельные кредитные банки, субсидировавшие дворян под вдвое-втрое меньший по сравнению с ростовщиками процент.

Несмотря на то что лично Фридрих не одобрял крепостного права, он сохранил его в неприкосновенности, удовлетворившись лишь отдельными указами о запрете сгона крестьян и о предоставлении домениальным крестьянам права наследственного владения своими участками. Политика просвещенного абсолютизма дошла здесь до своих пределов, столкнувшись с государственным интересом, который оставался для прусского короля главным мерилom деятельности, несмотря на все его личные симпатии к Просвещению. Освободить крестьян значило бы ослабить дворянство, а вместе с ним и армию, что в свою очередь означало бы ослабление страны, которую сам Фридрих однажды назвал «военным государством».

Немецкое Просвещение. В XVIII в. определяющим для развития немецкой культуры становится влияние Просвещения. Являясь частью широкого общеевропейского идейного течения, германское Просвещение разделяло многие его характерные черты — рационализм; веру в прогресс, гуманистические идеалы; борьбу против предрассудков во всех областях знания; убеждение, что этот мир можно и должно изменить и улучшить воздействием разума и логики. Все эти черты хорошо видны в творчестве наиболее яркого представителя немецкого Просвещения, великого философа *Иммануила Канта* (1724—1804), который в своей эпохальной статье «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» наилучшим образом выразил идеал европейского Просвещения — это человек, «имеющий мужество пользоваться собственным умом». Вместе с тем исторические реалии германских земель обусловили ряд особенностей немецкого Просвещения. В первую очередь Просвещение, развивавшееся в условиях политического и культурного многообразия Империи, было весьма многоликим. Просвещение в германских землях началось позже, чем в Англии и во Франции, и соответственно испытывало довольно большую зависимость от иностранных идейных и теоретических влияний. Отличительной чертой германского Просвещения стал также и его умеренный характер. Большинство немецких просветителей были чужды всякого радикализма, хотя встречались и яркие исключения —

например, будущий «немецкий якобинец» *Георг Форстер* (1754—1794).

В сфере социальных отношений немецкие просветители признавали иерархическое строение общества как порядок, отвечавший требованиям разума. Они редко становились в оппозицию власти — и прежде всего потому, что именно на нее возлагали надежды в осуществлении своих идеалов.

Политика просвещенного абсолютизма находила множество сторонников в рядах просветителей. Подобная благонамеренность хорошо видна на примере *Кристиана Вольфа*, который, основываясь на учении *Г. В. Лейбница* (1646—1716), делал акцент не на противоречиях, а на гармонии и на роли государства в достижении «общего блага». Важная черта Просвещения состояла в критическом отношении к Библии, религии и церкви. Представление о Боге, религиозную практику необходимо было привести в соответствие с «законом разума». «Бог — это разум!» — так лапидарно сформулировал эту идею свободомыслящий богослов *И. К. Эдельман* (1698—1767). Вместе с тем немецкое Просвещение выделялось довольно осторожным отношением к церкви, отсутствием резкой антиклерикальной критики.

Умеренный характер проявился и в том, что немецкие просветители интересовались не столько политическими и социальными проблемами, сколько наукой, философией и эстетикой. Большой вес в их трудах получила и национальная проблема.

Наиболее известными германскими просветителями были *Г. Э. Лессинг* (1729—1781), который с позиций разума критиковал различные предрассудки и, кроме того, стал одним из зачинателей немецкого национального театра; *Г. Х. Лихтенберг* (1742—1799), автор замечательных «Афоризмов»; драматург *К. М. Виланд* (1733—1813); издатель наиболее крупного просветительского журнала «Всеобщая немецкая библиотека» *К. Ф. Николаи* (1733—1811) и многие другие.

Все течения Просвещения в большей или меньшей степени были ориентированы на практическую деятельность, поэтому их главными центрами становятся университеты, академии и научные общества. Самым известным и авторитетным стал основанный в 1694 г. университет в Галле (Пруссия), где работали виднейшие представители раннего Просвещения *Христиан Томазий* (1655—1728) и *К. Вольф*, а в 1723 г. там была открыта первая в Германии *кафедра камералистики*, или науки о ведении государственного хозяйства. Непосредственно на практические исследования более, чем университеты, ориентировались научные общества и академии, выдающуюся роль в организации которых сыграл философ и крупнейший немецкий естествоиспытатель XVIII в. Готфрид Вильгельм Лейбниц, основавший в 1700 г. Академию наук в Берлине и ставший ее первым президентом.

МОНАРХИЯ ГАБСБУРГОВ

9.1. Монархия Габсбургов в начале XVIII в. Прагматическая санкция

В результате побед над турками и присоединения Венгрии к началу XVIII в. территория монархии Габсбургов в основном сложилась. Вместе с тем присоединение новых земель еще больше обострило проблему консолидации разнородных и разноплеменных владений Габсбургов, насущность которой наглядно подчеркнул с трудом преодоленный венгерский кризис. Страна по-прежнему представляла собой не столько единое государство, сколько конгломерат приобретений правящей династии, пресечение которой могло привести к непредсказуемым последствиям. В этих условиях первостепенной задачей правящих кругов *Дунайской монархии* в XVIII в. стало укрепление внутреннего единства, что проходило в два этапа. Если в правление *Карла VI* (1711 — 1740) речь шла в первую очередь об укреплении династической связи, то *Мария Терезия* (1740 — 1780) и *Иосиф II* (1780 — 1790) с помощью всеобъемлющих реформ стремились превратить Австрию в современное централизованное государство.

К началу XVIII в. главным связующим звеном между отдельными землями Габсбургов была сама правящая династия, однако даже эта связь была весьма ущербной. Добившись безоговорочного признания в каждом из своих владений, Габсбурги не имели общего для всей страны трона, не существовало и признанного правового документа, который обозначал бы целостность страны. Первой попыткой такого рода было *завещание Фердинанда II 1631 г.*, в котором впервые провозглашался принцип неделимости владений австрийских Габсбургов. Однако завещание было написано до присоединения Венгрии и в целом носило, скорее, фамильный характер.

Документом принципиально иной важности стала изданная Карлом VI так называемая *Прагматическая санкция 1713 г.* Главный смысл документа (по сути, единого для всех земель закона о престолонаследии) заключался в провозглашении неделимости и нераздельности габсбургских владений. Одновременно, видя хрупкость династии, физическое здоровье которой страдало от частых родственных браков, Карл VI попытался укрепить ее путем четкого определения порядка наследования, в том числе и женщинами. На момент принятия Прагматической санкции последнее было не более чем мерой предосторожности, поскольку в свои 28 лет Карл лишь 4 года был женат и вполне мог рассчитывать на собственное мужское потомство

(впоследствии он имел четырех детей, но единственный мальчик умер во младенчестве). Важнейшим отличием Прагматической санкции от других законов, регулировавших престолонаследие Габсбургов, был тот факт, что Карл VI приложил огромные усилия, добиваясь признания этого документа как за рубежом, так и внутри страны. Внешнее признание, как показала впоследствии война за австрийское наследство, было только кажущимся, в то время как внутри страны Карлу удалось добиться своеобразной ратификации своего решения сословными собраниями основных габсбургских земель, правда, в Венгрии вновь лишь ценой признания ее особого положения. Прагматическая санкция стала своего рода основным законом для Дунайской монархии на следующие двести лет и базой для всех последующих изменений ее государственного строя. Земли Габсбургов начали воспринимать как нечто целостное, свидетельством чему, например, стало появление в 1725 г. первой географической карты, на которой были обозначены не отдельные земли, а вся монархия.

Социально-экономическое развитие. Характерной особенностью развития монархии Габсбургов в XVIII в. и особенно во второй его половине было активное вмешательство государства в экономические вопросы. В меньшей степени, но такая политика затронула и сельское хозяйство, по-прежнему остававшееся основой экономики. Были созданы различные «экономические общества», велась активная пропаганда передовых методов хозяйствования. Например, пытаясь шире внедрить картофель, Иосиф II обязал священников читать так называемые *картофельные проповеди*. Эта оригинальная мера в сочетании с голодом 1771—1772 гг. привела к быстрому распространению картофеля в последней трети века. Однако главными объектами государственного вмешательства стали ремесло и промышленность. Цеховое принуждение, и без того неуклонно слабевшее с начала века, в эпоху Марии Терезии и Иосифа II вовсе отменялось в ряде отраслей, подмастерьям разрешено было жениться и т. п. В итоге к концу XVIII в. австрийские статистики уже не делали различия между цеховыми и нецеховыми ремесленниками.

Особенно последовательно поощрялись мануфактуры. В результате к концу века из 1000 существовавших в Священной Римской империи мануфактур на долю Австрии приходилось 280, в то время как Пруссия располагала лишь 220. Безусловно преобладала текстильная мануфактура (шерсть, лен, хлопок и шелк), за ней следовала металлоделательная, развитая в Нижней Австрии. Значительное развитие получило также мануфактурное производство стекла и особенно фарфора — здесь выделялась основанная в 1718 г. венская фарфоровая мануфактура, вторая в Европе. Развитие промышленности поощрялось путем ограничений на вывоз сырья и ввоз предметов роскоши. Постепенно были ликвидированы все внутренние таможенные пошлины, кроме границы между «наследственными землями» и Венгрией. Промышленное развитие Венгрии практически

никак не поддерживалось, ее рассматривали главным образом как рынок сбыта. В правление Карла VI и Марии Терезии предпринимались попытки активизировать внешнюю торговлю и даже обзавестись собственными колониями. Два крупнейших порта на Адриатике Триест и Фиуме были объявлены вольными городами, была создана *вторая Восточная торговая компания*, а также основаны фактории в Мадрасе, в Восточной Африке и Китае. Однако все эти предприятия в конечном счете не имели успеха. Финансы страны значительно укрепились за счет введения монетного единообразия и согласования в 1750 г. курса валют германских государств. *Талер Марии Терезии* тщательно чеканился, постоянно укреплялся и был одной из основных валют в Германии вплоть до середины XIX в., а в странах Восточного Средиземноморья и даже в Эфиопии монета имела хождение еще и в XX в. Для финансирования Семилетней войны в 1762 г. были впервые временно введены *бумажные деньги*.

Однако финансовое положение страны в целом было сложным. Новая абсолютистская государственность требовала все больших расходов — управленческих и особенно военных. Только содержание постоянной армии в 108 тыс. человек стоило 15 млн гульденов, 9 из которых покрывались за счет специальных выплат сословий, так называемых *контрибуций*, но остальные доходы казны составляли лишь 5 млн, иными словами, лишь содержание армии уже делало бюджет дефицитным. Практически каждая из многочисленных войн несла с собой финансовую катастрофу. К концу войны за испанское наследство государственный долг составлял 61 млн гульденов, в Семилетнюю войну — 271 млн. Исчезновение турецкой угрозы и оживление хозяйственной жизни привели к росту городов. В середине XVIII в. Вена со своими 170 тыс. жителей была четвертым по величине городом Европы, после Лондона, Парижа и Неаполя.

9.2. Эпоха реформ 1740 — 1792 гг.

Прагматическая санкция до некоторой степени способствовала укреплению единства монархии Габсбургов, но в то же время само ее одобрение сословными собраниями разных земель подразумевало сохранение их самостоятельности. Карл VI, укрепив страну династически, сознательно не покушался на административную и политическую сферы. В результате в каждой земле к середине века продолжали сосуществовать государственная и сословная администрации, финансы, суды. На повестке дня стояло создание единого государства, с единой идеологией и управлением, упразднение всех многочисленных инстанций между государем и подданными.

Начало эпохи модернизации монархии Габсбургов связано с именем императрицы *Марии Терезии*. Со смертью ее отца Карла VI мужская линия династии пресеклась и, таким образом, заняв пре-

стол, она стала последней из Габсбургов. Все последующие государи, будучи потомками Марии Терезии и ее мужа герцога Лотарингского, принадлежали к Габсбургско-Лотарингской династии.

Последняя из Габсбургов стала одновременно одной из самых ярких и популярных представителей этой династии. Императрица не была интеллектуалкой, но обладала природным умом, волей, решительностью и огромной работоспособностью — ежедневно, кроме воскресенья, вставала в 4—5 ч утра и принималась за государственные дела. Она не была просвещенным монархом, но сумела окружить себя просвещенными советниками и прислушивалась к их мнению. Политический кругозор Марии Терезии определялся не столько отвлеченными идеалами, сколько религиозными и этическими мотивами, а также непоколебимым стремлением утвердить себя в качестве абсолютного государя. Современники воспринимали ее как истинную *мать отечества*, чему способствовало и то, что она была матерью 16 детей, и ее личные качества — обаяние, сердечность, жизнелюбие. Исходным моментом реформ стало поражение от Пруссии в войне за *австрийское наследство* (1740—1748), доказавшее отсталость Австрии. Пруссия, отобравшая Силезию, являлась не только объектом ненависти, но и образцом для подражания, а многие австрийские реформы были прямым заимствованием из Пруссии. Непосредственным толчком к реформам стало наблюдение, что Пруссия получает налогов с Силезии больше, чем это было во времена австрийского правления. Таким образом, начиная эпоху реформ, Мария Терезия руководствовалась не какими-то идеологическими установками, а исключительно прагматичными соображениями.

Политика реформ претерпела существенные изменения при *Иосифе II*, соправителе (с 1765 г.) и преемнике Марии Терезии. Иосиф — одна из самых спорных фигур на австрийском троне. Редко кто из будущих монархов был настолько хорошо подготовлен к своей миссии, как Иосиф II. Долгожданный наследник с самого раннего возраста получал систематическое, можно сказать, «профессиональное» образование, необходимое монарху. Став единоличным правителем и отталкиваясь от сделанного матерью, Иосиф II начал реформы, беспрецедентные по масштабу и скорости проведения.

Его мотивация при этом была несколько иной, чем у Марии Терезии. На место матери отечества встал *первый слуга государства*. Свое политическое кредо Иосиф II выразил в завещании 1781 г.: «Я жил как слуга государства и пекся лишь о нем». Он был одержим идеей служения государству, целью которого объявлялись польза и всеобщее благо. После человеческой и глубоко религиозной Марии Терезии на австрийском престоле оказался рационалист и радикал, нервный, упрямый и нетерпеливый человек, одинокий и лично несчастный. Он стремился лично управлять всеми делами государства, с инспекциями и инкогнито объездил всю страну, старался вникать во все и быть везде и в конце концов не вынес тяжести этого непомерного труда.

Особенно остро на повестке дня стояла *административная реформа*. До начала реформ в монархии Габсбургов фактически отсутствовала четкая вертикаль управления сверху донизу. На местах административные функции осуществляли сословные органы, слабо связанные с многочисленными канцеляриями как органами центрального управления — Австрийской, Богемской, Венгерской, Трансильванской, а с начала XVIII в. — Итальянской и Нидерландской. Инициатором *административной реформы* стал выходец из Саксонии *Ф. В. Хаугвиц*, взявший за образец аналогичные реформы в Пруссии. В результате были созданы новые органы административного и финансового управления: в центре (*Директория*), в отдельных землях (*представительства и палаты*) и низовые (*окружные управления*). Значительную роль в централизации и рационализации управления государством сыграли также так называемые *конскрипции* — проводившаяся в 1770—1771 гг. своеобразная ревизия всего государственного хозяйства, включавшая в себя не только перепись населения, но и нумерацию домов и даже учет скота. Конскрипции позволили, в частности, осуществить переход к постоянной армии, а также создать полицейский аппарат. В правление Иосифа II централизаторский курс обрел более жесткие формы. Император объединил в единый центр органы высшей государственной власти; в отдельных землях были сокращены полномочия ландтагов и осуществлена попытка заменить традиционное деление на «коронные провинции» губерниями; на местном уровне были расширены prerogatives окружных управлений за счет сокращения самостоятельности городов и общин. Вместе с тем существенным недостатком проведенных реформ был неполный охват ими всех территорий, поскольку они практически не затронули Венгрию.

Специфической чертой эпохи реформ была активная социальная политика, характерная для просвещенного правления. Во второй половине XVIII в. строилось множество больниц, воспитательных домов, приютов, была создана новая для Европы пенсионная система — для чиновников, солдат, учителей и вдов.

В *крестьянском вопросе* политика Марии Терезии и Иосифа II строилась не столько на гуманных идеалах Просвещения, сколько на фискальных соображениях. В крепком крестьянине правители видели прежде всего исправного налогоплательщика. Уже в 1740-е гг. впервые были установлены четкие границы между господской землей и крестьянским наделом, что сделало невозможным произвольные захваты крестьянских земель. Другой стороной политики короны в крестьянском вопросе были упорядочение и фиксация размеров крестьянских податей. В 1775 г. специальным патентом максимальный размер барщины ограничивался сроком от 1 до 3 дней. Главным же достижением крестьянской политики просвещенного абсолютизма стала *отмена крепостного права*, начатая в 1781 г. в Богемии и распространенная в 1785 г. на венгерские земли. Главным

образом устанавливалась свобода передвижения и личной свободы крестьянства при сохранении всех видов работ и выплат помещику. Кроме того, Иосиф II ограничил судебную власть землевладельцев над крестьянами мелкими делами и начал карать господский произвол.

Вместе с тем крестьяне так и не получили свободной собственности на землю, сохранялись многочисленные пережитки личной зависимости; барщина, даже будучи фиксированной, оставалась тяжелой. Однако еще тяжелее сказалась на крестьянских хозяйствах попытка Иосифа II перевести выплаты крестьян феодалу и государству в денежную форму. С 1784 г. проводился кадастр с подразделением земель на господскую и крестьянскую и с учетом их доходности. Предполагалось, что крестьяне будут выплачивать деньгами как строго фиксированные феодальные выплаты (около 17 % дохода), так и повинности государству (около 13 %). На бумаге все это выглядело как дальнейшее облегчение положения крестьянства, поскольку подобные выплаты в сумме были бы эквивалентны приблизительно лишь двум рабочим дням. На практике же, учитывая во многом еще натуральный характер крестьянских хозяйств, эта попытка грозила им полным разорением и встретила такое ожесточенное сопротивление, что так и не была осуществлена.

Наиболее последовательными оказались *реформы в сфере суда и права*, инициатором которых был профессор Венского университета *К. Мартини*, один из воспитателей Иосифа II. При Иосифе II были введены единые суды для всех сословий, еще ранее отменены пытки и преследования «ведьм», осуществлено более четкое отделение суда от администрации и т. п. Огромным шагом вперед стал новый уголовно-процессуальный кодекс 1788 г., на котором во многом основывалось законодательство последующих времен. Именно в правовых реформах, продиктованных не только прагматизмом и государственной целесообразностью, но и гуманными соображениями, дух Просвещения проявился в большей степени. Впрочем, например, ограничивая смертную казнь, Иосиф II исходил не столько из гуманизма, сколько из целесообразности, считая каторгу более полезной с точки зрения государственных интересов.

В *церковной политике* в первую очередь речь также шла об установлении государственного контроля над церковью и лишь затем — о воплощении идеалов Просвещения. Мария Терезия, несмотря на свою глубокую личную набожность, и в еще большей степени Иосиф II стремились ограничить влияние на австрийскую церковь извне и укрепить свое собственное. Было затруднено посещение австрийских епархий иностранными духовными иерархами, запрещалась публикация папских булл и посланий без разрешения властей, ограничен церковный суд и т. п. Реформы в церковной сфере затрагивали не суть католической веры, а лишь некоторые из ее внешних проявлений, особенно тех, которые не отвечали критерию пользы. Было ограничено паломничество (как форма праздности), которое

к середине XVIII в. действительно превратилось в массовое движение — в одной только Австрии насчитывалось около 2 тыс. паломнических мест; чинились препятствия церковным процессиям, прежде часто организовывавшимся по самым разным поводам; сокращалось количество церковных праздников, которое в городах доходило до 50, а в деревнях — до 80 дней в году. Многочисленные братства Иосиф II и вовсе упразднил, заменив единственным «Братством деятельной любви к ближнему». В наибольшей же степени принципу пользы противоречили монастыри, поскольку монахи не занимались производительным трудом и не способствовали умножению населения. Уже при Марии Терезии некоторые монастыри закрывали, а вступление в них молодых людей затруднялось. Иосиф II подошел к проблеме со свойственным ему радикализмом и уничтожил около трети австрийских монастырей, оставив лишь «полезные», т. е. занимавшиеся обучением, лечением или призрением. Священники практически превратились в государственных служащих — они получали содержание из так называемого «религиозного фонда», обучались в специальных государственных «генеральных семинариях», им вменялось в обязанность нести пастве не только веру, но и гражданское сознание и патриотизм. Границы епархий были изменены так, чтобы они совпадали с административными.

Наконец, одним из главных достижений в стране, где еще в 1770-е гг. практиковались высылки протестантов, стал *Патент о веротерпимости* 1781 г., предоставивший лютеранам, кальвинистам и православным ограниченную свободу вероисповедания, а также гражданское равноправие. Так еще раз проявилось характерное для австрийской эпохи реформ сочетание просвещенческих и прагматических мотивов, поскольку одной из основных причин подобной реформы было возросшее значение протестантских предпринимательских и ремесленных кругов для экономики монархии Габсбургов. При этом доминирующая роль католицизма сохранялась, что выражалось, например, в запрете не католическим церквям иметь башни и колокола. В 1782 г. веротерпимость была распространена и на евреев.

Австрийская эпоха реформ имела весьма существенные *социальные последствия*. Ведущей социальной группой австрийского общества оставалось *дворянство*, но, во-первых, оно возросло численно — в эпоху Марии Терезии и Иосифа II было особенно много нобилитаций за заслуги в экономической или военной области. Увеличению количества дворян способствовало и учреждение орденов Марии Терезии и св. Штефана — получившие их автоматически производились в дворянское достоинство. Во-вторых, изменился социальный статус дворян. С одной стороны, новые дворяне, хотя и покупали землю, поскольку занятие ремеслом или торговлей считалось не совместимым с дворянством, вели, скорее, буржуазный образ жизни. С другой стороны, мероприятия Марии Терезии и особенно Иосифа II лишали дворянство значительной части его привиле-

гий — отныне дворяне платили налоги, подвергались «неблагородным» видам наказания (привязывание к позорному столбу и даже колесование), ограничивались их права в отношении крестьян и т. д. Наконец, мероприятия абсолютизма, практически полностью уничтожившие значение сословных собраний, во многом лишили дворянство и его особое политическое положение. Однако если позиции дворянства как привилегированного сословия и были ослаблены, то все же представители именно этого социального сословия продолжали играть ключевую роль в самых разных сферах деятельности государства.

В связи с оживлением хозяйственной жизни и ростом промышленного и ремесленного производства увеличивалась численно и *буржуазия*. Кроме того, стремительная бюрократизация приводила к особенно быстрому росту численности чиновников. Даже *духовенство* в результате реформ Иосифа II практически превратилось в подобие государственных служащих. В результате реформ Марии Терезии и Иосифа II значительно улучшилось положение *крестьян*, они получили личную свободу, однако остались связанными многочисленными повинностями и ограничениями, которые были отменены лишь в 1848 г.

Продолжавшаяся полвека эпоха реформ не смогла выполнить главную задачу внутренней консолидации и политической централизации монархии Габсбургов. Это объяснялось не только тем, что многие начинания Иосифа II опередили свое время, но и тем, как именно проводились реформы. Иосиф II, *революционер на троне*, переносил идеи с бумаги в действительность, совершенно не считаясь с огромным социальным, культурным и национальным многообразием своей страны и, кроме того, в невероятной спешке. В итоге он восстановил против себя самые разные социальные слои населения — от крестьян до аристократов. Особенно раздражали представителей разных слоев населения навязчивое «всеприсутствие» государства, мелочное вмешательство даже в бытовую и личную сферу. Велась борьба с различными народными обычаями, даже с *йодлем* австрийских горцев (особой манерой пения без слов), строго регламентировалась религиозная практика, вплоть до количества свечей на алтаре. Своего апогея подобная политика достигла в попытке регламентировать даже смерть — было издано распоряжение хоронить покойников в мешках, используя многоразовые гробы со складным дном. Однако эта мера вызвала такое ожесточенное сопротивление, вплоть до вооруженного, что скоро была отменена.

Наконец, Иосиф II своими мероприятиями во многом способствовал национальному пробуждению различных народов монархии Габсбургов, что, собственно, и поставило крест на его реформах. Решающую роль в этом сыграла Венгрия. Мария Терезия вела по отношению к венграм очень ловкую и осторожную политику, вызывая к чувствам «благородной венгерской нации», и в итоге добилась коронования «венгерским королем», с возложением короны не на

плечи, как то полагалось женам Габсбургов, а на голову. Иосиф II, напротив, категорически отказался от коронации в качестве венгерского короля и демонстративно отправил корону св. Иштвана, бывшую в Венгрии предметом полурелигиозного поклонения, в музей — вместе с чешской короной св. Вацлава и шляпой австрийского эрцгерцога. Отныне в Венгрии называли его не иначе, как «король в шляпе». Кроме того, в 1784 г. был издан так называемый *языковой эдикт*, предписывавший повсеместное введение в качестве языка администрации немецкого вместо латыни. Наконец, отмена традиционной административной автономии Венгрии и разделение ее на 10 административных округов обострили ситуацию настолько, что Иосиф II был вынужден отказаться от всех этих мер и незадолго до смерти, в феврале 1790 г., вернуть корону в Венгрию.

Наряду с Венгрией другим очагом опасного недовольства реформами Иосифа II были Австрийские Нидерланды. После войны за испанское наследство, они управлялись австрийскими наместниками, в остальном же пользовались значительной автономией. Иосиф II без всякой оглядки на местные особенности распространил на Австрийские Нидерланды те радикальные реформы, которые проводил на основной территории монархии Габсбургов: была взята под государственный контроль церковь, вместо исторических провинций страна делилась на 9 округов, сокращены права местных сословных органов и т. д. Подобные меры в 1789 г. привели к открытому мятежу.

В итоге сопротивление Венгрии и Австрийских Нидерландов, а также всеобщее недовольство в других землях вынудили Иосифа II незадолго до смерти отказаться от большей части своих реформ.

9.3. Внешняя политика Австрии

Начало века было отмечено участием Габсбургов в войне за испанское наследство 1701—1714 гг. Если во всех предыдущих войнах с Людовиком XIV разрывавшиеся между Востоком и Западом Габсбурги преследовали, скорее, оборонительные цели, то теперь, решив свои турецкие проблемы, они перешли в наступление. В первый и в последний раз в своей истории Австрийская монархия заявила о претензиях на европейскую гегемонию. Леопольд I стремился сделать своего младшего сына Карла испанским королем, обеспечив старшему сыну Иосифу австрийские владения.

Итоги войны за испанское наследство, завершившейся Утрехтским и Раштаттским мирами 1713—1714 гг., для Дунайской монархии были неоднозначны. Задача-максимум оказалась невыполненной, великая империя Габсбургов так и осталась мечтой. Однако Габсбурги все же получили часть «испанского наследства», прежде всего испанские владения в Италии, в том числе Сардинию, Ломбардию и Неаполь, а также Испанские Нидерланды, которые почти на сто-

летие стали вновь Австрийскими. Впрочем, обладание Австрийскими Нидерландами в значительной степени обесценивалось благодаря закрытию р. Шельды для морской торговли. Эти территории — удаленные, экономически ослабленные и к тому же бывшие постоянным яблоком раздора — по сути, так и останутся для Габсбургов чужими. Показательно, что в течение всего XVIII в. они будут безуспешно стараться обменять их на более близкие во всех отношениях баварские земли. Полученные итальянские владения были разрозненными, причем лишь Ломбардия имела небольшой участок общей границы с землями Габсбургов, в то время как обладание Неаполем и Сардинией в силу их географического положения вообще оказалось невозможно обеспечить без флота.

Разбросанные по всей Европе территориальные приобретения Габсбургов еще больше увеличили политическую, социальную и этническую гетерогенность их владений. Кроме того, события войны за испанское наследство оказали влияние и на германскую политику. Во-первых, пострадал престиж не сумевшего добиться своих целей императора, и, во-вторых, стремясь добиться поддержки курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургского в своих испанских притязаниях, Леопольд I в 1700 г. пошел на его признание в качестве *короля в Пруссии* — и этот едва принимавшийся во внимание на фоне европейского катаклизма факт оказался чреват тяжелыми политическими последствиями в будущем. Иными словами, выбор в качестве приоритета испанской политики во многом произошел в ущерб более насущным интересам Габсбургов (не только на Востоке, но и на Западе).

В течение всего XVIII в. восточное и западное направления были ведущими, однако здесь произошли изменения. На Западе речь шла уже не о борьбе за гегемонию, а о том, как поступить с еще сохранившимися в руках Габсбургов результатами этой борьбы — разбросанными землями в Италии, Нидерландах и на Рейне. На Востоке полностью исчезла турецкая угроза, но с начала XVIII в. появился совершенно новый фактор в лице России, который постепенно становился определяющим. На первый план выходит огромная проблема германского положения Австрии, которая по существу сможет найти свое решение лишь через полтора века.

В правление Карла VI взаимоотношения монархии Габсбургов с другими державами во многом представляли собой эпилог войны за испанское наследство. Карл VI не сразу отказался от надежды стать испанским королем, а король Испании Филипп V не смирился с потерей итальянских земель. Война, формально продолжавшаяся между двумя государствами, была закончена лишь с подписанием в 1725 г. Венских договоров, по которым Карл VI окончательно отказывался от претензий на Испанию, а Филипп V — на Нидерланды, Ломбардию и Сицилию, которую Габсбурги к тому времени получили вместо Сардинии. Кроме того, Испания соглашалась признать Прагматическую санкцию.

Постепенно именно международное признание Прагматической санкции стало главной внешнеполитической целью Карла VI, ради достижения которой он жертвовал многими важными интересами Австрии. Последовательно не признавала Прагматическую санкцию лишь Франция, традиционно главный противник Габсбургов в Европе. Лишь после войны за польское наследство (1733—1738) произошли перемены. Завершивший войну Венский мир фактически обеспечил Бурбонам владение Лотарингией, значительно изменил состав итальянских владений Габсбургов (за отказ от Неаполя и Сицилии они получили Парму и Пьяченцу; Тоскана как компенсация мужу Марии Терезии герцогу Лотарингскому также досталась Габсбургам), и, наконец, все участники этой европейской войны признали Прагматическую санкцию.

Союзные обязательства по отношению к России и уже традиционное желание получить на востоке компенсации за потери на западе привели к *войне с Турцией 1737—1739 гг.* Это была седьмая по счету и самая неудачная австро-турецкая война. По *Белградскому миру* Австрия лишилась практически всех завоеваний предыдущей войны, в том числе Белграда и Боснии. Не менее важным было и падение престижа монархии Габсбургов. Если раньше, под влиянием непрерывной череды успехов в войнах с Турцией, народы Балкан связывали свои надежды на помощь и освобождение именно с Габсбургами, то теперь их взгляды все больше обращались к России.

К концу 1730-х гг. Карл VI путем огромных усилий и значительных уступок сумел обеспечить признание Прагматической санкции практически всеми европейскими государствами. Однако Евгений Савойский, не раз говоривший, что для этой цели нужны не бумаги, а пушки, оказался прав. Меньше чем через 2 месяца после смерти Карла VI началась *война за австрийское наследство* (1740—1748). Война началась вторжением только что занявшего прусский престол Фридриха II в Силезию, что послужило сигналом и для других стран. Едва вступившая на престол Мария Терезия оказалась в совершенно критическом положении, как она сама говорила, «без армии, без денег и без советников». Страна была ослаблена и деморализована двумя предыдущими неудачными войнами, враги стояли в Богемии и Верхней Австрии, к тому же тяжелейший удар династии нанесло быстрое избрание императором Священной Римской империи баварского курфюрста Карла — впервые с XV в. после непрерывной череды тринадцати Габсбургов императорский трон оказался занят не ими.

В такой сложной ситуации 23-летняя Мария Терезия в первую очередь сумела добиться того, чтобы венгры не только не воспользовались тяжелым положением монархии, как это уже многократно бывало, а активно выступили на ее защиту. Она пошла на уступку Силезии и на мир с Пруссией и Саксонией (1742), чтобы иметь возможность сконцентрироваться на борьбе с испанцами, баварцами и

французами, и благодаря более действенной помощи Англии и Голландии добилась существенных успехов. Однако именно эти успехи Австрии заставили Фридриха II опасаться за судьбу только что приобретенной Силезии, и в 1744 г. он начал так называемую *Вторую силезскую войну*, вновь осложнив положение Габсбургов. После ряда поражений от Фридриха II Австрия заключила с ним *Дрезденский мир* 1745 г., в котором вновь признала потерю Силезии. Тем временем союзники Габсбургов начали переговоры о мире, по существу поставив Австрию перед свершившимся фактом.

Согласно условиям завершившего войну за австрийское наследство *Аахенского мира* 1748 г. Габсбурги отказывались в пользу Испании от Пармы, Пьяченцы и Гасталлы и подтверждали отказ от Силезии. Им возвращались утраченные в ходе войны Австрийские Нидерланды, и, кроме того, полное международное признание получила Прагматическая санкция.

Главное значение войны за австрийское наследство заключалось в том, что она явилась первым и очень серьезным испытанием на прочность нового государства, и Австрия это испытание выдержала. Однако результаты войны привели к совершенно новой ситуации внутри Священной Римской империи — в лице Пруссии заявила о себе вторая германская великая держава и, таким образом, было положено начало так называемому *австро-прусскому дуализму*, соперничеству двух держав, которое завершится лишь более чем через столетие.

После окончания войны безусловно главным внешнеполитическим приоритетом Австрии стали взаимоотношения с Пруссией и, конкретнее, возвращение Силезии. Коренные изменения претерпела австрийская внешняя политика. С 1753 г. и на следующие 40 лет министром иностранных дел стал *Кауниц*, инициатор так называемого «переворота союзов». Важнейшими новшествами явились сотрудничество с вековым «наследственным врагом» — Францией против бывшего союзника — Пруссии, а также отход от традиционной связи с Англией. Эта новая расстановка сил прошла проверку в Семилетней войне. Итогом войны стал *Губертсбургский мир*, заключенный в феврале 1763 г.: Силезия осталась прусской, «дуализм» Австрии и Пруссии в Германии продолжился и углубился.

Косвенными последствиями неудачи в борьбе с Пруссией вновь стали попытки монархии Габсбургов найти компенсацию на Востоке, прежде всего в Польше и Турции. По первому разделу Польши в 1772 г. Австрия получила Восточную Галицию с двухмиллионным польским и украинским населением, так появилась новая провинция — Королевство Галиции и Лодомерии. На турецком направлении единственным успехом Австрии во второй половине XVIII в. стало приобретение в 1775 г. Буковины в качестве вознаграждения за навязанное Турции посредничество в ходе русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. Тем не менее совместная австро-русская война против Турции 1787 — 1791 гг. закончилась для монархии Габсбургов ничем.

ШВЕЦИЯ. ДАНИЯ. ГОЛЛАНДИЯ

10.1. Швеция

«Эра свобод» (1719 — 1772). Гибель неженатого и бездетного Карла XII от случайной пули (хотя не исключено, что в результате заговора) под стенами норвежской крепости Фредрикстен в ноябре 1718 г. обусловила проблему престолонаследия. Сестра Карла *Ульрика Элеонора*, которую риксдаг в декабре 1718 г. избрал королевой при условии серьезного ущемления ее власти, вскоре отреклась в пользу своего мужа, взошедшего на престол под именем *Фредрика I* (1720 — 1751). Ценой его избрания стало очередное ограничение монарших прерогатив. Отныне члены восстановленного риксрода должны были назначаться по представлению риксдага и, главное, стали ответственны перед последним. Риксдаг получил также исключительное право издания новых законов, контролировал государственные финансы и налоговую политику. Внешнеполитические (и вообще все наиболее важные) вопросы решались в *Секретном комитете*, куда не входили представители крестьянского сословия. В этом комитете половину мест занимали дворяне, сохранившие за собой исключительное право на высшие государственные должности.

Оформившийся в 1719 — 1723 гг. *режим сословного парламентаризма* действовал до 1772 г. Это время в шведской истории получило название «Эры свобод». Одну из главных политических ролей в ее начальный период играл граф *Арвид Бернхард Горн* (1664 — 1742), канцлер в 1709 — 1738 гг. При нем правительство было озабочено прежде всего восстановлением страны после тяжелой войны. В духе умеренного меркантилизма оказывалась поддержка шведским предпринимателям. Важным шагом стало принятие в 1734 г. единого общешведского свода законов.

Осторожность А. Горна во внешней политике вызвала протест со стороны молодых офицеров и дворян-чиновников, выступавших за более активное сближение с Францией и конфронтацию с Россией. Кроме того, часть крупных предпринимателей и купечества считала половинчатыми меры по поддержке отечественной промышленности. На риксдаге 1738/39 гг. представители оппозиции, именовавшие себя «шляпами» (символ принадлежности к дворянскому сословию), сместили А. Горна, сторонников которого за предполагаемую трусость нарекли «колпаками» (т. е. ночными колпаками). Это была первая в истории Швеции смена правительства, осуществленная по воле

парламентского большинства. В стране начался период борьбы двух партий.

«Шляпы» оставались у власти до 1765 г. В это время обострился конфликт сословий с монархом. В 1756 г. была предотвращена попытка государственного переворота, готовившегося под руководством королевы *Луизы Ульрики Прусской* — жены *Адольфа Фредрика* (1751 — 1771). Венценосную чету официально предупредили, что в случае нового заговора их немедленно отстранят от власти. Правительство же получило право использовать штампель с факсимиле королевской подписи в случае несогласия монарха подписать какой-либо документ.

Внутренняя политика «шляп» была в большей степени, чем при А. Горне, направлена на субсидирование мануфактур — текстильных, бумажных, сахарных, стекольных, хотя из-за низкой конкурентоспособности шведских товаров результаты этих мер были ограниченными. Особой заботой правительства пользовалась железодельная отрасль. Аграрная политика «шляп» стимулировала дробление земельных наделов и облегчала наем крестьянами батраков.

Оборотной стороной всех этих мер стал рост инфляции, усугубленный последствиями участия Швеции в Семилетней войне. «Шляпы», пытаясь справиться с ситуацией, даже решились запретить крестьянам выкуп коронных земель и домашнее винокурение, что вызвало недовольство. (Впервые коронные крестьяне получили право выкупа своих земель — что означало превращение их в собственников и переход в категорию податных крестьян — в 1701 г. Позднее право на покупку коронных земель было подтверждено в 1723 г.) В итоге в 1765 г. к власти пришла оппозиция — «младшие колпаки», которые ввели жесткий контроль над государственными расходами, уменьшили субсидии промышленникам, вернули крестьянам право выкупа коронных земель, провозгласили свободу печати и отменили цензуру (1766). Однако эти радикальные меры отпугнули значительную часть дворянства и предпринимателей. В 1769 г. к власти вернулись «шляпы», правда, как оказалось, ненадолго.

На рубеже 1760—1770-х гг. в стране одним из основных политических вопросов стало уравнивание в правах представителей различных сословий. Удельный вес дворянства по отношению к общей численности населения в середине XVIII в. составлял 0,5 % и продолжал падать, во многом из-за низкой рождаемости в дворянских семьях. Одновременно все большее количество дворянских земель переходило в руки представителей податных сословий, и все чаще недворяне занимали различные государственные должности. Особенно важным фактором общественной жизни стал заметный рост возникшей еще в XVII в. прослойки состоятельных и образованных людей, не принадлежавших формально ни к одному из четырех сословий, так называемых *персон с положением*, соответствовавших российским разночинцам. (Позднее, начиная с 1790 г., для обозначения этой

группы стали использовать термин *средний класс*.) Это были чиновники, предприниматели, врачи, публицисты, школьные и университетские преподаватели. В середине XVIII в. они составляли около 2 % населения Швеции. Сохранение гарантированных законом 1723 г. дворянских привилегий (исключительных прав, во-первых, на занятие высших должностей и, во-вторых, на владение не облагавшимися налогами земельными участками, непосредственно примыкавшими к усадьбам) вызывало все большее возмущение представителей податных сословий. К началу 1770-х гг. столкновения по этому вопросу настолько обострились, что начали мешать нормальной работе риксдага. У многих «сословные дрязги» вызывали недовольство.

Просвещенный абсолютизм. Ситуацией воспользовался новый король *Густав III* (1771 — 1792). Опираясь на поддержку офицерства, боявшегося очередного сокращения военных расходов «колпаками», он в августе 1772 г. осуществил бескровный государственный переворот: правительство было арестовано, а риксдаг послушно проголосовал за «новую форму правления». «Эра свобод» закончилась. Отныне король получил право самостоятельно руководить внешней политикой (правда, для объявления наступательной войны все же требовалось согласие риксдага). Государственные чиновники и члены назначаемого самим монархом риксрода были ответственны перед ним, а не перед парламентом (при этом полномочия риксрода стали чисто совещательными). Законодательная власть была разделена между королем и риксдагом: последний мог влиять только на издание общих законов, а в сфере экономического и административного законодательства монарх не был ограничен. Кроме того, риксдаг сохранил право вотирования налогов, но не контроль над статьями расходов.

Густав III стремился править в духе просвещенного абсолютизма. Он активно покровительствовал искусствам, провел ряд экономических реформ: разрешил свободную торговлю хлебом (1775), продолжал поощрять размежевание земель и выход крестьян из общины, урезал городские и цеховые привилегии. В 1774 г. была вновь провозглашена свобода печати (хотя и с ограничениями), а в 1781 г. — свобода вероисповедания (правда, за переход в католицизм по-прежнему полагалось изгнание из страны). Однако Густав III запретил покупку коронных земель крестьянами и домашнее винокурение, а также поощрял продвижение по службе дворян в ущерб интересам выходцев из податных сословий (хотя остановить рост их влияния был не в силах).

В конце концов недовольство политикой Густава III по разным причинам распространилось практически во всех слоях общества: часть дворянства тяготилась королевским «деспотизмом», крестьян возмущал запрет на домашнее винокурение, горожан — политика ограничения цеховых привилегий, духовенство — торговля церков-

ными должностями. Оппозиция заявила о себе на риксдаге 1786 г. Король попытался добиться единения сословий под знаменем войны с Россией (1788—1790), но в итоге недовольство дворян лишь усилилось. В этой ситуации Густав III сделал ставку на податные сословия и в 1789 г. добился принятия так называемого *Акта единения и безопасности*. Король получил право начинать наступательную войну без согласия риксдага, самостоятельно определять количество членов риксрода (Густав III предпочел вообще не назначать их) и единолично предлагать новые законы. Риксдаг сохранил за собой право вотирования налогов и утверждения общих законов, а также получил возможность контролировать государственный долг через специально созданный орган. Самым важным в решении риксдага 1789 г. стало серьезное ограничение привилегий дворянства: вместо фактически прекратившего существование риксрода был создан так называемый *подготовительный комитет* (его функции напоминали функции правительства), половину членов которого должны были составить представители податных сословий; постановлялось, что при назначении на государственные должности прежде всего будет учитываться наличие способностей, а не происхождение (хотя для ряда высших должностей были все же сделаны исключения); крестьяне получили право покупать не только коронные, но и дворянские земли. Это был важный шаг на пути полного упразднения сословных барьеров в обществе.

Аристократия, однако, не простила Густаву III ущемления своих прав и вынашивала идею устранения монарха. Некоторые представители шведского дворянства восхищались Французской революцией и с этих позиций выступали против «деспотизма» короля. Сложение этих разнородных сил привело к заговору и убийству Густава III в 1792 г.

Развитие науки. XVIII в. ознаменовался значимыми успехами шведской науки, прежде всего астрономии, математики, ботаники, химии. Физик и астроном *Андерс Цельсий* (1701—1744), именем которого названа температурная шкала, ботаник *Карл Линней* (1707—1778) — ученые, приобретшие мировую известность. В 1719 г. было создано первое шведское научное общество (в г. Упсала), а в 1739 г. — Академия наук. В гуманитарной сфере наиболее заметные фигуры этого периода — философ-мистик *Эммануил Сведенборг* (1688—1772), историк, критик и придворный поэт *Улоф Далін* (1708—1763) — автор первой истории Швеции, написанной с рационалистической точки зрения и предназначенной для широкой публики.

10.2. Дания

Датская экономика в первой половине XVIII в. Участие Дании в Северной войне нанесло хозяйству страны урон, однако не столь

существенный, как войны со Швецией в XVII в. Одним из последствий войны стало введение в 1701 г. военно-приписной повинности для крестьян (мужчины, годные к военной службе, не имели права менять место жительства). Мера была непопулярной, и в целях компенсации *Фредрик IV* (1699—1730) отменил в 1702 г. поземельную крестьянскую зависимость на о-вах Зеландия, Лолланн и Фальстер. После окончания войны начался упадок в сельском хозяйстве, что опять привело к ограничению крестьянских свобод: хотя в 1730 г. военно-приписная повинность была отменена, всего через 3 года был принят закон о прикреплении к месту жительства крестьян мужского пола с 14 до 36 лет (с 1746 г. — с 4 до 40 лет). Формально эта мера связывалась с необходимостью обеспечить кадрами крестьянское ополчение, но в принятии такого закона были заинтересованы также землевладельцы. Однако введение повинности не привело к тем результатам, на которые надеялись законодатели, — экономического подъема не случилось.

Одним из последствий аграрного кризиса стало и повышенное внимание к созданию мануфактур — для производства товаров, которые прежде импортировались. С этой целью были основаны *Генеральная коллегия экономики и торговли* (1735); *Курантбанк* (1736—1737), частный банк, в создании которого, однако, активно участвовало правительство; *Генеральный склад* (1737—1738), учреждение, ведавшее закупкой мануфактурных товаров, организацией их розничной продажи и кредитованием торговли. Тем не менее развитие датской промышленности в середине XVIII в. все-таки отставало от развития торговли. Для стимулирования последней по-прежнему создавались привилегированные торговые компании.

Внутриполитическое развитие во второй половине XVIII в. Просвещенный абсолютизм Струэнзе. К середине XVIII в. необходимость более радикальных реформ, прежде всего в сельском хозяйстве, стала очевидной для образованной верхушки датского общества. К тому же в последние годы правления *Фредрика V* (1746—1766) в Дании распространились идеи английского и французского Просвещения. Во второй половине столетия среди землевладельцев стало модно обсуждать методы ведения хозяйства. Возник и вопрос о крестьянской реформе. В 1769 г. были изданы 4 указа: об обязательном точном фиксировании владельцами поместий барщины, о разрешении раздела поместий, о запрете включать наделы держателей в усадебную землю, о дальнейшей ликвидации общин, охватывавших владения нескольких землевладельцев. Однако военно-приписная повинность не была ликвидирована. Реформа оказалась ограниченной.

Неожиданный и яркий взлет реформаторской активности страна пережила в 1770—1772 гг. При душевнобольном *Кристиане VII* (1766—1808) почти абсолютной власти сумел добиться выходец из

немецкого г. Галле, приверженец идей Просвещения *Иоганн Фридрих Струэнзе* (1737—1772) — личный врач короля и любовник королевы Каролины Матильды. Он использовал свое положение для осуществления радикальных преобразований в духе просвещенного абсолютизма: распустил аристократический Тайный совет, в результате чего вся власть сосредоточилась в королевском кабинете, главой которого стал сам Струэнзе; заменил коллегии департаментами, которые в большей степени подчинялись королевской власти; ввел свободу печати (и тем самым обеспечил своих противников мощным оружием пропаганды) и свободу вероисповедания; прекратил субсидирование мануфактур; отменил торговые привилегии Копенгагена; ввел свободу ремесел (вне цехов) и хлебной торговли; ограничил барщину и смягчил тяготы военно-приписной повинности (теперь она касалась мужчин в возрасте лишь от 15 до 34 лет). Кроме того, были запрещены пытки; отменена ответственность за супружескую измену; устранена дискриминация «незаконнорожденных» детей; открыты первый госпиталь для бедных и дом для сирот и т. д.

Однако при этом И. Струэнзе не интересовался тем, как исполнялись его многочисленные (в общей сложности — более 2 тыс.!) декреты. К тому же все свои указы он писал по-немецки, не учитывая в должной степени местных условий. В результате с его именем стало ассоциироваться «немецкое засилье». В конце концов И. Струэнзе в январе 1772 г. пал жертвой придворного заговора, был судим, а затем казнен. Все его нововведения были упразднены (кроме дома для сирот), система управления страной была полностью восстановлена.

Фактическим главой правительства стал профессор теологии *Ове Гюльдберг* (1731—1808), реакционный режим которого вызывал недовольство в среде просвещенного дворянства.

Культура Дании. В XVIII в. в Дании продолжалось дело собирания и публикации древних рукописей. Наибольшее значение имели труды *Ханса Грама* (1685—1748) и *Якоба Лангебека* (1710—1775). В 1745 г. Я. Лангебек основал *Общество отечественной истории и языка*. Тремя годами ранее в Копенгагене было создано первое учное общество (впоследствии — Академия наук).

Особую роль в истории культуры Дании сыграл философ-просветитель, историк и драматург *Людвиг Хольберг* (1684—1754). Его трехтомная «История датского государства» (1732—1735) стала не только первым написанным с рационалистических позиций и общедоступным трудом по истории страны, но и образцом датского прозаического стиля. Широкой популярностью пользовались сатирические комедии Л. Хольберга, которого прозвали «датским Мольером». Вершиной датского искусства стало творчество великого скульптора *Бертеля Торвальдсена* (1768 или 1770—1844) — одного из основоположников неоклассицизма.

10.3. Голландия

Упадок экономики. Во второй половине XVII в. голландская экономика сохранялась на прежнем уровне и даже продолжала расти. Однако с начала XVIII в. проявилась тенденция к постепенному уменьшению объема внешней торговли, а затем — к упадку в промышленности. В первой четверти XVIII в. количество рыболовных судов сократилось в 10 раз, голландцы стали импортировать даже сельдь.

Главные причины упадка крылись в особенностях социального развития Голландии, с одной стороны, и в общем экономическом развитии Европы — с другой. Решающую роль сыграло господство в стране торговой и финансовой буржуазии, которая превратилась в олигархию, заботившуюся исключительно о собственной выгоде и пренебрегавшую интересами других слоев буржуазии, не говоря уже об общенациональных интересах. Когда в начале XVIII в. английская промышленность превзошла голландскую, олигархи перешли к посреднической торговле более дешевыми английскими изделиями. Открывая им доступ на внутренний рынок, они подрывали голландскую промышленность. Между тем условия на рынках других европейских стран для голландцев ухудшились. Постепенно сложились единые мировые цены на основные товары, которые привели к сокращению доходов голландцев от посреднической торговли. Господство в мировой торговле постепенно переходило к Англии, опиравшейся на собственную промышленность. Огромные ранее накопленные капиталы уходили из Голландии в виде ссуд, которые использовались, в частности, для развития английской промышленности, а Голландия заняла подчиненное место в европейской хозяйственной системе.

Политическая борьба. Неуклонный упадок экономики приводил к постоянному снижению жизненного уровня трудящегося населения. Налоги, взимавшиеся алчными откупщиками, доводили многих крестьян и ремесленников до полной нищеты. Массы отвечали стачками и восстаниями, в ходе которых нередко громили дома «регентов». Одним из первых было выступление рабочих ситценабивных фабрик в г. Амстердаме в 1715 г. с требованием повышения заработной платы и улучшения условий труда. Волна восстаний прокатилась по стране в 1747 — 1748 гг. В этом массовом возмущении, охватившем народ, отчетливо наблюдались новые явления: массы отошлись с одинаковым недоверием к обеим фракциям господствующего класса — и к «регентам», и к оранжистам, вокруг которых группировались дворянско-клерикальные круги.

В начале 1770-х гг. в республике сложилась новая политическая сила — *партия патриотов*. Во главе партии стояли радикальные элементы буржуазии и передовых слоев дворянства, а ее массовую базу составляли широкие слои городского населения. Идеология

патриотов сформировалась под влиянием мыслителей Просвещения, они требовали коренной демократической реформы государственного строя. В лице своего самого выдающегося лидера *Яна Ван дер Капеллена* члены партии последовательно выступали в защиту развернувшейся в эти годы Американской революции. Напротив, оранжисты, не колеблясь, стали на сторону Англии; купеческая же олигархия противодействовала англичанам лишь с целью извлечь выгоду из торговли с Америкой. Представители Соединенных Штатов и сами вели активную пропаганду в Нидерландах. Одним из аргументов при этом было сходство Американской и Нидерландской революций. Американцев встречали овациями в голландских городах, но лишь после серьезных побед над англичанами Генеральные штаты официально признали в апреле 1782 г. новое государство, а вскоре заключили с ним торговый договор, предоставив Америке первый заем в 5 млн гульденов.

В Англии с беспокойством следили за борьбой политических течений в Голландии. В декабре 1780 г., опасаясь присоединения республики к провозглашенной Россией политике вооруженного нейтралитета, Англия объявила Голландии войну.

Плачевное состояние голландского флота, коррупция, царившая среди *регентов*, их неспособность мобилизовать ресурсы страны для отпора противнику привели к быстрому разгрому вооруженных сил Голландии.

В сложившейся ситуации *патриоты* действовали с большой энергией. Их призыв защитить отечество нашел широкий отклик в массах. По всей стране организовывались отряды добровольцев, ставшие опорой партии. После подписания мирного договора с Англией в 1784 г. движение продолжало расти и усиливаться. Под контролем *патриотов* оказалось большинство провинций. Борьба против господства торговой и финансовой олигархии, превратившейся в реакционную аристократическую касту, осталась незавершенной из-за вмешательства внешних сил. В сентябре 1787 г. с согласия и одобрения Англии Пруссия ввела в Голландскую республику войска для защиты власти *статхаудера Виллема V*. Начались массовые преследования и аресты *патриотов*. Тысячи *патриотов* покинули страну с тем, чтобы спустя несколько лет возвратиться домой вместе с французскими революционными армиями.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЙ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ. ОБРАЗОВАНИЕ США

Антиколониальное движение. После окончания Семилетней войны 1756—1763 гг., которая в Северной Америке вылилась в вооруженные столкновения Англии и Франции из-за территориальных споров, резко обострились противоречия между Великобританией и тринадцатью североамериканскими колониями. И ранее метрополия ущемляла экономические и политические интересы американцев, но после Семилетней войны Англией были приняты беспрецедентные меры с целью усилить политическую власть метрополии и взвалить на американцев финансовые потери военного времени. В 1763 г. плантаторы, фермеры и безземельные американцы с возмущением встретили английский указ, запрещающий переселяться за Аллеганские горы и тем самым отсекавший колонистов от обширных и неосвоенных западных территорий. В марте 1765 г. последовал не менее суровый так называемый *гербовый закон*: все деловые операции в Северной Америке облагались налогом.

Этот закон особенно возмутил американцев: неприемлемым был как сам налог, так и то, что он был введен английским парламентом, в котором американцы не были представлены. Это нарушало основополагающую заповедь самого английского общества, которая почиталась и американцами: никаких налогов без представительства. Колонисты ответили массовыми акциями протеста. *Джон Адамс*, второй президент США, в своих мемуарах вспоминал: «Наша пресса стенала, с церковных кафедр извергались молнии, наши ассамблеи принимали резолюции протеста, города голосовали, королевские чиновники повсюду тряслись от страха». У американцев появились патриотические вожди и златоусты, популярные публицисты, и один из них, виргинец *Патрик Генри*, посоветовал здравствующему английскому королю Георгу III извлечь урок из правления Карла I (намекая на то, что политика введения налогов без утверждения парламентом в конце концов закончилась его казнью). В 1766 г. английские власти отменили ненавистный гербовый закон, но тут же приняли еще более тиранический указ, гласивший, что Англия вправе вводить в своих владениях в Америке любые законы и заставлять американцев подчиняться любым своим решениям. Последовали указы о размещении в Северной Америке английских военных соединений, о приостановке заседаний строптивых колониальных ассам-

блей, о переводе губернаторов на содержание метрополии, что делало их финансово независимыми от колониальных представительных органов. В 1767 г. был обнародован *акт Тауншенда* (по имени министра финансов), вновь облагавший американцев налогами в обход их ассамблей, причем налоговые сборы шли на содержание колониальной администрации, что развязывало ей руки в противостоянии с непокорными американцами и их выборными представителями.

Последующие политические репрессии метрополии включали упразднение или ограничение полномочий судов присяжных, отмену неприкосновенности жилища и собственности, свободы вероисповедания. Английская власть вознамерилась править в Северной Америке деспотическими методами. Американцы в ответ усилили сопротивление. В марте 1770 г. пролилась первая кровь: в Бостоне английские солдаты открыли огонь по патриотической толпе, собравшейся в центре города, и убили 5 человек (один из них был чернокожим). Это событие вошло в историю под названием *Бостонская бойня*.

Американцы начали создавать полулегальные и нелегальные организации патриотов, самой известной среди которых стали *Сыны свободы*. Акции сопротивления становились все более разнообразными. Самой знаменитой среди них, получившей широкую огласку во всех колониях, стало *Бостонское чаепитие* в Массачусетсе. В декабре 1773 г. *Сыны свободы*, переодевшись индейцами, прокрались на суда английской Ост-Индской компании, прибывшие в порт Бостона, и сбросили в воду весь находившийся на них груз чая. В ответ на материальный ущерб, нанесенный англичанам, и покушение на их право собственности английские власти закрыли бостонский порт, запретили городские собрания, приостановили действие массачусетской хартии. Бостонцы в свою очередь оповестили об очередной репрессии англичан все колонии, и те солидарно провели общеамериканский День поста и скорби. Представители большинства колоний пришли к выводу, что поодиночке они не могут защитить свои права и поэтому совершенно необходимо объединить патриотическое движение провинций. В сентябре 1774 г. в г. Филадельфии был созван *I Континентальный конгресс*, на котором предстояло определить цели сопротивления Англии. Прибывший на конгресс лидер бостонских *Сынов свободы* *Сэмюэль Адамс*, как позднее свидетельствовал в показаниях британскому парламенту один из делегатов, «подстрекал толпу», чтобы та принудила посланников провинций к радикальным решениям, но делегаты удовлетворились поиском компромисса с английской властью.

На конгрессе обнаружилось серьезные разногласия среди патриотов относительно желательных форм государственных взаимоотношений с Англией. Некоторые американцы — их было немного — хотели добиться представительства в британском парламенте и стать частью единой великой монархии. Эта точка зрения не стала попу-

лярной, поскольку практически мыслящие американцы понимали, что их депутаты всегда будут в явном меньшинстве в парламенте и никогда не смогут провести в нем приемлемых решений. Другая часть американцев, во главе которых оказались радикал Сэмюэль Адамс, а также знаменитый просветитель *Бенджамин Франклин* (1706 — 1790), доказывали, что Северная Америка должна добиться *гомруля* (англ. Home Rule — букв. *самоуправление*), означавшего, что местные ассамблеи наделяются всей полнотой власти во внутренних делах, английский парламент от управления колониями отстраняется, а связующим звеном между Англией и Северной Америкой остается монарх, координирующий их взаимоотношения, но утрачивающий важнейшие права в управлении колониями. Эта доктрина не предполагала разрушения Британской империи, которую Б. Франклин называл «прекрасной вазой», но большинству вождей патриотов даже она долгое время представлялась чересчур радикальной.

Умеренное большинство хотело восстановления тех прав, которыми Северная Америка обладала до Семилетней войны. Даже в середине 1775 г., когда Англия уже спровоцировала начало военных действий в Северной Америке, оно протягивало английскому монарху Георгу III «оливковую ветвь» (так называлась примиренческая резолюция, которую Континентальный конгресс направил королю).

Начало военных действий. Декларация независимости 4 июля 1776 г. Английская власть не желала рассматривать американцев как тех же англичан, но только переселившихся в Новый Свет (именно таковыми считали себя сами колонисты, настаивавшие на равных правах с жителями метрополии). В начале 1775 г. английские власти объявили колонии в состоянии мятежа, который должен быть подавлен любыми средствами. Американцы начали формировать добровольческие отряды и стали создавать склады с оружием. 18 апреля 1775 г. вооруженное соединение англичан численностью около 800 человек двинулось из Бостона в местечко Конкорд, чтобы захватить один из таких складов. На следующий день, 19 апреля, около Лексингтона, расположенного на пути в Конкорд, англичан встретил добровольческий отряд американцев. Между конфликтующими сторонами произошло первое вооруженное столкновение. В тот же день сражение между англичанами и американцами произошло и близ Конкорда. В обоих столкновениях, которыми традиционно датируется *начало североамериканской войны за независимость*, отряды колонистов сумели одержать победу над регулярными военными соединениями англичан.

Открывшийся через три недели после сражений под Лексингтоном и Конкордом *II Континентальный конгресс* принял решение о создании регулярной американской армии во главе с виргинским плантатором *Джорджем Вашингтоном*, обладавшим опытом участия в Семилетней войне. Уже 17 июня, через 2 дня после назначения его главнокомандующим, Дж. Вашингтон, пока еще во главе доб-

ровольческих и партизанских отрядов, а не регулярной части, должен был вступить в сражение с англичанами у Банкер-Хилла, одной из господствующих над Бостоном высот. Англичане сумели выбить американцев из Банкер-Хилла только после третьего штурма и при этом потеряли убитыми около тысячи человек, в 10 раз больше, чем малообученные отряды американцев. Соединения Дж. Вашингтона продемонстрировали способность к успешному сопротивлению, тем не менее II Континентальный конгресс 5 июля принял *петицию «оливковой ветви»*, в которой заверял английское правительство, что американцы вступили в военные действия против своей воли и готовы в любой момент восстановить мир с Великобританией, проявив лояльность в отношении короля Георга III. Большинство колониальных лидеров продолжали считать, что американцы связаны с англичанами кровными узами, единством обычаев, верований, политических убеждений, законодательных установлений, а поэтому разрыв между ними противостоит. Кроме того, многие американцы были убеждены, что колонии обречены на гибель без защиты их территории королевскими войсками и без торгово-промышленных связей с метрополией. От английских властей требовалась добрая воля, чтобы восстановить лояльность колонистов, но Англия продемонстрировала ее полное отсутствие, приняв решение дополнительно направить в Северную Америку для подавления мятежа 20-тысячный корпус. В конце 1775 г. лидер радикального крыла патриотов С.Адамс мрачно пророчествовал: упрямство короля и парламента «в конце концов приведет к величайшей революции, какую когда-либо знал мир».

Однако сам С.Адамс не решился выступить первым с революционным призывом, как и никто другой из американских патриотов. Революционный призыв к отделению от Англии был высказан впервые не признанными американскими лидерами, а радикальным английским просветителем *Томасом Пейном* (1737—1809), прибывшим в Северную Америку незадолго до антиколониального восстания. В начале января 1776 г. в памфлете «Здравый смысл» он открыто и категорично потребовал немедленно отделиться от Англии и образовать независимое американское государство. Свое обращение Пейн подкрепил множеством разнообразных убедительных и доходчивых аргументов. Как выяснилось, простые американцы заждались именно такого призыва: блестящий по форме и аргументации памфлет Т.Пейна стремительно разошелся рекордным тиражом в 120 тыс. экземпляров (примерно такое количество американцев участвовало в патриотическом движении). Выдающееся значение памфлета Т.Пейна было признано теми, кого американцы относят к отцам-основателям США (радикала и простолюдина Пейна к таковым не причисляют). Дж. Вашингтон, распорядившийся прочитать памфлет Пейна перед войсками, утверждал, что «несколько воспламеняющих доводов, подобных случившемуся с Фольмутом и Норфолком» (города, сожженные англичанами), «в дополнение к неопровержимой логике “Здравого смыс-

ла”, не оставят у масс сомнений относительно необходимости отделения». *Джон Адамс*, которому чаще было свойственно преувеличивать свои заслуги перед отечеством и преуменьшать заслуги других, отмечал, что «истории предстоит отнести Американскую революцию на счет Томаса Пейна». *Э. Рандольф*, известный политик из Виргинии, полагал, что «Здравый смысл» склонил большинство графств крупнейшей колонии Америки в пользу принятия резолюции о провозглашении независимости этой провинции в мае 1776 г.

Томас Пейн сосредоточился на критике «местных и давно устоявшихся предрассудков». Главный предрассудок заключался в представлении, что усиление английского гнета было результатом заговора в британском парламенте, к которому король не причастен. «Король, — убеждал Пейн американцев, приводя при этом разнообразные доказательства, — не потерпит никаких законов, кроме тех, которые отвечают его целям», а поэтому сохранение связей с Англией через монарха, минуя парламент, не уничтожает колониальной зависимости. Критика иллюзий, связанных с «доброй волей» английского монарха, перерастала в «Здравом смысле» в развернутую критику самого института монархии. Выступление Т. Пейна в защиту республики, приравнивавшейся тогда в Европе и в Северной Америке к утопии, было равнозначно идейному подвигу.

Страстное выступление Пейна в пользу решительного отделения от Англии и образования независимой республики способствовало укреплению и кристаллизации революционных настроений как среди рядовых патриотов, так и среди их руководства. Одобрение независимости вытекало из самой логики революционных событий, которые к тому же достаточно сильно провоцировались упрямой репрессивной позицией Англии и подталкивались стихийными радикальными акциями сопротивления американского народа. Давление народа на провинциальные ассамблеи зимой и весной 1776 г. побудило лидеров патриотов к созданию революционных органов власти на местах. Народ все настойчивее требовал от своих представительных органов — колониальных законодательных ассамблей — принятия инструкций, предписывающих их посланникам в Континентальном конгрессе настаивать на полном отделении от Англии. В апреле — мае такие инструкции были одобрены большинством ассамблей в провинциях. В июне делегаты Виргинии в Континентальном конгрессе предложили для одобрения *Резолюцию независимости*, а виргинец *Томас Джефферсон* (1743 — 1826) подготовил аргументированную *Декларацию независимости*. Оба документа были обнародованы 4 июля 1776 г. Тринадцать североамериканских колоний провозглашались независимыми объединенными американскими штатами (так применительно к США стало в русском языке транскрибироваться английское понятие *states*, которое буквально должно переводиться как *государства*). 4 июля стало с того времени главным национальным праздником США — *Днем независимости*.

Декларация независимости свидетельствовала о рождении американской нации и стала одним из самых выдающихся демократических документов за всю историю США. Большую часть Декларации занимает изложение всевозможных обвинений в адрес парламента и монархии Англии, насаждавших в Северной Америке произвол и ущемлявших экономические и политические интересы колонистов. Подлинное историческое значение Декларации заключено в ее социально-философской части, где изложены *три основополагающие демократические доктрины* эпохи Просвещения: о равенстве естественных прав людей, об общественном договоре как источнике любой политической власти и о праве народа на ниспровержение деспотического правительства. Присягнув этим принципам, Американская революция перестала быть только национальным явлением, приобрела всемирно-историческое значение.

Суть идей Просвещения была изложена Т. Джефферсоном языком высокой и вместе с тем доступной простым людям прозы в трех лаконичных предложениях: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они наделены Создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав люди учредили правительства, берущие на себя справедливую власть с согласия управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления ведет к нарушению этих принципов, народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких началах, какие, по мнению народа, более всего способствуют его безопасности и счастью».

Военные и дипломатические победы. Признание Великобританией независимости США. В начале войны североамериканская армия представляла подобие партизанских соединений, и от ее главнокомандующего Дж. Вашингтона требовались титанические усилия для превращения этой армии в регулярные вооруженные силы. Дж. Вашингтону приходилось учитывать, что патриотическое движение исповедовало принцип безусловного верховенства гражданской власти по отношению к военной, а это препятствовало утверждению единоначалия в армии. Солдатская и офицерская масса предпочитала жесткой дисциплине демократический дух добровольческих формирований, в армии царило панибратство (одна из первых сцен, поразившая Вашингтона по прибытии в армию, — офицер, бредущий своего солдата). Многие солдаты не желали воевать за пределами своего штата. Взвнясь руководить такой армией, ее главнокомандующий должен был проявить недюжинные организаторские, политические и полководческие способности. Дж. Вашингтон воспользовался различными методами и приемами с целью утверждения дисциплины в армии, не погнушавшись даже прибегнуть к насилию, добившись введения телесных наказаний (подчас он сам, используя недюжинную физическую силу, выступал в роли усмирителя непо-

корных), но, учитывая добровольческий характер армии, больше полагался на моральные стимулы и материальное вознаграждение. С начала революции Вашингтон выступал за щедрые земельные пожалования армии. Континентальный конгресс, объявивший все свободные территории общегосударственной собственностью, внял аргументам главнокомандующего и издал указ о земельных пожалованиях офицерам и солдатам, дослужившим до конца войны.

Континентальный конгресс, как и правительства всех штатов, поддержал широкие репрессивные меры в отношении американцев, оказывавших сопротивление армии Вашингтона и вставших в оппозицию к новой власти. Противников независимости из числа самих американцев стали называть *лоялистами*, а также *тори*. Лоялисты составляли около 20 % взрослого белого населения колоний, их социальный состав был разношерстным, но в сравнении с патриотами среди них было больше представителей верхних слоев общества. К лоялистам примкнули крупные землевладельцы с английскими аристократическими корнями, королевские губернаторы и чиновники, часть священников англиканской церкви, а также часть купцов, тесно связанных с метрополией экономическими интересами. В отношении лоялистов были предприняты разнообразные репрессивные меры: их лишали избирательных прав, облагали дополнительными налогами; им запрещалось приобретать собственность, вступать в право наследования, быть священниками, юристами, учителями, врачами. Для выявления лоялистов вводилась простая процедура: новые власти повсеместно потребовали от лиц (свободных мужчин) старше 16 лет принести им присягу на верность. Те, кто отказался, попадали под подозрение в причастности к лоялистам, их преследовали. В таких условиях более 80 тыс. проанглийски настроенных американцев предпочли покинуть страну, 20 тыс. лоялистов стали сражаться с революцией на стороне английской армии.

К началу военных действий между американцами и англичанами войска метрополии в колониях насчитывали 8 тыс. человек, а к 1781 г. их численность была доведена до 56 тыс. (половина всех вооруженных сил Великобритании). Значительную часть английских соединений составляли наемники из германских княжеств. В целом это была хорошо обученная регулярная армия. В армии Дж. Вашингтона на протяжении всей войны за независимость находилось одновременно около 20 тыс. человек, для армии была характерна высокая текучесть кадров, так что за годы военных действий под началом Вашингтона сумели послужить 300 тыс. человек — восьмая часть всех жителей колонии и не менее половины взрослых мужчин. Это были по преимуществу фермеры и ремесленники, обучавшиеся военному делу непосредственно в ходе сражений. Успехи такой армии были бы невозможны без партизанских действий массы американцев в тылу врага, как и без твердой поддержки новой власти со стороны подавляющего большинства населения молодой республики.

В начале войны боевые столкновения происходили в центральных штатах Америки. К концу 1776 г. англичане сумели овладеть значительной частью этой территории и предвкушали скорый успех. Однако Дж. Вашингтон, обнаружив уже не в первый раз полководческий дар, сумел нанести им неожиданный удар. В ночь под Рождество, когда англичане отмечали главный христианский праздник, он неожиданно и дерзко переправился через покрытую опасным льдом реку Делавэр и нанес по противнику мощный удар. Около тысячи английских солдат (все наемники из германского княжества Гессен) были пленены, 30 человек убиты. Потери войск Вашингтона составили 5 человек. После этого Дж. Вашингтон на время отступил, затем вновь форсировал р. Делавэр и занял стратегически важный г. Трентон. Затем, искусно маневрируя и уклоняясь от генерального сражения, полководец сумел измотать силы англичан успешными частыми стычками с их мелкими соединениями и к середине 1777 г. полностью очистил от неприятеля территорию штата Нью-Джерси.

Метрополия вынуждена была направить на помощь своим войскам в Америке семитысячный корпус генерала *Дж. Бургойна* из Канады. Бургойн в течение нескольких недель успешно продвигался к центру боевых действий, а после победы над американцами у *крепости Тайкондерога* даже поспешил оповестить Георга III о своем полном успехе. Однако в середине июля армия Бургойна была окружена американцами близ г. Саратоги и после отчаянного сопротивления капитулировала. *Сражение у Саратоги (1777)* стало ключевым и во многом решающим в англо-американской войне.

Отчаявшись добиться победы над американцами в северных штатах, англичане перенесли центр военных действий на юг США. Постепенно расширяя свои успехи в южных штатах, англичане смогли, казалось бы, в 1780 г. переломить ход войны в свою пользу. В мае они захватили г. Чарлстон, пленив несколько тысяч американских солдат и офицеров. В августе американцы потерпели еще одно крупное поражение у Кемпдена, но это был последний успех английской армии. Дж. Вашингтон с помощью точных кадровых перемещений сумел серьезно укрепить командование регулярными соединениями на юге. Особенно удачным оказалось назначение командующим южной армией *генерала Грина*, в недавнем прошлом кузнеца, занявшего вместе с Вашингтоном одно из главных мест среди полководцев молодой республики. Начиная с января 1781 г. Грин стал одерживать над англичанами одну победу за другой. К середине года от англичан были очищены штаты Джорджия, Южная и Северная Каролина. Теперь основные силы англичан сосредоточились в Виргинии, где девятитысячной английской армии противостояли 20 тыс. войск американской армии. Самих американцев в армии насчитывалось 11 тыс., а остальные 9 тыс. — почти половина армии — состояли из французских войск, прибывших на помощь американцам на основании договора между США и Францией, заключенного в 1778 г.

Молодые Соединенные Штаты добились блестящих дипломатических успехов, сумев склонить на свою сторону крупнейшую европейскую монархию. Американцы начали переговоры с европейскими державами сразу после провозглашения независимости, стремясь прежде всего заручиться поддержкой Франции, которая не отказалась от намерений взять реванш у Англии за поражение в Семилетней войне и восстановить свои колониальные позиции в Америке. Переговоры США с Францией пошли особенно успешно после того, как в качестве американского посланника в Париж прибыл Б. Франклин. В феврале 1778 г. был подписан *франко-американский договор*, по которому Франция признавала независимость США и обязалась оказывать им разнообразную поддержку в войне с Англией. Вскоре независимость США была признана также Испанией, желавшей ослабить Англию, чтобы укрепить собственные колониальные позиции в Новом Свете. Англия пыталась со своей стороны заручиться поддержкой других европейских монархий, в частности России, запросив у императрицы Екатерины II 20 тыс. солдат для подавления противоправного бунта в Северной Америке. Однако Екатерина II, подобно французскому и испанскому монархам, воспользовалась восстанием североамериканских колоний для того, чтобы ослабить могущественную Англию. В 1780 г. в России была издана «*Декларация о вооруженном нейтралитете*», в которой обосновывалось право любого государства осуществлять военные поставки американской армии. Позиция европейских монархий и особенно договор с Францией 1778 г. сыграли серьезную роль в изменении хода военных действий между американцами и англичанами в пользу США. Американцы в союзе с французскими войсками одержали решающую победу над англичанами 19 октября 1781 г. в *сражении под Йорктауном*. В результате в плен попали 7 тыс. английских солдат. Англия не видела возможностей для подавления восставших колоний и прекратила военные действия, британский парламент высказался в пользу переговоров о мире. 3 сентября 1783 г. в Париже между США и Великобританией был подписан окончательный *договор о признании независимости Соединенных Штатов* (Версальский мирный договор).

Преобразование государственной власти в период Войны за независимость. На протяжении всей Войны за независимость американцы уделяли огромное внимание внутривнутриполитическим преобразованиям, основу которых составляло формирование новой государственности. В Америке начался своего рода конституционный бум, выразившийся, по словам одного из патриотов, в том, что все американцы, умеющие пользоваться пером, «обратились к написанию конституций». Это массовое увлечение разъяснил Т. Джефферсон, подготовивший одновременно с Декларацией независимости 3 проекта конституции для своего родного штата Виргиния: «Сейчас это, по сути, самое увлекательное занятие, которому желает посвятить себя каждый гражданин. В нем смысл всей нашей борьбы. Если у нас

утвердится плохое правительство, это будет означать, что вполне можно было жить в согласии с дурным правлением, навязываемым из-за океана, не подвергая себя ненужному риску и не принося жертв на полях сражений».

При этом патриоты, как вспоминал впоследствии Дж. Адамс, меньше всего думали о «консолидации огромного континента под началом единого правительства», напротив, они были уверены, что бывшие колонии навсегда останутся «конфедерацией государств, каждое из которых будет иметь отдельное правительство». Это убеждение подкреплялось ссылками на классиков политической мысли, от Аристотеля до Монтескье, доказывавших, что республики, в отличие от монархии, жизнеспособны только на небольших территориях. Американцы сосредоточились на обустройстве каждого отдельного штата. Среди патриотов не было единства в подходе к государственному устройству. Умеренные вполне удовлетворялись «косметическим ремонтом», а демократы хотели радикальной перестройки. На протяжении всей Войны за независимость успех сопутствовал демократам. Сразу после провозглашения независимости все штаты объявили себя республиками, повсеместно были приняты конституции, снижавшие в сравнении с колониальными временами имущественный ценз для избирателей (но неимущие так же, как женщины, черные рабы и индейцы, в выборах не участвовали).

В проектах организации государственной власти американские демократы опирались на принципы, ставшие классическими в идеологии Просвещения. Первый среди них — разделение властей. Демократы в Америке дали этому принципу своеобразную трактовку: из трех ветвей власти (законодательная, исполнительная, судебная) наиболее опасной им казалась исполнительная, поэтому они стремились максимально ее ослабить, возвышая при этом законодательную власть как самую близкую, по их мнению, к народу. Во всех штатах законодательным собраниям были переданы традиционные полномочия исполнительной власти: объявление войны и заключение мира, назначение должностных лиц, в том числе членов исполнительной власти, судей, прокуроров, ведение международных дел и заключение договоров, право помилования и другие. В большинстве штатов законодательные собрания получили право избирать главу исполнительной власти и отстранять его за злоупотребления от должности при помощи процедуры импичмента.

Возвысив среди всех ветвей власти законодательную, составители конституций штатов сосредоточились на ее наилучшем устройстве. Английская модель «смешанного правления» — одна законодательная палата защищает интересы привилегированного сословия, а другая представляет народ — была отвергнута как ставящая верхи в привилегированное положение. В период революции широко распространилась идея создания законодательного собрания из одной палаты, что означало уравнение представительных прав разных сло-

ев избирателей. Эта идея получила практическое воплощение: однопалатные законодательные собрания были созданы в Пенсильвании, Джорджии и Вермонте. В других штатах была образована двухпалатная законодательная власть, но назначение верхней и нижней палат, как правило, видели не в раздельном представительстве разных социальных слоев, а в обеспечении внутри законодательной власти принципа «сдержек и противовесов». Кроме того, во всех случаях нижние палаты пользовались гораздо большими полномочиями, чем верхние. Нижние палаты были более демократичны, повсеместно переизбирались ежегодно, что должно было обеспечить максимальный контроль над законодателями со стороны избирателей.

Подходы, созвучные демократическим доктринам, повлияли и на формирование центральной североамериканской власти. В глазах большинства патриотов единственной конкретной формой центральной власти накануне революции была власть метрополии. По этой причине любая центральная политическая власть долгое время рассматривалась ими как источник деспотизма и ее искоренение объявлялось одной из важнейших целей Американской революции. И все же, будучи вынужденными создать собственное центральное правительство, патриоты попытались максимально ослабить его. В 1781 г. они одобрили *Статьи конфедерации*, превращавшие союз штатов в крайне зыбкую общность. Из трех ветвей власти Статьи конфедерации зафиксировали создание лишь одной, законодательной — *Континентального конгресса*. Что же касается исполнительного органа власти, то он выступал в качестве некоего придатка власти законодательной. Конгресс состоял из одной палаты, депутаты которой ежегодно сменялись законодательными собраниями штатов и в любой момент могли быть отозваны.

Социально-экономические нововведения. Война США за независимость включала серьезные элементы политической революции. Менее глубокими оказались ее преобразования в экономической и социальной сферах, среди которых одним из главных стала конфискация земель лоялистов и распродажа их среди патриотов. Массовое бегство лоялистов из США и преследование тори, оставшихся на родине, сделали одним из наиболее актуальных вопросов том, как распорядиться принадлежавшей им собственностью. Новая власть конфисковывала эту собственность без особых колебаний, сложнее было решить, как ее использовать в дальнейшем. Большинство штатов руководствовались по преимуществу фискальными соображениями: земельные владения лоялистов распродавали для покрытия военных расходов и выплаты долгов. Только часть конфискованных земель была передана за небольшую плату арендаторам или распределена мелкими участками между солдатами континентальной армии в качестве платы за военную службу. Примерно 3/4 конфискованной недвижимости приобрели примкнувшие к патриотам земельные спекулянты, купцы, плантаторы, чиновники.

Социальный конфликт присутствовал и внутри самого революционного лагеря, хотя и был намного слабее подобных конфликтов в европейских революциях. В социально-экономическом плане Американская революция в первую очередь оказалась нацелена на ликвидацию законодательных ограничений, наложенных метрополией на североамериканскую промышленность и торговлю, а также и на отмену привилегий, предоставленных английским купцам, промышленникам и финансистам. Целью революции было утверждение свободной конкуренции, идеальная модель которой была сформулирована в знаменитом «Богатстве народов» А. Смита, по символическому совпадению появившемся в том же году, когда была провозглашена американская Декларация независимости. Эта цель была реализована с самого начала Войны за независимость. Результаты введения «чистой» свободной конкуренции в Северной Америке оказались неоднозначны: с одной стороны, резко оживились отечественные торговля, промышленность, финансы, возросла социальная мобильность, в ряды предпринимателей входили удачливые представители нижних слоев общества, но, с другой стороны, усилилось и социально-экономическое расслоение американцев.

Идеи свободы конкуренции и равенства конкурентных возможностей оказались центральными и важнейшими, но все же не единственными и не исчерпывающими в социальных представлениях революционной эпохи. С ними соперничало иное по социальному смыслу убеждение части нижних слоев: зажиточные слои общества должны принести большие жертвы на алтарь победы, нежели менее обеспеченные, и тем более — бедняки. Влияние подобных настроений сказывалось на деятельности законодательных собраний штатов. Первое проявление ограничения экономического либерализма в годы революции — введение властями нескольких штатов *подходного налога* (в колониальный период налогообложение всегда ущемляло нижние слои). Второе проявление ограничения экономического либерализма — *попытки регламентации* властями ряда штатов *свободных рыночных цен*, отвечавших требованиям нижних слоев. Были разработаны различные меры наказаний за отход от «справедливых цен», вплоть до конфискации товаров у нарушителей. Однако реализовать все эти постановления на практике не удалось ни в одном из штатов. Тому было несколько причин, а одна из главных — отсутствие должной политической централизации: владельцы продукции с фиксированными ценами без труда перевозили свой товар в те штаты, где подобная регламентация отсутствовала. Малоэффективные попытки фиксирования цен были прекращены в 1780 г.

Главным проявлением конфликта нижних и верхних социальных слоев в экономической сфере явились острые разногласия в вопросах денежной политики. Уже в начале революции Континентальный конгресс и власти штатов, нуждаясь в огромных средствах для покрытия разнообразных расходов, должны были обратиться к печата-

нию бумажных денег, приравненных к традиционным деньгам из благородных металлов. Растущие расходы породили инфляцию и обесценение бумажных денег (к концу Войны за независимость они обесценились почти в 200 раз). Американские предприниматели, в первую очередь кредиторы, стали отказываться принимать к оплате бумажные деньги, особенно протестуя против возврата долгов в обесцененных бумажных долларах. Между ними, с одной стороны, и властями штатов, равно как и должниками, с другой, возник острый конфликт. В значительной мере под воздействием массы должников ряда штатов стали одобрять специальные законы, принуждавшие кредиторов принимать долги в бумажных деньгах. Должники, среди которых было много мелких фермеров, использовали для защиты своих интересов также и силовые методы. Особенно часто силовое воздействие оказывалось на суды, которые, в отличие от законодательных органов, в большей мере были склонны защищать интересы кредиторов. Эмиссионная политика властей примерно половины штатов породила среди верхов идею об угрожающем распространении в стране *демократического деспотизма*. Эта идея и стала лейтмотивом набиравшего силу движения в пользу пересмотра революционной политической системы.

В аграрной сфере была осуществлена отмена *квитренцы* в поместьях собственников-лендлордов, а также права первородства и неделимости земельной собственности, распространенных в центральных и южных колониях. Этими мерами в землевладении укрепляли буржуазные юридические нормы. Среди аграрных мер революции принципиальное значение имела отмена английского запрета на освоение свободных западных территорий. Доступ американцев на западные территории был облегчен благодаря тому, что по завершении Войны за независимость к Соединенным Штатам отошли огромные неосвоенные пространства между реками Миссисипи и Огайо. Эта территория была объявлена государственным земельным фондом, т. е. национализирована. В 1787 г. был одобрен *северо-западный ордонанс*, согласно которому земли государственного фонда должны были продаваться крупными участками, не менее 640 акров (1 акр равен 0,4 га), по минимальной цене — 1 долл. за акр. Такое решение носило фискальный характер, западные земли для неимущих слоев оказались малодоступными, зато открывались большие возможности для земельных спекулянтов. Демократическая сторона ордонанса заключалась в том, что на северо-западных территориях запрещалось рабство. С начала революции на северо-запад устремились десятки тысяч простых американцев. В первую очередь осваивались территории будущих штатов Кентукки, Теннесси, Вермонта и Мейна. Среди переселенцев в дальнейшем оказалось не менее половины солдат американской армии. Революция дала мощный толчок продвижению американцев на запад, которое сопровождалось возникновением массы самостоятельных фермерских хозяйств, основанных на частной собственности.

К важным социальным следствиям революционной эпохи относится резкое ограничение ввоза в Северную Америку законтрактованных белых рабочих, как и использование (пусть и временно) их подневольного труда. В революционном лагере распространилось убеждение, что использование законтрактованных белых слуг вообще не совместимо с принципами свободы. В период Войны за независимость ввоз законтрактованных белых слуг в Северную Америку был прекращен. В последующие годы ввоз, правда, возобновился, но его масштабы, в сравнении с дореволюционным периодом, сократились примерно вдвое. Использование труда законтрактованных рабочих было окончательно прекращено в 1817 г.

Противоречивой оказалась политика властей штатов революционного периода в таком важном общественном вопросе, как религия. Передовые просветительские принципы свободы вероисповедания и отделения церкви от государства были провозглашены в большинстве республиканских конституций штатов. Конституции многих штатов прямо требовали от претендентов на государственные должности присяги на верность протестантизму. Радикальный удар по принципу государственной церкви и притязаниям протестантизма на монополию в религиозной жизни был нанесен с принятием в 1791 г. знаменитых *десяти поправок к федеральной Конституции*. В начале первой поправки утверждалось, что «Конгресс не должен издавать законы, устанавливающие какую-либо религию или запрещающие свободное вероисповедание». После этого из конституций штатов стали исключаться статьи, ограничивающие гражданские и политические права представителей непротестантских церквей. Дольше всех сопротивлялись полному отделению церкви от государства штаты Новой Англии. Упорная оппозиция в этом вопросе конгрегационалистской церкви была преодолена в Коннектикуте в 1818, в Нью-Гэмпшире в 1819 и в Массачусетсе в 1833 г.

Политика в отношении негров и индейцев. Одним из важных вопросов революции стало отношение к чернокожим жителям Америки, в первую очередь к рабам. Многие патриоты объявили рабство не совместимым с либерально-демократическими принципами революции, но на практике отношение к чернокожим менялось медленно. Дж. Вашингтон разрешил брать чернокожих в континентальную армию только в ответ на решение английской власти призвать под свои знамена белых законтрактованных слуг и чернокожих рабов, даровав им при этом свободу. Из 300 тыс. солдат, защищавших в разные годы дело патриотов, чернокожих было не более 5 тыс., причем большинство их были свободными.

Идея противоправности рабства и необходимости его ликвидации в годы Войны за независимость нашла прочную поддержку только в северных штатах, где повсеместно были приняты законы или судебные решения, предоставлявшие новорожденным рабам свободу, как правило, по достижении 25 лет. Подобная процедура постепенной

отмены рабства привела к тому, что полностью оно исчезло в северных штатах только к 1840-м гг. В южных штатах рабство сохранялось; правда, некоторые законодательные собрания разрешили рабовладельцам добровольно освобождать своих рабов. Среди немногих южных рабовладельцев, воспользовавшихся подобным разрешением, наиболее известным оказался Дж. Вашингтон. В своем завещании он распорядился освободить всех 124 принадлежавших лично ему рабов. В то же время Т. Джефферсон, главный критик рабства среди южан, не последовал примеру Вашингтона. С самого начала революции конфронтационными оказались отношения между патриотическим лагерем и индейцами, коренными жителями Северной Америки. Подавляющее большинство индейцев, проживавших на территории Соединенных Штатов, выступили на стороне англичан, поскольку английские власти традиционно занимали в отношении индейцев более миролюбивую позицию, нежели белые колонисты, а в предреволюционное десятилетие, запретив американцам переселяться за Аллеганские горы, Англия вообще выступила как бы гарантом неприкосновенности еще не захваченных индейских территорий. Независимые же Соединенные Штаты видели свою цель как раз в свободном освоении этих территорий белыми американцами.

В августе 1783 г. индейские племена приняли совместное решение любыми средствами предотвращать захват американцами их территорий. Однако в начале 1783 г. между Соединенными Штатами и Англией уже было заключено предварительное соглашение, признававшее независимость США. В марте и апреле Англия и США соответственно объявили о прекращении военных действий. В окончательном тексте договора, подписанном в сентябре, об индейцах не упоминалось ни словом, а зааллеганские территории, ранее признававшиеся Англией индейскими, передавались американскому государству. Это означало, что индейцы для англичан были не союзником, наделенным определенными правами, а неким подручным средством для сдерживания американской экспансии. Индейцы остались один на один с явно превосходящими силами противника и были обречены на поражение. Официально американское правительство заняло по отношению к ним цивилизованную позицию, заявив, что «собственность и земли индейцев не могут отчуждаться без их согласия», но на практике этот принцип постоянно нарушался. Уход Англии из Северной Америки предоставил американцам полную свободу в продвижении на Запад и экспроприации собственности индейцев (в случае их сопротивления — любыми средствами).

Таким образом, Американская революция ограничилась распространением провозглашенных ею либерально-демократических принципов исключительно на белое население (только отчасти под их воздействие попали чернокожие в северных штатах). Демократические преобразования коснулись по преимуществу политики. В социально-экономической сфере восторжествовали либерально-

индивидуалистические ценности, упрочившие капиталистические начала американского общества.

Образование федерального государства. Конституция 1787 г. Соединенные Штаты вступили в постреволюционный период с грузом сложных внешне- и внутривластных проблем. В международных отношениях они сталкивались с конфронтацией не только со стороны Англии, но также и со стороны некоторых бывших союзников, в первую очередь Испании, которая, ущемив позиции Англии на американском континенте, намеревалась ограничить и территориальные притязания США. Во внутренней политике угрожающий характер приобрели экономические, торговые и финансовые разногласия штатов, их нежелание жертвовать собственными интересами ради общенациональных. Эти и другие проблемы выдвигали на повестку дня в качестве наиболее актуального в национальной политике вопрос усиления общеамериканского государства. Данную потребность осознавали представители разных слоев общества и разных политических сил, но инициатором и движущей силой создания сильного центрального правительства оказалось движение верхов, получившее название *федералистского*.

Большую роль в оформлении социальных мотивов движения федералистов сыграло вооруженное выступление «низов» под руководством ветерана американской армии *Д. Шейса* в Массачусетсе в период с сентября 1786 по февраль 1787 г. В ответ на отказ массачусетской ассамблеи принять закон о выпуске «дешевых денег», как и на решения судов об обязанности рассчитываться с кредиторами звонкой монетой, представители нижних социальных слоев созвали собственный конвент, одобрявший их требования. Д. Шейс сумел мобилизовать для решительного вооруженного давления на власти штата около 1 200 человек. В решающий момент восстание было достаточно легко подавлено, его рядовые участники вскоре амнистированы (руководители во главе с Д. Шейсом, приговоренные сначала к смертной казни, были амнистированы год спустя). Восстание не имело поддержки за пределами Массачусетса, его цели ограничивались удовлетворением непосредственных экономических требований нижних социальных слоев, ему была чужда сколько-нибудь выраженная радикально-эгалитарная идеология, и его невозможно рассматривать в качестве свидетельства распространения или даже зарождения в массах антибуржуазного сознания.

Лидеры федералистов приписали восстанию желание ликвидировать все общественные и частные долги и перераспределить собственность в США. Этот пропагандистский прием был призван запугать обывателей и склонить колеблющихся представителей элиты общества в пользу серьезного изменения революционной политической системы и замены маломощного Континентального конгресса сильным централизованным государством. В 1786—1787 гг. лидеры федералистского движения дали идеологическое обоснование необ-

ходимости сильного национального правительства, надежно защищающего интересы собственности и высшего слоя общества.

С такими настроениями и идеями федералисты прибыли в Филадельфию на общеамериканский конвент, который заседал с мая по сентябрь 1787 г. Делегаты конвента были уполномочены только исправить Статьи Конфедерации, однако уже в самом начале заседания они, нарушив свои полномочия, отвергли Статьи и обратились к разработке конституции США. Авторы конституции, вошедшие в историю как *отцы-основатели США*, были непосредственно заинтересованы в защите интересов верхов общества, но это далеко не исчерпывало их мотивов и видения государственных основ США. Мотивы и идеология авторов конституции были достаточно сложны и покоились на трех главных основаниях. *Первое* — заинтересованность в перераспределении политической власти в пользу верхов общества. *Второе* — приверженность доктринам Просвещения, намерение создать механизмы, предотвращающие возможность утверждения в США политического деспотизма или даже авторитарного правления. *Третье* — политический реализм, проявившийся в способности соразмерять собственные мировоззрение и позиции с политическими установками и мнениями, укоренившимися в Северной Америке в революционный период. Политический реализм необходимо было проявлять и по той причине, что проекту федеральной конституции предстояло пройти процедуру утверждения на специальных ратификационных конвентах штатов, которые избирались людьми, ранее одобрявшими демократические нововведения революции.

Участники конвента резко и отрицательно отзывались о демократии, но, когда некоторые из них поставили вопрос о восстановлении избирательного права дореволюционного периода, большинство делегатов высказались против, сохранив и избирательное право, одобренное в конституциях штатов, и новое, более демократичное, чем в колониальный период, распределение избирательных округов. Авторы конституции одобрили принцип разделения властей, ставший неотъемлемой частью национального политического сознания и рассматривавшийся как главное противоядие деспотизму. Вместе с тем разделению властей они дали собственную трактовку, означавшую усиление исполнительной ветви за счет законодательной. Особой популярностью среди участников конвента пользовалась концепция «единой и неделимой» исполнительной власти, которая, во-первых, провозглашала наделение таковой во всем объеме одного лица, а во-вторых, означала максимальное отстранение от контроля законодательным органом аппарата исполнительной власти.

Согласно конституции, исполнительная власть принадлежала президенту США, переизбираемому каждые четыре года. Президент был наделен всей полнотой исполнительной власти, а также законодательными полномочиями. Он имел право издавать президентские указы, пользовался правом отлагательного вето в отношении реше-

ний законодательного органа. Чтобы преодолеть президентское вето, законодателям при повторном обсуждении нужно было собрать не менее 2/3 голосов. Как показал последующий опыт, преодоление президентского вето крайне затруднительно (оно происходило примерно в одном случае из десяти). Право избрания президента было вверено выборщикам, которые в большинстве штатов избирались законодательными собраниями и только в четырех — рядовыми избирателями. Прошло несколько десятилетий, прежде чем избрание выборщиков повсеместно оказалось в руках избирателей. В целом конституция предусматривала создание сильного союзного государства.

Законодательная власть вручалась национальному конгрессу, состоявшему из двух палат. Верхняя палата, сенат, избиравшаяся на 6 лет, призвана была сдерживать демократические перекосы в деятельности нижней палаты и особо заботиться об интересах элиты общества. Залогом умеренности сената являлись его малочисленность, длительный срок полномочий и неподвластность рядовым избирателям (до начала XX в. сенаторы избирались законодательными собраниями штатов). Схема организации нижней палаты была более демократичной в сравнении с сенатом, но менее демократичной в сравнении с нижними палатами законодательных собраний штатов.

При том, что принятая авторами федеральной конституции концепция разделения властей носила в целом умеренно-консервативный характер, ее отличала одна весьма важная и оригинальная черта, ставшая неотъемлемой частью всех демократических конституций. Это механизм «сдержек и противовесов», согласно которому ветви власти не просто разделены, но также сдерживают и контролируют друг друга. Обширными возможностями контроля обладал президент: он имел право законодательного вето и назначения членов Верховного суда. Впрочем и законодательная ветвь власти получила возможность контролировать исполнительную власть: сенат давал президенту «совет и согласие» по вопросам правительственных и судебных назначений. Кроме того, конгресс мог отстранить президента от должности в случае серьезных нарушений им государственных законов и морально-этических норм. Что касается соотношения прав штатов и федерального правительства, то конституция широко определяла права центральной власти и провозглашала верховенство федерального права над правом штатов, сохранивших автономию. Среди новых полномочий центрального правительства особое значение имели введение и сбор налогов, регулирование экономических отношений между штатами, создание собственных вооруженных сил.

Среди наиболее сложных вопросов, обсуждавшихся конвентом, был вопрос о рабстве. Делегаты северных штатов, где рабство было осуждено и отменено революционными актами, должны были пойти на компромисс с делегатами южных рабовладельческих штатов. Решение конвента о запрете ввоза рабов на территорию США с 1808 г. было

уступкой позициям свободных штатов, а сохранение на юге рабства являлось уже уступкой социально-экономическим интересам рабовладельцев. Серьезной уступкой южным штатам явилось и предоставление им права расширенного политического представительства в нижней палате конгресса США (для рабовладельческих штатов оно устанавливалось с учетом 3/5 численности подневольного негритянского населения). Консервативный характер носил отказ Филадельфийского конвента включить в федеральную конституцию Билль о правах, наличествовавший во всех без исключения конституциях штатов. Авторы Основного закона США объясняли отказ включить в него Билль о правах именно тем, что тот уже имелся в конституциях штатов.

Отсутствие Билля о правах в проекте федеральной конституции оказалось ее самым уязвимым местом. Во время его обсуждения большинство ратификационных конвентов штатов согласились одобрить Основной закон США только при условии дополнения его Биллем о правах. Авторы Конституции США должны были пойти на уступку обществу. Национальный Билль о правах был составлен *Джеймсом Мэдисоном*. Первые 8 статей, включавшие «неотчуждаемые права» личности на собственность, свободу слова, печати, собраний и другие гражданские и политические права и свободы, были позаимствованы из конституций штатов. Девятая и десятая статьи, написанные Дж. Мэдисоном самостоятельно, указывали, что права и прерогативы, не закрепленные Конституцией США за федеральным государством, сохраняются за штатами. В 1789 г. эти статьи были включены в Конституцию США в качестве первых десяти поправок (одобрены штатами в 1791 г.). Ратификация проекта федеральной конституции, проходившая в течение года после Филадельфийского конвента, разделила американское общество на национальные «предпартии» — *федералистов* и *антифедералистов*. Антифедералисты, защищавшие политическую систему революционного периода, не смогли предложить убедительную позитивную альтернативу проекту федеральной конституции, ограничиваясь требованиями внесения в него тех или иных поправок. Их платформа с точки зрения оригинальных идей и мер, способных разрешить экономические и политические проблемы США, явно проигрывала платформе федералистов. Что касается программы и идеологии федералистского движения, то они получили наиболее полное выражение в 85 статьях, опубликованных в 1787 — 1788 гг. под общим названием «*Федералист*».

Социально-политические верования двух главных авторов «Федералиста» — А. Гамильтона и Дж. Мэдисона, как и представляемых ими группировок — северо-восточной буржуазии и южных плантаторов, — различались, но эти разногласия в «Федералисте» были умело сглажены. В теоретическом и идеологическом плане более удачными были статьи, написанные Дж. Мэдисоном. Он сделал упор на то, что проект конституции соответствовал самым передовым государственно-политическим нормам и не отвергал, а развивал в кон-

структивном духе политическое наследие революции. В целом «Федералист» оказался лучшим политическим сочинением эпохи образования США и вошел в классику не только американской, но и мировой политической мысли. Федералисты, согласившиеся дополнить проект конституции Биллем о правах, фактически лишили антифедералистов самого весомого аргумента в идейно-политической дискуссии. 2 июля 1788 г. было объявлено о завершении процесса ратификации федеральной Конституции (она была одобрена к тому времени 2/3 штатов, что было достаточно для ее вступления в силу).

Принятие федеральной Конституции и создание федерального правительства подвели черту под формированием основ американской государственности. На этом этапе политические верхи предприняли мощную и успешную попытку консолидации государственной власти в своих руках. Выработанная ими и одобренная большинством штатов федеральная Конституция ограничивала «перехлесты» политической демократии и тенденции социального эгалитаризма предшествующего периода. Однако это была не контрреволюция, а постреволюционная консервативная фаза, означавшая нормализацию буржуазно-либерального миропорядка, созданного революцией, и приведение нововведений революции в соответствие с интересами тех имущих групп, которые участвовали в революции и благодаря ей закрепили свои господствующие позиции в экономике и социальной структуре США. Конституция США не отвергала, а, препарируя, сохраняла принципы республиканства, разделения властей, правового государства, а также гражданские и политические свободы. Авторы федеральной Конституции критиковали демократию, но в действительности их модель оказалась совместимой с ней и в дальнейшем стала именоваться *представительной демократией* (классическая же демократическая модель, которую отвергали авторы конституции, стала именоваться *прямой демократией*).

Создание федерального государства подвело итог длительному историческому этапу, обозначаемому чаще всего как *период Войны за независимость и образования США*. Этот единый период ознаменовался оформлением фундаментальных социально-экономических и политических основ США. Они, как и основополагающие документы молодых Соединенных Штатов, в первую очередь Декларация независимости 4 июля 1776 г. и федеральная Конституция 1787 г., имели не только национальное, но и всемирно-историческое значение. Их непосредственное влияние испытала Французская революция, начавшаяся в 1789 г. Огромным было воздействие революционных преобразований в Северной Америке на Южную Америку, где на рубеже XVIII—XIX вв. начались антиколониальные и республиканские революции. Политические принципы американской революционной эпохи оказали заметное воздействие на идеи мирового демократического конституционализма. Они использовались сторонниками политической демократии во всем мире, в том числе и в России.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

12.1. Испанские и португальские колонии в Новом Свете в конце XVII — первой половине XVIII в.

На рубеже XVII—XVIII вв. изменилась роль американских колоний в политике и экономике Испании и Португалии.

Упадок испанского влияния в Америке был очевиден. Территориальные потери стали угрожающими. В Карибском море под властью Испании остались Куба, Пуэрто-Рико и Эспаньола, остальные острова были поделены между Англией, Францией и Голландией. В 1697 г. по *Рисвикскому трактату* Испания была вынуждена уступить Франции половину Эспаньолы. Пираты совершали разорительные набеги на крупнейшие порты Карибского моря. В 1668—1670 гг. пираты Генри Моргана захватили и разграбили Портобелью, Макараибо и Панаму. По Парижскому договору 1763 г. Испания потеряла Флориду.

Во время войны за испанское наследство (1701—1714) фактически ушла в прошлое испанская торговая монополия. По указу Филиппа V, первого Бурбона на испанском престоле, с 1701 по 1724 г. французские корабли приобрели легальный доступ в испанские колонии. Согласно условиям Утрехтского договора (1713) Англия получила право на ввоз рабов в испанские колонии Нового Света (*асьенто*) и на один корабль в составе испанских караванов с привилегией беспошлинной торговли в Веракрусе и Портобелью. После войны система флотилий фактически прекратила свое существование.

Ослаб контроль над системой колониального управления. Американские чиновники, получившие возможность купить и во многих случаях передать по наследству свою должность, пользовались свободой действий, открыто преступая те законы, которые сами должны были соблюдать. Вице-короли назначали на ключевые посты губернаторов и президентов судебных округов своих родственников. Коррупция приобрела неслыханные масштабы. Индиями фактически управляла креольская знать.

В иной ситуации оказалась Португалия, американские владения которой по сравнению с Испанией не испытали ни такой серьезной внешней угрозы, ни территориальных потерь. Напротив, пределы Бразилии расширились. В 1750 г. Португалии удалось добиться от испанцев согласия на закрепление фактических границ своих колониальных владений в Южной Америке, далеко выходящих за рамки, определенные трактатом в Тордесильясе (1494). В 1777 г. Тордесильянский договор был признан утратившим силу.

Однако Португалия была не в состоянии контролировать экономику своих колоний. После заключения в 1703 г. *Метуэнского договора* во внешней торговле Португалии господствовали английские купцы, все португальские товары перевозились на английских судах.

Экономика колоний в первой половине XVIII в. В первой половине XVIII в. изменилась хозяйственная структура испанской и португальской Америки. Колониальная экономика стала многоотраслевой, приобрела более выраженный товарный характер. Появились новые доходные экспортные продукты: из испанских колоний стали вывозить сахар, какао, табак, а из Бразилии — золото и алмазы.

Испанские колонии. В начале XVIII в. Испания изменила режим торговой монополии. Для облегчения организации заморской торговли в 1717 г. права Севильи были переданы Кадису. Частным лицам было разрешено создавать для торговли с Новым Светом компании по образцу английских и французских. За первую половину столетия было создано 5 компаний, но наиболее успешными стали: *Гипускоанская*, вывозившая какао из Венесуэлы; *Гаванская*, получившая исключительные права на экспорт табака; *Барселонская*, торговавшая хлопком. Монополия Кадиса в атлантической торговле была поправа — Бильбао и Барселона начали торговать с колониями напрямую.

Спрос на землю способствовал росту земельных спекуляций и прямых захватов участков индейских общин. Постепенно развивалась внутренняя колонизация «свободных земель». В 1720 г. была отменена энкомьенда, и асьенды становятся основным видом земельных владений. Связи асьенд с рынком определялись как размерами, так и географическим положением имений. В зоне тропического климата, на побережьях Карибского моря, Тихого и Атлантического океанов, развивалось плантационное экспортное земледелие, в районах Ла-Платы — скотоводство. В центральных и северных областях Новой Испании мелкие асьенды и скотоводческие поместья (*ранчо*) снабжали своей продукцией внутренний рынок.

В общем объеме внешней торговли испанской Америки возросла доля аграрных продуктов — сахара, табака, какао, кофе, красителей (до 30 %). Возделывание сахарного тростника на Кубе и какао в Новой Гранаде превратилось в настоящую золотую жилу для креольских землевладельцев. Новым явлением в структуре колониального экспорта стала продукция скотоводства Ла-Платы — кожи, вяленое мясо и шерсть.

Бразилия. В конце XVII — начале XVIII в. в Бразилии начали развиваться горные разработки. В 1695 г. на юге колонии были открыты месторождения золота, а в 1729 — алмазов. Центр экономической жизни колоний сместился с северо-востока на юг. В короткий период Бразилия завоевала господство на мировом рынке золота и алмазов: в течение XVIII в. отсюда было вывезено 785 т золота и 615 кг алмазов (75 % всей мировой добычи).

Новая прибыльная экспортная отрасль сразу же была поставлена под государственный контроль. Королевская власть получала пятую часть добытых золота и алмазов. Бразильские сокровища можно было вывозить только на государственных кораблях при уплате значительной пошлины (10 %).

Добыча драгоценных металлов увеличила спрос на рабов. Расширились масштабы работорговли: в XVIII в. в Бразилию было ввезено около 2 млн черных невольников.

«Золотая лихорадка» вызвала новый поток переселенцев из Европы: в течение первой половины столетия в Бразилию приехало 400 тыс. человек, пятая часть населения Португалии. Большое количество колонистов переселялось с севера, зоны сахарных плантаций, на юг, ближе к золотым приискам. В 1763 г., на юг, в город Рио-де-Жанейро, была перенесена столица Бразилии.

К середине XVIII в. Бразилия превратилась в центр португальской колониальной империи. На ее долю приходилось 83 % товаров, ввозимых в Португалию из «заморских территорий».

12.2. Реформы второй половины XVIII в.

Во второй половине XVIII в. Испания и Португалия предприняли в своих американских владениях административные и экономические преобразования, которые получили название *колониальных реформ просвещенного абсолютизма*. Эффективная военная защита Нового Света, увеличение колониальных доходов и полный контроль метрополии над их распределением стали главными целями новой колониальной политики.

«Просвещенные министры» испанского короля *Карла III* (1759—1788) считали колонии резервом экономических, военных и людских ресурсов. Реформаторы представляли себе Америку в качестве рынка сбыта для возрождающейся испанской промышленности.

Португалия, стремясь увеличить экономическую отдачу своих колоний и установить над ними более жесткий контроль, также провела в Бразилии колониальную реформу, инициатором которой был *С.-Ж. ди Карвалью-и-Мелу, маркиз ди Помбал* (1699—1782), первый министр короля *Жозе I* (1750—1777).

В испанской Америке была проведена серьезная административная реформа. На месте огромных, громоздких вице-королевств создавались более компактные административные единицы. Самые большие изменения произошли в Южной Америке. От вице-королевства Перу в 1739 г. была отрезана северо-восточная часть, и создано вице-королевство Новая Гранада со столицей в Санта Фе де Боготá, а в 1776 г. — восточная, и на картах появилось вице-королевство Ла Плата со столицей в Буэнос-Айресе, занимавшее территорию современных Аргентины, Уругвая, Парагвая и Боливии. Необходи-

мость защиты островов и побережья Карибского моря обусловила появление новых военно-административных областей вместо старых гарнизонов — *генерал-капитанств Куба* (1764) и *Венесуэла* (1777), а потребности обороны и освоения юга континента привели к созданию *президенции Чили* (1778). В Новой Испании в связи с развитием экспансии на север, в сторону Калифорнии и Техаса, в 1776 г. было создано *генерал-капитанство Внутренних провинций*.

Метрополия стремилась положить конец фактической самостоятельности американского чиновничества и создать систему управления, свободную от коррупции. Создание жесткой централизованной системы колониального управления сопровождалось отстранением от власти креольской знати. Креолов не допускали к административным постам, отдавая предпочтение выходцам из метрополии.

В Америке была введена *система интенданств*. Интендантов назначал король, и они подчинялись только ему. Новые чиновники обладали широкими административными, финансовыми и военными полномочиями. Главной задачей интендантов был контроль состояния королевской казны.

Серьезным соперником королевской власти в колониях был Орден иезуитов, обладавший политическими привилегиями и экономическим могуществом. Имущество Ордена оценивалось в 70 млн серебряных песо. Под властью иезуитских миссионеров в Парагвае находилось почти 100 тыс. человек. В 1759 г. иезуиты были изгнаны из Португалии и Бразилии, в 1767 г. — из Испании и ее колоний в Америке, а богатства Ордена отошли в королевскую казну.

Важной частью колониальных преобразований стала военная реформа. В 1758 г. Испания изменила систему комплектования колониальной армии. Ее основу составили регулярные войска — военные гарнизоны и экспедиционные корпуса, в которых служили только испанцы. Другую часть армии набирали в колониях из местных уроженцев на добровольной основе. В ней офицерские должности могли занимать как испанцы, так и креолы. Важной частью колониальных войск стало ополчение, в которое допускали представителей «смешанных каст». С 1758 по 1784 г. численность испанской колониальной армии возросла почти в 20 раз (с 2 100 до 40 000 человек). В 1763 г. аналогичная военная реформа была проведена и в Бразилии.

В 1765—1778 гг. Испания предприняла реформу колониальной торговли, в результате которой 12 портов метрополии открылись для торгового сообщения с 24 американскими портами. Монопольные права Севильи-Кадиса и система флотилий были отменены. Вице-королевствам разрешалось торговать между собой через порт Акапулько. Испания сохранила за собой торговую монополию: по-прежнему торговля с испанскими колониями Нового Света могла осуществляться только на судах под испанским флагом, приписанных к испанским портам. Американским колониям запрещалось торговать с иностранными державами.

Метрополия была заинтересована в увеличении колониальных доходов, большую часть которых, как и в XVII в., составляли налоги. Испания требовала строгого соблюдения налогового законодательства, заменяла прямые налоги косвенными. До 8 % выросла алкабала. Подушная подать также была увеличена и распространена на «смешанные касты». Сохранялись и ужесточались ограничения внутренней торговли, пресекалось производство товаров, которые могли конкурировать с продукцией, ввозимой из Старого Света. Метрополия обратилась к регламентации промышленного производства: жителям колоний запрещалось учреждать мануфактуры, производившие изделия, импортируемые из Испании.

Колониальные преобразования в испанских колониях были более масштабными и завершенными, нежели в Бразилии. После отставки Помбала в 1777 г. реформы были остановлены, а Бразилия была закрыта для въезда иностранцев.

12.3. Последствия колониальных реформ. Общественно-экономическое развитие испанской Америки в XVIII в.

Колониальные преобразования привели к противоречивым результатам. Испания в целом добилась своих целей: контроль над американскими владениями стал более эффективным, колониальные доходы с 1760 по 1788 г. выросли в 4 раза.

Воздействие реформ на состояние колониального общества и хозяйства было более сложным. Преобразования изменили экономические условия в Новом Свете, дестабилизировали сложившиеся в XVI—XVII вв. социальные отношения.

Ликвидация монополии Севильи-Кадиса активизировала атлантическую торговлю. В течение 1778—1788 гг. объем внешней торговли колоний возрос на 700 %. Однако метрополия не добилась главного — полного контроля над товарообменом между своими колониями и Старым Светом. Испания по-прежнему играла роль посредника в колониальной торговле: ей принадлежало лишь 10 % атлантических грузов. Сохранение режима монополии при увеличении количества портов, открытых для европейских товаров, привело к росту контрабанды.

Под влиянием торговой реформы произошла переориентация торговых путей: транспортные связи, которые в XVI—XVIII вв. определялись «путями галеонов», постепенно распадались. Каждая из колоний вступила в прямые экономические отношения с Европой. В результате постепенно складывались новые хозяйственные зоны.

Регламент о «свободе торговли», административные преобразования вызвали приток европейских эмигрантов, увеличилось количе-

ство претендентов на доходы от колониальной экономики. Испанские негонианты не только стремились занять ключевые позиции в атлантической торговле, но и оттесняли креольских купцов от других традиционных источников доходов, в том числе и от контрабанды.

Наплыв европейских товаров привел к упадку местного промышленного производства, особенно текстильного. Разорялись текстильные предприятия Кито, которые ранее снабжали своей продукцией обширные области в Андах и вывозившие ее вплоть до Новой Гранады. Перуанские купцы возмещали свои убытки за счет коренного населения, используя систему принудительных распродаж (*penápmo*), узаконенную в 1765 г. Королевский чиновник по делам индейцев, используя поручение оптовых купцов Лимы, навязывал индейским общинам излишки товаров. Индейцы были вынуждены приобретать по завышенной цене и в долг совершенно ненужные им вещи — кружева, шляпы, французские книги, карты. В андской глубинке можно было встретить индейца в камзоле, треуголке и шелковых чулках. Репарто превратилось в средство долгового закабаления индейцев, принуждения их к труду на плантациях и рудниках.

Спрос на землю, развитие товарного хозяйства обострили проблему рабочей силы. Во второй половине XVIII в. увеличилось применение рабского труда на плантациях Карибского побережья и в золотых рудниках Новой Гранады. Благодаря отмене ограничений работорговли в конце столетия резко вырос импорт черных невольников. С 1791 по 1805 г. на Кубу привезли почти 100 тыс. рабов — немногим меньше, чем ввезли англичане за 30-летний срок действия права асьенто.

Развитие торговли, упорядочивание фискальной системы обусловили рост налоговых сборов. Казенный доход только от одной Новой Испании увеличился с 1765 по 1782 г. в 3 раза. Примерно 1/10 собранных сумм оставалась в колониях, но распределение этих доходов изменилось: бóльшая их часть уходила на нужды обороны, содержание регулярной армии и нового чиновничества. Креолы, владельцы административных должностей, в былые времена присваивавшие себе значительную часть казны, чувствовали себя обделенными.

Административные реформы вызвали особое недовольство колониальной знати. Новое поколение колониальных чиновников лишило креолов доступа к прибыльным должностям. В 1780-е гг. только четверть американских судей были креолами, между тем как в первой половине века креолом принадлежало 45 % должностей.

Введение системы интенданств вызвало настоящее сопротивление местной знати и колониального чиновничества старого образца. И все же колониальная верхушка не смогла вернуть себе господствующее положение в администрации. В новых вице-королевствах и областях — Новой Гранаде, Ла-Плате и Чили — реформа управления, в том числе учреждение интенданств, имела успех.

Креолы использовали военную реформу для частичного восстановления своего влияния. У служащих новой армии были свои привилегии, в том числе и право на судопроизводство, и вскоре они составили обособленную социальную группу. Военная карьера была привлекательной для отпрысков состоятельных американских семейств. В войска и в ополчение записывались метисы и мулаты, стремившиеся «выбиться в люди». Испанцы отправлялись в Америку крайне неохотно, и уже в 1780 г. правительство начало продавать офицерские должности в колониях. В результате к концу столетия произошла настоящая «американизация» колониальной армии. Исключением были лишь высшие командные посты, которые могли занимать только испанцы.

Реформы повлияли и на развитие культуры колониальной Америки. Активизировались связи колоний с внешним миром, торговля, увеличился импорт книг, возросло количество эмигрантов и путешественников. В обществе росло влияние светской культуры. На почве недовольства жесткой политикой метрополии *креолизм* стал постепенно приобретать черты оппозиционной, патриотической идеологии. В этом процессе важную роль сыграло знакомство образованных креолов с европейской просветительской литературой. В своих произведениях они критиковали хозяйственную политику метрополии в Новом Свете с точки зрения либеральных экономических доктрин. Уже в начале 90-х гг. XVII в. появились первые призывы покончить с властью испанцев в Америке.

Народные восстания в испанских колониях во второй половине XVIII в. Преобразования второй половины XVIII в. ухудшили положение низших слоев общества испанской Америки — индейцев, «смешанных каст», неимущих креолов. Колониальные доходы увеличивались за счет введения разорительных монополий и усиления налогового давления, которое ощутили на себе народные низы. Колониальная знать стремилась возместить убытки, связанные с новой политикой метрополии, за счет зависимого населения испанской Америки: ухудшались условия аренды, все более изощренной становилась система долговой зависимости. Индейские общины беднели, росло количество мигрантов, бродяг. Смешанные этнические группы были вынуждены платить подушную подать — обременительный налог, который считался показателем унижительного общественно-го положения.

Реакцией на новую политику метрополии стали народные движения середины — второй половины XVIII в. Самые мощные из них произошли в Перу и в Новой Гранаде в начале 1780-х гг.

Народное движение, которое возглавил вождь одного из индейских племен *Х. Г. Кондорканки*, взявший себе имя последнего правителя инков *Тупака Амару*, охватило в 1780—1783 гг. обширные области горных областей Перу. Его участники — индейцы, неимущие крестьяне, рабы — требовали отмены налогов и трудовой повинно-

сти, изгнания испанских чиновников. Восставшие захватывали усадьбы креолов, земли поместий делили между собой. Движение было хорошо подготовлено и оснащено с военной точки зрения. Большую роль в успехе движения сыграла «пропаганда» Тупака Амару, который в своих воззваниях разъяснял цели восстания, в том числе и необходимость создания системы управления с участием индейцев, призывал к единству «всех соотечественников» против испанского гнета. К 1781 г. армия повстанцев, насчитывавшая 40 тыс. человек, осадила Куско. Осада столицы провинции закончилась безуспешно, и отступившая в горы армия была разгромлена, а сам Тупак Амару был пленен и казнен.

Почти одновременно с перуанским восстанием, в 1781 — 1782 гг. движение народных низов развернулось в Новой Гранаде. Состав армии восставших отличался от армии Тупака Амару: большую роль в ней играли состоятельные креолы, городские низы и рабы, трудившиеся на серебряных рудниках. Требования же повстанцев в Перу и Новой Гранаде были сходны: уничтожение налогов и монополий, возвращение общинных земель, изгнание испанской администрации и учреждение новой системы управления с участием местного населения. В 1781 г. армия повстанцев предприняла неудачную попытку похода на г. Боготу, после чего богатые креолы перешли на сторону короля, и движение было подавлено колониальными войсками.

В действиях повстанцев сочетались как попытки установить справедливое распределение богатств, так и стремление народных низов к социальному и политическому равноправию. Участники движений считали, что полное осуществление их требований возможно в условиях независимости от власти Испании. Активное участие коренного населения в движении повлияло на оформление особых требований: восставшие добивались учреждения новой системы управления без участия не только испанцев, но и «неиндейцев» вообще — восстановления идеального государства инков. Важным было и участие в этом движении богатых креолов, претендовавших на руководство восстанием.

В народных выступлениях 1780-х гг. отразились противоречия и конфликты, свойственные обществу испанской Америки, которые впоследствии, в начале XIX в., повлияли на развитие войн за независимость.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

13.1. Война за испанское наследство

При всем разнообразии и мобильности международных отношений в последние десятилетия XVII в. они находились в тени главной проблемы — так называемого *испанского наследства*. Несмотря на важность текущих европейских дел, взгляды политиков главных европейских столиц постоянно были обращены на Пиренейский полуостров, что объяснялось масштабом проблемы: испанский король Карл II Габсбург не имел детей, а его «наследство» было одним из самых больших в мире, поскольку включало в себя не только Испанию и ее владения в Европе, но и огромные заморские территории. В ноябре 1700 г. Карл II (последний из испанских Габсбургов) умер.

Более всего заинтересованы в испанском наследстве были Австрия, Франция и Англия. И Габсбурги, и Бурбоны были связаны с испанским престолом теснейшими династическими узами: две сестры — дочери испанского короля Филиппа III — были матерями Людовика XIV и императора Леопольда I, а две сестры — дочери Филиппа IV — стали их женами. Двоюродные братья — французский и австрийский монархи — претендовали на наследование своему шурину. В течение десятилетий продолжалось перетягивание дипломатического каната: за «французской» женитьбой Карла II последовала «австрийская», в роли наследника престола внука Леопольда I сменил внук Людовика XIV. Насколько старым было соперничество Габсбургов и Бурбонов, настолько же традиционными династическими были и его способы.

Англии не было дела до всех этих генеалогических тонкостей. В Лондоне подходили к испанской проблеме с собственными мерками — колонии и равновесие. Сосредоточение в руках одной державы всего испанского наследства означало бы угрозу и тому и другому. Именно поэтому Англия выступила за его раздел. Вскоре договоренность о разделе испанских земель между Габсбургами и Бурбонами была достигнута. Однако стало известно содержание завещания Карла II, в котором он все свои владения завещал внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому. В этой ситуации Людовик отказался от прежних обещаний, объявил Филиппа Анжуйского королем Испании и, согласно легенде, заявил, что между Испанией и Францией «нет больше Пиренеев». Перспектива превращения и без того

сильной и агрессивной Франции в мировую сверхдержаву сделала войну неизбежной.

В начинавшейся войне соседствовали два основных конфликта: габсбургско-бурбонский (главный конфликт прошлых веков) и англо-французский (главный конфликт нового века). С точки зрения истории международных отношений война за испанское наследство имела особое значение из-за своего многоуровневого характера. Речь шла не только о собственно испанских территориях, но и о преобладании в Европе, даже более того — об основном принципе международных отношений: гегемония или равновесие.

В войне принимали участие две коалиции. Против Франции, поддержанной лишь курфюрстами Баварии, Кельна и некоторыми итальянскими государствами, выступили Англия, Австрия, Голландия, Священная Римская империя, Португалия, Савойя и Пруссия. В целом Габсбурги вступили в войну при более выигрышном соотношении сил, чем в недавно закончившейся Десятилетней войне, поскольку успели подписать мир с турками и, главное, могли рассчитывать на помощь Англии, до крайности возмущенной предоставлением французским купцам исключительных прав в испанских землях Латинской Америки и признанием Францией в качестве английского короля сына низвергнутого Якова II. Против обыкновенной Англии не ограничила свое участие в войне на континенте лишь субсидиями союзникам и действиями флота, а направила на поля сражения сухопутную армию под командованием герцога Д.-Ч. Мальборо.

В итоге исход войны определили два события, произошедшие далеко от полей сражений. В 1711 г. к власти в Англии пришли тори, выступавшие против войны, и в это же время умер германский император Иосиф I. Австрийские земли наследовал его брат Карл, продолжая при этом оставаться претендентом на испанский трон. Казалось, что возникла угроза воссоздания мировой империи Карла V, испугавшая союзников не меньше, чем противников. Вслед за англичанами в 1712 г. из войны вышли голландцы, и мир стал неизбежен.

Утрехтский мир 1713 г. состоял из 7 двусторонних договоров, подписанных Францией и Испанией с их противниками в войне за испанское наследство (за исключением императора, продолжавшего войну вплоть до 1714 г.).

Англо-французский антагонизм, второе важнейшее противостояние эпохи, на этой стадии закончился победой англичан. Франция признавала новую Ганноверскую династию в Англии, навечно отказывалась от попыток установления личной унии Франции и Испании, а также шла на важные уступки в колониях — передавала Англии Гудзонский залив, Новую Шотландию и Ньюфаундленд. Одновременно Англия приняла превентивные меры против дальнейших гегемонистских попыток Франции: по южным границам испанских Нидерландов создавался так называемый *барьер*, система крепостей

с голландскими гарнизонами; на Рейне укреплялась Пруссия; в Северной Италии Франции противопоставлялась Австрия (благодаря своим новым приобретениям). Морские и колониальные позиции Англии укрепились также за счет уступок со стороны Испании, передававшей в английские руки город и крепость Гибралтар, о. Менорка в Средиземном море, а кроме того, был заключен *договор асьенто* об исключительных правах англичан на работоторговлю в Испанской Америке.

Одним из главных результатов войны стало крушение гегемонистских планов Франции. Более того, Франция понесла поражение дважды, поскольку, утратив доминирование в Европе, она уступила и в колониях. Неудачи в войне во многом были связаны именно со стратегической раздвоенностью внешней политики Франции, превратившей ее в точку пересечения континентальных и колониальных противоречий. Подлинным победителем в войне за испанское наследство стала Англия. Несмотря на кажущуюся скромность ее территориальных приобретений, они означали существенный шаг к морскому, торговому и в перспективе — колониальному преобладанию. Англичане добились своих целей и в континентальной Европе, в договорах с двумя своими главными противниками — гегемонистской Францией и колониальной Испанией, — зафиксировав принцип равновесия как основополагающую норму международного права.

Таким образом, в этом раунде эпохального англо-французского противостояния Англия одержала победу над Францией, а принцип равновесия — над гегемонией. Еще одним результатом войны стало *начало складывания пентархии*. Окончательно «сошли с дистанции» прежде великие державы Испания и Голландия, и выделилась тройка лидеров XVIII в. — Англия, Франция, Австрия; стала заявлять о себе и Пруссия. Какая из держав добьется регионального преобладания на востоке Европы и тем самым станет пятой в пентархии, решалось в борьбе за Балтику.

13.2. Северная война 1700—1721 гг.

Самым продолжительным военным конфликтом XVIII в. стала вторая, или Великая, Северная война 1700—1721 гг. Фактическое преобладание Швеции на Балтике не устраивало прочие прибалтийские государства, прежде всего Данию и Польшу, состоявшую в династической унии с Саксонией. Эти страны нашли естественного союзника в лице России, именно Швецией лишенной доступа к Балтийскому морю. Война началась зимой 1700 г. с нападения саксонского курфюрста Августа II Сильного на принадлежавшую шведам Ригу и долгое время носила характер сугубо регионального конфликта, поскольку занятые войной за испанское наследство западные державы не имели возможности вмешаться в ход событий.

Шведский король Карл XII в первый же год вывел из войны Данию, разгромил под Нарвой русские войска и сосредоточился на борьбе с Августом II Сильным, который в 1706 г. был вынужден подписать навязанное ему мирное соглашение со Швецией. По условиям мира Август II отказывался от польского престола в пользу шведского ставленника С. Лещинского, а также от всех союзных обязательств, направленных против Швеции. Это соглашение стало высшей точкой достижений Швеции в войне и одновременно — единственной реальной возможностью для соединения Северной войны с войной за испанское наследство. Для превращения Европы в арену беспрецедентной по масштабам войны Карлу XII было достаточно атаковать Австрию, к чему своего давнего союзника упорно подталкивала Франция. Однако Австрия, и без того сражавшаяся сразу на многих фронтах, предпочла пойти на уступки стоявшим на ее границах шведам, в частности, гарантировав права протестантов в Силезии.

Разгром русскими войсками шведов под Полтавой в 1709 г. стал поворотным пунктом в ходе войны. В боевые действия вновь вступили Дания и Саксония, с Россией стала сближаться Пруссия. После окончания войны за испанское наследство к антишведской коалиции присоединилась также и Англия, опасавшаяся за свободу плавания в балтийских водах. В итоге к 1716 г. Швеция потеряла все свои владения на южном побережье Балтики.

По *Ништадскому миру 1721 г.* Россия получила Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, ряд других территорий и прочно закрепились на Балтике.

Одним из главных результатов Северной войны стало то, что в роли великой державы на северо-востоке Европы Швецию сменила Россия. С точки зрения международных отношений в Европе в целом Ништадский мир, как и Утрехтский ранее, означал модификацию Вестфальской системы. Отныне Швеция уже не могла играть предписанную ей в Мюнстере и Оснабрюке важную европейскую роль и, в частности, поддерживать порядок 1648 г. в Священной Римской империи. Главное же заключалось в том, что в результате войны за испанское наследство и Северной войны началось складывание пентархии, заменившей многочисленную и более подвижную систему 1648 г. олигархией 5 сильнейших государств и впоследствии более чем на век ставшей основой международных отношений.

13.3. Войны с Турцией

В XVIII в. войны против Турции постепенно меняют свой характер как по составу участников, так и по целевой направленности. Последней войной старого типа была австро-венецианско-турецкая война 1716—1718 гг. Как и прежние войны, она во многом вдохнов-

лялась папой, пропагандировалась как новый крестовый поход и велась за многолетнюю цель — окончательное освобождение земель, некогда входивших в средневековое Венгерское королевство. *Пожевацкий мир* 1718 г. принес Австрии оставшуюся часть Венгрии — Банат, а также некоторые другие территории.

Новое звучание турецкая проблема получила в связи с постепенным перемещением главной оси противостояния с Турцией от Австрии к России. Для Австрии, к тому времени полностью снявшей турецкую угрозу и реализовавшей свои основные территориальные притязания в отношении Турции, взаимоотношения с ней во многом диктовались соображениями европейской политики. Так, в Вене рассчитывали найти основу для сближения с Россией в общей анти-турецкой политике, что было необходимо для укрепления европейских позиций монархии Габсбургов. Вместе с тем у Австрии все еще оставались свои собственные интересы на Балканах, пределы анти-турецкого сотрудничества двух стран четко обозначились уже в ходе первой же совместной войны с Турцией 1735—1739 гг., когда выяснилось, что обе державы имеют виды на Дунайские княжества. Неудача в войне, в результате которой Австрия *по Белградскому миру 1739 г.* лишилась предыдущих завоеваний в Сербии и Валахии, окончательно превратила войны с Турцией в преимущественно русское дело.

Начиная с 1730-х гг. Османская империя все больше интегрировалась в европейскую систему, устанавливая связи, заключая договоры, однако из религиозных побуждений по-прежнему отказывалась содержать постоянные миссии в мире «неверных». И вновь принять европейские правила игры турок заставили войны. Катастрофы в двух русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг. убедили турок в необходимости внешних союзов, и султан *Селим III* принял поистине революционное решение — основать постоянные миссии при дворах всех великих держав, за исключением России. Межгосударственные контакты получили таким образом прочную регулярную основу, и к XIX в. Турция подошла хотя и не вполне «европейской» страной, но членом европейской системы.

13.4. Международные отношения в Европе в 1720-е — 1730-е гг.

Несмотря на официальное завершение войны за испанское наследство, Австрия и Испания так и не заключили между собой формальный мир, поскольку выдвигали обоюдные территориальные претензии: Карл VI не расстался с надеждой заполучить Испанию, а Филипп V пытался вернуть отошедшие к Австрии итальянские владения Испании. Наконец, Испания и Австрия оказались в центре европейской политики также из-за своих династических проблем:

Филлип V стремился добиться в Италии наследований для своего потомства, а Карл VI добивался от европейских государств признания *Прагматической санкции*, провозглашавшей неделимость владений Габсбургов и право их наследования по женской линии.

Англия и Франция, две ведущие державы, были заинтересованы в сохранении спокойствия в Европе: Франция — потому что оказалась истощена чередой войн Людовика XIV; Англия — потому что была удовлетворена достигнутыми результатами и хотела спокойно пожинать плоды успеха. К тому же обе страны испытывали некоторые внутренние трудности династического свойства — в Англии произошла смена династии, во Франции после смерти Людовика XIV начался *период Регентства*.

Из перечисленных предпосылок и родилась внешнеполитическая сенсация — *временный союз Англии и Франции*, двух исторических противников, заключенный в 1717 г. с целью сдерживания претензий Австрии и Испании. В этот союз, задуманный как своего рода система коллективной безопасности, под давлением Лондона и Парижа вступили также и Испания с Австрией. Однако участие в союзе не решило их задач, а кроме того, росли противоречия по отношению к лидерам союза: Испания надеялась вернуть Гибралтар, а Вену не устраивали английские ограничения в отношении австрийской Ост-Индской компании. В итоге Австрия и Испания заключили собственный союз. Так на международной арене возникла одна из самых причудливых конфигураций, когда формальных союзников — Англию и Францию, Австрию и Испанию — разделяли бóльшие противоречия, чем их противников.

На протяжении нескольких последующих лет союзы менялись с калейдоскопической быстротой. Европейские фигуры складывались в самые разные комбинации, некоторые из которых, как, например, связь России и Австрии, Англии и Пруссии, имели долгосрочные последствия. В середине 1720-х гг. Европа стояла на грани войны, поскольку Испания приостановила действие торговых привилегий, полученных Англией в Утрехте, и начала осаду Гибралтара; английские войска высадились в Италии; Австрия разорвала дипломатические отношения с Англией. Однако в итоге кризис удалось разрешить мирным путем, и *в 1731 г. был подписан Венский договор*, согласно которому Австрия признавала передачу итальянских земель Пармы, Тосканы и Пьяченцы принцу Карлу Испанскому, сыну Филиппа V, ликвидировав Ост-Индскую компанию, но получала признание Прагматической санкции со стороны Англии и Испании.

После разрешения кризиса Испания, получив свое в Италии, вновь вспомнила о Гибралтаре и потерях в колониях, вернулась к союзу с династически близкой Францией. Ключевые европейские державы восстановились после войн начала века, и разделявшие их противоречия вновь вышли на первый план. Англо-французский антагонизм снова занял главенствующее место, поскольку экономи-

чески и политически окрепшая Франция больше не хотела поддерживать английскую политику сохранения Утрехтской системы. Вместе с тем Англия также испытывала беспокойство из-за роста внешней торговли Франции и возрождения ее военной мощи. Оживились и франко-австрийские противоречия. Франция не признала Прагматическую санкцию, поскольку была готова это сделать только в ответ на встречные территориальные уступки на Рейне. Все эти противоречия привели к новой европейской войне.

13.5. Война за польское наследство 1733 — 1738 гг.

Несмотря на название, в *войне за польское наследство* речь шла не столько о судьбе Польши, сколько о более значимых вопросах европейской политики.

Польша пребывала в состоянии глубокого внутреннего кризиса, в том числе связанного с тем, что принцип выборности короля сословным Сеймом открывал широкие возможности для вмешательства иностранных держав. Так, смерть в 1733 г. Августа II вновь поставила польский вопрос на повестку дня европейской политики. Франция поддержала в качестве претендента на престол бывшего ставленника Карла XII С. Лещинского. Австрия, Россия и Пруссия выдвинули своего кандидата — Августа, сына умершего короля. Оказав вооруженное давление, Россия добилась провозглашения польским монархом Августа III и смещения с престола уже избранного королем С. Лещинского. Тем самым проблема *польского наследства* была фактически разрешена, поскольку русским войскам в Польше Франция могла противопоставить лишь дипломатические протесты; однако война за польское наследство все же состоялась, хотя и велась далеко от польских границ.

К началу 1730-х гг. фактически сложился альянс противников Австрии, имевших к ней территориальные претензии: Франция, издавна претендовавшая на Лотарингию, была обеспокоена планировавшимся браком герцога Лотарингского Франца Штефана и Марии Терезии, дочери императора; Испания надеялась получить австрийские Неаполь и Сицилию; Савоя стремилась присоединить Ломбардию. Франция и Испания заключили в 1734 г. *Бурбонский фамильный пакт* с антиавстрийской направленностью, к которому прикнула Сардиния. Таким образом, участие монархии Габсбургов в поддержке Августа III было скорее предлогом, чем истинной причиной войны. С другой стороны, крах французского кандидата означал удар по престижу Франции, столь важному в династической Европе, тем более что С. Лещинский был тестем французского короля.

В 1733 г. Франция объявила войну Австрии, и уже спустя год союзники по антиавстрийской коалиции достигли большей части своих

целей, захватив Лотарингию, Милан, Неаполь и Сицилию. В 1735 г. был подписан предварительный мирный договор, подтвержденный в 1738 г. в Вене. По этому договору С.Лешинский становился герцогом Лотарингии, которая после его смерти отходила к Франции, а бывший лотарингский герцог Франц Штефан в качестве компенсации получал Тоскану. Испанский принц Карл возвращал Австрии Парму и Пьяченцу, но получал корону вновь образованного государства — Неаполитанского королевства, в состав которого вошли Неаполь и Сицилия, отнятые у Австрии. Франция признавала Прагматическую санкцию и Августа III в качестве польского короля.

В перспективе главный выигрыш достался Франции, которой удалось, не потрясая основ европейской политики и ценой сравнительно небольших усилий, выполнить многие внешнеполитические задачи времен Людовика XIV: присоединить Лотарингию, укрепить восточную границу и существенно расшатать те преграды, которые Утрехтский мир возвел против Франции в Италии, Испании и на Рейне. Через два десятилетия после поражения в войне за испанское наследство Франция вновь стала ведущей европейской державой.

Одна из главных причин французских успехов заключалась в том, что война за польское наследство была сугубо континентальной и не ставила перед Францией главной дилеммы ее внешней политики — Европа или колонии. Совсем иная ситуация сложилась в следующей войне.

13.6. Война за австрийское наследство 1740 — 1748 гг.

В войне за австрийское наследство 1740 — 1748 гг. сошлись оба главных типа военных конфликтов Раннего нового времени — *династический и колониальный*, что обусловило качественно иной масштаб военных действий, по сути дела — всемирный.

В колониях росли англо-испанские противоречия, связанные с контрабандной торговлей английских купцов в Вест-Индии. Постоянные столкновения контрабандистов с испанскими властями постепенно переросли в межгосударственный конфликт. Происхождение и динамика этого конфликта весьма показательны с точки зрения совершенно особого характера английской внешней политики, отличной от континентальной. На континенте в это время безраздельно господствовала так называемая *кабинетная* политика, когда внешнеполитические решения были делом узкого круга посвященных. Во Франции личная дипломатия Людовика XV называлась в высшей степени показательно — *секрет короля*. Одновременно внешняя политика в Англии демонстрировала удивительно современные черты: общественное мнение мобилизовалось как идеологически, так и эмоционально (парламенту был представлен один английский моряк,

которому испанская береговая стража отрезала ухо). Парламент оказал мощное давление на правительство и в конце концов буквально заставил его осенью 1739 г. объявить Испании войну. Так началась «война из-за уха Дженкинса». В 1740 г. в войну против Англии вступила Франция, открыв, таким образом, очередной раунд векового англо-французского противостояния.

В то же время впервые заявил о себе и один из главных конфликтов континентальной Европы — австро-прусское соперничество, начало которому было положено войной за австрийское наследство. Как и в случае с войной за польское наследство, династические проблемы выступили в качестве удобного предложения для выдвижения территориальных претензий, главным объектом которых вновь оказалась Австрия.

Большинство европейских стран признали Прагматическую санкцию 1713 г., согласно которой наследование в монархии Габсбургов могло осуществляться женщинами, однако смерть Карла VI Габсбурга в 1740 г. и восхождение на престол его дочери Марии Терезии стали поводом к войне за австрийское наследство. Война началась вторжением Пруссии, стремившейся к захвату Силезии — наиболее экономически развитой части монархии Габсбургов и к тому же населенной протестантами. Воспользоваться случаем поспешили и другие державы: Франция стремилась захватить Австрийские Нидерланды; Испания претендовала на Парму и Тоскану; баварский курфюрст мечтал отобрать у Габсбургов корону императора и присоединить Богемия; Саксония желала расширения территории за счет Моравии. Кроме того, на стороне коалиции выступили некоторые немецкие князья, Неаполь, Сардиния, а также Швеция, которую французской дипломатии удалось настроить против России (союзника Австрии).

Перед лицом столь мощного фронта противников Австрия могла рассчитывать только на себя, поскольку Россия оказалась занята войной со Швецией, а Англия вела борьбу в колониях. В таких условиях Габсбурги терпели поражения на всех фронтах, значительная часть страны была оккупирована, а к началу 1742 г. императором Священной Римской империи был провозглашен баварский курфюрст.

В дальнейшем катастрофическая ситуация по мере активизации континентальной политики Англии стала меняться для Австрии к лучшему. Англичане по-прежнему считали захват Австрийских Нидерландов прямой угрозой своим стратегическим и экономическим интересам. Кроме того, в Лондоне смотрели на Австрию как на необходимый элемент европейского равновесия, сдерживающий Францию и Россию. Все это заставило Англию поддержать Австрию не только дипломатически, но и силой оружия. В результате на сторону Австрии перешли Саксония и Сардинское королевство, ценой принесения в жертву Силезии в 1742 г. было заключено перемирие с

Пруссией, а в Австрийских Нидерландах против французов выступила так называемая *прагматическая армия*, состоявшая из английских, голландских и австрийских войск.

После 1745 г. постепенно иссякли оба источника, питавшие войну: австро-пруссские противоречия смягчились в связи с готовностью Австрии смириться с потерей Силезии, а истощенные войной Англия и Франция были также готовы пойти на очередной «мир пустой казны».

Результаты войны были зафиксированы в двух мирных договорах. По *Дрезденскому миру 1745 г.* между Австрией и Пруссией Силезия переходила к Пруссии, а супруг Марии Терезии Франц Штефан признавался императором.

18 октября 1748 г. был подписан Второй Аахенский мир (Первым в 1668 г. завершилась Деволуционная война) между Австрией и союзными ей Англией, Голландией и Сардинией, с одной стороны, и Францией и союзными ей Испанией, Моденой и Генуей — с другой. По условиям мира международное признание получала Прагматическая санкция; Франция возвращала Австрийские Нидерланды; подтверждался переход Силезии в руки Пруссии; в колониях Англия и Франция возвращали друг другу захваченные в ходе войны территории; в Италии Австрия передавала Парму, Пьяченцу и Гасталлу испанскому принцу Филиппу, а Сардинское королевство получало небольшую часть герцогства Миланского.

Все эти условия были зафиксированы не в отдельных двусторонних договорах, как практиковалось раньше, а в едином документе, подписи под которым поставили все участники переговоров, что должно было придать ему особый вес и действенность. На деле относительная стабильность была достигнута только в Италии, поскольку Испания больше не выдвигала территориальных претензий, ее отношения с Австрией постепенно нормализовались, что, в свою очередь, привело к снижению активности Савойи, лишившейся возможности обращать противоречия Габсбургов и Бурбонов к своей пользе. Вплоть до Французской революции Италия перестанет быть ареной острых международных конфликтов.

Однако Аахенский мир не смог разрешить ключевых международных противоречий — старого англо-французского и нового австро-прусского, поэтому большинство участников переговоров ясно осознавали, что по сути дела подписывают не мирный договор, а перемирие.

13.7. «Переворот союзов» и Семилетняя война

Уже спустя 8 лет противоречия между государствами Европы привели к новой войне. Для Семилетней войны 1756 — 1763 гг. также были характерны сочетание разных по своему происхождению кон-

фликтов и крупный масштаб — 4 части света, все 5 великих держав, поэтому иногда эту войну называют первой мировой.

Одной из составляющих конфликта вновь стали колониальные противоречия, и, в частности, пересечение двух потоков колонизации в Новом Свете: французы пытались соединить свои владения на севере и юге, Великие озера и Луизиану, тем самым встав на пути английского вектора колонизации с востока на запад американских земель.

Самым же острым противоречием на европейском континенте стал появившийся в годы войны за австрийское наследство австро-прусский антагонизм. Мария Терезия заявила, что готова отдать последнюю юбку, лишь бы вернуть Силезию. В действительности дело не ограничивалось территориальной потерей. Пруссия бросила вызов Австрии как лидеру германского мира, и именно это стало основной причиной ожесточенного соперничества двух держав, которое завершилось спустя более чем столетие.

С появлением этого нового антагонизма был связан так называемый *переворот союзов* накануне Семилетней войны. При всей подвижности международной системы до этого момента союзные отношения были относительно устойчивыми, поскольку большей устойчивостью отличались и основные европейские противоречия. Постоянство противоречий порождало и постоянство союзов. Так, например, традиционной была связь между Англией и Австрией, основанная на общей вражде по отношению к Франции. Однако поражение Австрии в войне за австрийское наследство коренным образом изменило приоритеты венских политиков. Отныне врагом номер один для них стала Пруссия, для борьбы с которой союз с Англией ничего не давал. Австрийский канцлер В.Кауниц решился на беспрецедентный поступок, предложив военный союз «наследственному врагу» — Франции. Теснимые в колониях французы приняли предложение, надеясь на спокойствие в Европе. В результате исчез один из краеугольных камней международных отношений — австро-французский антагонизм, который за 3 века своего существования стал для европейских политиков чем-то столь же естественным, как явление природы. В свою очередь на революционный шаг решаются и англичане: они прямо обращаются к возможному противнику — Пруссии и превращают его в союзника. Статс-секретарь по внешним делам У. Питт-старший, ставший вместе с В. Кауницем главным автором *переворота союзов*, выдвинул программный лозунг: «Америка должна быть добыта в Силезии!», имея в виду вовлечение Франции в борьбу в Европе.

Еще одной особенностью Семилетней войны по сравнению с предыдущими общеевропейскими войнами стала небывалая степень вовлеченности в нее России, которая также вступала в войну с не совсем обычным сочетанием союзников. Россия, возмущенная отказом Англии от уже готового договора о субсидиях взамен своей во-

енной помощи (пруссаки запросили меньше), а также побуждаемая слухами об агрессивных планах Фридриха II и собственными надеждами на территориальные приобретения в Прибалтике, выступила против своих традиционных партнеров — Англии и Пруссии и вопреки всем традициям сблизилась с Францией. Таким образом, Семилетней войне предшествовал подлинный переворот союзов, во многом сделавший ее войной бывших союзников против бывших противников и лишней раз продемонстрировавший подвижность системы.

В войне противостояли друг другу два союза — Пруссия, Англия и традиционно шедшая за ней Португалия, с одной стороны, и блок Франции, России, Австрии, Швеции, Саксонии, Испании и ряда германских государств — с другой.

Лондон и Берлин связывала *Вестминстерская конвенция* 1756 г., выведившая Пруссию из угрожавшей ей полной изоляции, снабжавшая ее значительными английскими субсидиями и позволявшая надеяться на то, что Англия удержит Россию от антипрусского выступления. По условиям конвенции, стороны договаривались о том, что будут совместно противостоять любой вторгшейся в германские земли державе. Имелись в виду Франция и ее возможное вторжение в Ганновер, континентальное владение английских королей.

В основе противоположного союзного лагеря лежал *Версальский договор* 1756 г. между Австрией и Францией. Стороны обязывались не только оказывать друг другу военную помощь в защите своих владений, но и в специальной секретной статье ставили наступательные задачи: Австрия должна была получить Силезию и передать Франции Австрийские Нидерланды, в силу своей удаленности от основных земель Габсбургов давно считавшиеся экономической и стратегической обузой; Франция обязывалась не препятствовать полному разгрому Пруссии и предоставить Австрии субсидии. Через полгода к этому союзу присоединилась Россия, а в мае 1757 г. был заключен *австро-французский наступательный союз*, ставивший целью полный раздел территорий Пруссии.

Помимо Версальского соглашения важную роль в создании антианглийского и антипрусского фронтов европейских государств сыграло заключение нового *Бурбонского семейного пакта* 1761 г. Договор, сохранявший силу вплоть до Французской революции, предусматривал взаимную помощь Франции и Испании, а также присоединившихся к ним бурбонских государств Пармы и Неаполя. В подписанной одновременно секретной конвенции Франция соглашалась передать Испании захваченный у англичан о. Менорку, а Испания — объявить Англии войну, если та до мая 1762 г. не заключит мир с Францией.

Несмотря на полное превосходство сил противников, Пруссия смогла продержаться 7 лет в первую очередь благодаря военной и политической разобщенности союзников и военным талантам Фрид-

риха II. Однако перевес сил противников, полный экономический упадок и фактическое отступничество Англии, переставшей выплачивать Пруссии субсидии после достижения своих колониальных целей, привели к закономерному результату. После ряда поражений, самым значительным из которых была *битва при Кунерсдорфе* 1759 г., Пруссия стояла на грани государственного краха. Ее спасло только так называемое *чудо бранденбургского дома*, т. е. неожиданная смерть русской императрицы Елизаветы Петровны и воцарение Петра III, большого поклонника Фридриха II. Россия вышла из войны, без всяких компенсаций вернула Пруссии завоеванные к тому времени территории и даже заключила с ней союз. Пруссия вновь могла гордиться успехами почти на всех фронтах. Выступление России на стороне недавнего противника немедленно обусловило выход из войны Швеции; вскоре поспешила заключить мирный договор и Австрия.

Войну завершили 2 мирных договора, что соответствовало двум лежавшим в ее основе конфликтам — *колониальному* (см. с. 174) и *европейскому*. *Парижский мир* 1763 г. лишил Францию североамериканских и ряда других колоний, обеспечив единоличное колониальное лидерство Англии. В том же году *Губертусбургский мир* закрепил Силезию за Пруссией, окончательно утвердив ее в роли новой великой державы, и на долгие годы сделал австро-пруссский дуализм аксиомой европейской политики. В результате войны Франция не только понесла тяжелое поражение в колониальных делах, но слала лидирующие позиции в Европе. Выступая в течение десятков лет в качестве динамичного начала, своеобразного мотора международной системы, отныне она скорее поддерживала статус кво, чем стремилась к изменению. Быстро падало некогда ключевое влияние Франции на Центральную Европу, особенно с тех пор, как Пруссия сменила ее в роли точки притяжения всех антигабсбургских сил. «Центр тяжести» европейской политики все больше смещался на восток. Самым ярким свидетельством падения престижа и фактической роли Франции в европейских делах стало ее полное игнорирование в решении судьбы одного из главных французских сателлитов — Польши.

13.8. Разделы Польши

Характерной чертой развития международных отношений в последние десятилетия XVIII в. было падение интересов и влияния Франции и Англии на востоке Европы. Особенно это касалось Франции, которая с XVII в. практиковала особые отношения с государствами *восточного барьера*. Первоначально задуманный как второй фронт в тылу Габсбургов, с начала XVIII в. «восточный барьер» стали рассматривать в Париже и как средство сдерживания России, по мнению французов нарушавшей равновесие на востоке Европы.

Однако начиная с середины века Франция оказалась не в состоянии поддержать своих партнеров сколько-нибудь существенными действиями. Это касалось всех трех государств восточного барьера — Швеции, Турции и особенно Польши.

Сосредоточение Англии и Франции на колониальных делах привело к тому, что судьба Польши оказалась полностью в руках ее ближайших соседей — России, Пруссии и Австрии. На основе этих государств — *восточных монархий* — сложилась одна из самых прочных и долговременных региональных систем. Безусловным лидером в системе была Россия, поскольку австро-прусское соперничество заставляло каждую из этих стран состязаться за ее благосклонность, часто предоставляя ей роль арбитра. Например, в так называемой *войне за баварское наследство* 1778—1779 гг. после пресечения правящей в Баварии династии Австрия заявила свои права на часть ее земель, но этому воспротивилась Пруссия. В войну, шедшую настолько вяло, что современники прозвали ее «картофельной», поскольку армии проявляли активность лишь в добывании провианта и фуража, вмешалась Россия, при посредничестве и гарантиях которой в 1779 г. был заключен *Тешенский мир*. Тем самым Россия заняла сильную позицию не только между Австрией и Пруссией, но и в Империи в целом.

Характерной чертой взаимоотношений внутри треугольника восточных монархий были постоянные опасения оказаться в ситуации «один против двух» или допустить приращение мощи соседей без адекватной компенсации. Подобные опасения сыграли важную роль в решении судьбы Польши. У каждой из трех держав были и свои специфические причины, побуждавшие принять участие в дележе Польши: Гогенцоллерны мечтали соединить две свои ключевые провинции — Бранденбург и Пруссию; Австрия хотела получить компенсацию за потерю Силезии, а Россия стремилась сохранить в Польше свое традиционное влияние, которое как раз в это время отчасти было поставлено под вопрос.

В 1763 г. умер король Август III. Его смерть означала конец более чем полувековой унии Саксонии с Польшей, поскольку у троих его сыновей не было никакой поддержки среди местного населения. Вопреки сопротивлению Австрии, Франции и Испании, Россия, опираясь на Пруссию, смогла посадить на польский престол своего ставленника *С.Понятовского*. Иными словами, в Петербурге решили продолжать курс на единоличный косвенный контроль над Польшей, существовавший еще со времен Северной войны. Однако новый король совершенно неожиданно для России попытался провести ряд реформ, направленных на укрепление польской государственности. Под давлением России и Пруссии реформы были отменены и, более того, было признано равенство так называемых *диссидентов* — православных и протестантов — с католическим населением Польши, что давало правовую основу для вмешательства в ее

внутренние дела. Отмена реформ и «вопрос диссидентов» вызвали возмущение польской шляхты, была создана так называемая *Барская конфедерация*, которая повела против России вооруженную борьбу и искала союза с Турцией и Францией. Впервые за несколько десятков лет фактически существовавший в Польше протекторат России был поставлен под угрозу, и Петербург стал склоняться к тому, чтобы заменить косвенный контроль над всей Польшей полным присоединением одной из ее частей.

Австрия занимала двойственную позицию. С одной стороны, она опасалась роста мощи России и Пруссии, с другой — была занята постоянными поисками компенсации за потерю Силезии. Не найдя их в Турции и Баварии, Вена также обратила свои взгляды к Польше. Несмотря на то, что Мария Терезия из моральных побуждений противилась расчленению Польши, именно ее действия стали своеобразным прологом к разделу — в 1769 г. она захватила ряд городов, отданных Венгрией Польше «в залог» еще в начале XV в.

В это же время Пруссия начала активную дипломатическую кампанию по трехстороннему разделу Польши, и в 1772 г. три движимые территориальными амбициями и взаимным недоверием державы подписали *Петербургский договор* о ее первом разделе. Австрия получила Восточную Галицию и Лодомерию (около 85 тыс. км² с населением более 2 млн человек), Россия — польскую Лифляндию и Белоруссию (84 тыс. км² с населением около 1,5 млн человек) и Пруссия — Польскую Пруссию без Гданьска (35 тыс. км² с населением около 350 тыс. человек). В общей сложности Польша потеряла около 1/3 своей территории и почти 40 % населения. В 1773 г. польский Сейм против воли, но корректно в международно-правовом отношении утвердил произошедшие изменения.

Вмешательство России, Австрии и Пруссии в польские дела в дальнейшем испытывало все большее влияние Французской революции и проходило под лозунгом предотвращения «французской чумы». Австрия воздержалась от участия во втором разделе Польши, ожидая компенсаций за французский счет, а третий раздел Австрия и Пруссия воспринимали в том числе как компенсацию за неудачи во Франции. По *Петербургскому договору* 1793 г. (второй раздел Польши) Россия получила восточную Литву и Правобережную Украину (228 тыс. км²); Пруссия приобрела Гданьск, Познань и некоторые другие территории (58 тыс. км²). В сентябре 1793 г. Сейм был вынужден санкционировать и эти изменения. Кроме того, Россия заключила с Польшей «вечный» союзный договор, который предоставлял ей право вводить войска на оставшуюся территорию Польши, вести за нее войны и контролировать ее внешнюю политику. Раздел остатков Польши в 1795 г. (третий раздел) принес России Курляндию и части Западной Украины и Белоруссии, Пруссия получила центральную часть Польши с Варшавой, а Австрия — оставшуюся часть Галиции с Краковом. В результате беспрецедентной в европейской

истории акции поделенная без остатка Польша исчезла с политической карты Европы более чем на 100 лет.

В главном выигрыше от разделов Польши оказалась получившая меньше всех Пруссия. Впервые в своей истории Гогенцоллерны стали обладателями обширной замкнутой территории, к тому же дававшей им большие не только стратегические, но и экономические преимущества, в частности контроль над балтийской торговлей Польши и Саксонии. Получив значительно больше Пруссии в людях и квадратных километрах территории, Россия и Австрия политически и в долгосрочной перспективе не только приобрели, но и потеряли: Россия — в силу того, что больше не могла контролировать Польшу практически единолично, Австрия — потому что вместе с поляками приобрела еще одну национальную проблему, к тому же имевшую международные масштабы.

В более широкой перспективе разделы Польши можно рассматривать как одно из свидетельств кризиса системы международных отношений, кризиса пентархии и равновесия. Вместо существовавшей бóльшую часть XVIII в. свободной игры великих держав, результатом которой было равновесие, возникло две группы с мало пересекающимися интересами — колониальные Англия и Франция и сугубо континентальные Австрия, Россия и Пруссия. Поврежденный механизм европейского равновесия был окончательно сломан Французской революцией.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ

14.1. Колониальная политика европейских держав

Охватывая в новом веке все те же регионы мира, колониальная политика европейских держав претерпела тем не менее некоторые изменения.

Во-первых, сократилось количество ее реальных участников. В то время как в XVII в. крушением испано-португальской колониальной монополии поспешили воспользоваться сразу несколько европейских государств, в XVIII в. четко обозначилась небольшая группа колониальных лидеров, подобно тому как в Европе в это же время выделились лидеры континентальные. Однако если европейская *пентархия* была основана на принципах равновесия и противостояния гегемонии, то отношения внутри пятерки старых и новых лидеров колониальной экспансии, наоборот, продолжали развиваться на основе ничем не сдерживаемой конкуренции, приведшей в итоге к фактической гегемонии Англии.

Во-вторых, на XVIII в. приходится одна из самых важных вех в истории колониализма — первый за три столетия случай *деколонизации*. Независимость 13 американских колоний ознаменовала появление противоположного вектора в европейской колониальной политике и впервые четко обозначила ее пределы.

Классическим и самым главным примером европейского колониализма в Азии стала Индия. К началу XVIII в. держава Великих моголов фактически начала распадаться, и европейцы стали продвигаться от опорных точек на побережье в глубь Индостана. Постепенно именно Индия стала центром интереса колониальных держав и соответственно яблоком раздора. Европейский спрос продолжал сдвигаться от пряностей к текстилю, что было связано с ростом потребления не только готовых тканей, но и хлопка — особенно в Англии и тем более в связи с началом Промышленной революции. Характерно, что самой привлекательной областью Индии в глазах европейцев была в то время Бенгалия — главный центр возделывания хлопка и производства тонкого текстиля. Англия добилась преобладания в Бенгалии с помощью той последовательности действий, которая была характерна для ее политики и в других регионах Индии: сначала получение привилегий от Великого Могола, затем расширение своих привилегий в ущерб местному правителю и вопреки его сопротивлению. Наконец Англия избавилась от европейских конку-

рентов. После побед над французами в серии войн 1746—1763 гг. началась оккупация большей части Индии английскими войсками, Ост-Индская компания была подчинена парламенту, а в 1784 г. был издан *Акт об Индии*, на основе которого она управлялась вплоть до 1858 г.

В отличие от Индии ситуация на Малайском архипелаге в XVIII в. изменилась мало. Там по-прежнему преобладали голландцы, причем их Ост-Индская компания в значительной степени сохранила привилегии, полученные еще в XVII в., вплоть до права заключать международные договоры и иметь вооруженные силы. Вместе с тем общая тенденция перехода к политическому господству и территориальным захватам проявилась в постоянном продвижении голландцев во внутренние области о. Ява, ядра их владений на Востоке.

Как и в веке минувшем, Африка была затронута колониальной активностью европейцев лишь в той мере, которая отвечала их интересам на других континентах. В первую очередь это касалось главного предмета африканского экспорта — чернокожих рабов. Именно в XVIII в. африканская работорговля достигла абсолютного пика. Европейское присутствие в Африке было минимальным и помимо работорговли диктовалось лишь потребностями обеспечения морского пути в Азию — показательно, что 95 % европейского населения Африки составляли жители Капской колонии — опорного пункта голландской Ост-Индской компании у мыса Доброй Надежды.

В Северной и Южной Америке характер колониальной политики в течение большей части XVIII в. также не претерпел существенных изменений: процветали плантационное хозяйство и добыча алмазов и драгоценных металлов; высшей точки достигла «треугольная торговля»; продолжалось хозяйственное освоение Северной Америки белыми колонистами и т. д.

Главные изменения в колониальной политике касались не столько структуры взаимоотношения Европы с неевропейским миром в целом, сколько политики отдельных государств, перераспределения их ролей и возросшего значения колоний для системы международных отношений в целом.

В XVIII в. продолжался процесс упадка некогда ведущих колониальных держав Португалии и Испании. Помимо структурных слабостей, в частности, малой численности населения и низких темпов экономического развития, спад колониальной активности Португалии объяснялся еще и полным отсутствием интереса ее монархов к колониальным делам. «Король-монах» *Жоан V* предпочитал строить не фрегаты, а монастыри, его сын *Жозе I* также был поглощен преимущественно внутренними делами государства. К тому же уязвимое геополитическое положение Португалии, открытой с моря и имеющей вдоль всей своей сухопутной границы враждебную Испанию, заставляло ее искать сильных союзников. Первоначально ориенти-

руясь на Францию как главного противника испанских Габсбургов, после утверждения в Мадриде Бурбонов Португалия окончательно и на долгие годы встала в кильватер английской политики. *Метуэнский договор* 1703 г. (по имени английского посла в Португалии сэра Джона Метуэна) привязал Португалию к Англии импортом портвейна и экспортом текстиля, причем торговый баланс выравнивался за счет потоков бразильского золота, устремившегося в Англию. В результате не только была серьезно ограничена свобода действий Португалии в колониях, но и сама она превратилась едва ли не в полуколонию Англии.

В отличие от Португалии колонии для Испании стали тем спасательным кругом, который позволял ей не опускаться на дно европейской политики. Огромная колониальная империя скрывала экономический и политический упадок метрополии, делала ее желанным союзником и позволяла испанским политикам продолжать воспринимать свою страну как великую державу. Фактически вся внешняя политика Испании в XVIII в. определялась прежде всего именно колониальными интересами, которые сталкивались в первую очередь с португальскими и английскими. Соперничество с Португалией не только завершилось приобретением новых провинций Рио-де-Ла-Плата и Новая Гранада, но и формально подвело черту под эпохой испано-португальского колониального преобладания — *по договору в Сан-Ильдефонсо* 1777 г. *Тордесильясское соглашение* (1494) было признано утратившим силу. Гораздо более важными были взаимоотношения с Англией, которые за редким исключением в течение всего XVIII в. оставались враждебными и неоднократно приводили Испанию в антианглийские союзы.

Если в продолжавшемся падении Испании и Португалии не было ничего нового, то уход Голландии с ведущих позиций в колониальной экспансии стал настоящей неожиданностью XVIII в. Голландцы отступали в обоих земных полушариях — на Востоке Ост-Индская компания еще удерживала Индонезию, но свернула свое присутствие в Индии, Сиаме и Персии; на Западе Вест-Индская компания начиная с середины века уже не была представлена ни одним судном и с истечением патента в 1791 г. была распущена. Наконец, особенно болезненным ударом стала потеря голландцами роли главного морского перевозчика (за исключением Балтики), которая теперь принадлежала англичанам.

Причины потери голландцами ведущего места в колониальной политике были многообразны — поражение в колониальных войнах с Англией и потери в континентальных войнах с Францией, наметившееся отставание от Англии и Франции в парусной технике и кораблестроении и т. д. Вместе с тем, утрачивая прямое участие в колониальной экспансии, Голландия усиливала косвенное, в значительной степени переняв ее финансирование. К середине XVIII в. в руках голландских держателей находилось около 1/4 суммы английского

государственного долга и 1/3 акций английской Ост-Индской компании.

Активизации колониальной политики Франции способствовала усиливавшаяся поддержка государства. Так, создание в 1700 г. *Совета коммерции*, а также благоприятная конъюнктура принесли свои плоды. В течение 70 лет после окончания войны за испанское наследство произошла так называемая *торговая революция*, т. е. быстрый рост объемов французской внешней торговли, увеличившейся в 5 раз и по темпам фактически сравнявшейся с английскими.

После *Славной революции* 1688 г. и стабилизации внутреннего положения строительство колониальной империи становится главной задачей английской внешней политики. В течение XVIII в. англичане добились преобладающего положения почти во всех традиционных зонах европейской экспансии — в Индии, Северной Америке, Вест-Индии, контролировали стратегические пункты на морях и задавали тон в морской торговле. Однако колониальное первенство Англии было достигнуто ценой целой серии войн.

14.2. Борьба за колонии и международные отношения

В XVIII в. колониальные противоречия по сравнению с предшествующим столетием заняли важное место в международных отношениях. В связи с развитием капиталистических отношений и началом Промышленной революции возросло экономическое значение колоний. Наряду с политиками и военными на определение внешнеполитического курса все большее влияние стали оказывать торговые и предпринимательские круги, часто связанные с колониями. Показательно, например, что на переговорах в Утрехте в состав французской делегации вошли не только военные, но и предприниматели. Если в XVII в. колониальные противоречия иногда выступали, скорее, как некое продолжение европейских конфликтов, то в XVIII в., особенно начиная с середины столетия, источником конфликтов часто становились именно столкновения в колониях. В первую очередь это касалось главного конфликта эпохи — англо-французского.

В отличие от предыдущего столетия англо-французское соперничество в XVIII в. — это не столько борьба против угрозы французской гегемонии в Европе, сколько широкомасштабный колониальный конфликт. Речь шла уже не о приграничных столкновениях в Индии, Северной Америке и Карибском море, а о принципиальной борьбе за то, кто станет лидером в колониальной экспансии и сумеет извлечь из нее максимальную выгоду. Если англо-испанское соперничество до некоторой степени смягчалось тем, что преследуемые ими в колониях интересы были довольно разнородны, то Англия и

Франция во многом действовали в одной системе координат, добиваясь для себя одних и тех же выгод. Оба государства рассматривали колонии не только как поставщика экзотических товаров, но и как источник сырья для промышленности. Поскольку в обеих странах господствовало меркантилистское стремление вывезти как можно больше товаров, то они не раз сталкивались в борьбе за рынки сбыта — своих товаров в колонии и колониальных — в Европе. Росту масштаба и ожесточенности соперничества способствовало и то, что в связи с отходом на задний план колониальных компаний столкновения в колониях лишались своеобразных амортизаторов, конфликты компаний сменялись конфликтами непосредственно государств. Наконец, ближе к концу XVIII в. обладание колониями все больше воспринималось сквозь призму национального престижа и национального соперничества.

Первой из череды англо-французских колониальных войн стала *война за испанское наследство*, боевые действия в ходе которой велись не только в Европе, но и в Северной и частично в Южной Америке. *Утрехтский мир* 1713 г. принес Англии не только Новую Шотландию и Ньюфаундленд в Америке, стратегически важные о. Менорку и Гибралтар в Средиземном море, но и так называемое право *асьенто*. Дело в том, что Испания, будучи с конца XV в. отрезанной от африканских рабовладельческих рынков, заключала договоры — асьенто — на поставку в Испанскую Америку негров-рабов. В последующие века обладание асьенто стало своеобразным индикатором колониального успеха: первоначально в роли доверенного работоторговца Испании выступала Португалия, затем — Голландия, в ходе войны за испанское наследство утвердившиеся в Испании Бурбоны передали это право Франции, и, наконец, в Утрехте асьенто и связанные с этим правом огромные прибыли и возможности влияния в Южной Америке получила Англия.

Таким образом, в результате войны за испанское наследство Англия нанесла серьезный территориальный и стратегический урон французским позициям в Северной Америке. С помощью Метуэнского договора и отобранного опять-таки у Франции асьенто Англия в значительной степени контролировала связи Португалии и Испании со своими американскими колониями, а также располагала ключевыми позициями в Средиземном море. Стремительно росла и ее военно-морская мощь — к 1721 г. Англия располагала 124 линейными кораблями против 66 французских. Именно в это время фактически был создан отрыв, который уже никому не удалось навестать.

После некоторого затишья в связи со смягчением англо-французских отношений в первые два десятилетия после войны колониальные противоречия с 1730-х гг. вновь обострились. Начавшаяся в 1739 г. *англо-испанская «война из-за уха Дженкинса»* стала катализатором и англо-французских колониальных противоречий, поскольку французы опасались оказаться совершенно отрезанными от

торговли с испанской Америкой и беспокоились за безопасность своих владений в Карибском море. Со своей стороны англичане с тревогой наблюдали за ростом французской торговли в Ост- и Вест-Индии, а также в Северной Америке. В 1740 г. Франция решила поддержать своего испанского союзника и вместе с ним атаковала английскую Ямайку. С 1744 г. война между Англией и Францией как океанское продолжение *войны за австрийское наследство* затронуло практически все их колониальные владения в Вест-Индии, Северной Америке и Индии. Однако *Аахенский мир* 1748 г. не привел к сколько-нибудь существенному изменению соотношения сил и фактически означал возвращение к статус кво.

Наиболее масштабным и во многих отношениях решающим столкновением в колониях стала *англо-французская война 1754—1763* гг. как составная часть *Семилетней войны*. Она велась в Северной Америке, Индии, Вест-Индии, Западной Африке, а также во всех трех теплых океанах и на морях. Несмотря на некоторые первоначальные успехи французов (захват о. Менорка в 1756 г.), очень скоро обнаружилась их главная слабость. Обладая множеством высококлассных и стратегически важных укреплений в различных регионах мира, Франция не могла обеспечить коммуникаций с ними, и судьба Семилетней войны в конечном счете решилась на морях. Доведя путем вооружения торгового флота численность своих кораблей до огромной по тем временам цифры в 300 единиц, англичане фактически блокировали побережье Франции, препятствуя отправке пополнений в колонии и нанося непоправимый вред французской торговле. Испытывая недостаток подкреплений, французы не смогли взять получавший регулярную помощь с моря Мадрас и потеряли Чандернагор, один из своих главных опорных пунктов в Индии. Наконец, победа англичан в решающей *битве при Плессис* 1757 г. против бенгальского наваба и поддерживавших его французов фактически заложила основы их будущей колониальной империи в Индии, поскольку обеспечила им преобладание в ее важнейшем и самом богатом регионе — Бенгалии.

Аналогично развивались события и на других театрах военных действий в колониях. В Северной Америке не получавшие достаточных подкреплений французские войска в 1758 г. были вынуждены сдать стратегически важный опорный пункт Луисбург. Однако в конечном счете исход войны был предопределен не за океаном, а у берегов Европы — разгром французского флота в *Киберонском сражении* у берегов Бретани в конце 1759 г. до предела осложнил сообщение Франции с ее заморскими владениями. После этого поражения французские колонии стали переходить в руки Англии по всему земному шару — Квебек, Монреаль, острова Вест-Индии, почти все индийские владения. Мировой триумф англичан стал еще более полным после того, как в начале 1762 г. в войну на стороне Франции неожиданно и в сложившихся условиях крайне неосмотрительно

вступила Испания. Захват англичанами Манилы — главного опорного пункта испанцев на Тихом океане и Гаваны — основного узла испанской вест-индской торговли превратил Англию в практически единовластную владычицу морей.

По *Парижскому миру* 1763 г. Франция потеряла почти все свои североамериканские владения, в том числе Канаду и все земли восточнее Миссисипи (Восточную Луизиану), сохранила лишь отдельные фактории в Индии и была вынуждена признать передачу Англии вест-индских о-вов Гренада, Доминика, Тобаго и Сент-Винсент. Однако во французский руках оставались важнейшие «сахарные острова» Мартиника, Гваделупа и Сан-Доминго. Неожиданно малыми оказались потери Испании, которая отдавала Англии Флориду, но в качестве компенсации получала Западную Луизиану.

Так этот раунд англо-французского противостояния закончился полным поражением Франции, утратившей почти все свои позиции в колониях и на морях. Англия еще более упрочила свое морское и колониальное лидерство. Одним из наиболее важных результатов войны стало решение судьбы Северной Америки в пользу Англии и в долгосрочной перспективе в пользу английского языка и культуры. Однако уже спустя считанные десятилетия вслед за своей неудачливой соперницей североамериканский континент была вынуждена покинуть и Англия.

Известный французский физиократ *Тюрго* писал, что колонии подобны фруктам — висят на дереве метрополии, пока не созреют и затем падают от собственной тяжести или от внешнего толчка. Подготовленная внутренними причинами, *Война за независимость американских колоний* имела и весьма существенные внешнеполитические аспекты. Это была вежа в истории колониализма, его первая и самая большая неудача, это была вежа в истории международных отношений, поскольку появление первого самостоятельного государства за Атлантическим океаном обнажило перспективу преодоления европоцентризма как потенциально главную тенденцию их развития. Наконец, Война за независимость американских колоний означала еще и возобновление исторического англо-французского противоборства.

В 1778 г. Франция признала независимость американских колоний, что привело сначала к разрыву с Англией, а затем и к открытой войне, в которой на французской стороне выступили и оба других неудачливых колониальных соперника Англии — Испания и Голландия. Существование этого союза побежденных обусловило и изменение ситуации на морях — в отличие от предыдущей войны Англия не смогла обеспечить себе морское господство. Ее флот превосходил любого из союзников, но не всех их вместе. После разрыва с Пруссией в конце Семилетней войны Англия фактически лишилась всякой опоры и в Европе. В результате впервые за 100 лет возникла ситуация, когда Франция вырвалась из порочного круга войн одно-

временно на европейском и колониальном фронтах, Англия же впервые не смогла найти против нее «континентального солдата». Страны континентальной Европы внесли существенную лепту в победу колонистов, создав в 1780 г. так называемую *Лигу нейтральных*. Если в предыдущих войнах Англии практически всегда удавалось добиться запрета торговли нейтральных государств со своими противниками, то участники Лиги (Россия, Австрия, Пруссия, Швеция, Дания, Португалия, Голландия и Неаполитанское королевство) провозгласили принцип свободы мореплавания и «вооруженного нейтралитета», т. е. заявили о готовности защищать свою торговлю силой оружия, для чего была создана специальная соединенная эскадра.

Согласно *Версальскому мирному договору* 1783 г. Франция получила Сенегал в Африке, Тобаго в Вест-Индии, расширенные права на рыбную ловлю в Ньюфаундленде и восстанавливала фактории в Чандернагоре и Бенгалии, а Испания возвращала себе Менорку и Флориду. Самым важным результатом войны стало официальное признание независимости США. Это был поворотный момент с точки зрения европейского колониализма, так как независимость колонии от метрополии была признана впервые в истории.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Общие черты. В XVIII в. в духовном развитии Западной Европы и Северной Америки произошел решающий сдвиг — утверждалась новая светская культура. Это было связано с Просвещением — беспримерным по масштабу подъемом общественной мысли. Если XVII в. ознаменовался крутым поворотом в области научных знаний о природе и о Вселенной, то движение Просвещения принесло не менее глубокие по своей сути перемены в сфере общественных воззрений. Подобно тому как один из творцов Научной революции Г. Галилей отстаивал идею разделения науки о физическом мире и религии как разных по своему характеру и предназначенности духовных явлений, Просвещение утверждало принцип разделения наук об обществе и человеке и религии. Человек со всем многообразием проблем занял в эпоху Просвещения центральное место в культуре. При этом человеческий разум, который в христианской доктрине считался лишь отблеском божественного разума, теперь обрел абсолютную самоценность как главный признак, выражение сути человеческого существа. Именно такое понимание определило представление о человеке как о самодостаточной личности.

Под воздействием Просвещения основой новой культуры стали светские принципы, либо полностью победившие, либо оказывающие преобладающее влияние во всех сферах культурной деятельности, чему способствовало бурное развитие издательского дела, увеличение тиражей и расширение тематики книг и периодических изданий. Наряду с ростом грамотности это расширило и ускорило циркуляцию идей, способствовало созданию единого духовного пространства. Влияние печатного слова резко возросло. Художественная литература и искусство в соответствии с духом идей Просвещения старались воздействовать на общество и человека с целью их преобразования и совершенствования. Отчетливо вырисовывалась практическая цель культуры — преодолеть наследие прошлого, а к концу века — изменить существующие порядки, хотя эта последняя задача выражалась еще в самой общей форме. Культурная атмосфера в европейском обществе разительно изменилась. Дух свободы, новые светские идеалы овладели значительной частью образованного слоя, приходя в противоречие с сохранявшимися устоями Старого порядка.

Образование. Происходили перемены в сфере образования, особенно начального и среднего, обусловленные как практическими потребностями, так и влиянием просветительских идей на роль образования в жизни общества.

XVIII в. отмечен интенсивным развитием педагогической мысли. Получили широкий отклик в обществе сочинения *Д. Локка* и *Ж. Ж. Руссо*, считавших, что воспитание и обучение играют серьезную роль в формировании человека. Так, идеи Руссо о необходимости прививать детям трудовые навыки нашли частичное отражение в реформах народного образования, предпринятых в ряде стран.

В германских государствах усилилась возникшая ранее тенденция придать начальному образованию более практический уклон и сделать методы обучения более разнообразными и эффективными. Именно эту цель преследовало увеличение числа *реальных школ*, призванных готовить к жизни детей из непривилегированных слоев. В 1740-е гг. в Берлине открылось училище для подготовки будущих сельских хозяев, торговцев и техников. Подобные школы появились и в некоторых других землях Германии. На основе таких училищ возникло затем коммерческое образование. В Гамбурге в 1770-е гг. был учрежден *Институт молодых купцов*, а в Австрии создана *Торговая академия*.

В Пруссии и монархии Габсбургов государство стремилось к введению всеобщего начального образования. При императрице Марии Терезии во всех приходах создавали начальные школы для мальчиков и девочек, чтобы обучать их закону Божьему, чтению, письму, арифметике и домоводству. В округах в школах второй ступени (раздельных для мальчиков и девочек) преподавали историю, географию, геометрию, начала логики и методы ведения сельского хозяйства. За короткий срок действия закона только в чешских землях монархии открылось около 500 школ, специальные училища готовили учителей. Сходная двухступенчатая система образования — начальные сельские (с преподаванием прикладных знаний) и латинские школы с экзаменом на аттестат зрелости — утвердилась в Пруссии в правление Фридриха II.

В Португалии государство также стало основным инициатором создания системы образования, носившего светский характер. При министре Помбале открылось более 450 начальных школ, субсидируемых государством, а несколько позже появились средние учебные заведения — *Школа коммерции* и *Дворянская коллегия*.

В Италии в последние десятилетия XVIII в. принцип всеобщего обучения и новая для страны идея, что умение читать и писать необходимо всем, нашли выражение в создании нормальных школ, которые принесли с собой важное новшество: разделение учеников по классам и введение итальянского языка вместо диалектов и латыни.

В Англии школьное образование находилось в руках англиканской церкви и частных религиозных обществ. Открылось много бесплатных, а также воскресных школ, где обучали письму.

Во Франции начальные школы существовали в 70 % приходов. В стране насчитывалось более 500 коллегий — средних и отчасти высших школ.

XVIII в. отмечен значительным, хотя и неравномерным, ростом грамотности. В Англии грамотность среди мужчин во второй половине века составляла 60 % по сравнению с 30 % в 1642 г. Во Франции тот же показатель в течение века увеличился с 29 до 47 %. В Швеции грамотность превышала 90 %, тогда как на юге Европы, в Испании и Италии, а также в германских землях она в это время едва ли достигала 25 %. Большие колебания уровня грамотности наблюдались не только между отдельными странами (в протестантской Европе он в целом был выше, чем в католической), но и между отдельными областями одной страны, между городским и сельским населением, между мужчинами и женщинами, состоятельными и трудовыми социальными слоями, между людьми разных профессий. Например, грамотность среди мужчин в английских колониях в Северной Америке в начале XVIII в. колебалась от 60 до 90 %. При очень низкой средней грамотности в Италии уже во второй половине XVII в. почти все горожане Венеции были грамотными. Сходная тенденция проявлялась в приморских торговых городах других стран: к концу века грамотность в Амстердаме достигла 85 %, в Марселе — 69 %, в английском Бристоле грамотными были от 70 до 90 % ремесленников и моряков.

В XVIII в. произошли серьезные изменения в высшем образовании в Германии. Основанный в 1694 г. в г. Галле (Пруссия) университет занял вскоре лидирующее место среди других германских университетов. Учебная система подверглась преобразованию: на юридическом факультете вводился курс естественного права, при изучении медицины стали использовать современные методы естествознания. Рационалистическая система *Х. Вольфа* утвердилась на философском факультете. *Х. Томазий*, один из учредителей университета, начал читать лекции не на латыни, а по-немецки. По примеру университета в г. Галле был организован новый университет в г. Геттингене, где уже все обучение велось на немецком языке. Постепенно и в других университетах Германии схоластическая философия вытеснялась рационалистическими теориями, вводилось историко-критическое изучение Библии. В германских университетах все более доминировала задача подготовки образованных людей для государственной службы.

По-прежнему в европейские университеты имели доступ только мужчины. Вероятно, единственным исключением был Болонский университет в Италии, в котором по традиции, идущей от XV в., среди преподавателей были женщины — *Лаура Басси* (1711 — 1778)

занимала кафедру экспериментальной физики и философии, другие женщины-профессора преподавали аналитическую геометрию и анатомию.

Издательское дело. В XVIII в. значительно увеличилось количество выпускаемых книг и периодических изданий, росли их тиражи, что было обусловлено разными причинами — постепенным ростом уровня грамотности, числа учащихся и тех, кто был связан с интеллектуальным трудом, а также возrastавшим спросом на издания прикладного характера и художественную литературу. Больше всего книг выходило в Англии (21 тыс. в 1710 г., 65 тыс. в 1800 г.); в Германии в 1765 г. были изданы книги 1,4 тыс. названий, а в 1800 г. — более 3,9 тыс. Светский сектор книгоиздания включал в себя художественную литературу, описания путешествий, книги по философии, истории и экономике (особенно по сельскому хозяйству), научные издания, учебники, книги по искусству и музыке, по садоводству и кулинарии, а в Англии также печатались издания спортивной тематики и первые книги с картинками для детей. Количество книг светского характера все более превышало объем издаваемой религиозной литературы. Например, во Франции ее доля в общем объеме книгоиздания сократилась с 30 % в 1720 г. до 10 % в 1780-е гг.

Особое место в книжной продукции занимали издания, представлявшие собой систематизированный свод знаний — либо во всем их многообразии, либо в какой-либо отдельной отрасли. Первое многотомное издание такого рода появилось во Франции еще в 1650 г. — «Всеобщий словарь». В первой половине XVIII в. вышли в свет объемные «Лексиконы» в Германии, *словари и справочники* в Италии и Англии. В 1732—1754 гг. лейпцигский книготорговец и издатель *И. Г. Цедлер* опубликовал 68 томов «*Большого полного универсального лексикона всех наук и искусств*». Самым значительным среди такого рода изданий стала «*Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел*» в 35 томах (1750—1770-е гг.) — плод огромных усилий *Д. Дидро* и *Ж. Д'Аламбера*. Их энциклопедия превратилась в символ Просвещения и средство распространения его идей.

Чтение. Расширение тематики книг и периодических изданий являлось следствием возrastавшей потребности в чтении и одновременно стимулировало ее. Во второй половине века тяга к чтению усилилась среди всех слоев городского населения. Книги становились более доступными, в частности благодаря тому, что книготорговцы помимо книжных лавок начали открывать читальни, где любой человек за сравнительно небольшую плату мог читать или брать домой любые книги на срок от месяца до года. В Англии в XVIII в. в 120 городах насчитывалось 380 таких читален (из них 112 — в Лондоне).

Во Франции между 1759 и 1789 гг. открылось около 50 читальных залов (в том числе 13 — в Париже). Одновременно появились клубы

любителей книг, которые приобретали их в складчину. В Германии число таких сообществ в период с 1770 по 1800 г. выросло с 17 до 200, они существовали не только в городах, но и в сельской местности. Распространению привычки к чтению способствовало и то, что благодаря усовершенствованиям в печатном деле выпускались книги меньшего формата и более легкие, которые можно было брать с собой в дорогу. Тяга к чтению усиливалась и в связи с расширением издания художественной литературы, ростом ее популярности. За период 1660—1760 гг. во Франции было опубликовано 1400 романов, в Англии — до 1 тыс., в Германии — 558. Среди читателей становилось все больше женщин — отчасти благодаря появлению романов, основными персонажами которых были женщины.

Интерес к чтению подогревался также выходом в свет литературы, запрещенной властями. В большинстве европейских стран печать подвергалась государственной и церковной цензуре. В обход установленных правил широко распространялись тайно изданные пасквили, порнографические брошюры, сатиры и памфлеты радикального толка, обличавшие произвол властей или аморальное поведение вельмож. Сатирическая пародийная поэма Вольтера «*Орлеанская девственница*» (1735, опубл. 1755) после осуждения ее католической церковью и сожжения в кальвинистской Женеве выдержала десятки тайных изданий и получила известность во всей Европе. Расширялась также самовольная незаконная перепечатка книг и брошюр.

В XVIII в. росло число частных библиотек (иногда с тысячами томов), собранных образованными и богатыми людьми, а у части городских ремесленников, лавочников, цеховых мастеров, слуг в богатых домах и даже у наемных работников входило в обыкновение собирать собственные домашние библиотечки (из 20—30 книг), гравюры и эстампы. Такие собрания вместе с другим имуществом стали передавать по наследству.

Привычку к чтению развивала также возраставшая *летучая печатная информация* — расклеенные на стенах домов манифесты и воззвания центральных властей (например, об одержанных военных победах), разного рода объявления городских советов, полицейские распоряжения, оповещения заморских торговых компаний о курсе облигаций, театральные афиши.

Газеты. XVIII в. отмечен значительным увеличением количества периодических изданий и их тиражей, совершенствованием методов подачи материала. По числу периодических изданий первенствовала Англия, но и в других странах газетное дело переживало подъем. В Германии в первое десятилетие века выходило 64 периодических издания, а в 1790 гг. — 1227. Во Франции их численность выросла в 1700—1789 гг. с 53 до 277. Газетный бум наблюдался во Франции в период революции конца XVIII в.: в 1789—1790 гг. выходило 350 новых газет, в 1791—1796 гг. — 305, а всего в годы революции (1789—1799) издавалось около 800 газет.

В XVIII в. изменился тип периодических изданий: преобладавшие в XVII в. газеты сугубо информационного характера (преимущественно с сообщениями о зарубежных событиях) все более сменяла пресса, в которой информация сопровождалась критическим комментарием на политические темы, помещались литературные и научные статьи и рецензии. В английских газетах стали сотрудничать выдающиеся писатели — *Дефо, Свифт, Поп, Филдинг*. В Англии изменение характера газет выразилось особенно отчетливо: в первой половине XVIII в. в стране распространялась политическая пресса, активно поддерживавшая одну из политических партий — вигов или тори.

Большинство газет выходило 3 раза в неделю, но одновременно росло число еженедельников, а после того как в Англии в 1702 г. появилась первая ежедневная газета — «*Дейли курант*», стал утверждаться именно этот тип издания, хотя в большинстве других стран ежедневная печать возникла значительно позже (например, во Франции — в 1777 г.). Некоторые газеты существовали недолго, другие стабильно выходили в течение многих десятилетий. Тиражи газет очень различались — от 5—20 до 500—700 тыс. экземпляров.

Постепенно приобрели популярность издания смешанного типа, где в одном номере были опубликованы самые разные материалы: сообщения о текущих событиях, о придворной жизни, судебные и театральные очерки, публицистика, стихи, развлекательный материал, сплетни, коммерческие и частные объявления. В то же время происходила специализация периодики: появились издания литературные, экономические, медицинские, а также по военной и дипломатической тематике, газеты критико-аналитического и сатирического характера, рассчитанные на массового читателя.

Члены *клубов любителей книги* стали коллективно подписываться на газеты для читален, так что с одним номером газеты могли ознакомиться несколько человек. Сохранились свидетельства современников о проникновении газет в народную среду, как городскую, так и сельскую. В целом влияние газет на общество было еще невелико; например, во Франции в канун революции газеты, по-видимому, охватывали не более полумиллиона читателей. И все же газеты становились неотъемлемой частью общественной жизни, их влияние на взгляды читателей постепенно росло.

Новые формы общественных связей. Масонство. В XVIII в. распространились объединения людей с одинаковыми или близкими интересами, взглядами и жизненными ценностями. В Италии, где литературно-философские и художественные кружки (по античной традиции их называли *академиями*) возникли еще в период Возрождения, были десятки и сотни подобного рода сообществ, культивировавших гуманистическое знание. В XVIII в. в Англии, Франции, Австрии, Испании, Португалии, Германии наблюдался расцвет частных экономических, сельскохозяйственных, литературных, научных

обществ, патриотических кружков, читательских клубов и салонов, которые повсеместно возникали не только в столицах, но и в провинции. Например, в отдельных областях Испании объединения экономического и научно-технического характера содействовали развитию образования, создавали библиотеки, проводили конкурсы, занимались издательской деятельностью. Что особенно важно, эти сообщества служили местом свободного общения людей, принадлежавших подчас к разным социальным слоям, и предоставляли возможность обсуждения любых вопросов, в том числе и политических.

Такие объединения, будучи одним из выражений охватившего Европу процесса секуляризации, позволяли устанавливать контакт и связи между людьми разных кругов общества и открывали возможности укрепления индивидуального самосознания и гражданских настроений.

Особой формой общественных объединений XVIII в. стало *масонство*. Издавна в Англии и Шотландии внутри цехов каменщиков, возводивших соборы и замки, существовали братства взаимопомощи. Артели, а также помещения, в которых работали и жили каменщики, называли *ложжами* (от английского слова *lodge*).

В XVI—XVII вв. в эти братства начали вступать состоятельные люди, не имевшие к строительству никакого отношения, — дворяне, представители пресвитерианского духовенства, военные, литераторы, коммерсанты. Возможно, знать и богатых горожан, а также ученых первоначально привлекали старинные обычаи и ритуалы каменщиков. В XVIII в. по мере упрочения политической и социальной стабильности в Англии среди имущих людей пробудилась тяга к неформальному и вместе с тем упорядоченному общению с себе подобными, что выразилось в создании клубов и кружков со своими уставами и ритуалами. В 1717 г. группа образованных людей, входивших в лондонские ложи каменщиков, решила оживить это затухавшее сообщество. На банкете в таверне «Гусь и противень» они создали «*Великую ложу*», положившую начало современному масонству (от англ. *mason* — каменщик и *masonry* — каменная кладка). Ложа пополнялась учеными и титулованной знатью. В 1723 г. были изданы «*Конституции Великой ложи*», определявшие ее цели и принципы: всеобщее братство масонов и их равенство, политическая и религиозная терпимость — члены лож могли исповедовать любую религию. В масонское *братство* входили протестанты и католики, деисты и атеисты, сторонники правящей Ганноверской династии и свергнутых Стюартов, дворяне и богатые горожане. Демократичным было внутреннее устройство лож: допускалась свободная дискуссия, решения принимались голосованием, распорядителей периодически переизбирали. Важнейшая цель масонов состояла в их нравственном совершенствовании («строительстве духовного храма»), превыше всего почиталась добродетель. Заниматься политикой в ложах было категорически запрещено.

Из цеховой практики каменщиков масонство заимствовало ритуалы, *степени посвящения* (ученик, подмастерье, мастер) и ряд атрибутов, символизировавших масонское *духовное строительство* — циркуль, наугольник, строительный молоток, кожаные белые фартуки каменщиков, а также условные знаки и пароли, с помощью которых в прошлом странствующие мастера уведомляли друг друга о принадлежности к общему цеху. Чтобы возвысить масонство, некоторые его приверженцы сочиняли мифическую благородную «родословную» братства каменщиков, будто бы связанного в прошлом с орденами рыцарей-крестоносцев и *тамплиеров* (храмовников) и унаследовавшего некое *тайное священное знание*. Хотя английское масонство являлось, по сути, открытым обществом, эти и другие фантазии в сочетании со своеобразными ритуалами масонов породили в дальнейшем разного рода домыслы о скрытых опасных целях масонов, хотя их практическая деятельность сводилась к благотворительности.

За созданием «Великой ложи» Лондона последовало распространение масонства в других европейских странах — от Италии до России, а также за океаном — в Северной Америке и Индии. Сначала ложи учреждали приезжие англичане, потом возникали местные ложи — «Конституции» 1723 г. были переведены на многие языки и легли в основу европейского масонства. Перенесенное из Англии в другие европейские страны, масонство постепенно приобрело в них самостоятельный характер. Во Франции в 1730-е гг. становлению масонства во многом способствовал Ш.-Л. Монтескье, ранее вступивший в масонскую ложу в Англии. В 1740—1750-е гг. во французском масонстве доминировала аристократия, но во второй половине XVIII в. положение резко изменилось. Масонство во Франции приобрело наиболее массовый характер: более чем в 80 городах, включая самые мелкие, с населением менее 2 тыс. человек, действовало 650 лож. Во французском масонстве отныне полностью преобладали выходцы из третьего сословия (70 % в Париже, 80 % в провинциальных городах), причем в столице доля коммерсантов, лавочников и ремесленников составляла 30 %, а в провинции — половину. Численность французского масонства современные исследователи определяют в 35—50 тыс. человек.

Хотя доступ в ложи был закрыт малоимущим, чей доход не позволял заниматься благотворительностью — непрременной обязанностью членов лож, масонство превращалось в альтернативу традиционным институтам Старого порядка, несло в себе скрытую оппозицию, отвергая в своей среде сословные перегородки и поощряя свободные дискуссии.

В последние десятилетия XVIII в. усилился приток в масонство носителей просветительских идей (среди них были *Ж. Д'Аламбер* и *Вольтер*), ученых, адвокатов, журналистов, врачей, университетских преподавателей, студентов, государственных чиновников, музыкан-

тов (*В. А. Моцарт* и *Ф. Й. Гайдн*). В масонстве Франции и Италии возрастало критическое, оппозиционное отношение к существующим порядкам. Хотя масонские уставы предписывали абсолютную лояльность к властям и отвергали политическое насилие, начиная с середины 1770-х гг., в немалой степени под влиянием борьбы за независимость колонистов Северной Америки началась политизация, по крайней мере, части масонских лож. Принципы братства, равенства и свободы, трактовавшиеся ранее исключительно в моральном смысле, отныне приобретали политическое значение. Например, равенство, которое обычно понималось как отрицание сословных преград в среде самих масонов, теперь стало приобретать четкий просветительский, т. е. естественноправовой, юридический, смысл и рассматривалось как цель общественного переустройства. В связи с этим некоторые ложи на деле начали превращаться в тайные общества, вынужденные скрывать свои планы общественных преобразований. В Италии, в Неаполе, часть масонов примкнула к *Ордену иллюминатов*, который отстаивал материализм, атеизм, отвергая привилегии дворянства и церкви и выдвигая в качестве конечной цели создание эгалитарного и безгосударственного устройства общества. В молодом поколении европейских масонов 1780-х гг. распространялось сознание того, что для реализации эгалитарных идей недостаточно распространения масонских обществ — для этого необходима открытая политическая борьба.

В Габсбургской монархии Иосиф II благожелательно относился к масонству, считая, что оно поможет формированию молодых государственных деятелей, склонных к общественным преобразованиям. Численность масонских лож возрастала, в них вступало немало офицеров и состоятельных горожан.

По-особому сложилась судьба масонства в Германии, где его широкому распространению в немалой степени способствовало вступление в ложи десятков немецких монархов, включая прусского принца, а затем короля Фридриха II, ставшего главой (*Великим Мастером*) берлинской ложи. Вслед за монархами в масонские ложи вступали придворные, верхи дворянства, генералы. Богатые горожане были здесь в меньшинстве. В германском масонстве утвердилось монархическое верноподданничество и чинопочитание, что обеспечивало благосклонное отношение к масонству германских государей, которые даже надеялись использовать его как орудие своей внешней политики.

Вместе с тем на масонстве отразились настроения, широко охватившие германское общество в XVIII в.: мистицизм, религиозная экзальтация, превратившийся в навязчивую идею поиск некоей высшей мудрости, таинственного древнего знания, позволявшего постичь тайны мироздания и бытия. В Германии появилось множество ловких авантюристов и шарлатанов, выдававших себя за обладателей такого «высшего знания», алхимических тайн, «эликсиров молодости».

сти», дара предсказания. Великие творцы немецкой культуры *Г. Э. Лессинг*, *И. Г. Гердер* и *И. В. Гёте*, принадлежавшие к масонству и видевшие в нем средство воспитания в обществе гуманности и идеи всеобщего братства, с горечью воспринимали отход германского масонства от этих высоких целей и его превращение в прибежище для интриганов и обманщиков. Под влиянием видных деятелей Просвещения в германском масонстве с начала 1780-х гг. усилилась рационалистическая ориентация ряда лож.

Национальное сознание. В Европе к началу Нового времени господствовало *партикуляристское* (местное, локальное) самосознание: люди отождествляли себя с тем селением, городом, местностью, где они родились и жили и где протекала жизнь их предков. Именно такой смысл вкладывали тогда в понятие родины, отечества. Преобладание узкоместного сознания было следствием сохранявшейся внутренней разобщенности (хозяйственной и административной) европейских стран, ограниченной мобильности и неграмотности населения, областных автономистских тенденций и языковой раздробленности. Существовало множество диалектов и наречий, порой настолько различных, что уроженцам даже относительно близких областей (не говоря уже о разных концах страны) было трудно понять друг друга. В Испании в XVII в. говорили на 6 основных языках, в Италии помимо 14 главных диалектов насчитывалось множество местных говоров. С географическими картами были знакомы лишь немногие образованные люди, и абсолютное большинство населения страны не имело никакого представления о конфигурации ее территории. Да и сами названия некоторых стран долгое время оставались весьма неопределенными: в XVII в. на Пиренейском полуострове говорили об «Испаниях» (имея в виду отдельные области), под «Италией» долго понимали некоторые из ее северных и центральных областей, а понятие «Германия» было еще более расплывчатым. В связи с сохранявшейся государственно-политической раздробленностью немецких и итальянских земель уроженцы одного государства могли считать других жителей иностранцами.

Вместе с тем вплоть до Нового времени господствовало представление о том, что страны Европы являются лишь частями единого христианского универсума и борьба между наиболее сильными державами (Испанией, Францией, монархией Габсбургов) вызывается их стремлением выступать в роли главных защитников католической церкви. Этот средневековый универсализм нивелировал своеобразие отдельных стран, препятствовал осознанию их особенности, но он постепенно слабел и окончательно рухнул только в середине XVII в., после окончания Тридцатилетней войны, когда возобладало представление о самоценности государственного интереса отдельных стран и суверенитета отдельных государств.

Именно образование более или менее единых централизованных государств стало важнейшим фактором постепенного преодоления

партикуляризма и расширения рамок самосознания европейцев, прежде всего потому, что население таких государств проникалось пониманием своей общности как подданных единого монарха. В Европе началось распространение феномена, свойственного именно Новому времени, — *национального сознания*, т. е. представления о том, что народ данной страны образует *нацию* (от лат. *natio* — рождение, народ) — некое единое целое, обладающее рядом общих признаков.

Национальное сознание с ясно выраженной политической окраской рано возникло в Португалии, где со Средних веков существовало только одно государственное образование — герцогство, ставшее впоследствии королевством. Его подданные осознали себя одним народом — португальцами, чему способствовали также многовековая борьба за независимость страны с соседней Кастилией и большая роль португальских мореплавателей в Великих географических открытиях.

В странах Европы идею нации развивали те, кто принадлежал к образованным кругам, — литераторы, ученые, поэты, юристы. При всех особенностях, отличавших концепции нации в разных странах, им был присущ ряд общих черт. Создатели национальной идеологии стремились возвеличить свой народ, приписывая ему все возможные достоинства и совершенства, а также доказывая, что он является самым древним на Земле. Например, испанцев изображали потомками легендарного Тубала, происходившего от Ноя, немцев — прямыми потомками Адама, который будто бы был германцем и говорил на немецком языке. Такие идеологические построения в XV—XVI вв. оставались на уровне литературных упражнений и не получили сколько-нибудь заметного распространения.

Концепции нации отличались между собой с точки зрения приписываемого ей основного признака. Например, во Франции на рубеже XVI—XVII вв. утвердилось понимание нации как *политической* и *государственной общности*, в Германии доминировала трактовка нации как общности *этнокультурной*, а в Италии — как *историко-культурной*.

При этом понятие нации не оставалось застывшим, оно эволюционировало — со временем акцентировались одни и уходили на задний план другие национальные признаки. Ярким примером таких изменений можно считать развитие английской национальной идеи. До начала XVII в. ее центральным звеном была личность королевы Елизаветы как символа страны, отстаивавшей свою независимость и веру в столкновении с самой мощной европейской державой — Испанией, стремившейся покорить Англию и восстановить в ней католицизм. Однако вследствие того, что в первые десятилетия XVII в. политика королей из дома Стюартов вызвала в обществе острый конфликт, вылившийся в революцию, стержнем национальной концепции стала идея свободы личности и прав человека. Основную

черту английской нации теперь видели в том, что она опередила другие народы на пути достижения религиозной и политической свободы. Традиционный тезис о богоизбранности народа получил в Англии XVII в. именно такое специфически английское выражение. Национальная идея, вобрав в себя религиозные и политические устремления англичан, восставших против королевского произвола, получила невиданный по масштабу отклик в обществе, вошла в массовое сознание целого народа и прочно закрепилась.

Спустя почти 150 лет Война за независимость английских колоний в Северной Америке подтвердила важную особенность формирования массового национального сознания в Новое время — а именно, что его развитие резко ускоряется в период бурных исторических событий, связанных с войнами и революционными потрясениями. Именно Война за независимость США дала толчок развитию американского национального сознания.

Во Франции во второй половине XVIII в. значительное воздействие на развитие национальных идей оказала просветительская мысль. Возникло новое понимание родины — не просто как места рождения, а как страны, где господствует свобода и человек уверен в том, что защищен законом. С этим было связано и распространение во время Французской революции понятия нации как сообщества свободных и равных перед законом людей. Родившиеся в годы революции массовое национальное сознание и патриотические чувства носили отчетливо выраженный политический характер: ширилось понимание того, что всех живущих во Франции объединяет как нацию принадлежность к стране свободных и равных граждан — перед этим кардинальным фактом отходил на второй план даже вопрос о языке. Как показали события XIX в. в западных областях Франции — Эльзасе и Лотарингии, вследствие преобразований революции, освободившей крестьян от бремени феодально-сеньориальных порядков, жители (в своем большинстве этнические немцы) стали сознавать себя частью французской нации, французами, хотя продолжали говорить по-немецки и сохранять свои национальные обычаи.

Французская революция и наполеоновские войны дали значительный толчок развитию национального сознания в Италии, Испании, Германии, Фландрии. Именно от рубежа XVIII — XIX вв. берет свое начало формирование национального самосознания и национальных чувств как массового явления, как нового идейно-психологического феномена современного мира. Национальная идеология и национальные движения станут отныне неотъемлемым фактором европейской и мировой истории.

Литература. Европейская литература в XVIII в. развивалась под сильным влиянием Просвещения, превращаясь в важный канал распространения и популяризации просветительских принципов разума и естественного равенства людей. Литературу стали рассматривать как средство совершенствования нравов, морали, в связи с чем сло-

жилось представление о воспитательной роли литературных произведений. В соответствии с характером просветительской идеологии, сочетавшей в себе критическое и позитивное начала, литература обрела социальную заостренность, обличая несовершенства, несправедливость общественных порядков, не соответствующих требованиям разума. Вместе с тем появился литературный герой, в той или иной степени созвучный просветительскому идеалу свободного, руководимого разумом человека, порвавшего пути сословных предрассудков и стремящегося к торжеству добра и справедливости.

Среди основных видов литературы — прозаических произведений, драматургии и поэзии, в XVIII в. ведущее положение заняла проза. Наиболее распространенной формой прозы в Англии, Франции и Германии стал роман, переживший второе рождение. По сравнению с романом XVII в. он претерпел значительные изменения: чрезвычайно обогатился идейно и тематически, отличался большим разнообразием сюжетов, новыми методами построения образов героев и манерой изложения.

В литературе выделяют несколько направлений. Одним из них было *сатирическое*. Начало критико-сатирического направления в английской литературе было связано с творчеством *Джонатана Свифта* (1667 — 1745). В «Сказке о бочке», «Путешествии Гулливера» (1726), «Скромном предложении», в памфлетах и стихотворениях Дж. Свифта содержалась едкая сатира на распри христианских церквей, религиозный фанатизм, соперничество и интриги политических кланов Англии. Свифт осмеивал и общечеловеческие пороки — корыстолюбие, тщеславие, алчность, пресмыкательство перед сильными мира сего, жестокость и низменные страсти рядовых людей, способные довести их до деградации. Вместе с тем в своих сатирах Свифт выступал в защиту угнетенного народа Ирландии.

Сатирическое направление в английской литературе в первой половине XVIII в. развивали *Б. Мандевиль* («Басня о пчелах»), *Дж. Гей* («Опера нищих») и особенно *Г. Филдинг* (1707 — 1754). В его многочисленных (более 50) комедиях сатирическое изображение отрицательных сторон политической жизни Англии и королевского двора достигло такой остроты, что парламент специально принял *закон о цензуре*, принудивший Г. Филдинга прервать его драматургическую деятельность. Во второй половине века *Р. Б. Шеридан* (1751 — 1816) продолжил сатирическую линию английской драматургии, осмеивая ханжество и моральные пороки высшего общества («Школа злословия»).

Получившая мировую известность книга *Д. Дефо* (1660 — 1731) «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо» положила начало собственно *просветительскому роману*. Эпопея Робинзона должна была убедить в том, что разум и воля позволяют человеку преодолеть отчаяние и страх и выйти победителем в борьбе с самыми неблагоприятными обстоятельствами.

С. Ричардсон (1689—1761) стал зачинателем нового литературного жанра — романа в письмах, получившего затем большое распространение. Произведения *С. Ричардсона* открыли перед читателями мир человеческих чувств, страстей, психологических проблем, острых драматических конфликтов. Романы «Памела» и «Кларисса» пользовались огромной популярностью. Вершиной английского просветительского романа стала «История Тома Джонса, найденьша» *Г. Филдинга*. Судьба главного героя романа подводила к выводу о праве каждого человека на счастье независимо от его происхождения и положения в обществе. Эта идея отражала демократический и оптимистический дух романа, обусловленный надеждой на конечное воцарение в мире разума.

Тональность просветительских романов у разных авторов была различной. В одних преобладал просветительский оптимизм, в других — трезвый взгляд на действительность приводил автора к выводу, что в сложных жизненных коллизиях человек может стать жертвой торжествующего зла («Кларисса» *С. Ричардсона*). Сумрачным колоритом были окрашены романы *Т. Смоллета* (1721—1771), в которых отображались (в манере, напоминавшей барочные романы XVII в.) мрачные стороны действительности (тяжкая нищета, «дно» жизни, уловщина, притоны) и темные стороны человеческой души.

Во второй половине XVIII в. в литературе, тяготеющей к идеям *Просвещения*, сложилось новое направление — *сентиментализм*. Самыми видными его представителями были *О. Голдсмит* и *Л. Стерн* в Англии, *Ж. Ж. Руссо* во Франции, *И. В. Гёте* в Германии. Сентиментализм возник как следствие осознания писателями того факта, что «природа человека» гораздо более сложна, чем это представляется многим просветителям, считавшим ее рациональное начало абсолютно доминирующей чертой. В связи с этим родился острый интерес к чувствам человека, в которых некоторые писатели стали усматривать важнейший мотив поведения людей. Среди английских писателей этого направления наибольшую известность приобрел *Л. Стерн* (1713—1768). Выводя в своем романе «Жизнь и убеждения Тристрама Шенди, джентльмена» эксцентричных персонажей, он стремился показать, насколько человеческие характеры могут быть своеобразны и далеки от абстрактной просветительской рациональности, во многом упрощавшей представления о человеке. В следующей книге — «Сентиментальное путешествие» — *Л. Стерн* еще глубже проник во внутренний мир человека, показав, как в нем уживаются высокие помыслы и мелочные эгоистические побуждения.

Во французской литературе сентиментализм получил наиболее яркое выражение в книгах *Ж. Ж. Руссо* «Эмиль», «Новая Элоиза» (1761) и «Исповедь» (1766—1770). Последняя по своему жанру представляла также абсолютное новшество в европейской литературе — это была биография Руссо, написанная в форме романа, главным действующим лицом которого был сам автор. В книге отражены со-

циальные воззрения Руссо — ненависть к деспотизму, прославление свободы и независимости человека, презрение к аристократии, горячее сочувствие к простому народу. Но более всего в «Исповеди» поражала откровенность, с какой излагалась «биография души» автора. Пятидесятилетний Руссо анализировал свой характер на всем протяжении земного пути — от детства до последних лет жизни, выявлял его переменчивость, эволюцию, воздействие на него природной среды. Ж. Ж. Руссо обогатил представления о человеческом характере тонкими психологическими наблюдениями, в частности впервые подметил, что на поведение человека влияют не подконтрольные разуму иррациональные побуждения. В условиях, когда психология как особая наука была еще слабо развита, писатели-сентименталисты внесли значительный вклад в анализ психологии человека.

Во Франции возник еще один жанр просветительской литературы — *философский роман* (или *повесть*). Его создателями были Ш.-Л. Монтескье («Персидские письма», 1721) и Вольтер («Задиг, или Судьба», «Кандид, или Оптимизм», «Простодушный» — 1740—1760-е гг.).

В этих произведениях в беллетризованной форме доносился до читателей широчайший круг идей Просвещения. Иносказания, аллегории, перенесение действия в заморские страны позволяли под видом критики восточного деспотизма и языческих верований обличать изъяны государственных порядков во Франции и злоупотребления католической церкви, осуждать религиозный фанатизм, захватнические войны и колониальную экспансию. Сатирический дар и остроумие Вольтера, ставшего символом европейского Просвещения, ярко проявились и в его поэтическом творчестве — в десятках эпиграмм и большой поэме «Орлеанская девственница», которую А. С. Пушкин назвал «катехизисом остроумия». Смех, юмор, едкая ирония, разящая сатира, органически присущие Вольтеру, Свифту и другим писателям эпохи Просвещения, придавали дополнительную притягательность их произведениям и облегчали усвоение читателями просветительских идей.

Европейская драматургия XVIII в., как драма и трагедия в духе классицизма, так и комедия, также испытала сильное влияние просветительских идей. Жанр трагедии был наиболее распространен во Франции, Германии и Италии. Крупнейшим французским драматургом был Вольтер. Между 1718 и 1778 гг. он написал более 50 пьес, среди которых стихотворные трагедии занимали ведущее место. Они были пропитаны просветительским духом осуждения деспотической власти, религиозного фанатизма, суеверий. В поздних пьесах Вольтера, как и в его философских повестях, все более резко звучит тема бесправия человека, обусловленная несовершенством общества; вместе с тем, нарастал и пессимизм Вольтера в отношении человеческой цивилизации.

Немецкая литература во второй половине XVIII в. переживала подъем. Писатели, поэты и публицисты, участники развернувшегося движения «Бури и натиска» призывали к обновлению немецкой литературы, ее обращению к насущным проблемам германского общества. Первым ярким выражением этой тенденции стали произведения *И. В. Гёте* (1749—1832) — драма «Гец фон Берлихенген» и роман «Страдания юного Вертера», отмеченные влиянием руссоистского сентиментализма. У литературных героев Гёте вызывают негодование убогость и жестокость германской действительности, однако их протест не находит поддержки в обществе, и это обрекает их на одиночество. Попытка найти (по примеру Ж. Ж. Руссо) жизненную опору в слиянии с природой или в идиллическом мире античной поэзии также обречена на неудачу. Образ благородного героя-одиночки стал на время типичной фигурой немецкой литературы.

Ф. Шиллер (1759—1805) в драмах «Разбойники», «Коварство и любовь» (1781—1783) выступил против социальной несправедливости и ее носителей в германском обществе. Страстность, с которой герои этих пьес бросали вызов злу и отстаивали свои человеческие права, привлекала к ним симпатии зрителей. Ф. Шиллер, как и большинство немецких писателей того времени, считал первоочередной задачей духовное обновление страны.

Итальянский поэт и драматург *В. Альфиери* (1749—1803) преследовал в своем творчестве цель силой искусства способствовать возрождению Италии, превращению ее в единую, свободную и сильную страну. Свою задачу драматурга он видел в том, чтобы помочь итальянцам подняться «от политического ничтожества к достоинству подлинной нации». В основу многих трагедий В. Альфиери, написанных на античные сюжеты, заложен политический конфликт — противоборство мужественных героев, готовых на любые жертвы, с деспотическими правителями, врагами свободы. Эти возвышенные образы должны были увлечь современников на путь борьбы с деспотизмом. Трагедии В. Альфиери наряду с произведениями других итальянских писателей и поэтов были источником формирования гражданских, патриотических и революционных взглядов многих участников итальянского освободительного движения.

XVIII в. стал временем расцвета *комедии*, которая также развивалась в русле просветительской мысли. Наряду с Англией (пьесы Г. Филдинга и Р. Б. Шеридана) особенно яркие образцы комедии были представлены в литературе Италии и Франции.

К. Гольдони (1707—1793) реформировал итальянский народный театр, в котором господствовала традиционная комедия масок — персонажей, олицетворявших определенный характер (простофилю, лжеца, напыщенного педанта и др.). Пьес как таковых с определенным текстом не существовало, разыгрывались импровизации на избранную тему. К. Гольдони не только начал писать полностью весь

текст пьес (всего их было более 170) — он разработал реалистические живые человеческие характеры и стремился показать их бесконечное разнообразие. К. Гольдони считал театр средством улучшения нравов, воспитания в людях добрых чувств и устремлений. Положительными героями в пьесах К. Гольдони наряду с адвокатами, врачами, купцами выступают простые люди из народа («Трактирщица», «Слуга двух господ»), включая крестьян.

В комедии *П. О. Бомарше* (1732—1799) «Женитьба Фигаро» (1784) просветительские идеи получили настолько полное и художественно яркое воплощение, что пьеса приобрела во Франции 1780-х гг. поистине революционное звучание. Недаром «Женитьба Фигаро» даже была запрещена к постановке. Личный конфликт между слугой Фигаро и его господином графом Альмавива приобретает в пьесе социальный смысл, символизируя противостояние третьего сословия и господствующего класса сеньоров, цепляющихся за свои феодальные привилегии.

Совершенно особое место в итальянской и европейской драматургии занимает *К. Гоцци* (1720—1806), создавший своеобразный жанр *пьес-сказок* с сюжетами, заимствованными из народного фольклора. Свои фантастические пьесы, отличавшиеся яркой театральностью и артистизмом, К. Гоцци населял персонажами, наделенными лучшими человеческими качествами («Король-олень», «Турандот», «Любовь к трем апельсинам»). Пьесы-сказки К. Гоцци сохраняли свою художественную притягательность в XIX и XX вв.

Искусство. В искусстве XVIII в. прослеживаются некоторые ранее возникшие художественно-стилистические направления, претерпевшие, впрочем, значительные изменения. Вместе с тем рождались новые художественные тенденции, и развитие искусства в отдельных странах было отмечено большим своеобразием.

В *архитектуре* стиль *барокко* в церковном и дворцовом зодчестве и в скульптуре продолжал доминировать в Италии, Испании, Португалии и их заморских колониях, а также широко распространился в германских землях и в Габсбургской монархии.

Барокко достигло блестящего расцвета в Испании. Здесь сложился особый испанский стиль церковного барочного зодчества (к тому же со своими вариациями в отдельных областях), отличавшийся от итальянского исключительным богатством и изощренностью декоративного украшения фасадов. Своеобразной чертой церковных интерьеров стали огромные алтарные сооружения (иногда достигавшие более 20 м в высоту), покрытые бесчисленными резными деревянными узорами или состоявшие из сотен деревянных фигур. Невероятно пышные алтари из золоченого дерева, гипса или мрамора стали драгоценным украшением соборов Севильи, Толедо, Валенсии, Мадрида. Выдающимися мастерами испанского церковного зодчества были *Х.Б. де Чурригера* (1665—1725) — один из пяти братьев-архитекторов и *братья де Фигероа*.

В Мексике, Эквадоре, Бразилии и в других регионах, куда был перенесен из Испании и Португалии стиль барокко, он приобрел черты особого направления — *колониального барокко*, запечатленного во внутреннем и внешнем убранстве церквей. Безграничной фантазией и разнообразием форм эти храмы не только не уступали испанскому и португальскому образцам, но и превосходили порой их благодаря тому, что зодчие использовали мотивы и приемы, заимствованные из искусства доколумбовой Америки. Некоторые черты колониального барокко оказывали своеобразное «обратное» влияние на архитектуру барокко в метрополиях. Особые приемы украшения фасадов храмов в Мексике и Перу начали применять в Испании только спустя десятилетия.

В XVIII в. во многих землях Германии развернулось строительство церквей, монастырей, замков и дворцов — светские и духовные правители стремились превзойти друг друга в великолепии сооружений. Большим размахом отличалось строительство на юго-западе Германии (прежде всего в Баварии), на востоке (в Саксонии и Пруссии), а также в Австрии и Чехии. Ведущим был стиль барокко, испытавший воздействие местных немецких и австрийских художественных традиций. В частности, получила развитие издавна популярная в Германии деревянная раскрашенная скульптура: к этому времени относятся многочисленные искусно выполненные изображения сцен распятия Христа и фигуры святых. Интерьеры многих монастырей и церквей (даже в небольших городах) по неслыханному богатству, разнообразию и изощренности отделки соперничали с роскошным убранством княжеских резиденций и дворцов, а порой превосходили его. Среди многих прекрасных строений немецкого и австрийского барокко выделяется протестантский храм Фрауенкирхе в Дрездене. В течение XVIII в. были возведены великолепные дворцы Сан-Суси в Потсдаме (Пруссия), Цвингер в Дрездене (Саксония), Бельведер, Шенбрунн в Вене, Мирабель в Зальцбурге (Австрия).

Хотя уже в первой половине XVIII в. некоторые зодчие в своем творчестве брали за образец древнегреческие и древнеримские сооружения, подъем *классицизма* приходится на вторую половину столетия, захватив даже те страны, где в архитектуре, казалось бы, доминировало барокко (Германия, Испания, Португалия). Новая волна интереса к античности была в немалой степени обусловлена начавшимися в середине века раскопками Помпей и Геркуланума, а также работами немецкого теоретика эстетики *И. Винкельмана*, доказывавшего, что древнегреческое искусство — это идеал художественного совершенства. Обычно классицизму придавали смысл, отвечавший общественным устремлениям той или иной страны. В Пруссии строгие классические формы королевских дворцов и правительственных зданий призваны были выражать идею порядка и силы абсолютистского государства. Бранденбургские ворота в Берлине (1788 — 1791) явились типичным памятником германского классициз-

ма XVIII в. Та же роль отводилась новому королевскому дворцу в Мадриде, тогда как в испанской провинции продолжала преобладать архитектура барокко. В Португалии классицизм в архитектуре утвердился по воле властей при восстановлении разрушенного землетрясением 1755 г. Лиссабона, а затем распространился также и в провинции.

Отличительные особенности архитектуры Англии запечатлелись в творчестве крупнейшего английского зодчего второй половины XVII — начала XVIII в. *К. Рена* (1632 — 1723). По его проектам возводились дворцы, церкви (55), госпитали, университетские здания, библиотеки — всего более 140 сооружений. Самое известное из них — величественный собор Св. Павла в Лондоне (1675 — 1710), который принято считать главным храмом англиканской церкви. К. Рен тяготел к классицизму, но, взяв за основу этот стиль, зодчий использовал и элементы других архитектурных манер — ренессансной, барокко и готики. Такое стремление соединять воедино элементы основных архитектурных стилей и создавать их разнообразные комбинации стало отличительной чертой английской архитектуры XVIII в. В сельской местности впечатляющий масштаб приобрело строительство замков и дворцов для английской аристократии. Некоторые из этих строений походили на дворцы правящих особ. Например, протяженность фасада замка лорда Карлейла достигала 280 м, а высота центрального купола превышала 70 м. Что же касается рядовой городской застройки, то для английских архитекторов было характерно повышенное внимание к комфортности и целесообразности внутренних помещений.

В искусстве XVIII в. *живопись* занимала более скромное место, чем в XVII в., который принес в этом виде художественного творчества огромные открытия. Общие для европейской живописи тенденции (стиль, образы, тематика) хотя и существовали, но проявлялись неравномерно. В целом преобладал специфический для каждой страны путь развития изобразительного искусства.

Во Франции с окончанием царствования Людовика XIV и установлением Регентства заметно изменилась атмосфера в парижском обществе. Почувствовав освобождение от давящих порядков последних лет правления «короля-солнца», аристократия окунулась в празднества, развлечения, кутежи. Новые настроения нашли отклик во французской живописи, в частности в картинах *Ж.-А. Ватто* (1684 — 1721), изображавшего дам и кавалеров из светского общества, беззаботно развлекающихся на лоне прекрасной природы. Художник умел передавать тончайшие нюансы настроений и обладал замечательным колористическим даром. Большим успехом у светской публики пользовались картины *Ф. Буше* (1703 — 1770) — бесчисленные сельские сцены (пасторали с пастухами и пастушками, хороводы нимф и амуров), проникнутые духом безмятежного и жизнерадостного бытия и почти всегда окрашенные в тона игривой фривольности.

Ж.-Б. Шарден (1699—1779) открыл новую для французской живописи тему — жизнь и быт скромных горожан, изображаемые им с глубоким сочувствием, уважением и теплотой. Бытовой жанр стали разрабатывать десятки художников, воспевая в будничных сценах семейные добродетели. Под влиянием идей Ж. Ж. Руссо об искреннем чувстве как важнейшей духовной ценности во французской живописи сложилось направление сентиментализма, сводившее, впрочем, моральное учение Руссо к плоской назидательности. Картины художников этого направления, особенно *Ж.-Б. Греза*, не отличались значительными эстетическими достоинствами, однако благодаря их новой тематике вызвали восторженный прием не только толп зрителей, но и такого теоретика искусства, как Д. Дидро.

Возраставший во Франции во второй половине XVIII в. интерес к Античности вылился в возрождение классицизма во всех видах художественного творчества — от архитектуры и живописи до прикладного искусства. Печталось множество гравюр с изображением античных предметов обихода. Античные вазы и мебель служили образцами для производителей фарфора и краснодеревщиков.

В живописи *Ж.-Л. Давида* (1748—1825) античные сюжеты получили совершенно новое звучание. В его картинах была поднята давняя ключевая тема драматургии классицизма — конфликт долга и чувств героя, однако долг трактовался по-новому — как гражданский долг, неотделимый от любви к родине. Полотна Давида осуждали тиранию и воспевали гражданское мужество героев древности, у которых сознание долга в таком понимании брало верх над родственными чувствами: «Клятва Горациев» (1784), «Брут и ликторы» (1789), «Смерть Сократа» (1782). Эти картины вызвали огромный общественный резонанс, так как были созвучны настроениям молодого поколения, усвоившего просветительские идеи и резко критически настроенного к существующим общественным порядкам.

Самым крупным французским скульптором XVIII в. был *Ж.-А. Гудон* (1741—1828), автор скульптурных портретов многих выдающихся людей эпохи, в том числе Д. Дидро, Ж. Д'Аламбера, Ж. Ж. Руссо, Б. Франклина. Шедевр Ж.-А. Гудона — статуя Вольтера — отличается замечательной психологической глубиной и жизненностью.

В XVIII в. переживало расцвет английское изобразительное искусство. *У. Хогарт* (1697—1764) положил начало *бытовому жанру*, создав несколько циклов картин («Модный брак», «Карьера мота», «Выборы в парламент»), в которых в сатирическом виде изображал обыденную жизнь разных слоев общества и высмеивал изъяны общественной системы. Воспитательно-нравоучительная направленность этих картин Хогарта — следствие влияния просветительских идей — получила значительный отклик в европейском искусстве. Чтобы обеспечить более широкое воздействие своих картин на общество, он стал воспроизводить их в гравюрах, пользовавшихся большим спросом. Этот опыт Хогарта имел продолжение: во второй поло-

вине XVIII в. в Англии широко распространились карикатуры, изображавшие в смешном виде не только быт и нравы — получили хождение политические карикатуры на короля и его семью, на политику правительства, что открыто допускалось только в Англии. Одним из самых видных мастеров карикатуры был *Т. Роулэндсон* (1756—1827).

Главное место в английской живописи принадлежало *портрету*. Почти все английские художники, какому бы жанру они ни отдавали предпочтение, писали также и портреты. Один из шедевров английской живописи — портрет работы У. Хогарта «Девушка с крестками». Среди множества портретистов классиками английской живописи признаны *Дж. Рейнольдс* (1723—1792) и *Т. Гейнсборо* (1727—1788). В портретах Рейнольдса преобладает рационалистическое начало, стремление приподнять, идеализировать создаваемый им образ, тогда как Гейнсборо в своих полотнах старался выявлять особенности эмоционального душевного склада портретируемых, их характер.

В Италии последний век существования политически и экономически слабевшей Венецианской республики, остававшейся, однако, крупным культурным центром, был отмечен подъемом живописи. Ряд венецианских художников приобрели европейскую известность. Барокко в живописи нашло своего последнего мощного выразителя в лице *Д. Б. Тьеполо* (1696—1770). Его росписи потолков в храмах и дворцах в Италии, Германии и Испании, полные света, воздуха и праздничной театральности, стали наряду с замечательными плафонными росписями немецких художников XVIII в. заключительным аккордом барокко в живописи. В то же время в Венеции развивался и совсем иной жанр — художественное изображение самой Венеции во всем великолепии ее праздников и в будничной жизни. *А. Каналетто* (1697—1768) старался в своих картинах предельно точно запечатлеть городской пейзаж, дома, площади, каналы и реальных горожан. Этот тип картин приобрел огромную популярность в Европе. По иному выглядит Венеция на картинах *Ф. Гварди* (1712—1793), который, создавая городские пейзажи, ставил перед собой такие художественные задачи (например, передача на полотнах нюансов света), которыми европейские художники займутся только спустя столетие.

В 1720-е гг. во Франции родился новый стиль — *рококо*. Слово *рококо*, по-видимому, произошло от слова *рокаиль* — раковина, что должно было указывать на причудливость нового стиля, который отличался крайней изощренностью форм. Этот стиль усматривают главным образом в новых приемах оформления интерьеров в светских и церковных сооружениях (хотя некоторые исследователи прилагают понятие «рококо» также к живописи и к внешнему оформлению зданий). Новая манера выражалась в доведенной до предела орнаментальности при украшении стен и потолков и в невероятной, избыточной пышности церковных алтарей в католических странах.

Стиль рококо широко применялся также в прикладном искусстве — при изготовлении не только драгоценностей, но и мебели, фар-

фора, посуды, часов, ваз, зеркал, разнообразной утвари, драгоценностей. Эти предметы быта благодаря изобретательности и мастерству их создателей могли превратиться в подлинные произведения искусства и попадали во дворцы властителей и дома знати. Помимо Франции стиль рококо распространился также в прикладном искусстве Англии. Особый вариант мебели этого стиля получил название *чиппендейл* — по имени прославленного мебельного мастера *Т. Чиппендейла* (1718—1779).

В XVIII в. во многих странах Европы возникло производство фарфора. После раскрытия тайны его изготовления немецкими мастерами в 1706 г. в Мейсене (Саксония) была открыта первая фарфоровая мануфактура, затем такие предприятия появились в Австрии, Пруссии, Баварии, Франции, Неаполе, Голландии, Испании, Англии (Вустер и Челси). Мастера разных стран соперничали между собой в изяществе форм посуды, ваз и других изделий из фарфора. Во второй половине столетия классический стиль постепенно вытеснил стиль рококо. Во Франции в дорогой мебели возобладали строгие прямые линии и античные образцы орнамента. В Англии увлечение Античностью оказало сходное влияние на прикладное искусство: в богатых домах стали оформлять интерьеры в античном стиле (по мотивам росписей древнегреческих ваз, фресок этрусков и фресок в Помпеях). Античные мотивы утвердились в налаженном *Д. Вэджвудом* (1730—1795) массовом производстве посуды и декоративной керамики, завоевавших огромную популярность.

Музыка. XVIII в. был временем невиданного расцвета музыкальной культуры. Развитие музыки принесло столь высокие художественные достижения, что музыка превратилась в одну из ведущих сфер европейской культуры, ее роль в обществе постоянно возрастала.

На первую половину века пришлось творчество *И.-С. Баха* (1685—1750). Один из многих придворных музыкантов, состоявших на службе у немецких князей, церковный органист, а в последние 27 лет жизни скромный глава церковной певческой школы в Лейпциге, *И.-С. Бах* был великим композитором, создавшим огромный музыкальный мир: десятки и сотни сочинений самых разных жанров — сонаты, сюиты, концерты для солирующих инструментов (органа, скрипки, клавесина, флейты, виолончели) и для инструментальных ансамблей, сотни произведений для голоса (кантаты) и хора. В музыке *И.-С. Баха*, отличавшейся глубокой философской насыщенностью, звучит тема противостояния света и тьмы, прославляется величие мироздания, державная мощь Всевышнего. Исключительной трагедийной силы и глубины баховская музыка достигает в музыкальных трагедиях «Страсти по Иоанну» (1724) и «Страсти по Матфею» (1727), изображающих подвиг самопожертвования Христа. Вместе с Мессой си минор, законченной в 1794 г., они представляют вершину творчества Баха. Другая ведущая тема музыки Баха — преодоление страданий, скорби, печали и утверждение просветлен-

ного человеческого духа. Ряд произведений великого композитора, в частности замечательных песен, окрашен в оптимистические тона. Отчасти вследствие замкнутого образа жизни И.-С. Баха его музыка была мало известна современникам. Пережив второе рождение в 1820—1830-е гг., она стала драгоценной частью мировой культуры.

Современник И.-С. Баха *Г. Гендель* (1685—1759) стал создателем прославивших его музыкальных драм — ораторий на библейские и античные темы — «Мессия», «Иуда Маккавей», «Самсон» (всего до 20). В них предстают монументальные образы народа и героев, воодушевленных высокими помыслами и борющихся за свободу. Выдержанные в эпическом духе, оратории стали особенно популярными в Англии, где Г. Гендель (родившийся в Германии) прожил почти 40 лет. Дух ораторий оказался созвучен настроениям общества, воспринимавшего творения Г. Генделя как прославление английского народа, добившегося свободы в борьбе с деспотизмом.

В XVIII в. значительные перемены претерпел оперный театр. В начале столетия отчетливо выявилась утрата итальянской оперой первоначальной музыкально-драматической целостности. Налицо был разрыв между пением и драматическим действием — все сводилось к исполнению певцами-виртуозами арий, почти не связанных с сюжетом. Из кризиса «серьезной» оперы родилось новое направление оперного искусства, создателем которого явился неаполитанский композитор *Дж. Б. Перголези* (1710—1736). Смешные пародийные сцены, которые он писал для исполнения в антрактах оперных представлений, пользовались таким успехом, что композитор решил объединять их в самостоятельные небольшие спектакли, быстро завоевавшие признание зрителей. Так Дж. Б. Перголези положил начало совершенно новому типу музыкального театра — комической опере, или *опере-буффа* (в пер. с итальянского *буффа* — шутовская, смешная), образцом которой явилась его «Служанка — госпожа». Дж. Б. Перголези радикально обновил содержание опер — место мифологических и историко-легендарных тем заняли бытовые сюжеты с занимательной интригой. Преобразилась и сама музыка, став живой, легкой, напевной и вместе с тем динамичной, с быстрыми изобретательными переходами. В операх Дж. Б. Перголези впервые появились музыкальные характеристики персонажей и одновременно резко возросла роль ансамблей исполнителей. Под влиянием Дж. Б. Перголези и других следовавших по его пути итальянских композиторов комическая опера в разных вариантах распространилась в других странах. Возникший комический музыкальный театр оказал большое влияние на дальнейшее развитие оперного искусства.

Другой путь преодоления кризиса традиционной «серьезной» оперы избрал австрийский композитор *К. В. Глюк* (1714—1787). Оставаясь верен античным мифологическим сюжетам, он стремился внедрить в музыкальный театр героическую трагедию, выразить языком музыки нравственные проблемы и человеческие страсти. В своих

операх (в частности, в самой известной из них — «Орфей и Эвридика») ему удалось добиться органического слияния музыки и драматического действия.

В XVIII в. складывались более четкие формы камерной музыки (например, трио и квартет) и совершенствовались музыкальные инструменты. Сформировался современный оркестр, состоящий из определенного набора струнных, духовых и ударных инструментов. Изобретенное в начале столетия *фортепиано*, обладавшее более сильным звучанием по сравнению с другими клавишными инструментами, в конце века вытесняло клавесин.

Важнейшим новшеством в музыкальном искусстве было возникновение в середине XVIII в. одновременно в Италии, Германии, Франции и Австрии нового жанра инструментальной музыки — *симфонии*. Большой вклад в становление этого жанра (а также квартета) внес австрийский композитор *И. Гайдн* (1732—1809), создавший 104 симфонии, около 80 квартетов, до 200 трио и много других произведений. В музыке И. Гайдна отразилось его идиллически-радостное восприятие мира, воспевались мирная жизнь, труд крестьян, прекрасная природа и гармоничное слияние с ней чистого души человека. Эти мотивы особенно ярко выражены в ораториях «Времена года» и «Сотворение мира» (в той ее части, где изображена жизнь в Раю Адама и Евы).

Развитие музыки в последние десятилетия XVIII в. отмечено исключительным явлением — творчеством *В. А. Моцарта* (1756—1791). Одаренный от природы феноменальными музыкальными способностями, Моцарт начал выступать уже в возрасте 6 лет как виртуозный клавесинист и органист, а также дирижер и певец-импровизатор; одновременно он сочинял музыку. Расцвет В. А. Моцарта как композитора пришелся на вторую половину 1770-х — 1780-е гг. Он писал музыку почти во всех известных тогда жанрах. Все, что сочинял Моцарт, несло на себе отпечаток его особого светлого, «моцартовского» мироощущения, восприятия жизни — со всеми ее радостями и коллизиями — как бесценного дара судьбы. Главное место в творчестве Моцарта зрелого периода заняли оперы. В двух шедеврах — «Свадьба Фигаро» и «Дон Жуан» В. А. Моцарт, опираясь на достижения «серьезной» оперы и оперы-буффа, порвал со всякими схемами и, подчиняясь исключительно свободному творческому воображению и собственному пониманию красоты, создал новый тип музыкального спектакля со сложными, многогранными музыкальными образами. Самым ярким из них стал образ Дон Жуана — одновременно жизнеутверждающий и трагический.

На 1780—1790 гг. пришелся ранний этап творчества великого немецкого композитора *Людвига ван Бетховена*, большая часть жизни которого прошла в Вене. Гайдн, Моцарт и Бетховен («венские классики», как стали называть их впоследствии) своим творчеством во многом определили развитие европейской музыки в XIX в.

РАЗДЕЛ II

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И АМЕРИКА В 1789—1815 гг.

Глава 16

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1789—1799 гг.

16.1. Нарастание кризиса Старого порядка

Экономический и социальный аспекты кризиса. На протяжении долгого правления Людовика XV Франция переживала демографический и экономический подъем. В 1700—1790 гг. демографический рост составил более 30 %. Численность населения страны достигла к 1790 г. 28,6 млн человек, около 20 % которых проживали в городах. За эти десятилетия сельскохозяйственное производство увеличилось не более чем на 40 %, тогда как промышленное производство выросло в 4,5 раза, но его доля в валовом национальном продукте составляла не более 20 %. Достигнув своего апогея в середине века, экономический рост замедлился, и с начала 1770-х гг. отчетливо стали проявляться признаки экономического спада. К тому времени численность населения увеличивалась более быстрыми темпами, чем прирост сельскохозяйственного производства, вследствие чего примерно за полвека продовольствие подорожало более чем в 1,5 раза по сравнению с 1726 г. За тот же период поднялись цены на промышленную продукцию — в отдельных текстильных отраслях и в металлургии от 22 до 38 %. В целом же рост цен благоприятствовал приходу инвестиций и оживлению экономики.

Наряду с ростом цен и экономическим подъемом снижался уровень жизни наемных работников. Если номинальная заработная плата за период с 1726 по 1771 г. возросла в среднем на 11 %, то в реальном выражении (в пересчете на стоимость предметов потребления) она уменьшилась на 25 %. В той или иной мере сложившаяся ситуация могла затронуть интересы 10—11 млн человек, полностью или частично работающих по найму в сельском хозяйстве и в промышленности. Таким образом, оживление рыночной конъюнктуры в XVIII в.

сопровождалось ухудшением положения значительной части населения Франции.

Экономическим ростом воспользовались крупные землевладельцы, фермеры-арендаторы, зажиточные крестьяне, продававшие сельскохозяйственную продукцию на рынках, а также купцы и предприниматели-промышленники.

Следствием экономического развития стало усиление противоречий сословного общества — между привилегированными сословиями (духовенством и дворянством), с одной стороны, и третьим (непривилегированным) сословием — с другой. Духовенство и дворянство, численность которых составляла 1,8 % населения страны, владели 30—40 % земельных угодий. С 1730-х по 1780-е гг. их земельные доходы возросли вдвое. Увеличению доходов церкви и сеньоров помимо чисто экономических факторов, таких как рост рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию и возможность ее сбыта на внешних рынках, прирост валового продукта в сельском хозяйстве, способствовали их налоговые привилегии, т.е. *освобождение доходов от налогообложения* (исключение составляли *двадцатина и капитация*), а также обладание сеньориальными и феодальными правами. Начиная с 1770-х гг. набрала обороты практика *сеньориальной реакции*: сеньоры воскрешали забытые сеньориальные и феодальные права с целью получения дополнительных доходов с сеньории. Стремясь еще более увеличить свою прибыль, сеньоры прибегали к практике выделения в свою пользу трети (*триаж*) или половины общинных земель.

Вследствие сеньориальной реакции крестьянские повинности к концу века стали более тяжелыми. Крестьяне должны были возмещать ту часть урожая, которая изымалась в качестве возмещения сеньориального вычета, прибегая к дополнительным заработкам. В условиях падения реальной заработной платы они, как и мелкие арендаторы, работавшие по найму, а также сельскохозяйственные рабочие, вынуждены были постоянно увеличивать свои трудозатраты для приобретения необходимого продовольствия. Дополнительным бременем для народных масс являлась *политика королевского фиска*, делавшая упор на косвенное налогообложение.

Торгово-промышленный кризис 1787—1789 гг. и его последствия. Экономический спад в 1770—1780 гг. перерос в 1787—1789 гг. в острый торгово-промышленный кризис, который начался традиционно для экономики Старого порядка — с продовольственного кризиса, вызванного неурожаями. Резко вверх пошли цены на хлеб: с 1786 по 1789 г. они выросли на 70 %. Расходы на приобретение хлеба были главными в бюджете простых людей. Если в течение XVIII в. доля семейного дохода, уходившая на покупку хлеба, составляла 64,3 %, то в июле 1789 г. она достигла 80 %. Дороговизна негативно сказалась на интересах производителей и способствовала росту безработицы. Ремесленники, подмастерья, городские рабочие, надом-

ные работники, занятые в рассеянных мануфактурах в сельской местности, страдали от нехватки сырья и его удорожания. Частично сворачивалась и предпринимательская деятельность.

Кризис отразился и на виноделии, сильно пострадавшем от падения спроса, и на животноводстве; обусловил спад промышленного производства, особенно в текстильной промышленности. Опережающий рост цен на сельскохозяйственную продукцию по сравнению с промышленной, административная регламентация производства в городах и недостаточный спрос на большинство товаров, трудности с кредитованием делали промышленный сектор хозяйства особенно уязвимым перед лицом экономического кризиса. Ситуация еще более обострилась в связи с заключением в сентябре 1786 г. торгового договора с Англией, предусматривавшего понижение таможенных тарифов на товары английского производства, что предполагалось компенсировать снижением с английской стороны ввозных пошлин на французские вина. Последствия договора дали о себе знать в 1788—1789 гг., когда сильная конкуренция английских товаров при весьма незначительном сбыте продуктов французского виноделия в Англии осложнила и без того достаточно тяжелое экономическое положение французского производителя. Наконец, с нарастанием продовольственного кризиса в 1788 г. спрос на промышленные изделия, и главным образом на ткани, резко сократился. В результате производство текстиля в 1786—1789 гг. снизилось почти в 2 раза.

Народные выступления. С весны 1788 г. особенно усилились массовые народные выступления. Всего с 1785 г. по весну 1789 г. насчитывалось 869 народных выступлений, причем на период с мая 1788 г. по июль 1789 г. пришлось 445. Непосредственной причиной проявления народного недовольства явилась продовольственная проблема, и в первую очередь дороговизна хлеба, цены на который особенно выросли в связи с неурожаем 1788 г. Продовольственный кризис привел к тому, что многие крестьяне, обычно продававшие зерно на рынке, превратились в его покупателей. Повышению цен способствовала также скупка хлеба крупными производителями зерна и торговцами, заинтересованными в поддержании высоких цен на продовольствие. Восставшие захватывали хлебные обозы, прибегали к *таксациям*, т. е. устанавливали на рынках твердые «справедливые», по их мнению, цены на продовольствие, заставляли принудительно продавать зерно, нападали на таможи, где собирались косвенные налоги. В Париже известие о намерении понизить заработную плату 28 апреля 1789 г. привело к *разгрому рабочими мануфактур фабрикантов Ревельона и Анрио*.

Вплоть до лета 1789 г. среди народных выступлений преобладали *продовольственные бунты*. Однако были и выступления, направленные *против сеньориального порядка*. Крестьяне отказывались выполнять лежавшие на них повинности, протестовали против действий судебных, крупных арендаторов, выступавших от имени сень-

ора. Крестьяне также защищали от произвола сеньоров коллективные права сельских общин.

Внутриполитический кризис второй половины 1780-х гг. Вторая половина 1780-х гг. во Франции знаменовалась неуклонным нарастанием внутриполитического кризиса, который выразился в неспособности абсолютистского государства самостоятельно справиться с растущим внутренним долгом и дефицитом бюджета. К концу 1786 г. при доходах в 475 млн дефицит превышал 100 млн ливров.

В связи с финансовым кризисом генеральный контролер финансов *Ш. де Колонн* представил королю Людовику XVI «*План оздоровления финансов*», в котором предусматривалось осуществить ряд реформ: *фискальную* — постепенно ввести бессловное пропорциональное налогообложение; *экономическую* — освободить предпринимательскую деятельность от административной регламентации, упразднить внутренние таможи и вернуть свободную торговлю хлебом, а также упрочить кредит путем учреждения государственного банка; наконец, с целью децентрализации государственного управления Ш. де Колонн предлагал провести *административную* реформу — продолжить устройство выборных провинциальных собраний, начатое еще при *Ж. Неккере*.

Колонн опасался, как бы предложенные правительством меры по преодолению кризиса не вызвали оппозицию парламентов, отстаивавших интересы привилегированных сословий. Именно поэтому Колонн решил действовать в обход парламентов, через *собрание королевских нотаблей* — консультативный орган, не собиравшийся с 1627 г. Членов этого собрания назначал король, и поэтому министр надеялся получить от них согласие на проведение реформ, но собравшиеся в феврале 1787 г. королевские нотабли (среди 144 нотаблей были представлены высшее духовенство, принцы крови, парламентские магистраты, интенданты и государственные советники, члены провинциальных штатов и муниципалитетов) отказались тем не менее, санкционировать предложенный на их рассмотрение проект реформ. Они высказались за то, чтобы реформы были одобрены парламентами и *Генеральными штатами*, сословно-представительным органом, не собиравшимся с 1614 г. Привилегированные сословия стремились воспользоваться трудностями центрального правительства с тем, чтобы значительно расширить свое влияние на государственную политику. Порядок голосования, принятый на Генеральных штатах (одно сословие — один голос), давал им преимущество: они обладали бы двумя голосами против одного у третьего сословия и могли добиться ограничения королевской власти в свою пользу.

Противники Колонна вынудили Людовика XVI отправить его в отставку. Собрание королевских нотаблей было распущено. Вскоре новым генеральным контролером финансов и главой министерства был назначен архиепископ Тулузский *Ломени де Бриенн*, который

попытался продолжить реформаторский курс Колонна. Парижский парламент под давлением королевской власти дал согласие на проведение административной реформы (вводились провинциальные собрания с удвоенным представительством третьего сословия и с индивидуальным, а не пословным голосованием) и на либерализацию торговли хлебом. Специальным королевским эдиктом уравнивались в гражданских правах католики и протестанты. В мае 1788 г. хранитель государственных печатей *Ф. де Ламуаньон* осуществил *судебную реформу* с тем, чтобы сломить парламентскую оппозицию: судебные прерогативы парламентов были существенно сокращены за счет их частичной передачи 47 окружным судам, регистрация королевских эдиктов передавалась «Общей палате», которая регистрировала законы, касавшиеся всей Франции, в том числе и новые налоги до их последующего утверждения Генеральными и провинциальными штатами. В результате парламенты утратили контроль над законодательством и финансами.

Судебная и административная реформы правительства натолкнулись на яростную оппозицию привилегированных сословий, рупором которых выступали парламенты. Правительственные меры не только сокращали полномочия парламентов, но и покушались на принцип сословности, на привилегии.

Аристократическую оппозицию королевской власти поддержало третье сословие. В Дижоне, Тулузе, Гренобле, Ренне и других городах, где находились резиденции провинциальных парламентов, прокатилась волна протеста с требованием вернуть парламентам их прерогативы и восстановить провинциальные штаты, уступившие место в ходе административной реформы провинциальным собраниям. Впрочем, очень скоро интересы дворянской аристократии оказались в очевидном противоречии с интересами третьего сословия, выступавшего не только против королевского абсолютизма, но и за упразднение сословного общества, за гражданское и налоговое равенство, в чем его поддержало и либерально настроенное дворянство. В результате сформировалась *патриотическая*, или *национальная*, *партия*, которая постепенно перешла от поддержки парламентов к организации собственных действий против королевской власти. В Визильском замке промышленников Перье 21 июля 1788 г. собрались представители трех сословий провинции Дофине, где, как и на заседаниях провинциальных собраний, присутствовало удвоенное представительство третьего сословия, а голосование по обсуждаемым вопросам было индивидуальным. Помимо восстановления в правах местного парламента и провинциальных штатов Дофине с удвоенным представительством третьего сословия собравшиеся в Визиле требовали созыва Генеральных штатов для решения финансовых проблем. Депутаты выразили готовность к единым действиям с другими провинциями королевства и подчеркнули свою приверженность *интересам нации*, имея в виду под этим понятием третье со-

словие. Состояние государственных финансов к тому времени стало критическим. В 1788 г. внутренний долг вырос до 4,5 млрд ливров, дефицит бюджета — до 126 млн ливров при годовом доходе государства в 503 млн ливров. Обслуживание государственного долга пошло выше 50 % доходов казны.

Под давлением сил оппозиции 8 августа 1788 г. правительство приняло решение созвать Генеральные штаты не позднее 1 мая 1789 г. До того времени откладывались заседания Общей палаты. Не в силах справиться с острым политическим и финансовым кризисом, а также под давлением противников реформ Ломени де Бриенн в конце августа вынужден был уйти в отставку. Назначенный 25 августа на пост генерального директора финансов и фактически главы министерства *Ж. Неккер* объявил 23 сентября 1788 г. об отказе от судебной и административной реформ.

Созыв Генеральных штатов. 6 ноября 1788 г. по требованию Парижского парламента правительство созвало *второе собрание королевских нотаблей*, на котором была определена форма будущих Генеральных штатов: сохранялся их сословный характер, обсуждение и принятие решений должны были, как и на Генеральных штатах 1614 г., проходить по сословиям.

Выборы в Генеральные штаты, согласно принятому правительством регламенту, проходили по сословиям. Для привилегированных сословий устанавливались прямые выборы, а для третьего сословия — не прямые в 2—3 этапа. К выборам допускались мужчины, достигшие 25 лет и включенные в списки налогоплательщиков. Волею короля третье сословие получило двойное представительство в Генеральных штатах, однако вопрос о порядке голосования (посословном или индивидуальном) оставался открытым.

По всей Франции началось составление наказов от сословий. Общими для всех наказов являлись требования свободы и справедливости, нередко выдвигались предложения по реформированию Старого порядка. Против монархии не выступал никто, однако авторы наказов часто ратовали за ограничение королевских прерогатив. Выдвигалось также требование ввести писаную конституцию, которая установила бы постоянно действующий орган национального представительства с правом утверждать бюджет и налоги; предлагалось закрепить в конституции практику контроля избираемых провинциальных собраний над деятельностью местной администрации. Большинство наказов требовало гарантировать личные свободы, и в частности свободу слова. Среди реформ на первый план выдвигались введение новой пропорциональной налоговой системы, упрощение системы правосудия, унификация государственного управления.

В крестьянских наказах содержалась критика сеньориального порядка, несправедливого налогообложения, дворянских привилегий и церковной десятины. Выдвигалось требование выкупа сеньориаль-

ных земельных рент и расширения крестьянского землепользования за счет аренды домениальных земель.

В наказах торгово-промышленных кругов защищалась государственная политика покровительства промышленности, недовольство вызывали административная регламентация промышленности и существование внутренних таможен.

Наказы духовенства и дворянства свидетельствовали о готовности первых двух сословий пойти на уступки третьему сословию; в частности, ставился вопрос о возможном равенстве при уплате налогов. Однако большинство наказов первых двух сословий выступало за сохранение сословий и привилегий.

Подъем общественного движения. Во время кампании по выборам в Генеральные штаты появилось множество памфлетов, брошюр и афиш, в которых оживленно обсуждалась текущая политика. Цензура практически не действовала.

В многочисленных печатных изданиях нашли отражение различные направления во французском общественном мнении. В брошюрах консервативного толка выдвигалось требование сохранить сложившиеся в силу традиции основные законы монархии, что предполагало неизбежность прерогатив королевской власти и парламентов. За Генеральными штатами признавалось право утверждать налоги и осуществлять законосовещательные функции.

Однако тон в развернувшейся памфлетной кампании задавали памфлетисты, выступавшие от имени третьего сословия. В ряде памфлетов звучали призывы взять за основу будущего государственного устройства английскую политическую модель с ее системой сдержек и противовесов, с тем чтобы уберечь государство от деспотизма. Наиболее радикальные памфлетисты обосновывали неотъемлемое право нации разработать и принять новую конституцию. Новая конституция должна была, по их мнению, опираться не на традиционные основные законы монархии, связанные с сословным обществом и королевским абсолютизмом, и не на английский политический опыт, который эти авторы считали неприменимым в условиях Франции, а на основополагающие рационалистические принципы — разум, свободу, равенство, национальный суверенитет.

В защиту интересов третьего сословия активно выступало *Общество тридцати*, координировавшее действия *патриотической партии*, которое начало действовать в Париже осенью 1788 г. Филиалы Общества на местах — *корреспондентские комитеты* — позволяли осуществлять мобилизацию общественного мнения. Наиболее видными членами Общества были *граф О. Мирабо, маркиз М.-Ж. Лафайет, Ш.-М. Перигор-Талейран, аббат Э.-Ж. Сийес*. Общество тридцати решительно выступало за отмену сословных привилегий, добивалось принятия решения об индивидуальном, а не посословном голосовании в Генеральных штатах, что уравнило бы голоса первых двух сословий с голосами третьего сословия. Кроме

того, Общество считало, что Генеральные штаты призваны разработать и принять новую конституцию, провозгласить равенство граждан перед законом и гарантировать право нации утверждать налоги.

Небывалый общественный резонанс имела брошюра Э.-Ж. Сийеса «*Что такое третье сословие?*» (1789), ставшая программой грядущих революционных перемен.

В этой брошюре Сийес теоретически разработал вопрос, ставший особенно актуальным в назревшем революционном кризисе, — об истоках политической власти и о той роли, которую в этот тревожный период французской истории предстояло сыграть третьему сословию.

В противовес традиционной доктрине французского абсолютизма, согласно которой суверенная власть принадлежала монарху в силу Божественного права, Сийес утверждал, что право на суверенную власть, на высший авторитет имеет только нация. Всеми признаками нации, по мнению Сийеса, обладало третье сословие, являвшееся подлинной нацией, поскольку только оно обеспечивало выполнение всех производственных функций (в сельском хозяйстве, в промышленности, в торговле) и доминировало в сфере свободных профессий. Привилегированные сословия — дворяне, церковь, правительственная администрация, — напротив, ничего не производя и составляя меньшинство населения, получали высокие доходы, контролируя управление страной. В их руках была сосредоточена политическая власть.

Э.-Ж. Сийес утверждал, что третье сословие выступает за собственное представительство в Генеральных штатах, за равное количество депутатов с первыми сословиями и за индивидуальное, а не посословное голосование. Генеральные штаты виделись ему органом, наделенным учреждающей властью, полномочным принять новую конституцию от имени нации.

Национальное собрание. Весна и начало лета 1789 г. были отмечены ростом политического самосознания во французском обществе. От правительства и Генеральных штатов ждали проведения реформ во всех сферах общественной жизни. Эти настроения дали о себе знать на заседаниях Генеральных штатов, открывшихся 5 мая 1789 г. в королевской резиденции в Версале.

Среди 1315 депутатов от трех сословий, принявших участие в заседаниях, 331 представляли духовенство, 319 — дворянство и 665 — третье сословие. Депутации первых двух сословий были весьма неоднородны. Около 2/3 депутатов от духовенства составляли представители его низшего слоя — приходские священники (*кюре*). Среди депутатов-дворян 90 разделяли либеральные взгляды и готовы были к компромиссам с депутатами третьего сословия. Среди депутатов третьего сословия преобладали должностные лица Старого порядка (330) и лица свободных профессий (174). 93 депутата были предпринимателями, т. е. непосредственно занимались торго-

выми и финансовыми операциями либо владели промышленными предприятиями.

При открытии Генеральных штатов к депутатам всех трех сословий обратились Людовик XVI и Ж. Неккер. Они старались привлечь внимание к проблеме урегулирования громадного государственного долга, достигшего в 1789 г. 5 млрд ливров, и к установлению стабильного финансового порядка. При этом состояние государственных финансов было представлено в весьма смягченной форме. В качестве необходимой меры по окончательному урегулированию бюджетного дефицита было названо введение всеобщего бессословного налогообложения, что обусловило бы рост доходов бюджета. Важный политический вопрос о порядке голосования в Генеральных штатах — по сословиям или индивидуально — так и не был решен, тем более что Людовик XVI предостерег депутатов от «желания чрезмерных новаций». Однако депутаты третьего сословия отвергли принцип сословного представительства и решили добиваться совместного проведения заседаний с первыми двумя сословиями и индивидуального голосования. Попытки примирения делались на протяжении месяца, но вскоре стало ясно — достичь согласия между представителями сословий невозможно, и 15 июня Э.-Ж. Сийес внес резолюцию, провозглашавшую верховенство третьего сословия, которое он отождествлял с нацией; остальные сословия, если не присоединятся к третьему сословию, не будут играть никакой роли. Два дня спустя, 17 июня депутаты третьего сословия провозгласили себя *Национальным собранием*. За сменой названия стояло изменение огромной исторической важности — отрицалось деление общества на сословия и рождалась новая власть, власть нации в лице ее представителей.

Попытки королевской власти воспрепятствовать действиям третьего сословия ни к чему не привели. 20 июня депутаты Национального собрания по предложению депутата от третьего сословия *Ж.-Ж. Мунье* дали клятву не расходиться, пока они не разработают и не примут от имени нации конституцию. Наконец, 23 июня во время королевского заседания Людовик XVI изложил депутатам трех сословий ряд положений, которые определяли границы необходимых реформ. Индивидуальное голосование в принципе допускалось, хотя по наиболее важным вопросам сохранялось посословное голосование. К числу таких вопросов король отнес древние и конституционные права сословий; организацию будущих Генеральных штатов, которые получали право собираться периодически; феодальные и сеньориальные права; личные привилегии. В королевском выступлении провозглашались также конкретные реформы, на которые королевская власть давала свое согласие. Речь шла о праве Генеральных штатов утверждать налоги и формировать бюджет, об установлении бессословного налогообложения, о гарантии индивидуальной свободы и свободы печати. На всю Францию распространялась практика провинциаль-

ных штатов, состоящих из трех сословий с удвоенным представительством третьего сословия.

Королевское заседание 23 июня показало, что революционное национальное сознание уже одержало верх над верноподданническими и сословными настроениями эпохи Старого порядка. Оно нашло выражение в словах председателя Национального собрания ученого-астронома *Ж.-С. Байи*: «Собравшаяся нация не может получать приказы». Теперь, когда речь шла о принятии конституции представителями нации, королевская декларация, ставившая задачу проведения ряда, пусть и немаловажных, реформ сверху, оказалась неприемлемой.

Вмешательство короля уже не могло остановить процесс объединения депутатов всех трех сословий. 27 июня Людовик XVI вынужден был дать согласие на их совместные заседания. 9 июля, стремясь закрепить свою победу, Национальное собрание приняло решение о своем переименовании в *Учредительное собрание*: тем самым депутаты хотели показать, что ставят своей первоочередной задачей принятие конституции, т. е. учреждение нового политического порядка.

Таким образом, с 5 мая по 9 июля 1789 г. совершился глубокий политический сдвиг. Власть, опирающаяся на принцип королевского суверенитета, уходила в прошлое. Новую власть представители французского народа стремились утвердить исходя из принципа национального суверенитета.

16.2. Начало революции. Падение Старого порядка. Революционные преобразования (14 июля 1789 г. — 3 сентября 1791 г.)

Взятие Бастилии. Король и двор не смирились с беспрецедентным ростом политических полномочий национальных представителей и стали готовить ответные действия. Решено было прибегнуть к военной силе. Начиная с 22 июня 1789 г. войскам отдавались приказы следовать в район столицы. Особые надежды возлагались на полки, состоявшие из иностранцев. 10 июля король принял решение об отставке популярного *Ж. Неккера* и предписал ему не позднее вечера 11 июля покинуть Версаль. Место Неккера занял консервативно настроенный *барон Бретейль*. 12 июля слухи об отставке Неккера достигли Парижа. С личностью Неккера многие французы связывали надежды на успех реформ, преодоление продовольственного кризиса и на скорое оживление деловой активности. Широко обсуждалась тема «аристократического заговора» против Неккера и национальных представителей. Надежды на лучшее сменились ожиданием голода и череды банкротств. Народ стал вооружаться. В столице загредел набат. Реакцией народа на дороговизну стал разгром таможенных за-

став, где взимались налоги на потребительские товары, поступавшие в город.

Правительственные войска оказывали слабое сопротивление и готовы были примкнуть к восставшим. К утру 14 июля 1789 г. Париж оказался во власти вооруженного народа. Кульминацией восстания парижан стало *взятие королевской крепости-тюрьмы Бастилии*, в которой еще со времен кардинала Ришелье содержали политических заключенных. Парижане принудили гарнизон к сдаче, потеряв около сотни убитыми. В Бастилии было обнаружено и освобождено 7 заключенных. Поверженная Бастилия символизировала победу над произволом и деспотизмом. Взятие Бастилии явилось началом Французской революции и ее первой победой.

Кто штурмовал Бастилию? Когда в 1790 г. было введено звание *победитель Бастилии*, большинство получивших его составляли ремесленники, хозяева ремесленных мастерских, подмастерья, рабочие, лица свободных профессий. Меньшинство (около 1/6) приходилось на долю предпринимателей и рантье. Коллективный портрет победителей Бастилии дает представление о наиболее активной части городского населения, участвовавшего в начале революции.

Известия о восстании в Париже заставили короля и двор уступить, войска из столицы были удалены. Ж. Неккер получил королевское предписание вернуться в министерство. 17 июля король прибыл в Париж, демонстрируя свое единство с народом: еще накануне, 16 июля, к синему и красному цветам города Парижа, являвшимся цветами восставших парижан, был добавлен белый цвет Бурбонов. Эти три цвета рассматривались как символ единения нации — народа и королевской власти; затем они составили национальный флаг Франции.

Народные восстания в городах и деревнях Франции. Становление новой власти. Победа парижского восстания положила начало распространению новой власти на всю территорию Франции. В провинции началась муниципальная революция, которая длилась месяц, вплоть до августа, и привела к формированию на местах новой власти.

Муниципальная революция осуществлялась относительно мирным путем. В состав прежнего муниципалитета либо входили местные нотабли, т. е. состоятельные горожане (*буржуа*), и либеральные дворяне, ранее не участвовавшие в органах управления (рантье, юристы, негодяны, иногда предприниматели, армейские офицеры и кюре); либо наряду с прежним муниципалитетом под контролем местных нотаблей создавался постоянный комитет, который формировал *национальную гвардию*, т. е. гражданскую вооруженную милицию, а затем постепенно отстранял прежний муниципалитет и сосредоточивал в своих руках всю полноту административной власти. В некоторых городах (например, в Меце и Нанси) новые административные органы сосуществовали со старыми. На севере и на

юге Франции городское управление уже контролировалось местными нотаблями или же сохранялось традиционное коммунальное самоуправление.

В целом итоги муниципальной революции были впечатляющими. Исчезла прежняя централизация, королевская администрация лишилась власти, которая перешла в руки местных нотаблей. Утвердилась муниципальная автономия. Власть новых муниципалитетов распространялась на всю городскую округу. Начиная с августа городские муниципалитеты начали заключать между собой договоры о взаимопомощи, что послужило предпосылкой складывания во Франции *федерации коммун*. Учредительное собрание приняло итоги муниципальной революции и признало новую власть на местах.

События в Париже дали мощный толчок народному движению по всей Франции — и в городах, и в деревнях. Копившееся десятилетиями недовольство крестьян вырвалось наружу, положив начало широкому крестьянскому движению, которое продолжалось более трех лет, в разных формах охватило практически всю страну и стало одной из движущих сил революции. Уже первая волна восстаний крестьян (с 20 июля и в течение первой недели августа) распространилась на огромные территории, особенно значительными были восстания в восточной части Франции, а также на западе и севере страны.

В движении сельских масс лета 1789 г. присутствовали различные мотивы. Крестьяне стремились поддержать требования третьего сословия и действия национальных представителей — и все это не без присущего крестьянскому сознанию монархизма, веры в доброго короля, который поддержал восстание в Париже и примкнул к Учредительному собранию.

Однако вся сила крестьянского протеста была направлена против ненавистного сеньориального режима, который зачастую отождествлялся со Старым порядком. Большие отряды восставших (состоявшие из сотен, а иногда и тысяч человек) нападали на замки сеньоров и монастыри, нередко подвергая их разгрому; захватывали и уничтожали описи феодальных повинностей, обременявших крестьян. У сеньоров отбирали захваченные ими общинные земли. В крестьянском движении проявилась и продовольственная проблема, которая постепенно стала осознаваться крестьянами как требование хлеба — первого из прав человека, т.е. права на существование. Начиная с лета 1789 г. крестьянство стало важной политической силой революции.

Муниципальная революция и, главным образом, крестьянское движение ускорили юридическую отмену сеньориального порядка и привилегий — основы сословного общества.

Начало аграрного законодательства. Принятие Декларации прав человека и гражданина. Во второй половине июля 1789 г. в Учредительное собрание стали поступать тревожные сообщения с

мест о небывалом по масштабам крестьянском движении, с которым не в состоянии были справиться силы правопорядка. Под угрозой оказалась не только собственность сеньоров, но и вся собственность в целом. «Повсюду жгут замки, разрушают монастыри, грабят фермы» — такую оценку положению в стране дали 3 августа депутаты Учредительного собрания. Безотлагательно, в ночь с 4 на 5 августа, Учредительное собрание приступило к разработке *аграрного законодательства* и после оживленных дебатов 11 августа 1789 г. приняло текст декрета об уничтожении феодальных прав и привилегий.

Было объявлено о безвозмездном упразднении, как не имеющих отношения к праву собственности, остатков личной сеньориальной зависимости — сеньориальных монополий (права охоты, права сеньориальной юстиции, баналитетов и т. п.) и права «мертвой руки»; отменялись также триажи, сделанные за последние 30 лет в пользу сеньоров. Безвозмездно упразднялась и церковная десятина. Однако при этом было решено, что «реальные» повинности, т. е. феодальные земельные платежи (ценз и т. п.), связанные с собственническими правами сеньоров, подлежали выкупу.

Декрет также отменял сохранившиеся от прошлого различные «вольности» и привилегии — провинций, областей, городов, общин. Все граждане получали равные права на занятие государственных должностей, запрещалась их продажа.

26 августа 1789 г. Учредительное собрание приняло документ огромной исторической значимости — *Декларацию прав человека и гражданина*. В 17 статьях Декларации провозглашались принципы нового общественного и политического устройства: она должна была служить введением к будущей конституции.

В Декларации прав человека и гражданина были прежде всего сформулированы *естественные и неотъемлемые права человека*. Свобода, по Декларации, являлась первым *естественным правом* и заключалась «в возможности делать все, что не приносит вреда другому». Сам принцип правового равенства понимался как равнозначность свободе: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». В Декларации закреплялись свобода слова, в частности в делах религии, что означало признание принципа веротерпимости, и свобода печати. Среди других естественных прав в Декларации были названы собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Собственность объявлялась правом «священным и неприкосновенным». Отчуждение собственности считалось возможным только в силу общественной необходимости, установленной законом, и при условии справедливого и предварительного возмещения. Безопасность означала гарантии неприкосновенности личности: презумпцию невиновности, привлечение к суду и наказание в силу закона и соответствующей процедуры.

В Декларации прав человека и гражданина содержались также *принципы политической организации*. К ним относились: нацио-

нальный суверенитет, разделение властей, представительное правление, ответственность государственных служащих за свои действия. Армия считалась состоящей на службе у нации.

Народное движение 5—6 октября 1789 г. Законодательная деятельность Учредительного собрания встретила оппозицию в лице короля, который отказался санкционировать декрет 4—11 августа и Декларацию прав человека и гражданина. 14 сентября *О. Мирабо* и *А. Барнав* выдвинули в Учредительном собрании тезис о том, что конституционные законы являются следствием учреждающей власти нации и не нуждаются в обязательной королевской санкции. Назревал новый политический кризис. Король вызвал в Версаль Фландрский полк. 1 октября состоялся торжественный банкет в честь офицеров полка, на котором царили контрреволюционные настроения. В стране продолжался экономический кризис. Цены на хлеб не падали и оставались на уровне весенних, так как, несмотря на хороший урожай 1789 г., были трудности с его обмоломом и перевозкой из-за массовых народных выступлений. Начавшаяся эмиграция аристократов и рост безработицы осложняли обстановку. Как только о событиях в Версале узнали в Париже, в народной среде созрело решение идти на Версаль и перевезти короля с семьей в Париж. Тем самым хотели обуздать контрреволюцию и избежать угрозы голода, которую связывали с действиями контрреволюционных сил. Первыми двинулись на Версаль около 7 тыс. парижанок, вслед за ними отправилась 20 тыс. парижан, входивших в Парижскую национальную гвардию во главе с ее командующим *маркизом де Лафайетом*. Следствием похода на Версаль 5—6 октября стало решение Учредительного собрания о переезде в Париж короля и самого собрания. Король санкционировал все конституционные законы, принятые к тому времени Учредительным собранием. Политический кризис разрешился. В ноябре властям удалось на время справиться также и с затянувшимся продовольственным кризисом.

Дальнейшие реформы Учредительного собрания. Большинство в Учредительном собрании принадлежало так называемым *конституционалистам* — либерально настроенным депутатам.

Лидерами конституционалистов были политики, получившие общефранцузскую известность во время общественно-политического кризиса 1787—1789 гг. Видное место среди них принадлежало маркизу де Лафайету, отличившемуся во время Войны за независимость США и первым, в январе 1789 г., предложившим проект Декларации прав человека и гражданина в качестве преамбулы будущей конституции. Признанным трибуном в Учредительном собрании был *О. Мирабо*, неоднократно прилагавший усилия к тому, чтобы не допустить раскола среди конституционалистов. За проведение глубоких реформ выступали адвокат из Дофине *Антуан Барнав*, советник Парижского парламента *Адриен Дюпор*, а также офицер королевской армии, участник Войны за независимость США *Александр Ла-*

мет. Решительно порвать со Старым порядком и королевским авторитетом призывал аббат Э.-Ж. Сийес. Наконец, умеренной политической линии среди лидеров конституционалистов придерживались Ж.-Ж. Мунье и бывший интендант морского ведомства в Тулоне П.-В. Малуэ.

Целью конституционалистов было завершение революции компромиссом между социальными верхами французского общества и монархией на основе *принципов 1789 года*, сформулированных в Декларации прав человека и гражданина. По их мнению, только представители социальных верхов, воспитанные на идеях Просвещения и владевшие собственностью, были заинтересованы в общественном прогрессе и призваны утвердить в общественной жизни принципы 1789 года.

В 1789—1791 гг. Учредительное собрание развернуло активную законотворческую деятельность в целях реформировать французское общество и государство.

Организация политической власти Учредительным собранием базировалась на принципах национального суверенитета и политического представительства. Политические права граждан — избирать и быть избранным — легли в основу формирования и легитимации представительных органов власти. Либеральное большинство Учредительного собрания решило ввести *имущественный ценз*, призванный гарантировать, как утверждалось, «просвещенность и независимость» национальных представителей, и двухстепенную систему выборов. В результате избирательные права и право входить в Национальную гвардию получили «активные граждане» — мужчины, достигшие 25-летнего возраста (около 4,3 млн человек из 7 млн взрослого мужского населения Франции) и платившие прямой налог в размере 3-дневной местной заработной платы (2—3 ливра в год) и выше. Таким образом, к активным гражданам были отнесены состоятельные слои населения. Все остальные граждане (т. е. неимущие и малоимущие) объявлялись «пассивными» и лишались политических прав.

Глубокому преобразованию подверглись административно-территориальная и судебная системы. Согласно закону, принятому 14 декабря 1789 г., прежнее административное деление Франции, сохранявшее черты средневековой автономии, заменялось единообразным и централизованным политическим устройством. Основной административно-территориальной единицей на местном уровне признавались коммуны, т. е. селения и города, власть в которых осуществляли выборные муниципалитеты во главе с мэром. Общее число коммун достигало 44 тыс. Коммуны объединялись в *кантоны*, которые формировали *дистрикты*, а те, в свою очередь, — *департаменты* (их количество первоначально равнялось 83). Дистриктами и департаментами управляли выборные администрации. В городах и кантонах собирались первичные избирательные собрания, куда входили

все «активные» граждане, в дистриктах и департаментах — собрания выборщиков.

Реформа правосудия привела к установлению новой судебной системы, которая строилась на принципах равенства граждан перед законом, защиты прав личности, выборности, разграничения административной и судебной сфер. По гражданским делам учреждались суды в кантонах и в дистриктах, а по уголовным — в коммунах, кантонах и департаментах. Судьи избирались. При уголовных судах вводился институт присяжных.

12 июля 1790 г. Учредительное собрание приняло *декрет о гражданском устройстве духовенства*. Духовенство, утратившее свои привилегии, переходило в ведение и на содержание государства. Ранее, в феврале, Учредительное собрание упразднило монашеские ордена, не связанные с благотворительной деятельностью и образованием. Были закрыты многие монастыри. Согласно декрету о гражданском устройстве духовенства, король утратил право назначать на церковные должности. Назначение епископов Св. Престолом заменялось простым сообщением, направляемым в Рим, об их вступлении в сан. Количество епархий сокращалось (до 83 вместо 130) по числу департаментов. Священники избирались как и большинство государственных служащих: кюре — в приходах, епископы — в департаментах. Все священники после избрания должны были приносить клятву «нации, закону, королю» и всемерно поддерживать конституцию. Им вменялось в обязанность доводить до сведения верующих декреты Национального собрания. Деятельность духовенства контролировалась муниципальными властями.

Гражданское устройство духовенства привело к церковному расколу, который ярко проявился во время принесения клятвы духовенством в январе — феврале 1791 г. Новое устройство духовенства поддержали всего 7 епископов и чуть более половины кюре. Чтобы избежать политических потрясений, Учредительное собрание в мае 1791 г. уравнило в правах конституционный культ и культ, отправляемый духовенством, не принесшим конституционной присяги. Декрет о гражданском устройстве духовенства был изъят из окончательного текста готовившейся конституции, хотя и оставлен в силе. Однако преодолеть раскол церкви, особенно после осуждения церковной реформы *папой Пием VI* весной 1791 г., так и не удалось.

Законодательство Учредительного собрания способствовало утверждению политических свобод граждан и ликвидировало неполноправность различных категорий населения. Так, были гарантированы свобода прессы, собраний, право подачи индивидуальных петиций в органы власти. Вместе с тем так называемые «незаконные сборища», т. е. собрания, угрожающие, как гласил закон, общественному порядку, подпадали под действие *декрета от 21 октября 1789 г. «Об осадном положении»* (Закона «О военном положе-

нии»), который разрешал муниципальной власти использовать против них вооруженную силу.

Учредительное собрание отменило наследственное дворянство, дворянские гербы и титулы, признало политические права протестантов, а затем и евреев.

Утверждая свободу торговли и предпринимательства, Учредительное собрание отменило цеховую систему, административную регламентацию производства и торговли, внутренние таможи. Выступая против корпораций, затруднявших конкуренцию, Учредительное собрание в июне 1791 г. по докладу адвоката *И.-Р. Ле Шанелье* приравнивало к ним рабочие организации (*коалиции*) и запретило как коалиции, так и стачки. Этот закон просуществовал до 1864 г.

Развитие крестьянского движения. Аграрное законодательство Учредительного собрания 1790—1791 гг. В декабре 1789 г. поднялась новая волна крестьянских выступлений, которые продолжались вплоть до февраля 1790 г. Еще две волны были отмечены в разных областях страны в ноябре 1790—феврале 1791 г. и летом 1791 г. Продолжалась так называемая «*война против замков*»: крестьяне громили и поджигали дома сеньоров, захватывали и уничтожали сеньориальные поземельные описи, отказывались выполнять повинности и требовали их полной отмены. Крестьяне также стремились разрешить проблему малоземелья: добивались восстановления общинного земельного фонда, расширения общинных сервитутов и возможностей крестьянской аренды за счет владений крупных землевладельцев. В крестьянском движении того времени отчетливо проявилась и борьба за хлеб. Одним из главных средств борьбы восставших с дороговизной оставались таксация хлебных цен и регламентация деятельности хлеботорговцев. Борьба за хлеб тесно переплеталась с антисеньориальными и уравнительными требованиями: важное средство в борьбе за доступный хлеб восставшие усматривали в расширении и укреплении крестьянского хозяйства. Крестьяне также отказывались платить прежние налоги. Налоговые поступления в казну резко сократились.

Подъем крестьянского движения ускорил разработку Учредительным собранием аграрного законодательства. *Аграрные законы*, принятые в марте — мае 1790 г., подтвердили положение декрета 4—11 августа о безвозмездной отмене «личных» сеньориальных повинностей, почетных сеньориальных прав и сеньориальных монополий. Феодальные земельные платежи объявлялись следствием первоначальной уступки земли сеньором (обладавшим правом непосредственного владения) держателю, получавшему право пользования. В этом смысле феодальные земельные ренты объявлялись следствием законных сделок и поэтому подлежали выкупу. Незаконность тех или иных феодальных рент должен был доказывать сам крестьянин. Установленный Учредительным собранием порядок выкупа предусматривал

единовременный взнос суммы, равной 20—25 годовым платежам. Выкуп объявлялся индивидуальным и необязательным. Аграрные законы предписывали крестьянам продолжать выплаты по сохранным феодальным повинностям.

Аграрные законы Учредительного собрания не удовлетворили требований крестьян. Безвозмездной и безусловной отмене подлежала только юридическая иерархия земельных держаний. Условия выкупа феодальных земельных рент для абсолютного большинства крестьян оказались непосильны, им не были возвращены общинные земли, захваченные сеньорами по праву триажа.

Декретом 2 ноября 1789 г. Учредительное собрание конфисковало владения церкви. Образованные таким образом *национальные имущества* предполагалось распродать с целью погашения оставленного Старым порядком государственного долга. В мае 1790 г. к ним были присоединены коронные владения. Для осуществления продажи национальных имуществ были выпущены *ассигнаты*, которые первоначально имели хождение как 5 %-ные ценные бумаги для уплаты за проданные национальные имущества, а затем превратились в обычные бумажные деньги. Таким образом, курс ассигнатов сначала имел твердое обеспечение.

Национальные имущества пускались в продажу с торгов. Поскольку крестьяне стремились к раздроблению национальных имуществ или к приобретению имений и хозяйств на торгах в складчину, Учредительное собрание сначала установило порядок продажи земель мелкими участками, а крупные владения подлежали дроблению. При покупке участка следовало внести 12 % его стоимости, остальную сумму покупатель мог вносить в течение 12 лет равными долями. Такой порядок продажи национальных имуществ открывал перед крестьянами определенную возможность приобретения земель, индивидуально или в складчину.

Принимая благоприятный для крестьян порядок продажи национальных имуществ, Учредительное собрание рассчитывало увеличить число землевладельцев. Согласно одному из распространенных в то время взглядов на агрикультуру, мелкие хозяйства считались более продуктивными по сравнению с крупными, теснее связанными с рынком и поставляющими более дешевый хлеб. Затем в Учредительном собрании верх одержала иная точка зрения, благоприятствующая развитию крупного земледельческого хозяйства как наиболее приспособленного к расширенному товарному производству. К тому же состояние государственных финансов требовало продавать национальные имущества по максимальным ценам.

В результате Учредительное собрание приняло новые правила распродажи национальных имуществ. Приобретая их, следовало внести уже 20 % стоимости земель, оставшаяся сумма выплачивалась в течение 4—5 лет. Участки при продаже предписывалось подвергать возможно меньшему дроблению. Новый порядок продажи национальных

нальных имуществ был благоприятен для богатых покупателей и практически отстранял от покупок деревенскую бедноту.

На определенный компромисс Учредительное собрание пошло при принятии в 1791 г. *Земельного кодекса*. С одной стороны, оно попыталось удовлетворить интересы зажиточной и предприимчивой части крестьянства и утвердило свободу хозяйственной деятельности, с другой — учло устремления крестьянских общин и оставило в силе общинные сервитуты.

Налоговая система, установленная Учредительным собранием, радикально отличалась от прежней. Первый налог, введенный в октябре 1789 г., назывался *патриотическим взносом* и был пропорциональным подоходным налогом. Учредительное собрание в целом отказалось от практики косвенного налогообложения и ввело *три прямых налога* — поземельный, с движимого имущества и торгово-промышленный.

Общественно-политическая жизнь в 1790—1791 гг. Первые годы революции ознаменовались формированием новой политической культуры. Важным событием в жизни страны стало движение за создание федераций коммун, городов, провинций, целью участников которого было поддерживать новый порядок, следить за исполнением законов, укреплять общегражданское единство. Кульминация этого движения — празднование Дня федерации 14 июля 1790 г. не только в Париже, на Марсовом поле, при участии делегаций департаментов, но и по всей стране. Ритуал посадки *деревьев свободы* символизировал общегражданское единство французов и свободу в противовес поверженной тирании. Широко распространенное с 1790 г. формирование власти практически на всех уровнях путем выборов также способствовало утверждению новой политической культуры. Выборы стали символом и неотъемлемой частью обретенного французами суверенитета, ранее всецело принадлежавшего королю, и неотъемлемой частью политической жизни революционной Франции.

Весомым фактором общественно-политической жизни являлась пресса, формировавшая общественное мнение по злободневным вопросам политики, а также выражавшая общественные умонастроения. Провозглашение свободы печати привело к тому, что только в Париже в 1790 г. выходило 335 периодических изданий. Средний тираж издания составлял около 1 тыс. экз., а для некоторых изданий доходил до 5—10 тыс.

Начиная с 1790 г. важную роль в общественно-политической жизни начинают играть политические организации. Наиболее влиятельным был *Якобинский клуб*, получивший название от монастыря св. Якова, где проходили его заседания. Клуб как политический центр революционных сил с 1790 г. служил надежной политической опорой конституционалистам. Якобинцы создали мощную организацию, включавшую Центральный клуб в Париже и целую сеть филиалов в

провинции. К лету 1791 г. общее число филиалов Якобинского клуба достигло 400. Клубы в провинции копировали структуру Центрального клуба, состояли с ним в переписке и следовали рекомендованной им политической линии. Якобинцы считали необходимым предварительное обсуждение вопросов, по которым затем должно было принять решение Учредительное собрание, а также работу над созданием и утверждением конституции. Высокие вступительные и ежегодные членские взносы открывали доступ в состав клуба только *активным* гражданам. Со времени своего основания руководство Якобинским клубом попало в руки триумvirата — *А. Барнава*, *А. Дюпора* и *Ал. Ламета*. Весной 1790 г. часть *конституционалистов*, стремясь избежать возможной радикализации революции и вместе с тем не допустить контрреволюционного переворота, выделась из Якобинского клуба и образовала «Общество 1789 г.». Претворяя на практике свою основную политическую установку («ни реакции, ни нового восстания»), «Общество 1789 г.», среди членов-учредителей которого были *М.-Ж. Лафайет* и *О. Мирабо*, пыталось создать *социальное искусство* — науку о формировании наилучшего общественного устройства. Названные политические организации отстаивали политическую свободу, неприкосновенность прав личности и собственности, представительное и монархическое правление, олицетворяя либеральное направление в революции.

В то же время начало складываться демократическое направление. С апреля 1790 г. одним из центров демократической агитации становится *Клуб кордельеров*. Собрания клуба проходили в бывшем монастыре францисканцев, подпоясывавшихся веревкой — *кордой*; отсюда и произошло название *кордельеры*. Кордельеры считали, что политическая свобода недостижима без уравнивания собственности, введения всеобщего избирательного права и утверждения народного властия. На их заседания допускались *пассивные* граждане и женщины. Видным деятелем Клуба кордельеров был журналист, врач по профессии *Ж.-П. Марат*, издававший газету «*Друг народа*». Со страниц своей газеты он призывал к решительному народному восстанию против тех, кого считал врагами революции, — против монархии, духовенства и бывших дворян, а также против новой власти, которую обвинял в излишней умеренности. Целью восстания Марат считал устранение крайностей имущественного неравенства. Среди кордельеров выделялся *Ж.-Р. Эбер*, автор и издатель газеты-памфлета «*Отец Дюшен*», начавший свою политическую карьеру как монархист, а затем превратившийся в яростного критика монархии. Активную антимонархическую позицию в клубе занимал и *Анаксагор Шометт*. Политической известностью пользовались члены Клуба кордельеров *Ж.-Ж. Дантон* и *А.-Ф. Моморо*. В конце 1790 г. член клуба журналист *Ф. Робер* выдвинул лозунг установления республики. Весной 1791 г. лозунг подхватили кордельеры, которые возглавили

демократическое движение против монархии и призывали к введению всеобщего избирательного права. При Клубе кордельеров действовал созданный *К. Фоше* и *Н. Бонвилем Социальный кружок*, выступавший за объединение патриотов и проведение в жизнь принципа равенства.

Центрами политической жизни стали общие собрания 48 парижских секций (т.е. избирательных округов Парижа), на которых обсуждались текущие дела. В секциях действовали *братские общества*, объединявшие городскую бедноту и политически тяготевшие к Клубу кордельеров. На собраниях братских обществ не только звучали выступления против цензовой системы, за равенство избирательных прав, но раздавались и социально-уравнительные требования. В самом Якобинском клубе появились сторонники всеобщего избирательного права — депутаты Учредительного собрания *М. Робеспьер*, *Ф. Бюзо*, *Ж. Петийон*, *А. Грегюар*.

С 1789 по 1791 г. шло формирование сил контрреволюционной эмиграции. За это время были три волны эмигрантов. Первая волна — принцы крови, придворная аристократия — покинула королевство в июле — августе 1789 г., а затем после событий 5—6 октября стали уезжать офицеры королевской армии и некоторые депутаты Учредительного собрания, например *Ж.-Ж. Мунье*. Вторая волна эмигрантов была вызвана реформами Учредительного собрания и крестьянским движением: страну стали покидать священники, чиновники Старого порядка, продолжалась эмиграция представителей офицерского корпуса. Первоначально центром политической активной эмиграции стал г. Турин, где обосновался брат короля граф д'Артуа. Затем вожди эмиграции перебрались в г. Вормс (принц Конде) и в г. Кобленц (граф д'Артуа, а позже и другой брат короля граф Прованский). Эмигранты создали свое правительство и вооруженные силы. Если первые две волны эмиграции были в значительной мере спонтанными, то третья сформировалась под воздействием пропаганды в пользу эмиграции, связанной с острым внутривнутриполитическим кризисом лета 1791 г.

Вареннский кризис и раскол революционного лагеря. Следствием демократического движения в стране стала смена политической ориентации либерального большинства Якобинского клуба и Учредительного собрания, где теперь считали, что революция зашла слишком далеко и ее необходимо завершить, главная задача при этом виделась в усилении исполнительной власти, в установлении гарантии частной собственности и в укреплении политических позиций имущих слоев общества. Размежевание в революционном лагере углублялось.

Окончательный разрыв между либералами и демократами произошел во время *Вареннского кризиса лета 1791 г.* Король Людовик XVI не раз публично демонстрировал свою приверженность революции, однако на деле был глубоко враждебен ей. Начиная с

1790 г. он искал пути бегства из Франции, с тем чтобы, оказавшись за ее пределами, открыто возглавить борьбу с революцией.

В ночь на 21 июня 1791 г. королевская семья тайно покинула Париж и двинулась к границе с австрийскими Нидерландами. Ярый противник революции генерал Буйе должен был встретить короля с семьей и переправить их в расположение австрийских войск. Общий замысел состоял в том, чтобы король во главе войск Буйе, австрийцев и отрядов эмигрантов вернулся в Париж и осуществил контрреволюционную программу, изложенную в *королевской декларации Национальному собранию 23 июня 1789 г.*, означавшую отказ от всех революционных преобразований, восстановление сословий и прерогатив королевской власти. Однако несогласованность действий организаторов этого замысла, бдительность местного населения привели к аресту короля и его семьи в пограничном городке Варенне (он и дал название кризису). Королевскую семью под конвоем отрядов национальной гвардии и поднятых набатом тысяч вооруженных людей доставили в Париж.

Вареннские события привели к усилению демократического движения, которое впервые с начала революции приняло открыто республиканский характер. В адрес Учредительного собрания стали поступать петиции с мест с требованием отрешения короля от власти. По решению Учредительного собрания Людовик XVI был лишен своих властных полномочий вплоть до окончательного принятия Конституции 1791 г., которую ему следовало утвердить. В связи с бегством Людовика XVI и его семьи из Парижа со всей остротой встали вопросы о судьбе короля, монархии и, шире, о судьбе революции — должна ли она завершиться или же продолжаться, чтобы решить сохранявшиеся в государстве проблемы.

Либеральные политики — депутаты Учредительного собрания и члены Якобинского клуба, возглавляемые триумvirатом — А. Барнавом, А. Дюпором и Ал. Ламетом, — видели в неприкосновенности личности Людовика XVI и сохранении за ним трона залог общественной стабильности, а также средство завершить революцию, сохраняя все ее достижения. «Сегодня, господа, — говорил, выступая в Учредительном собрании А. Барнав, — вы должны почувствовать, что общий интерес заключается в том, чтобы революция остановилась... Еще один шаг к свободе означал бы уничтожение королевской власти, по пути к равенству — уничтожение собственности».

Левые же члены Учредительного собрания и Якобинского клуба — М. Робеспьер, Ж.-П. Бриссо и другие — выступали за смещение Людовика XVI при сохранении института монархии. В этих условиях 16 — 17 июля 303 члена клуба — депутаты Учредительного собрания, стоявшие на позициях триумvirата, т.е. завершения революции, вышли из Якобинского клуба и основали, в противовес ему, «Общество друзей конституции», сторонников которого стали на-

зывать *фельянами* — по названию монастыря ордена фельянов, где они обосновались.

Клуб кордельеров, возглавивший республиканско-демократическое движение, выступил с инициативой направить в Учредительное собрание республиканскую петицию, для подписания которой 17 июля 1791 г. на Марсовом поле собрались манифестанты. Поскольку согласно декрету Учредительного собрания разрешалась подача только индивидуальных петиций, муниципальные власти признали акцию незаконной, а саму манифестацию — «незаконным сборищем». Во исполнение *Закона об осадном положении* части Национальной гвардии во главе с мэром Парижа Ж.-С. Байи и генералом М.-Ж. Лафайетом открыли огонь по республиканской манифестации. 50 манифестантов были убиты, несколько сотен ранены.

Раскол в Якобинском клубе и события на Марсовом поле привели к окончательному политическому обособлению друг от друга либерального и демократического направлений; первое отныне олицетворяли фельяны, а второе — якобинцы.

16.3. Период конституционной монархии (3 сентября 1791 г. — 10 августа 1792 г.)

Конституция 1791 г. В сентябре 1790 г. Учредительное собрание кодифицировало принятые к тому времени конституционные законы, и 3 сентября 1791 г. окончательный текст конституции был принят.

Согласно конституции, во Франции была установлена *конституционная монархия*. Представителями нации являлись король и однопалатное Законодательное собрание. Король как глава исполнительной власти наделялся широкими полномочиями и получил титул «*короля французов*». Он назначал и отправлял в отставку министров, которые не могли быть депутатами Законодательного собрания и не были облечены парламентской ответственностью. Король наделялся правом отлагательного королевского вето, приостанавливающего прохождение принятого Законодательным собранием декрета в течение 2 легислатур (4 лет). Королевское вето не распространялось на конституционные и финансовые декреты, обретавшие силу закона сразу после их принятия Законодательным собранием. Однопалатное Законодательное собрание избиралось на 2 года в соответствии с имущественным цензом, не могло быть распущено, обладало законодательной инициативой, за исключением вопросов войны и мира, которые инициировались королем и утверждались Законодательным собранием.

Все органы государственной власти (исключая только высшую исполнительную власть в лице короля и назначаемых им министров) формировались на основе выборов. Конституция предусматривала бессловесное и индивидуальное участие в выборах. Право быть из-

бренным признавалось за всеми активными гражданами. Вместе с тем право избирать администрации дистриктов и департаментов, суды дистриктов и департаментов, а также депутатов Законодательного собрания предоставлялось выборщикам, избранным первичными избирательными собраниями среди тех активных граждан, которые являлись собственниками или арендаторами имущества, стоимость которых равнялась оплате за 100—400 рабочих дней (в зависимости от местности) и более. Всего число выборщиков достигало 50—60 тыс. человек. Только муниципалитеты избирались прямым голосованием на местных собраниях активных граждан. Суды кантонов (мировые суды) избирались прямой подачей голосов первичными избирательными собраниями. Конституция не распространялась на французские колонии, где не было еще отменено рабство.

Деятельность Законодательного собрания. Усиление социально-политической борьбы. 1 октября 1791 г. Законодательное собрание, избранное на основе Конституции 1791 г., сменило Учредительное собрание. Среди 768 депутатов Законодательного собрания в основном были представлены провинциальные юристы, члены администраций департаментов, дистриктов, а также муниципалитетов. «Левую» часть собрания представляли 159 депутатов, в основном членов Якобинского клуба, среди которых наиболее активными были 20 депутатов, часть из которых были депутатами от департамента Жиронды. Они объединялись вокруг яркого публициста из Парижа *Ж.-П. Бриссо*. Отсюда и название этой группы — *жирондисты* или *бриссотинцы*. Видными деятелями Жиронды были *П. В. Верньо* и *Ж. А. Н. Кондорсе*. Последователи школы физиократов, жирондисты разделяли идеи экономической свободы, особенно свободы торговли, предпринимательства, однако отстаивали необходимость протекционистской защиты растущей промышленности. Им не чужд был идеал гражданской солидарности, осуществление которого они усматривали в устранении чрезмерного общественного неравенства, для чего склонялись к таким мерам, как введение прогрессивного подоходного налога, ограничение права наследования, запрещение сосредоточения в одних руках большого числа сельскохозяйственных ферм. В политическом плане их идеалом была демократическая республика. Конституцию 1791 г. они поддержали из тактических соображений, поскольку видели в ее защите средство противостоять главной опасности — контрреволюции.

«Правое» крыло Законодательного собрания включало 175 депутатов-фельянов. Фельяны ратовали за национальное примирение, достижимое, по их мнению, на основе компромисса между всеми имущими слоями общества независимо от их прежнего сословного статуса. Поиск широкого общественного согласия был характерной чертой политики, проводимой фельянами. В октябре 1791 г. близкий к фельянам мэр Парижа *Ж.-С. Байи* четко сформулировал их политический курс в виде наказа депутатам Законодательного собрания:

«Вы должны, господа, все объединить и все примирить. Революция окончена». Достичь национального примирения предполагалось в рамках того, что дала Французская революция к середине 1791 г. на основе принятой конституции. Она отражала идейные устремления фельянов, которые рассчитывали на эволюцию введенного конституцией режима по пути к парламентаризму, с ответственным перед законодательной властью министерством.

Стремясь создать сильное и стабильное правительство, фельяны через А. Барнава, ставшего после вареннских событий негласным советником королевского двора, смогли повлиять на формирование министерства, вплоть до весны 1792 г. остававшегося их политической опорой.

Весной 1792 г. разразился *экономический кризис*. Продовольственный вопрос обострился еще в конце 1791 г. как в связи с нехваткой продовольствия, так и из-за инфляции. К июню 1792 г. ассигнаты обесценились до 57 % от номинальной стоимости вследствие их неумеренной эмиссии. Производители отказывались обменивать хлеб и другие продукты на бумажные деньги. В результате цены поползли вверх. Восстание рабов на плантациях во французской колонии на о. Санто-Доминго привело к нехватке и резкому удорожанию колониальных товаров, важнейшим из которых для массового потребления был сахар. Рост цен на продовольствие обусловил уменьшение платежеспособного спроса на промышленные товары, так как доля средств в семейных бюджетах, идущая на закупку продовольствия, сильно возросла. Экономический кризис сопровождался ростом безработицы и падением реальной заработной платы. От кризиса прежде всего пострадали наемные работники, а также ремесленники, подмастерья, мелкие торговцы. Эти группы городского населения стали называть *«санкюлотами»* (буквально — *«не носящие кюлотов»* — коротких штанов на шелковой подкладке, обязательного элемента костюма аристократа). Начиная с 1792 г. санкюлоты превратились в важную политическую силу революции.

Кризис сказался и на жизни в деревне. Продовольственные выступления были отмечены во многих провинциях Франции и сопровождалась таксированием цен на продовольствие. И в городе, и в деревне совершались нападения на хлебные обозы, на скупщиков зернового хлеба. 3 марта при попытке помешать таксации был убит мэр города Этампа Ж. Г. Симоно. Выдвигались требования установления общенационального «максимума» товарных цен на хлеб. Особенно большого размаху это движение приняло в Парижском районе.

Наряду с продовольственными выступлениями в деревне весной 1792 г. поднялась новая, самая мощная волна крестьянского движения за окончательную ликвидацию сеньориального порядка, за безвозмездное и полное упразднение феодальных повинностей. Десятки замков бывших сеньоров были разгромлены; сжигались хозяйственные документы, в которых фиксировались повинности крестьян.

Сельские массы также боролись за землю, за раздел общинных имуществ и за доступность земель из фонда национальных имуществ. Крестьянское движение того времени имело также и ярко выраженные политические черты. Оно было направлено не только против бывших сеньоров, но и против неприсягнувшего духовенства, аристократов. К тому времени в самой Франции контрреволюционным силам удалось вызвать в 1791 — первой половине 1792 г. первые мятежи на западе и на юге страны. На юге действовал при поддержке эмигрантов важный центр контрреволюции в г. Жалесе.

Обострение внутривнутриполитического кризиса, а также противостояние между революционными силами и эмигрантами и контрреволюционными силами внутри страны делали достижение общенационального примирения, к которому стремились фельяны, трудноосуществимым.

Начало войны. Революционно-патриотический подъем лета 1792 г. Зима 1791 — 1792 гг. ознаменовалась резким ухудшением международной обстановки, вызванным враждебностью к революционной Франции крупнейших европейских держав, и прежде всего Австрии и Пруссии. 27 августа 1791 г. в связи с Вареннским кризисом австрийским императором Леопольдом II совместно с королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом II была обнародована *Пильницкая декларация*, подписанная на саксонском замке Пильниц. Австрия и Пруссия заявляли о намерении совместными усилиями оказать содействие королю Франции в укреплении основ монархии и обратились с призывом о поддержке этих усилий, нацеленных на организацию интервенции во Францию. В феврале 1792 г. был заключен направленный против Франции союз между Австрией и Пруссией.

Именно поэтому в конце осени — зимой 1791 — 1792 гг. остро встала проблема войны с Австрией, а затем и с Пруссией. Людовик XVI и двор стремились к войне — они рассчитывали на интервенцию Австрии и Пруссии и подавление революции в результате военного поражения Франции. Фельяны опасались военных действий, поскольку война могла дестабилизировать конституционный режим внутри страны. Более того, часть их лидеров — триумвират А. Барнав, А. Дюпор, Ал. Ламет — ратовали за сохранение мира с Австрией и одновременно стремились побудить ее придерживаться политики с позиции силы по отношению к революционной Франции, что послужило бы стимулом к преодолению внутривнутриполитических разногласий и укреплению конституционной монархии. Лафайет и его сторонники, в отличие от триумвирата, готовы были пойти на короткую победоносную войну с Австрией, если та сама начнет военные действия. Напротив, Ж.-П. Бриссо и жирондисты выступали за начало превентивной войны против внешних врагов, рассчитывая, что, начавшись, война быстро перерастет в череду революционных войн, которые принесут свободу народам Европы. Кроме того, жирондисты верили, что война вызовет революционно-патриотический

подъем во Франции, объединение патриотических сил, опираясь на которое можно будет нанести окончательное поражение внутренней контрреволюции и в полной мере выявить контрреволюционные политические позиции короля и его окружения.

Против военной агитации Жиронды выступал М. Робеспьер, поддержанный частью якобинцев, в том числе Ж.-П. Маратом. Робеспьер полагал безрассудным первыми начинать войну и предлагал занять выжидательную позицию перед лицом внешней контрреволюции. Наибольшую угрозу делу революции он усматривал в личности короля и в силах внутренней контрреволюции, которых он назвал «внутренним Кобленцем».

Сторонники войны одержали верх. В марте профельянское министерство пало и было сформировано жирондистское министерство.

20 апреля 1792 г. Франция объявила войну Австрии, но попытка вторжения в австрийские Нидерланды трех французских армий окончилась неудачей. Французской армии недоставало опытных офицеров (около 2/3 офицеров, выходцев из дворян, оставили службу), существовавшая система вербовки солдат оказалась недостаточной для пополнения армии в военное время, а пришедшие в армию батальоны добровольцев (*волонтеров*) были плохо вооружены и необучены; вдобавок, солдаты не доверяли своим командирам. В результате Франция оказалась под угрозой военного свержения конституционной власти в ходе иностранного вмешательства.

Фельяны в Законодательном собрании, стремясь не допустить отхода от конституционных принципов и пресечь рост политического влияния революционно-демократических сил, выступили против ряда чрезвычайных мер, диктуемых сложившейся обстановкой и внесенных на рассмотрение Законодательного собрания Жирондой. Однако они потерпели поражение. 30 марта 1792 г. жирондисты добились принятия *Закона о конфискации имуществ эмигрантов*, тогда как фельяны соглашались только на секвестр доходов с эмигрантских имений. Конфискованные имущества эмигрантов влились в фонд национальных имуществ. Под давлением Жиронды в конце мая — начале июня 1792 г. были приняты декреты о роспуске предусмотренной Конституцией 1791 г. королевской гвардии (29 мая), в массе своей контрреволюционно настроенной; о преследовании неприсягнувших священников (27 мая); о создании под Парижем лагеря федератов (добровольцев — национальных гвардейцев из департаментов) (8 июня). На два последних декрета Законодательного собрания фельяны добились наложения королевского вето. Декрет о конституционной гвардии короля был принят в их редакции, разрешавшей не роспуск, а чистку.

13 июня 1792 г. король отправил жирондистских министров в отставку, и министерство вновь оказалось в руках фельянов. Возмущение народных масс Парижа политикой, проводимой королем и фель-

янами, вылилось в манифестацию, прошедшую 20 июня под лозунгами «Долой вето!» и «Восстановить министров-жирондистов!».

Последующие попытки левых добиться приостановки королевского вето на декреты, касающиеся национальной обороны, и объявить «отечество в опасности» вызвали резко негативную реакцию фельянов, по-прежнему считавших эти меры неконституционными. И только известие о вступлении в войну Пруссии (6 июля) позволило левой части Законодательного собрания преодолеть оппозицию фельянов. 10 июля их министерство ушло в отставку. На следующий день, 11 июля, было объявлено «отечество в опасности»: государственной администрации и муниципалитетам предписывалось функционировать непрерывно, мобилизации подлежали все подразделения Национальной гвардии, набирались новые батальоны добровольцев. Объявление «отечества в опасности» способствовало подъему революционно-патриотического движения, которое было направлено как против внешнего вторжения, так и против противников революции внутри страны. Несмотря на королевское вето, в Париж стали прибывать федераты, олицетворявшие единство французского народа перед лицом опасности. Тогда же получила широкое распространение написанная еще в апреле 1792 г. военным инженером *Руже де Лиллем* патриотическая песня *Марсельеза*, которую впервые исполнили в Париже марсельские добровольцы.

16.4. Установление республики. Правление жирондистов

Восстание 10 августа 1792 г. Падение монархии. Вторая половина июля — начало августа 1792 г. прошли под знаком нарастания внутривластного кризиса в стране. В парижских секциях ширилось демократическое движение. Пассивные граждане добились права участвовать в руководстве секциями, что ранее было доступно только активным гражданам. Заседания секционных собраний объявлялись непрерывными. Был образован Центральный комитет парижских секций. Установилось единство действий движения в секциях и прибывающих в Париж федератов. Сначала федераты, а затем и секции выдвинули требование отрешения короля от власти и избрания всеобщим голосованием нового законодательного органа — *Конвента* с тем, чтобы выработать новую конституцию взамен монархической. 29 июля эти требования поддержал М. Робеспьер. Жиронда избрала иную тактику. Она стремилась найти выход из кризиса путем смены министерства: речь шла о возвращении в него жирондистов.

Тем временем продолжалось наступление прусских войск. Их командующий герцог Брауншвейгский издал манифест, в котором была заявлена цель интервенции: восстановить короля во всех его

властных прерогативах; при этом непосредственная ответственность за неприкосновенность королевской семьи под угрозой репрессий возлагалась на жителей Парижа и действующую власть.

Возмущение, вызванное манифестом герцога Брауншвейгского, приблизило выступление против монархии. 3 августа 47 из 48 секций Парижской Коммуны потребовали отрешения Людовика XVI от власти. Секционные организации стали опорой готовившегося восстания.

9 августа по 3 комиссара от каждой из парижских секций собрались в городской ратуше, где образовалась *Повстанческая коммуна*, отстранившая фельянско-жирондистский муниципалитет и взявшая власть в Париже в свои руки. Всю ночь с 9 на 10 августа над Парижем гудел набат. Секции начали восстание против монархии. Колонны из предместий Сен-Марсель и Сент-Антуан устремились к королевскому дворцу Тюильри и после боя со швейцарской гвардией, потеряв около 400 человек убитыми и ранеными, овладели им.

Когда восстание победило, Законодательное собрание юридически закрепило его итоги. Король отрешался от власти, таким образом произошло фактическое свержение монархии. Исполнительная власть переходила к *Временному исполнительному совету* (новому правительству), в состав которого вошли жирондисты и Ж. Дантон. Провозглашался созыв Конвента, избираемого теперь всеми мужчинами, кроме тех, кто находился в услужении. Право быть избранным сохранялось с 25 лет. Однако выборы по-прежнему проходили в 2 ступени. Признавались полномочия Повстанческой коммуны. В состав последней вошли *Ж.-Р. Эбер*, *М. Робеспьер* и др. Среди членов коммуны преобладали юристы, лица свободных профессий, хозяева ремесленных мастерских и торговых предприятий. Установилось двоевластие: с одной стороны — власть Законодательного собрания и Временного исполнительного совета, в которых ведущей силой стали жирондисты, с другой — власть Повстанческой коммуны (или Коммуны Парижа), выступавшей уже в качестве муниципалитета Парижа и опиравшейся на парижские секции. Фельяны, представлявшие либерально-монархический лагерь, оказались на стороне контрреволюции. *М.-Ж. Лафайет* и многие другие лидеры фельянов покинули Францию.

Коммуна Парижа стала играть огромную роль. Энергично вмешиваясь в решения общеполитических вопросов, она и сама принимала важные постановления. Коммуна добилась заключения в замок Тамплъ Людовика XVI и его семьи, еще до решения Законодательного собрания отменила деление граждан на «активных» и «пассивных», направляла своих комиссаров в департаменты и в армию. Два члена Коммуны — *Шометт* и *Мартен* — получили широкие полномочия и осуществляли аресты неприсягнувших священников, роялистских журналистов, закрывали роялистские издания. Коммуна Парижа взяла под свой контроль деятельность общих

собраний секций. Коммуна Парижа выступила инициатором создания *наблюдательных комитетов* парижских секций, подчиненных непосредственно ей. Наблюдательные комитеты наделялись полномочиями по проведению обысков, разоружению и аресту подозрительных лиц.

Попытка Законодательного собрания ограничить самостоятельные действия Коммуны Парижа фактически не удалась. Напротив, Коммуна Парижа настояла на создании с 17 августа *Чрезвычайного революционного трибунала*, избираемого секциями, для суда над лицами, причастными к контрреволюционной деятельности. Для казни осужденных стали использовать специальное устройство для обезглавливания — *гильотину*, названное так по имени одного из ее изобретателей — доктора Гильотена.

После восстания 10 августа появилась возможность разработать новое аграрное законодательство, более радикальное по сравнению с принятым Учредительным собранием. Был резко изменен принцип решения проблемы феодальных земельных платежей. Согласно декрету Законодательного собрания от 25—28 августа 1792 г. выкуп подлежали лишь те повинности, происхождение которых мог бы доказать сам сеньор путем предоставления соответствующего документа, но после уничтожения в ходе крестьянских восстаний многих сеньориальных архивов такого документа у него зачастую не было. Иными словами, отныне «законность» той или иной повинности должен был доказывать сеньор. Если сеньор не мог представить подобного доказательства, повинности отменялись без выкупа. 14 августа по предложению близкого к жирондистам депутата *Франсуа де Невшато* было одобрено 2 декрета — о разделе общинных земель и об эмигрантских землях. Целью декретов было удовлетворение крестьянской потребности в земле. После сбора урожая общинные земли подлежали немедленному разделу между жителями сельских коммун в полную их собственность. Эмигрантские земли было решено сразу же после уборки урожая сдать небольшими участками по 2—4 арпана (от 0,8 до 1,6 га) в вечное владение, на условиях уплаты ежегодной ренты, с правом их последующего выкупа. Величина ренты определялась на торгах в ходе конкуренции между покупателями. Впрочем, оба декрета от 14 августа так и не были выполнены, и вопрос о перераспределении земельного фонда эмигрантских и общинных владений остался нерешенным.

28 августа 1792 г. Законодательное собрание приняло декрет о возвращении общинам их земель, захваченных бывшими сеньорами, и о невозделанных землях. Согласно этому декрету, все земли общин, отошедшие к бывшим сеньорам в соответствии с королевским ордонансом 1669 г. о праве триажа, подлежали возвращению общинам по суду в течение 5 лет. Все невозделанные земли, расположенные на территории коммун, признавались принадлежащими общинам. Притязаниям коммун или отдельных лиц бывшие сеньоры могли проти-

вopoulosать только акты купли-продажи, которые бы подтверждали приобретение бывшими сеньорами спорных угодий.

Отражения первого иностранного нашествия. Во второй половине августа 80-тысячная прусско-австрийская армия, в состав которой входил также и эмигрантский корпус, перешла французскую границу. Ей противостояли три французские армии под общим командованием генерала Ш.-Ф. Дюмуре. 19 августа главная прусская армия герцога Брауншвейгского начала наступление на территории Франции, и вскоре путь на Париж был открыт. Столица готовилась к обороне. Начался новый революционно-патриотический подъем, на время были преодолены разногласия между Законодательным собранием и Коммуной Парижа. Коммуна организовала строительство укреплений. Законодательное собрание декретировало набор 30 тыс. добровольцев в Париже и в смежных департаментах. Для осуществления набора Временный исполнительный комитет организовал отправку комиссаров, которых Ж.-Ж. Дантон, возглавлявший министерство юстиции, набирал среди членов Коммуны Парижа. В эти напряженные для Франции дни Дантон проявил энергию, инициативу и решительность, умение сплотить силы революции. Он олицетворял единство революционной власти при отражении внешней и внутренней опасности, грозившей революции.

В чрезвычайных обстоятельствах власти вынуждены были отойти от принципов либеральной экономики и прибегнуть для нужд обороны к реквизициям и таксации потребительских цен. «Все принадлежит отечеству, когда отечество в опасности», — провозгласил Дантон в Законодательном собрании. Следствием инфляции и плохого урожая 1792 г. стал очередной рост цен на продовольствие. В Париже цены на хлеб уже сдерживались административными мерами. По инициативе Дантона для нужд армии была разрешена принудительная реквизиция хлеба и фуража по ценам, установленным административными органами. В каждой коммуне приступили к обязательному учету запасов зерна. Муниципалитеты получили право удерживать на территории коммун рабочую силу, необходимую для обмолота зернового хлеба и обработки земли.

В напряженной политической обстановке в Париже и в провинции проявились стихийные народные репрессии, направленные против тех, кого подозревали в контрреволюционной деятельности, или же против граждан, подписавших петиции в поддержку монархии и политики, проводившейся фельянами. Крупнейшими событиями такого рода явились «*сентябрьские избиения*» в Париже со 2 по 6 сентября, когда толпы народа под воздействием слухов о готовящемся заговоре в тюрьмах перебили 1300 заключенных, составивших почти половину всех узников парижских тюрем. Активное участие в событиях принимали лавочники, ремесленники, национальные гвардейцы.

Политическая власть не готовила сентябрьские события и не вмешивалась в них, усматривая в народных выступлениях акт борьбы

против внутренней и внешней контрреволюции. Только позднее жирондисты обвинили Марата, Дантона и Робеспьера в содействии сентябрьским убийствам.

Благодаря мерам, принятым революционной властью, удалось добиться перелома в военных действиях. 20 сентября у местечка Вальми французские войска под командованием Ш.-Ф. Дюмурье и Ф.-К. Келлермана отбили двойную атаку прусских войск и принудили их отступить. В начале октября все войска интервентов покинули территорию Франции. Французские армии перешли в наступление. После победы 6 ноября в сражении при Жемаппе над австрийцами Дюмурье занял всю Бельгию и взял г. Аахен. Генерал А.-Ф. де Кюстин продвинулся в глубь германских земель, вплоть до Франкфурга-на-Майне. На других фронтах войскам революционной Франции удалось занять Женеvu и, нанеся поражение войскам короля Сардинии, союзника Австрии и Пруссии, занять Ниццу и Савойю, где местное население встретило французские войска с энтузиазмом. Первое нашествие интервентов закончилось их сокрушительным поражением.

Национальный конвент и установление Республики. Борьба Горы и Жиронды. 20 сентября собрался Национальный конвент. 21 сентября 1792 г. Конвент принял *декрет об упразднении королевской власти*. 22 сентября во Франции была провозглашена республика. Предстояло принять новую конституцию вместо утратившей силу Конституции 1791 г.

Всего в состав Конвента было избрано 749 депутатов. «Левую» часть Конвента представляли депутаты, занимавшие верхние скамьи, их называли *Горой* или *монтаньярами* (от фр. *montagne* — гора). В рядах монтаньяров насчитывалось сначала 134, а позднее 267 депутатов. «Поправевшая» Жиронда включала около 150 депутатов. Между ними располагались депутаты «*Равнины*», или «*Болота*», занимавшие промежуточную позицию.

Первоначально в Конвенте не существовало явного политического деления. Только постепенно между Горой и Жирондой стали проявляться противоречия, восходившие к противостоянию между Законодательным собранием и Временным исполнительным советом, с одной стороны, и Коммуной Парижа — с другой. В октябре 1792 г. лидеры жирондистов были исключены из Якобинского клуба. Гора и ее лидеры — Робеспьер, Марат, Дантон, Сен-Жюст — получили важную политическую опору в этой наиболее влиятельной организации.

Монтаньяры разделяли идеалы демократической республики. «Народ — единственная опора свободы», — подчеркивал Робеспьер. Развитие народной революции они считали явлением закономерным, поскольку никто не властен ограничить суверенную волю революционного народа. Революция не может завершиться простой сменой власти. По мнению монтаньяров, она должна была привести к глу-

бокому моральному перевороту, без которого недостижимо царство гражданской добродетели и всеобщего счастья. Новый общественный порядок должен был основываться на принципах братства и взаимопомощи. Робеспьер отделял естественные права, такие, как право на жизнь и свободу (т.е. право на существование, на осуществление политических прав и на развитие индивидуальных способностей), от права собственности, установленного позитивным общественным законом. При этом право собственности не должно было, по его мнению, противоречить праву каждого на жизнь и свободу. Вслед за Робеспьером и Сен-Жюстом монтаньяры стремились к сглаживанию проявлений общественного неравенства, вплоть до осуществления эгалитарных (уравнительных) программ. Они допускали вмешательство законодателя в экономическую жизнь. Их социальным идеалом было общество мелких производителей, в котором государство законодательным путем поддерживает относительное имущественное равенство. При определенных обстоятельствах монтаньяры были готовы принять чрезвычайные меры общественного спасения.

Жирондисты, в отличие от монтаньяров, указывали на опасность дальнейшего развития революции. Один из лидеров Жиронды — П.-В. Верньо говорил в Конвенте, что после падения монархии возможны лишь две революции — одна неминуемо уничтожит собственность, другая приведет к деспотизму. Верньо делал вывод, что необходимо бороться против обеих революций. Ж.-П. Бриссо, считая, что монтаньяры поддерживают народные массы города и деревни, предостерегал против этих новых «анархистов» и «дезорганизаторов», «которые хотят все уравнивать: собственность, достаток, цены на продовольствие, различные услуги, оказанные обществу, которые хотят уравнивать... даже таланты, знания, добродетели». Сохранить единство французского общества жирондисты предполагали, следуя политике экономического либерализма, путем упрочения земельной собственности и создания благоприятных условий для развития торгового капитала.

Таким образом, якобинцев и жирондистов разделял вопрос, который уже не раз вызывал разногласия и размежевания в революционном лагере: продолжить или завершить революцию.

Болото, среди депутатов которого выделялись *Б. Барер*, *П.-Ж. Камбон*, *Э.-Ж. Сийес*, склонялось к Жиронде, когда речь шла о защите свободы и собственности от чрезвычайных мер, предлагавшихся монтаньярами. Вместе с тем депутаты Болота поддерживали действия монтаньяров, направленные на отражение иностранного нашествия и на борьбу с контрреволюцией.

В Конвенте развернулась борьба между монтаньярами и жирондистами. Жирондисты, встревоженные политическим влиянием лидеров монтаньяров — нового триумvirата (Дантона, Марата и Робеспьера) и политическим весом Коммуны Парижа, попытались

провести через Конвент декрет о «департаментской страже», направляемой из департаментов в Париж для охраны Конвента. Жирондисты хотели постепенно свести политическое влияние Парижа к политическому весу одного из 83 департаментов с тем, чтобы Коммуна Парижа, в которой нашли политическую опору монтаньяры, не подменяла власти Конвента — органа национального представительства. Сами жирондисты опирались на поддержку департаментов, тогда как монтаньяры прежде всего — на революционные силы Парижа — его Коммуну, Якобинский клуб, секционные организации. Декрет о «департаментской страже» не прошел через Конвент. Не удалось жирондистам изменить и состав Коммуны Парижа, оставшийся проякобинским. Прокурором Коммуны был избран Шометт, а его заместителем — Эбер. По двум другим вопросам Жиронда одержала победу, добившись отмены части чрезвычайных мер, принятых в августе — сентябре. 29 ноября был распущен Революционный трибунал, а 8 декабря были отменены реквизиции и обязательный учет запасов зерна. Тем самым отчасти восстанавливалась экономическая свобода.

В конце 1792 г. в центре политической борьбы оказался вопрос о судьбе короля Людовика XVI. Документы, изъятые из замка Тюильри Коммуной Парижа и переданные в Конвент, а затем и бумаги, найденные 20 ноября 1792 г. в потайном шкафу в личных покоях короля, изобличали связи правителя Франции с иностранными дворами и эмигрантами, что сделало судебный процесс над ним неизбежным. В Конвенте против процесса над королем выступили Сен-Жюст и Робеспьер, считавшие, что Людовику XVI должен быть вынесен приговор без суда. Большинство депутатов Конвента высказывались за судебный процесс, мотивируя это тем, что тогда общественное мнение как во Франции, так и за рубежом не будет ставить под сомнение законность приговора. 5 декабря Конвент сам решил судить Людовика XVI. Жирондисты формально не выступали против процесса над королем, хотя всячески стремились его затянуть. Когда процесс начался, жирондисты, ссылаясь на неприкосновенность личности короля, стали настаивать на обращении к народу для утверждения приговора: если народ по Конституции 1791 г. предоставил монарху статус неприкосновенности, то только народ может лишить его этого статуса. Предложение жирондистов было отвергнуто. Обратиться к народу означало поставить под сомнение принцип парламентаризма и представительного правления. В итоге члены Конвента взяли на себя функции Чрезвычайного Революционного трибунала с тем, чтобы ответить на вопросы: виновен ли Людовик XVI и если да, то какого наказания он заслуживает. Конвент объявил Людовика XVI от имени французского народа виновным «в злоумышлении против свободы нации и общей безопасности государства» и приговорил его 387 голосами против 334 к смертной казни. 21 января 1793 г. бывший монарх был публично обезглавлен на гильотине.

Победы на фронтах актуализировали идею «крестового похода свободы», которая выдвигалась жирондистами еще при объявлении войны. Говорить о мире считалось проявлением контрреволюционных настроений. И хотя сами жирондисты, как и Дантон, втайне склонялись к началу переговоров, публично они высказывались за продолжение «революционной войны». На завоеванных территориях жирондист Ж.-П. Бриссо предлагал создавать «дочерние республики». В отношении территорий, занятых французскими армиями, Конвент принял в конце 1792 г. 2 декрета — от 19 ноября и 15 декабря. Согласно первому из них, Конвент постановлял, что «французская нация протягивает руку братства и помощи всем народам, которые выразят свое желание следовать свободе». Вторым декретом предписывал упразднить на занятых французскими войсками территориях привилегии и феодальные права, десятины, национализировать церковные имущества, формировать временную администрацию путем выборов до установления «свободной и народной формы правления». Кроме того, предполагалось, что народы освобожденных стран поддержат войну до победного конца против государств, отказывающихся признавать в качестве основополагающих принципов свободу и равенство. Новые органы власти в Савойе, Ницце, в Бельгии и германских землях по левому берегу Рейна, включая Майнц, высказались за присоединение к Французской республике, что и было санкционировано Конвентом.

Новые черты социальных движений в конце 1792 — весной 1793 г. С утверждением после 10 августа политической демократии особую актуальность и остроту в социальном движении приобрели социально-уравнительные идеи. В народной среде все чаще стали выдвигаться требования *социальных прав*, под которыми понималось право общества регулировать распределение общественных богатств и предметов первой необходимости. Неограниченному праву собственности — источнику социального неравенства противопоставлялось равенство в пользовании благами — *эгалитаризм*, который стал одной из важнейших черт народной ментальности того времени. Получил распространение и знаменитый лозунг «Свобода. Равенство. Братство», его начали высекать на фронтонах общественных зданий.

Эгалитаристские устремления нашли выражение в протестах крестьян, добивавшихся полного возвращения коммунальным общинным землям и их уравнительного раздела, дробления на небольшие участки национальных имуществ; запрета арендовать одному лицу одновременно несколько ферм и установления максимально допустимого размера хозяйства. Однако, выдвигая даже самые смелые требования, крестьяне нисколько не ставили под сомнение право собственности. Именно поэтому крайний эгалитаризм крестьянами не поддерживался, оставаясь лишь уделом идеологов, претендовавших на выражение их устремлений. Некоторые из проповедников ради-

кального эгалитаризма обосновывали идею *аграрного закона*, под которым в то время понимали уравнительный передел земель и даже отрицание частной собственности на землю при сохранении мелкокрестьянского хозяйства. Так, юре *Пьер Доливье* полагал, что все права собственности на землю принадлежат нации. Юре *Ж. Пти-Жан* призывал своих прихожан отказаться от частной собственности и переделить все их имущества.

Особенно важное место в социальной борьбе занимал *продовольственный вопрос*. В целом урожай 1792 г. был хорош, однако чрезмерная эмиссия ассигнатов привела к их быстрому обесцениванию. В начале апреля 1793 г. ассигнаты сохраняли только 43 % своей номинальной стоимости, что и обострило продовольственную проблему. Крестьяне-производители придерживали хлеб, ожидая повышения цен. Положение на рынке усугублялось действиями скупщиков. На почве дороговизны начался новый подъем социальных движений. Продовольственный вопрос особенно усиливал уравнительные устремления народных низов. Требование установить «максимум» продовольственных цен нередко дополнялось требованием уравнивания землепользования.

В ноябре — декабре 1792 г. мощное *восстание «таксаторов»* охватило деревни и города Парижского района: огромные — до 5—10 тыс. человек — вооруженные отряды двигались от рынка к рынку, устанавливая повсюду твердые цены на продукты. В Париже организаторами народного движения были парижские секции с их гражданскими, военными и наблюдательными (революционными) комитетами, легализованными декретом Конвента от 21 марта 1793 г. Каждая секция располагала батальоном Национальной гвардии — единственной вооруженной силой в Париже, поддерживала связь со своими гражданами, находившимися в армии. Секции, главным образом через свои гражданские комитеты, осуществляли контакты с Коммуной Парижа.

Требования народных масс формулировались активистами секций. В секциях, в Клубе кордельеров вели пропаганду «бешеные», как называли их политические противники за радикальные социальные и экономические требования в пользу наиболее обездоленных. В группу «бешеных» входили юре *Жак Ру* и его сторонники из секции Гравилье — мелкий служащий *Жан Варле*, *Жан-Теофиль Леклерк* и др. Их поддерживала часть активистов Парижских секций. «Бешеные» требовали установить «максимум» цен на продовольствие и ввиду его нехватки прибегнуть к реквизициям, ввести как средство борьбы с инфляцией фиксированный курс ассигната, наконец, принять жесткие меры против скупщиков и спекулянтов. Они агитировали за отзыв из Конвента тех его членов, которые голосовали за обращение к народу во время процесса над Людовиком XVI, т. е. за отзыв жирондистов.

Движение в секциях опиралось на поддержку Коммуны Парижа, где пост мэра занимал избранный секциями в феврале 1793 г. яко-

бинец *Ж.-Н. Паи*, а посты прокурора и его заместителя — Шометт и Эбер. Помимо выдвижения экономических лозунгов: установления «максимума» (Шометт), гарантии права на труд и права на существование (Эбер) — лидеры Коммуны Парижа много сделали для политического оформления движения парижских санкюлотов.

Санкюлоты отстаивали принцип народного суверенитета, под которым они понимали право первичных избирательных собраний утверждать законы, контролировать и отзывать депутатов, осуществлять надзор за государственными служащими и в случае необходимости поднять восстание против властей. По экономическим вопросам они выступали за таксацию цен на предметы первой необходимости. Не отвергая частной собственности, санкюлоты мыслили общество как ассоциацию мелких независимых производителей.

16.5. Назревание политического кризиса весной 1793 г. Восстание 31 мая — 2 июня

Усиление иностранной интервенции. Вандейское восстание. Активная внешняя политика Французской республики и существенное увеличение ее территории, а также процесс над Людовиком XVI и его казнь ускорили формирование *1-й коалиции* против революционной Франции. Вдохновителем и организатором коалиции выступала Англия. Торговые и колониальные противоречия между Англией и Францией еще более обострились после того, как французские войска заняли г. Антверпен и установили контроль над устьем р. Шельды, что поставило Бельгию в положение страны, подчиненной Франции. Английские военные приготовления начались уже с конца 1792 г. После казни Людовика XVI французский поверенный в делах был выслан из Англии. 1 февраля 1793 г. Конвент, увлекаемый доктриной «революционной войны», объявил войну Англии. Среди союзников Англии по 1-й антифранцузской коалиции выступали Австрия, Пруссия и некоторые другие германские государства, Голландия, Испания, Португалия, герцогства Парма и Модена, Неаполитанское королевство, Сардинское королевство. Коалицию поддержала также Россия. 18 марта 1793 г. в битве при Неервиндене австрийцы разбили армию Дюмуре, который затем пытался повернуть армию на Париж и, потерпев неудачу, перебежал к неприятелю. На Рейне армия Кюстина вынуждена была оставить под натиском прусской армии все завоеванные территории, за исключением осажденного неприятелем Майнца.

Практически одновременно с поражением на фронтах на северо-западе Франции вспыхнуло восстание против Республики. Восстание началось 3 марта в департаменте Вандея и вскоре кроме Вандеи охватило еще 3 департамента. Поводом к восстанию послужил

набор в армию 300 000 волонтеров во исполнение декрета Конвента от 24 февраля о призыве под знамена. Вплоть до конца июня восставшим сопутствовала военная удача. Первое серьезное поражение они потерпели при неудачной осаде Нанта. Восстание на северо-западе Франции затянулось на несколько лет и временами принимало форму гражданской войны. Две трети восставших составляли крестьяне, остальные были лавочниками, ремесленниками. В восстании приняли участие и бывшие дворяне. Среди причин восстания следует назвать разочарование решением в ходе революции аграрного вопроса, сменившее «великую надежду» 1789 г. Особое недовольство было вызвано фискальной реформой: новые налоги оказались тяжелее прежних. Крестьян не удовлетворил порядок продажи национальных имуществ, которые переходили в руки городских буржуа (например, в дистрикте Шоле крестьянам удалось сделать только 45 покупок земель из 640). Наконец, обстановку дестабилизировало преследование неприсягнувших священников, составлявших в ряде районов подавляющее большинство духовенства, тесно связанного с крестьянским миром. Как следствие, повстанцы обратились против республиканских властей, городских буржуа, выдвигая требование реставрации монархии с малолетним Людовиком XVII на троне (сыном и наследником Людовика XVI).

Восстание 31 мая — 2 июня. В связи с ухудшением военного положения и обострением внутренних проблем Республики Конвент между 9 марта и 20 мая принял по инициативе монтаньяров и поддержавшего их Болота ряд декретов с целью упрочения революционной власти. С программной речью по этому вопросу в Конvente выступил видный депутат Болота *Бертран Барер*, который призвал прибегнуть к чрезвычайным мерам, необходимым в чрезвычайных обстоятельствах, пойти навстречу требованиям народа, сосредоточить в Конvente всю полноту власти по проведению в жизнь революционной политики. 9 марта был создан *Революционный трибунал*, получивший полномочия судить всех «предателей, заговорщиков и контрреволюционеров», которые лишались права подачи апелляционных и кассационных жалоб. 28 марта были ужесточены меры против эмигрантов: им запрещалось возвращаться под угрозой смерти, их имущества объявлялись конфискованными. Участники мятежей, взятые с оружием в руках, подлежали казни на месте с последующей конфискацией их имуществ. По декрету Конвента от 18 марта смертная казнь назначалась за пропаганду «аграрного закона». Тем самым Конвент оказал прямую поддержку собственническим слоям французского общества, обеспокоенным резким усилением движения социального протеста народных низов. Наконец, 6 апреля был создан *Комитет общественного спасения*, наделенный весьма широкими полномочиями. Все его решения подлежали немедленному исполнению. Одним из наиболее активных членов Комитета общественного спасения стал Дантон. Принятие Конвентом чрезвычайных

чайных мер, в конечном счете поддержанных Жирондой, означало *зарождение системы государственного террора*, получившей затем дальнейшее развитие.

Чуть позже Конвент пошел навстречу некоторым экономическим требованиям, выдвинутому народным движением. 11 апреля был установлен фиксированный курс ассигнатов, 4 мая — «максимум» цен на зерно и муку с разрешением проводить ревизии и учитывать зерновые запасы (исполнение закона о «максимуме» возлагалось на администрации департаментов), наконец, 20 мая было принято решение о принудительном займе в 1 млрд ливров у богатых — у холостых лиц, имеющих доход от 6 тыс. ливров, и у семей, если их доходы оценивались от 10 тыс. ливров и выше.

С началом весны 1793 г. борьба в Конвенте между жирондистами и монтаньярами резко усилилась. Принятие Конвентом чрезвычайных мер укрепило в нем влияние монтаньяров, возросла также и политическая роль Коммуны Парижа. Жирондисты в Конвенте не хотели мириться с постепенной утратой своего политического влияния. Они решительно выступали против «максимума» и принудительного займа. Жиронда опиралась на секционное движение в провинции, берущее начало в апреле, когда в Канне, Лионе, Нанте, Марселе, Бордо отчетливо проявились умеренные и антиякобинские настроения как реакция на принимаемые Конвентом чрезвычайные декреты. В движении приняли участие также и роялисты. 18 мая Конвентом была создана *Чрезвычайная комиссия двенадцати* для расследования возможных заговоров, замышляемых против Конвента, и для поддержания законности и правопорядка. В состав комиссии вошло 11 известных депутатов-жирондистов. Им удалось направить деятельность комиссии против Коммуны Парижа. Были арестованы Эбер и Варле.

26 мая Робеспьер в Якобинском клубе призвал к народному восстанию с целью свержения Жиронды. Для проведения восстания собрание комиссаров секций сформировало *Повстанческий комитет*, который 29 мая принял решение о начале восстания. Комитет осуществлял руководство восстанием, расширив свой состав благодаря вхождению в него представителей Коммуны Парижа и департамента Сены. 31 мая в Конвент прибыли петиционеры от секций и от Коммуны Парижа. Поддержанные монтаньярами, они добились роспуска Чрезвычайной комиссии двенадцати. Другие требования секций и Коммуны, в частности о временной передаче политической власти санкюлотам, не были выполнены. 2 июня движение возобновилось. Политическое руководство восстанием постоянно осуществляли монтаньяры. 80 тысяч вооруженных парижан с пушками окружили Конвент. Когда депутаты попытались покинуть зал заседаний, командующий Национальной гвардией *Ф. Анрио* скомандовал: «Канониры, к орудиям!» Вынужденный подчиниться восставшему народу, Конвент принял решение об аресте 29 депутатов-жирондистов,

включая их лидеров Ж.-П. Бриссо и П. Верньо и 2 министров-жирондистов — Э. Клавьера и Ш. Лёбрена. Народное восстание победило.

16.6. Диктатура монтаньяров

Франция после переворота 31 мая — 2 июня. Монтаньяры в полной мере воспользовались восстанием для того, чтобы избавиться от оппозиции. Поскольку жирондисты были не четко оформленной политической партией, а, скорее, кружком единомышленников, из Конвента оказались исключены не только те его члены, которые действительно были близки к лидерам Жиронды, но и другие депутаты, открыто выступавшие против политической линии победителей. За 29 членами Конвента, арестованными в ходе восстания, последовали еще 73, подписавшие петицию с протестом против произведенного якобинцами переворота.

Отныне в Конвенте доминировали исключительно монтаньяры. Это слово (от фр. *montagne* — гора) стало распространяться еще во времена Законодательного собрания. Гора противопоставлялась тогда «пещерам деспотизма», где таились противники революции. С самого начала термин «монтаньяры» оказался вписанным в ветхозаветную символику: Гору уподобляли горе Синай, где некогда Бог вручил Моисею десять заповедей. «Святая Гора» стала изображаться в качестве источника законов для всей страны: громы и молнии с ее вершины могли поразить любого врага.

Монтаньяры представляли весьма неоднородную политическую группировку, объединявшую в своих рядах, по разным подсчетам, от 215 до 300 депутатов. Почти все они считались царубийцами (т. е. голосовали за казнь Людовика XVI). Более половины членов этой группировки составляли юристы и представители свободных профессий, людей из народа среди них практически не было — и в этом монтаньяры мало отличались от остальных депутатов. Среди тех, кто голосовал за них на выборах в Конвент, оказалось немало активных революционеров, мелких буржуа (лавочников, небогатых ремесленников и т. д.), нередко свой голос отдавали за них и присягнувшие священники.

Устранив оппозицию, монтаньяры сделали ставку на продолжение революции, но, в то же время, и существенно осложнили условия, в которых ей предстояло развиваться. Те депутаты, которым удалось скрыться или бежать из-под ареста, вернулись в свои департаменты и попытались поднять восстание против Конвента, потерявшего в их глазах всякую законность: поскольку все депутаты являлись представителями народа, одни не имели никакого права решать судьбу других. Восстали Лион, Бордо, Марсель, волнения начались в Бретани и Нормандии. Против Парижа, решившего навязать свою волю всей Франции, поднялись юг и юго-запад. Оставаясь хозяевами положения

в столице, к концу июня монтаньяры столкнулись с выступлениями против Конвента примерно в 60 департаментах из 83-х. 13 июля 1793 г. сочувствовавшая жирондистам девушка Шарлотта Корде убила Марата, постоянно призывавшего к диктатуре и массовым казням. «Свобода не восторжествует, — писал он, — пока не отрубят преступные головы двухсот тысяч злодеев». «Я считала, что убиваю не человека, а хищного зверя», — заявила на допросе Ш. Корде.

В разных частях страны к бунту против центральной власти начали активно присоединяться и противники республики: продолжал разгораться мятеж в Вандее, в конце лета стараниями роялистов англичанам был сдан Тулон. Стремительно разгоравшаяся гражданская война усугублялась критическим положением на внешних фронтах, где французские армии вели тяжелые оборонительные бои. Активизация сторонников восстановления монархии и наступление войск коалиции, проходившие на фоне обесценивания бумажных денег и нехватки продовольствия в городах, ставили под угрозу само существование Республики. В этой ситуации основной задачей монтаньяров стало сплочение французского народа вокруг Национального Конвента.

Реорганизация Комитета общественного спасения. Катастрофическое положение в стране заставило монтаньяров сделать ставку на усиление и централизацию власти. В течение лета — начала осени 1793 г. Конвент реорганизовал Комитет общественного спасения, на сей раз Дантон не вошел в его состав. Новое время выдвинуло новых лидеров. Одним из них стал адвокат из Арраса *Максимилиан Робеспьер* (1758—1794). Еще со времен Генеральных штатов он стремился постоянно находиться в оппозиции власти имущим и защищать «народ» от «аристократов». Казалось, трудно себе представить более далекого от народа политика: всегда тщательно одетый, так и не отказавшийся от старорежимного парика, Робеспьер не был ни блестящим оратором, как Верньо, ни талантливым импровизатором, как Дантон. Он писал свои речи заранее, они были тщательно выверены, но энергия и убежденность, с которой он выступал, создавали ощущение, что у этого человека слово не расходится с делом. В глазах парижского люда Робеспьер оставался неизменным защитником его интересов. Создавалось ощущение, что никакая сила не может заставить его изменить свое мнение, и это, наряду с аскетизмом в повседневной жизни, снискало ему прозвище Неподкупный.

Личность Робеспьера виделась тем более привлекательной, что он не ассоциировался ни с какими промахами властей — напротив, он всегда их критиковал. Робеспьер почти никогда не занимался практической работой: он ни разу не направлялся в провинции в качестве представителя законодательной власти, не входил ни в один комитет (за исключением Комитета общественного спасения) ни во времена Национального собрания, ни во времена Конвента. Свою

миссию Робеспьер видел в ином: «Защищать дело человечества и свободы перед судом вселенной и потомков», выступать с позиций идейного лидера. Симпатии населения и завоеванная репутация идеолога и защитника Свободы заставляли его полагать, что он обладает недоступным другим — и при этом, несомненно, истинным — знанием о том, как должна развиваться революция. Если в 1789 г. Робеспьер был настолько мало известен, что даже его имя зачастую писалось в газетах с ошибками, то уже через три года его амбиции значительно выросли. «Вы осмеливаетесь обвинять меня в намерении угождать народу и вводить его в заблуждение? — бросил он в лицо жирондистам весной 1792 г. — Я не льстец, не повелитель, не трибун, не защитник народа: я — сам народ!».

Ближайшими соратниками Робеспьера и членами Комитета общественного спасения стали *Луи Антуан Сен-Жюст* (1767—1794) и *Жорж Кутон* (1755—1794). Сен-Жюст превратился в горячего сторонника революции с первых же ее дней. Он вступает в контакт с Робеспьером, сочиняет философско-политические трактаты, активно участвует в политической жизни у себя на родине, в Пикардии. Став одним из самых молодых депутатов Конвента, Сен-Жюст быстро завоевывает популярность благодаря пламенной речи, произнесенной на суде над Людовиком XVI — ее лейтмотивом была мысль о том, что «невозможно царствовать и не быть виновным». Во время диктатуры монтаньяров ему будут доверены выступления по важнейшим политическим вопросам. Современники нередко возлагали на Сен-Жюста ответственность за репрессии и называли его «апостолом террора». Он прославится жестким и бескомпромиссным поведением в качестве комиссара Конвента при армиях, во многом благодаря его деятельности будет достигнут перелом на фронтах.

Овернский адвокат Жорж Кутон начинал свою политическую карьеру как член муниципалитета и основатель местного филиала якобинского клуба. Превратившись к 1791 г. в инвалида (у него были парализованы обе ноги), он стал все больше стремиться реализовать себя во власти: сам выдвинул свою кандидатуру на пост члена Законодательного собрания и добился избрания. Как считается, он был единственным депутатом, которого из уважения к его болезни не перебивали, однако и Кутон не упускал случая напомнить о своем недуге — когда исчерпывались иные аргументы, он не раз заставлял оппонентов уступить, заявляя: вы спорите с человеком, который одной ногой уже в могиле. В Конвенте Кутон поначалу не мог решить, к какой группировке примкнуть: Марат вызывал отвращение, Робеспьер — неприязнь, но и к жирондистам он относился с большой настороженностью. Лишь когда Жиронда оттолкнула его, Кутон объявил ей войну и присоединился к монтаньярам; его роль в перевороте 31 мая — 2 июня была общепризнанна. Известна брошенная ему в лицо фраза Верньо: «Кутон жаждет, дайте ему стакан крови!». Однако, хотя Кутон нередко считали апологетом террора, его позиция

во время командировок в департаменты была относительно умеренной.

Занимая ведущие позиции в Комитете общественного спасения и опираясь в Конвенте на монтаньяров, Робеспьер и его сторонники (робеспьеристы) начали активно проводить в жизнь меры, призванные поставить страну под контроль центральной власти и отразить нашествие войск коалиции.

Конституция 1793 года. Поскольку главной задачей Конвента по-прежнему считалась разработка нового основного закона страны, в интересах монтаньяров было укрепить свою власть, продемонстрировав готовность быстро и эффективно разрешить конституционную проблему. Имевшийся у жирондистов проект конституции был существенно переработан. Новый текст, написанный всего за две недели, 24 июня 1793 г. Конвент одобрил практически без обсуждения. Впервые в истории страны депутаты приняли решение вынести конституцию на референдум. Одновременно было положено начало еще одной политической практике, надолго пережившей революционное десятилетие: формально передавая окончательное решение в руки народа, власти начали делать все, чтобы повлиять на него. Успех референдума в немалой степени оказался обеспечен, благодаря поддержке местных органов власти и народных обществ. Явка имевших право голоса в среднем не превышала 20—30 %, публичное и устное голосование сопровождалось множеством нарушений. Однако при этом конституция была одобрена подавляющим большинством голосов, что дало Конвенту возможность заявить о полной поддержке народом его политики — в частности, провозглашения республики и переворота 31 мая — 2 июня.

По Конституции 1793 г. Франция представляла собой республику с однопалатным Законодательным корпусом. Выборы предусматривались прямые, возрастной ценз был понижен с 25 лет до 21 года. Голосовать имели право мужчины, прожившие на территории страны не менее года. Исполнительная власть вручалась Исполнительному совету из 24 человек, назначавшемуся Законодательным корпусом из списка, сформированного путем двухступенчатых выборов: воспоминания о монархии заставили депутатов существенно ослабить эту ветвь власти. В конституции подчеркивался суверенитет (верховная власть) народа и его право обсуждать законы — законопроект считался отклоненным, если в течение 40 дней значительное число первичных собраний, действуя независимо друг от друга, выскажется против. Однако на деле возможность народа повлиять на законодательство была эфемерной: при недостатке у простых граждан свободного времени для подробных обсуждений законопроектов, а также необходимой подготовки, и даже, зачастую, элементарной грамотности, это было мало реальным.

Конституции была предпослана написанная заново Декларация прав человека и гражданина. Целью общества провозглашалось «все-

общее благо», к существовавшим и ранее «естественным и неотъемлемым» правам человека — свободе собственности, и безопасности — добавлялось равенство (понимаемое, как равенство перед законом). Священным долгом объявлялась помощь «несчастливым гражданам»: предоставление работы трудоспособным и средств к существованию остальным. Общество также должно было стремиться к тому, чтобы дать образование всем своим членам. Фигурировавшее в тексте 1789 г. право на сопротивление угнетению заменялось правом на восстание, сформулированным весьма расплывчато: «Когда правительство нарушает права народа, восстание является для всего народа и для каждой его части самым священным из прав и самой непреложной из обязанностей». Без необходимых пояснений хотя бы о том, что именно можно считать «частью народа», это право превращалось в фикцию, однако позволяло монтаньярам узаконить задним числом совершенный ими переворот.

Заложенные в Конституции 1793 г. политические механизмы делали ее едва ли применимой на практике. Монтаньяры и не стали на этом настаивать: вступление конституции в силу было отложено до заключения мира.

Экономическая политика монтаньяров. Стремительное развитие революции привело к тому, что монтаньяры (впрочем, равно как и их предшественники во власти) не располагали заранее разработанной экономической или политической программой — и не выработали ее за все время своего правления. Принимаемые ими решения были в подавляющем большинстве ориентированы на нужды текущего момента, а отдаленные последствия отнюдь не всегда трезво оценивались. Тем не менее, с первых же дней своего правления монтаньяры постарались изменить сложившуюся в стране ситуацию, энергично проводя в жизнь ряд мер в интересах едва ли не всех общественных слоев.

Прежде всего, их волновало крестьянство — недовольство в деревне не стихало, да и армия, по большей части, состояла из крестьян. Кроме того, победить мог лишь тот, у кого был хлеб, а зимой 1792/1793 гг. в Париже за ним выстраивались огромные очереди. Все это заставило Конвент принять в июне-июле 1793 г. несколько *аграрных законов*, ставших самой радикальной попыткой решить аграрную проблему за всю историю революции.

3 июня 1793 г. был принят декрет (получивший дальнейшее развитие в законе 25 июля) о том, что земли эмигрантов будут проданы с торгов преимущественно мелкими участками и с отсрочкой платежей на 10 лет. Согласно закону от 10 июня, общинные земли переходили в полную собственность крестьян (если только не было документа о том, что они кем-то куплены) и по желанию 1/3 жителей коммуны, достигших 20-ти лет, подлежали разделу. И, наконец, 17 июля Конвент одобрил знаменитый декрет о полной отмене «феодалных прав» (как было принято называть при Старом порядке права сеньоров).

По этому декрету все бывшие сеньориальные подати и феодальные права провозглашались отмененными окончательно и без выкупа. Соответствующие документы подлежали сожжению в течение трех месяцев, после чего их хранение наказывалось каторгой.

Этими мерами Конвенту удалось привлечь на свою сторону значительную часть крестьянства. Тем не менее, проблем в деревне оставалось еще немало: почти ничего не получили безземельные крестьяне; отменялись сеньориальные подати, но сохранялись чисто поземельные ренты и платежи, не имеющие феодального характера; раздел общинных земель далеко не везде происходил спокойно и справедливо. Во многих местах продолжались волнения, нарастали уравнивательные тенденции.

К тому же, хотя монтаньяры и декларировали особое уважение к труду землепашцев, сама необходимость бесперебойного снабжения городов и войск в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах противопоставляла интересы крестьянства и городских слоев населения, в том числе и наиболее активных — городских низов: санкюлотов, ремесленников, мелких лавочников. Придя к власти на волне восстания, монтаньяры не могли позволить себе не прислушиваться к их мнению. Под давлением вышедшего на улицы рабочего люда и коммуны Парижа 28 сентября Конвент принял декрет о принудительном установлении *всеобщего максимума* — твердых (т. е. максимальных, не подлежащих увеличению) цен на основные продукты потребления (хлеб, соль, масло, мясо, вино и др.), ряд промышленных товаров и сырье (мыло, свечи, железо, шерсть и др.). Всего максимум был установлен на 39 видов товаров, а также на заработную плату. Тем самым монтаньярам удалось приостановить рост цен, но одновременно оказалась уничтожена и свобода торговли. Крестьянство стало стремиться вывести свою продукцию из сферы государственного регулирования или придержать товар. В ответ Конвент начал прибегать к насильственным реквизициям и развязал репрессии против недовольных.

Однако и отношение к городским низам было у монтаньяров неоднозначным. Опираясь на народные общества, они, тем не менее, стремились превратить Конвент в единственный центр власти в стране и не допустить новых восстаний, которые могли бы угрожать властям. Здесь их внимание, в первую очередь, было обращено на столицу: в начале осени монтаньяры расправились с «бешеными», активно критиковавшими новую конституцию за недостаточную заботу о бедных. «Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может морить голодом другой», — говорил, выступая в Конвенте Ж. Ру. Хотя впоследствии Конвент и принял ряд требований «бешеных» (введение всеобщего максимума, усиление террора), Ж. Ру был арестован и покончил жизнь самоубийством. С осени 1793 г. постепенно начинают ограничиваться и права парижских секций.

Люди более состоятельные старались в это время не привлекать к себе внимания и не выступать с политическими требованиями, пред-

почитая оставаться в тени или решать проблемы, прибегая к коррупции. Формально богатство не преследовалось, на практике же оно нередко вызывало подозрения и становилось объектом повышенного внимания революционного правительства. «Когда вы уничтожите самый корень зла и лишите врагов народа их богатства, — провозглашал Сен-Жюст, — тогда зависимость от богача не будет больше унижать неимущий народ».

Политика террора. В начале сентября 1793 г. санкюлоты потребовали не только резко усилить вмешательство государства в экономику, но и принять жесткие меры в отношении контрреволюционеров и спекулянтов. Откликаясь на эти требования, Конвент решил «поставить террор в порядок дня». Тем самым он признавал, что провести в жизнь предлагаемые монтаньярами политические, экономические и военные меры без насилия невозможно.

Террор (от фр. *terreur* — ужас) стал в это время политикой, направленной, по большей части, не столько на уничтожение конкретных врагов Республики, сколько на устрашение всех противников революции, под которыми в то время понимались силы, оппозиционные якобинцам и монтаньярам — как внутри страны, так и за ее пределами.

В первые годы революции насилие применялось преимущественно стихийно и исходило со стороны народных масс. Однако и новое государство, лишенное, в отличие от многовековой монархии, традиционной системы ограничивающих власть институтов, начало все чаще прибегать к насилию, оправдывая его революционной необходимостью. Принятый Национальным собранием закон о юридически не определенных «преступлениях против нации», создание в марте 1793 г. Революционного трибунала — все это были шаги по пути к террору. Однако лишь монтаньяры придали террору такой размах и столь всеобъемлющий характер, лишь они превратили его в государственную политику. «Вы не должны больше щадить врагов нового порядка вещей; свобода должна победить какой угодно ценой, — говорил Сен-Жюст. — Вы должны карать не только изменников, но и равнодушных; вы должны карать тех, кто остается бездеятельным. Ибо, с тех пор, как французский народ изъявил свою волю, всякий, кто противостоит ей, является его врагом». Следуя этой же логике и приписывая себе право говорить от имени народа, монтаньяры стали объявлять «врагами народа» тех депутатов Конвента, которые выступали против их всевластия.

По мысли монтаньяров, террор призван был сломить сопротивление политике правительства и заставить даже тех, кто ему служил, осознать, что у них нет другого выбора, кроме как победить или умереть. Врагов же террор должен был карать быстро и беспощадно, с соблюдением минимума юридических процедур. При этом планировалось, что их уничтожение вселит страх во все «слабые души», заставит их пребывать «в молчании и ужасе».

Летом 1793 г. на значительной части территории страны начали действовать созданные по инициативе якобинцев и комиссаров Конвента «революционные армии», набранные из городских низов. В отличие от регулярных войск, сражавшихся на фронтах, «революционные армии» занимались снабжением городов и фронтов, насильственными реквизициями продуктов питания и средств передвижения, проводили в жизнь политику террора.

17 сентября 1793 г. Конвент принимает «Закон о подозрительных», предписывавший арестовывать и содержать под стражей (причем за их счет) вплоть до заключения мира тех, кто не совершил еще никакого преступления, но кажется «подозрительным», недостаточно благонадежным — приверженцев «федерализма» (так монтаньяры называли стремление ряда департаментов объединиться против Конвента, исключившего их депутатов из своих рядов), бывших дворян, родственников эмигрантов.

В первую очередь, осенью 1793 г. террор обрушился на жирондистов. Выдвинув против них обвинение в «федерализме», значительную часть жирондистов Конвент объявил вне закона, многим пришлось перейти на нелегальное положение, за ними началась настоящая охота. 21 депутат, в число которых входил и Бриссо, в октябре 1793 г. был казнен по приговору Революционного трибунала. Доказать их вину оказалось крайне сложно, суд затягивался, и тогда Конвент по предложению общественного обвинителя А. Фукье-Тенвиля и по докладу Робеспьера постановил, что если процесс длится более трех дней, перед присяжными ставится вопрос, достаточно ли дело для них уже выяснено, т. е. не готовы ли они уже принять решение. «К чему свидетели? — писал в те дни Фукье-Тенвиль. — Тех, кто предстал на этом процессе, обвиняют Конвент и вся Франция; доказательства их вины очевидны». Не менее трагичной оказалась судьба и многих других жирондистов. Узнав о казни жены, закололся шпагой бывший министр юстиции Ролан, в тюремной камере совершил самоубийство один из последних энциклопедистов Кондорсе, тело покончившего с собой бывшего мэра Парижа Петиона было найдено в лесу, обглоданное собаками.

Жертвами террора стали Мария-Антуанетта и младшая сестра короля Елизавета (а наследник престола, провозглашенный роялистами Людовиком XVII, был отдан в обучение сапожнику). В равной мере террор обрушился и на многих активных участников революции, среди которых были герцог Орлеанский, принявший имя Филиппа Эгалите (Равенство), лидер третьего сословия в Генеральных штатах и мэр Парижа Ж. С. Байи, А. Барнав. С августа по декабрь 1793 г. количество заключенных в парижских тюрьмах выросло в четыре раза.

Точное число лишенных свободы при терроре не известно до сих пор (историки называют цифры от 50 до 500 тыс. чел.); погибло же, как считается, включая расстрелянных без суда и следствия и умерших в тюрьмах, около 35—40 тыс. человек. Более 80 % из них принад-

лежали к бывшему третьему сословию, примерно половина — рабочие, слуги и крестьяне. Машина террора работала без перебоев. Тысячами убивали местных жителей в Вандее; там до сих пор помнят «адские колонны» карателей генерала Л. М. Тюрро. В Нанте комиссаром Конвента Ж. -Б. Каррье несколько тысяч заключенных были затоплены на баржах, выведенных на середину Луары. Двумя другими комиссарами были расстреляны одновременно и без всякого суда 800 участников мятежа в Тулоне. После взятия Лиона, Конвент постановил разрушить город, уничтожить само его имя, а на развалинах поставить табличку: «Лион вел войну против свободы — Лион более не существует».

Процветала «шпиономания», то и дело раскрывались новые «заговоры», людей приучали видеть скрытых врагов повсюду: в народных обществах, в органах власти, даже в самом Конвенте. Страх перед репрессиями покончил и со свободой слова: выходившие в свет газеты распространяли по стране лишь официальную точку зрения, в театрах разыгрывались только патриотические, одобренные властями пьесы, в Конвенте практически прекратились дискуссии.

Революционный порядок управления. Отказавшись от введения Конституции 1793 г. в действие, 10 октября Конвент принял декрет о «временном революционном порядке управления». Источником всей власти в стране оставался Конвент: и законодательной (через принимаемые им декреты), и исполнительной (через свои комитеты). При этом Комитет общественного спасения фактически выполнял роль правительства республики, а Комитет общей безопасности отвечал за борьбу с ее врагами.

Наступило время *диктатуры монтаньяров*. Провозгласив своей целью спасение революции от внутренних и внешних врагов, они проводили свою политику, прибегая к диктаторским (авторитарным, недемократическим) методам: доминированию исполнительной власти над законодательной, активному использованию террора, невиданному ранее вмешательству государства в экономику, решению экономических проблем при помощи политических инструментов принудительной трудовой повинности. Однако до тех пор, пока значительная часть населения видела в монтаньярах единственную силу, способную решить накопившиеся проблемы, им удавалось вести за собой и Конвент, и всю Францию.

Хотя монтаньяры по-прежнему оставались в Конвенте в меньшинстве, отныне — лишившись реальных оппонентов — они без труда добивались одобрения своей политики у запуганного «Болота», а в Комитете общественного спасения сторонникам Робеспьера раз за разом удавалось навязать свою волю остальным его членам. Широко распространяется практика отправки в департаменты и к армиям специальных посланников (комиссаров) Конвента, которые обладали практически неограниченной властью, за что получили прозвище «проконсулов» — так центральная власть все больше замыкала на себя

управление на местах, подчас не интересуясь мнением и нуждами населения департаментов. В тех городах, где избранные ранее муниципалитеты проводили политику центра недостаточно активно, комиссары руководили «чистками» администрации и народных обществ.

Вместе с тем, в это время сохранялась и другая революционная традиция: народ мог отправлять свой суверенитет не только посредством представительных органов, но и в форме так называемой «прямой демократии» — например, объединяясь в многочисленные народные общества, на долю которых выпадала роль своеобразного посредника между гражданами и властями любого уровня. В стенах этих обществ обсуждались проблемы текущей политики, принимались адресованные органам власти петиции, участие в их работе служило дополнительным признаком благонадежности. В стране в это время существовало около 6 тыс. народных обществ. Самым известным из них оставался Якобинский клуб, поддерживавший тесные связи с остальными и распространявший на всю Францию свое идеологическое и политическое влияние. Наряду с Конвентом, эти клубы нередко претендовали на то, чтобы выступать от имени всей нации, активно вмешивались в действия местной и центральной администраций, в работу судов, присваивали себе право наблюдать за властями и давать им советы.

Как и существование коммуны Парижа, навязавшей в мае 1793 г. свою волю депутатам Конвента, подобная ситуация не способствовала централизации управления страной, однако на первых порах казалась монтаньярам удобной. Ранее в историографии этот период иногда даже называли «якобинской диктатурой», что, впрочем, не совсем верно, поскольку реальная власть во Франции находилась в руках монтаньяров, отнюдь не все из которых были якобинцами. При помощи Якобинского клуба они формировали соответствующую их взглядам политико-идеологическую атмосферу в стране, а ссылками на народный суверенитет, выраженный посредством народных обществ, оправдывали и разгром оппозиции, и постепенно набравшие обороты репрессии, и свою экономическую политику.

Война с врагами республики. Ярким свидетельством эффективности предложенного монтаньярами политического курса стала для французов их способность переломить казавшееся безнадежным положение на фронтах. Ответом на поражения стала беспрецедентная для той эпохи мера: 23 августа Конвент принял декрет, провозглашавший всеобщую мобилизацию нации и фактически вводивший тем самым всеобщую воинскую обязанность. Так, к весне 1794 г. возникла национальная армия, насчитывавшая более миллиона человек. Прежние регулярные войска были в ней слиты воедино с волонтерами и новобранцами, внедрялись принципы выборности командного состава, активно действовала рассчитанная на солдат и офицеров пропа-

ганда — все это способствовало подъему боеспособности и морального духа. Твердой рукой наводилась дисциплина: грабежи и дезертирство должны были караться смертной казнью. Одновременно Конвент делал все возможное для материального обеспечения войск: создавались новые государственные мануфактуры, увеличивалось производство вооружений, на нужды обороны работали многие талантливые ученые.

Полководцами нередко становились выдвинутые революцией люди, такие как выслужившиеся из солдат Л. Гош и Ж. Пишегрю, участник Войны за независимость США Ж.-Б. Журдан. Дополнительными стимулами к победе для высшего командного состава стали отныне жесткий контроль со стороны Конвента и репрессии в случае неудач. Французская армия была полностью подчинена политической власти и не имела главнокомандующего: предательство Дюмуре лишь укрепило недоверие к старому генералитету. В Комитете общественного спасения вопросами обороны страны ведал Л. Карно, заслуживший прозвище «организатора побед».

Приток в войска большого количества людей, не имевших военного опыта и должной подготовки, привел и к изменению стратегии и тактики боя. Основой стратегии европейских армий того времени (как и французской армии при Старом порядке) был методический маневр, рассчитанный на истощение противника. Силы по линии фронта распределялись, как правило, относительно равномерно. «Военное искусство монархии нам не подходит!» — провозгласил Сен-Жюст. Вместо старого линейного построения войск стало доминировать построение куда легче управляемыми колоннами в сочетании с использованием рассыпного строя. Основная ставка при этом делалась на штыковой бой и концентрацию всех сил на направлении главного удара.

Эти меры быстро принесли свои плоды. Уже осенью-зимой 1793 г. Конвенту удалось добиться решающего перелома на фронтах. К концу августа был подавлен мятеж в Марселе, к началу октября пал Лион, к середине декабря после осады был освобожден Тулон. Примерно в это же время закончились крупные военные операции в Вандее: хотя восстание окончательно и не угасло, серьезных вооруженных сил у мятежников уже не осталось. К началу 1794 г. территория Франции была практически на всех направлениях очищена и от внешнего врага — на востоке и северо-востоке силы коалиции терпели одно поражение за другим. Череду побед увенчала битва с австрийцами и голландцами при Флерюсе 26 августа 1794 г., открывшая французским войскам дорогу на Бельгию. В итоге Республика не только была спасена — перед ней, как казалось, открывались радужные перспективы.

Вместе с тем, распространяемые посредством пропаганды идеи единения народа перед лицом общего врага и прославления Франции имели двойственный эффект. Они способствовали преодолению ре-

гионального сепаратизма, складыванию единой нации, росту патриотизма и, в конечном счете, работали на победу. Обратной стороной этого стали растущая ксенофобия, зачатки национализма и поощрение мессианства — стремления навязать другим народам свои политические и культурные ценности.

Борьба с католицизмом. К 1793 г. попытка поставить церковь на службу новому государству удалась лишь частично. Нередко клирики, особенно из неприсягнувшего духовенства, оказывались в оппозиции центральной власти, активно поддерживали (наряду со многими дворянами) борьбу с Республикой. В этих условиях часть городских и сельских революционных активистов, стремясь зарекомендовать себя непримиримыми борцами за дело революции, развернула движение *дехристианизации*: церкви закрывались или превращались в храмы Разума, место церковных праздников занимали новые, революционные, священников побуждали слагать с себя сан и порой даже вступать в брак. Уничтожались иконы и статуи, колокола переплавлялись на пушки, кресты шли на дрова. То, что нельзя было использовать, предавалось «очищающему огню». Начавшись из центра Франции и парижского региона, движение постепенно охватило практически всю страну.

Поначалу Конвент относился к этому благосклонно, и некоторые его комиссары, откликаясь на желание активистов на местах, приняли участие в «дехристианизации». Однако вскоре лидеры монтьянров выступили против: столь ярая борьба с католицизмом грозила оттолкнуть от революции основную массу населения, к тому же Робеспьер видел в религии эффективное средство воспитания общества. Своим декретом 6 декабря 1793 г. Конвент запретил «любое насилие и любые меры против любой религии».

Взяв курс на моральное обновление общества, революционеры не ограничились борьбой с древней религией. Целый ряд мер этого периода демонстрирует их стремление создать вокруг «обновленного человека» новое этическое и культурное пространство с иным представлением о семье и браке, с иным восприятием времени. В октябре 1793 г. Конвент утвердил *революционный календарь*, введивший новое летоисчисление. Он был основан на десятичной системе и включал в себя 12 месяцев по 30 дней (3 декады) и пять дополнительных дней (санкюлотиды). 22 сентября 1792 г. становилось первым днем I года Республики. Названия месяцев были связаны с сельскохозяйственным циклом: прериль — месяц лугов, термидор — месяц жары, вандемьер — месяц сбора винограда.

Разрыв с прошлым декларировался на различных уровнях жизни. Обращение на «вы» сменяется обращением на «ты» (с ноября 1793 г. оно становится обязательным во всех органах власти), вместо «месье» и «мадам» теперь должны были говорить «гражданин» и «гражданка». Христианские имена многие революционеры меняли на античные (Брут, Гракх) и революционные (Марат). Сменилось и более трех

тысяч топонимов: Монмартр был переименован в Мон-Марат, Лион — в Освобожденный город, остров Бурбон — в остров Единения (Реюньон).

Борьба за выработку нового политического курса. К рубежу 1793/1794 г. угроза существованию Республики фактически была ликвидирована. Революция длилась уже больше четырех лет, и население страны стало уставать от постоянных политических и экономических пертурбаций, террора, активного вмешательства государства во все сферы жизни. Крестьянство стремилось к возвращению свободы торговли, буржуа, торговцы и банкиры, разбогатевшие в годы революции, хотели свободно пользоваться приобретенными состояниями.

В этой ситуации особенно актуальной стала проблема перспектив развития страны. Среди активистов парижских секций и членов Коммуны, в клубе Кордельеров, среди командования революционных армий было немало радикальных элементов, призывавших к увековечиванию максимума и террора, перераспределению собственности. На их стороне находилась левая часть якобинцев и даже некоторые члены Комитета общественного спасения и Комитета общей безопасности. Был у них и свой печатный орган — не брезговавшая площадной бранью газета Эбера «Папаша Дюшен». Часть якобинцев и некоторые члены Комитета общественного спасения и Комитета общей безопасности позиционировали себя как «истинные» защитники интересов народных масс и, надеясь прийти к власти, призывали двигать революцию дальше.

В это же время на правом фланге монтаньяров формируется и другая политическая группировка. Ее члены полагали, что, поскольку революция победила, пришла пора положить конец чрезвычайным мерам общественного спасения и политике террора, заключить мир с европейскими державами и освободить из тюрем «подозрительных». Последних стали называть «снисходительными» (или «умеренными»). В их число входили и некоторые депутаты Конвента, возглавляемые кумиром парижан Ж. Ж. Дантоном. Рупором «снисходительных» стала газета бывшего друга и однокашника Робеспьера К. Демулена «Старый кордельер», едко и остроумно критиковавшая политику Комитета общественного спасения.

В данных условиях робеспьеристы (в отличие от *эбертистов* и *дантонистов*) оказались не способны выработать собственных экономическую и политическую программ, указать те ориентиры, к которым должно было стремиться общество. В речах Робеспьера, произнесенных зимой 1793/1794 г., эта задача также была поставлена, однако политика его сторонников по сути сводилась к некоторому ослаблению контроля за ценами при ограничении размера заработной платы для наемных рабочих, что вызывало растущее недовольство как в деревне, так и в городе. Предложенные ими в качестве средства борьбы с крестьянским малоземельем так называемые «ван-

тозские декреты», принятые 26 февраля — 3 марта 1794 г., практически не были реализованы. Они предусматривали конфискацию собственности «врагов революции» (включая тех, кто находился на тот момент в тюрьмах) и раздел ее между «неимущими патриотами», однако данные категории никак не были определены и никаких юридических механизмов реализации этой идеи декретами не предусматривалось.

В поисках путей решения политических проблем робеспьеристы нередко предпочитали обращаться к моральным и этическим категориям. Так, например, террор мыслился ими как инструмент для реализации программы морального обновления человека, в результате которой в стране (а затем и в мире) должны воцариться свобода и гражданское равенство, а интересы общества возобладать над личными. Это, в свою очередь, станет возможным лишь тогда, когда будет побежден порок, и во всех сердцах станет преобладать добродетель. «Террор — это ни что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, — утверждал Робеспьер. — Она, следовательно, является эманацией добродетели».

До тех пор, пока эта великая цель не будет реализована, робеспьеристы должны оставаться у власти, поскольку лишь им ведомы истинные интересы народа, лишь для них характерен истинный патриотизм. В то же время, они полагали, что чем более успешно станут продвигаться к цели, тем более ожесточенным будет сопротивление врагов. В этом заключался один из парадоксов применения политики террора: республика одерживала победы на фронтах, сходилась на нет гражданская война, власть монтаньяров укреплялась, а террор лишь усиливался.

Таким образом, политический курс робеспьеристов входил в противоречие с устремлениями сторонников как Эбера, так и Дантона. От былого единства монтаньяров не осталось и следа: теперь речь шла о том, какое из трех течений одержит победу.

Осуждение Конвентом активно поддерживаемой радикалами «дехристианизации» и принятие «вантозских декретов» внесло раскол в их ряды. Бóльшая их часть не пожелала идти на конфликт с диктатурой монтаньяров и выразила ей свою поддержку, однако Эбер, опираясь на клуб Кордельеров, потребовал новой «чистки» Конвента и призвал 4 марта 1794 г. к восстанию против революционного правительства. Ни Коммуна, ни секции его не поддержали. Эбер и его сторонники были арестованы, преданы суду и вскоре гильотинированы. Одновременно монтаньяры покончили также с опорой эбертистов — ставшими уже одиозными «революционными армиями» (они были распущены, а их командующий — казнен) и расправились с руководством коммуны Парижа (Шометтом и др.), назначив вместо них робеспьеристов. Регулярные заседания Клуба кордельеров были прекращены.

30 марта, через шесть дней после казни эбертистов, робеспьерис-

ты поспешили избавиться и от своих противников справа: Дантон, Демулен и ряд их соратников были арестованы. Накануне Дантону предлагали бежать. «Разве можно унести родину на подошвах башмаков?» — возразил он. На процессе Дантон настолько успешно защищался, что суд удалось довести до конца лишь после того, как обвиняемых лишили слова. 5 апреля подсудимые были казнены.

Падение диктатуры монтаньяров. Откровенно используя машину террора ради того, чтобы удержаться у власти, робеспьеристы, тем не менее, не покончили с оппозицией. По большей части, она была сосредоточена в Конвенте: часть депутатов сочувствовала «снисходительным», иные боялись преследований по обвинению в коррупции; росли опасения, что Робеспьер вот-вот провозгласит себя диктатором и встанет во главе страны. Активное недовольство тем, что робеспьеристы концентрируют в своих руках все больше власти, выражали и члены Комитета общественного спасения и Комитета общей безопасности.

В то же время робеспьеристы, оставшись на политической сцене без явно выраженных конкурентов, по-прежнему настаивали на проведении в жизнь своей весьма абстрактной программы борьбы с контрреволюцией до победного конца и морального обновления общества, делавшей все больший упор на репрессиях. Хотя с начала 1794 г. движение «дехристианизации» пошло на спад, тем не менее, на место католического культа во многих частях страны приходил прославляющий природу деистский культ Разума со своей литургией и своими мучениками — Маратом и другими погибшими революционерами. Однако, будучи противником атеизма, Робеспьер настоял на том, чтобы заменить католицизм новой государственной религией — культом Верховного существа, лишенным догм (кроме ряда моральных установок), священников и явной фигуры бога. В мае 1794 г. Конвент постановил, что «французский народ признает Верховное Существо и бессмертие души».

Практически одновременно, 22 прериаля II года Республики (10 июня 1794 г.) Конвент принял декрет о реорганизации работы Революционного трибунала. Отныне для виновного была предусмотрена лишь одна мера наказания — смертная казнь. Аналогично должны были караться и преступления против морали — такие, например, как попытка «испортить нравы и развратить общественное сознание». При вынесении приговора присяжные должны были руководствоваться не законом, а исключительно своей совестью. Декрет отменял предварительный допрос подсудимых, состязательный процесс, трибуналу предоставлялось право не вызывать свидетелей. Эффект не замедлил воспоследовать: за шесть недель после 22 прериаля в Париже было гильотинировано больше людей, чем за 14 месяцев до того.

Обе эти меры оказались приняты и в Конвенте, и в стране весьма неоднозначно. «Вантозские декреты» не были проведены в жизнь.

Население страны осталось равнодушным к культуре Верховного существа. Как писал Сен-Жюст, «Революция оледенела». Слова о грядущем царстве добродетели стремительно теряли былую привлекательность, а высказанные Робеспьером и Кутонем во второй половине июля обещания покончить с новой группой «предателей» заставили депутатов сплотиться перед лицом общей угрозы: после казни Дантона никто уже не мог чувствовать себя в безопасности.

Постепенно в стенах Конвента сложился заговор, участники которого были объединены стремлением свергнуть власть робеспьеристов. 9 термидора (27 июля) заговорщики прервали речь Сен-Жюста и не позволили Робеспьеру выступить в его защиту. Конвент принял декрет об аресте их обоих и ряда их сподвижников. Хотя Коммуна добилась освобождения робеспьеристов из тюрем и попыталась поднять восстание, они не сумели привлечь народ на свою сторону, были объявлены вне закона и разгромлены. 10 термидора Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и 19 их соратников взойшли на эшафот. Диктатура монтаньяров пала.

16.7. От термидора к брюмеру (июль 1794 г. — ноябрь 1799 г.)

Франция после переворота 9 термидора. Организуя свержение Робеспьера, депутаты Конвента отнюдь не ставили своей целью изменение политического устройства страны. Переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.) преподносился ими как борьба с «тираном», угрожавшим свободе национального представительства, не выходил за рамки «революционной законности» и с этой точки зрения ничем не отличался от уничтожения жирондистов, дантонистов и эбертистов. Большинство членов Комитета общественного спасения и Комитета общей безопасности, равно как и большинство депутатов Конвента (отныне их нередко стали именовать *термидорианцами*), полагая, что Робеспьер и его сторонники завели страну в тупик, возмущаясь нарушением «принципов 1789 года», опасаясь за собственные жизни, встали на сторону заговорщиков. Современники даже говорили, что «правительство свергло само себя». В многочисленных воззваниях и петициях местные власти и народные общества приветствовали «благословенную революцию 9 термидора», бывшие «друзья» и сторонники Робеспьера в большинстве своем сочли более выгодным и безопасным отречься от своего кумира.

В число термидорианцев попали люди различной политической ориентации, объединенные общими целями: избавиться от робеспьеристов, обеспечить личную безопасность и не допустить впредь сосредоточения власти в одних руках. У них не было заранее разработанного плана реформ; принимаемые ими решения имели единый

вектор, но весьма хаотичный характер. Была ослаблена власть Комитета общественного спасения, реорганизован Революционный трибунал, отменен декрет от 22 прериаля II года Республики (10 июня 1794 г.), арестован и впоследствии казнен общественный обвинитель Революционного трибунала Фукье-Тенвиль, выпущены из тюрем многие заключенные, ослаблено влияние парижских секций.

Однако вскоре ситуация изменилась. Члены Комитета общественного спасения и Комитета общей безопасности рассчитывали в полной мере сохранить свою власть и воспользоваться плодами переворота, но те депутаты, которые во время диктатуры монтаньяров, по выражению одного из них, «оставались живы», стремились отеснить от власти прежних лидеров Конвента, добиваясь более масштабного пересмотра политики 1793—1794 гг. Комитеты обновили, часть левых депутатов была выведена из состава Конвента, а затем и отправлена в ссылку. Вместо них в число законодателей возвратили около 100 человек, исключенных после переворота 31 мая — 2 июня 1793 г.

Воспользовавшись вновь обретенной свободой слова, обновленный Конвент начал кардинальный пересмотр итогов правления монтаньяров, одну за другой отменяя принятые ими чрезвычайные меры. В конце 1794 г. ликвидируется государственное вмешательство в экономику, упраздняется монополия внешней торговли, отменяется «максимум». Прекратились гонения на духовенство, одновременно церковь была отделена от государства. Встал вопрос о том, что делать с Конституцией 1793 г., так и не введенной в действие и очевидно неприменимой в новых условиях. Вместе с тем термидорианцы были полны решимости сохранить основные преобразования революции в политической, юридической, аграрной и религиозной сферах, ни в коей мере не допустить постепенного возвращения к Старому порядку или конституционной монархии.

Одним из самых сложных в это время был *вопрос об итогах террора*. Дав согласие на процессы над наиболее одиозными *террористами*, закрывая глаза на начавшееся преследование бывших террористических кадров и якобинских активистов на местах, Конвент вынужден был решать вопрос об ответственности за террор, которая фактически падала как на большую часть его депутатов, голосовавших при монтаньярах за усиление террора, так и на народ, одобрявший террор в адресованных в Конвент петициях и воззваниях. Это явно показал, в частности, суд над палачом Нанта депутатом *Ж.-Б. Каррье*, произнесшим с трибуны Конвента знаменитую фразу: «Здесь виновны все, вплоть до колокольчика председателя!» В итоге масштаб этих процессов оказался существенно меньшим по сравнению с репрессиями 1793—1794 гг., и преследования на местах не получили одобрения свыше. Конвент сделал все, чтобы избежать темы массовой коллективной ответственности, а на последнем своем заседании провозгласил широкую амнистию, рассматривавшуюся как средство национального примирения.

В то же время упрочилось внешнеполитическое положение Республики. Закрепляя достигнутые при монтаньярах успехи, французские войска перешли в наступление, война была перенесена на территорию стран коалиции, лишив ее былого единства. В начале апреля 1795 г. Пруссия подписала с Францией сепаратный *Базельский мирный договор*, по которому она уступила Франции левый берег Рейна в обмен на обещание территориальных приобретений на правом берегу и согласие на покровительство северогерманским государствам. В мае был заключен мир с Голландией, в июле — с Испанией, уступившей Франции свою часть о. Сан-Доминго. Одновременно шли так и не завершившиеся успехом переговоры с Австрией, а премьер-министру Англии У. Питту-младшему приходилось противостоять намерениям парламентской оппозиции, пользующейся поддержкой народа, навязать аналогичное соглашение о мире с Францией Георгу III.

Термидорианцы продолжали политику монтаньяров и по другим направлениям. Еще раньше были ограничены права Коммуны Парижа, а сама она поставлена под контроль правительства, стали закрываться народные общества, терял свое значение и Якобинский клуб, окончательно прекративший работу в ноябре 1794 г. В полной мере ими был унаследован и экономический кризис: пришедшая в упадок торговля, катастрофическая инфляция, разрушение многих хозяйственных связей, спекуляция, голод. Если к лету 1794 г. за бумажные деньги давали 34 % их номинальной стоимости, то к зиме — уже 20 %, а к концу периода — около 1 %. Хотя пик продовольственного кризиса падает на февраль — март 1794 г., и при Термидоре положение с поставками продовольствия в города оставалось немногим лучше, а долгожданная отмена «максимума» не стала панацеей. Зимой 1794/1795 гг. даже депутаты Конвента, отправляясь в гости, брали с собой хлеб.

На фоне голода, обесценивания бумажных денег, уменьшения влияния секций, разговоров о грядущем пересмотре якобинской конституции весной 1795 г. в Париже произошли *2 народных восстания — 12 жерминаля (1 апреля) и 1—2 прерияля (20—21 мая) III года Республики*. Если первое было без труда подавлено, то второе, проходившее под лозунгом «Хлеба и Конституции 1793 года!», оказалось значительно лучше подготовлено, в нем принимали участие подразделения национальной гвардии, и Конвент в итоге оказался на время захвачен, а один из депутатов убит. Разгул пьяной толпы произвел на современников неизгладимое впечатление — порой едва ли не большее, нежели любое из предшествующих восстаний. «Вместо упорядоченной и смышленной толпы перед нашими глазами предстала жалкая картина воистину народной оргии», — не без грусти писал впоследствии один из монтаньяров. Это не помешало некоторым монтаньярам попытаться воспользоваться восстанием, чтобы навязать Конвенту ряд радикальных декретов, однако большинство депутатов, опираясь на верные Конвенту войска и секции, в

последующие дни одержали верх. Восстания лишь позволили термидорианцам расправиться с оппозицией «слева»: несколько бывших членов Комитета общественного спасения и Комитета общей безопасности были высланы в Гвиану, часть монтаньяров исключили из Конвента, шестерых приговорили к смертной казни, санкюлотам предместья предписано было сдать оружие.

Не меньшую угрозу для режима представляла оппозиция «справа»: конституционные монархисты и роялисты, выступавшие за реставрацию королевской власти в полном соответствии с фундаментальными законами французской монархии. Непрекращающаяся междоусобица в среде революционеров, усталость от постоянных политических пертурбаций, дороговизна и голод создавали благодатную почву для сторонников монархии, чьи голоса звучали в стране все громче и чаще. Победы Республики на фронтах заставляли их делать ставку на реставрацию собственными силами, однако объявление о смерти малолетнего Людовика XVII в июне 1795 г. во многом разрушило эти надежды: брат казненного короля граф Прованский незамедлительно объявил в *Веронской декларации* о вступлении на престол и продемонстрировал в ней непримиримость своей позиции по отношению к цареубийцам. Возможность для компромисса между старой и новой политической элитой была упущена. Потерпела крах и попытка высадить в том же месяце роялистский десант на п-ве Киберон в Бретани. Десант был разгромлен республиканскими войсками под командованием генерала Л. Гоша, а около 700 дворян, взятых в плен с оружием в руках, были расстреляны.

Укрепив свою власть, термидорианцы в начале осени 1795 г. вынесли на референдум новую конституцию Франции, так называемую *Конституцию III года Республики*, которая, по их замыслу, должна была окончательно завершить революцию. Конституции предшествовала видоизмененная *Декларация прав человека и гражданина*, из которой исчезли абстрактные философские категории (естественное право, всеобщее благо), а права оказались дополнены обязанностями. По этой конституции вводились двухступенчатые выборы и — впервые в истории страны — *двухпалатный Законодательный корпус*, состоявший из *Совета старейшин* (250 человек не моложе 40 лет) и *Совета пятисот*. Оба совета должны были ежегодно на 1/3 обновляться. Для граждан и выборщиков предусматривался имущественный ценз. Хотя депутаты от него освобождались, новая избирательная система была явно ориентирована на создание политического господства собственников — это мотивировалось тем, что лишь обладающим собственностью есть что терять и они не будут склонны к безответственным экспериментам образца 1793—1794 гг. Исполнительная власть оказывалась фактически подчинена законодательной и отдавалась в руки *Директории* из 5 человек, избравшейся Законодательным корпусом. Конституция закрепляла республиканский строй, «принципы 1789 года», единство мер и весов на

всей территории страны, неизбежность изгнания эмигрантов, гарантировала собственность владельцам национальных имуществ.

Одновременно с конституцией на голосование были вынесены так называемые «*декреты о двух третях*», предписывавшие переизбрание в новый Законодательный корпус двух третей членов Конвента. Конвент рассматривал это решение как меру по борьбе с роялистской угрозой — и действительно, среди свободно избранной трети депутатов преобладали сторонники монархии. Провалившиеся на референдуме декреты тем не менее были введены в действие, что послужило поводом для *последнего народного восстания времен Французской революции*: в ночь с 12 на 13 вандемьера IV года Республики (4—5 октября 1795 г.) большинство парижских секций обвинили Конвент в нарушении народного суверенитета и выступили против него. В ответ Конвент объявил, что движение секций направлялось сторонниками восстановления королевской власти, и подавил его. Особенно отличились в те дни назначенный командующим войсками видный термидорианец *Поль Баррас* и молодой *генерал Наполеон Бонапарт*, открывший по восставшим артиллерийский огонь.

Так, за полтора года, прошедшие со времени падения Робеспьера, термидорианцы сумели в определенной степени подвести итоги революции: демонтировав режим монтаньяров и отказавшись от их демагогической риторики, они укрепили республику, устранили внешнюю угрозу и создали конституционную политическую систему, в большей мере опирающуюся на практические нужды, нежели на философские абстракции.

Директория. Заговор Гракха Бабёфа. 26 октября 1795 г. Конвент самораспустился, уступив место новым органам власти. «Декреты о двух третях» позволили сохранить республику, но сразу же явно продемонстрировали внутреннюю слабость режима, вынужденного решать наиболее принципиальные проблемы путем нарушения конституции. В конституции не был предусмотрен и механизм разрешения конфликтов между исполнительной и законодательной властью: несмотря на то что Директория значительно лучше депутатов представляла себе, что происходит в стране, она во всем зависела от воли Законодательного корпуса. Продолжение революционной политики в отношении эмигрантов и выбор большинства директоров из людей, голосовавших за казнь Людовика XVI, не оставляли возможности для национального примирения. Все это способствовало политической нестабильности, особенно опасной на фоне продолжающегося экономического кризиса.

Нехватка хлеба и перебои в снабжении городов нередко приводили к тому, что люди с ностальгией вспоминали как Старый порядок, так и времена диктатуры монтаньяров. Последняя казалась городским низам особенно привлекательной: жестко контролируя деятельность секций и народных обществ, расправляясь с недовольными при помощи репрессий, диктатура монтаньяров, тем не менее, делала

все для того, чтобы наладить поставки продовольствия, и именовала низшие слои общества истинными творцами революции, источником суверенной власти в государстве. Упразднение платы активистам секций, проблемы с продовольствием, вызванные отменой «максимума», постепенное ослабление воспоминаний об ужасах террора заставляли городские народные массы ощущать себя обманутыми, стремиться к новой революции в своих собственных интересах.

В этой обстановке зародилось первое революционное коммунистическое движение, во главе которого стоял *Франсуа Ноэль Бабёф* (1760—1797), принявший в честь знаменитого римского трибуна имя *Гракс*. По профессии землемер и юрист, он с первых дней революции бросил службу, чтобы сделать карьеру профессионального политика. Получив известность как радикальный журналист, в годы диктатуры монтаньяров Гракс Бабёф так и не смог самореализоваться, поскольку находился под стражей по обвинению в подделке финансовых документов. Заведя в тюрьме знакомство с другими недовольными, после освобождения по амнистии конца 1795 г. Бабёф становится центром притяжения для тех, кто участвовал в проведении террора в жизнь, и для его активных сторонников, жаждущих реванша. От критики Робеспьера он перешел к его апологетике. В числе сторонников Бабёфа (которых впоследствии стали называть *бабувистами*) оказались якобинец *Ф. Буонарроти*, общественный обвинитель при революционных трибуналах Арраса и Камбрэ *О. А. Дарте*, отец и сын *Дюпле*, в доме которых жил Робеспьер в Париже, несколько присяжных парижского Революционного трибунала, философ и литератор *П.-С. Марешаль*.

В марте 1796 г. бабувисты сделали ставку на вооруженное восстание и сформировали для его подготовки *Тайную директорию общественного спасения*. Их глубоко законспирированная организация начала активную антиправительственную пропаганду (прежде всего, в мастерских и военных частях), установила связи с ушедшими в подполье якобинцами, выпустила несколько газет. Однако накануне восстания один из членов организации выдал властям их планы, руководителей движения арестовали. В мае 1797 г. Бабёф и Дарте были казнены, семеро их товарищей приговорены к ссылке, несколько человек за недостатком улик оправдано.

Движение под руководством Бабёфа нередко называют «*заговором во имя равенства*», а его самого — одним из первых коммунистов. Во главу угла Бабёф и его сторонники действительно ставили полное равенство — не признающее различий ни в имущественном состоянии, ни в правах, ни в условиях жизни, ни даже в способностях и личных качествах. «Общественные учреждения должны вести к тому, чтобы навсегда отнять надежду у каждого стать более богатым, более влиятельным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан», — писал Бабёф. По мысли его сторонников, частная собственность должна быть отменена и заменена обще-

ственной; предусматривалась всеобщая трудовая повинность; все произведенное должно было сдаваться в государственные хранилища; деньги и торговлю следовало упразднить. Даже если человек мог и готов был произвести более других, он не смел претендовать на дополнительное вознаграждение.

Для поддержания порядка в этом «идеальном» государстве бабувисты предусматривали повсеместный контроль и строгую регламентацию со стороны властей, вплоть до перлюстрации писем и запрещения свободного передвижения по стране. Людей, «подающих обществу опасный пример отсутствия у них гражданских чувств», предполагалось отправлять на принудительные работы, устроив для них специальные лагеря на островах. «Поддерживать спокойствие, защищать республиканцев и благоприятствовать преобразованиям» должны были несколько размещенных по стране армий, а на переходный период планировалось установление диктатуры. Однако этим планам не суждено было сбыться.

Внешняя политика Директории. Характерное для Французской революции мессианство, желание принести свободу другим народам, навязать им свои порядки и республиканское государственное устройство, стремление взять реванш за поражения в XVIII в. привели к тому, что, изгнав врага со своей территории и заключив мир с рядом держав коалиции, Франция не утратила стремления к экспансии. Основными ее противниками в этот период стали Англия, с которой продолжалось традиционное соперничество за колонии, и Австрия, с трудом сопротивлявшаяся желанию других государей Священной Римской империи заключить мир.

Основной удар против Австрии был нанесен на территории Италии. Относительно небольшой 38-тысячной армии, доверенной генералу Бонапарту, предстояло сразиться здесь с почти вдвое превосходящими ее силами противника. Стремительно перейдя через Альпы, Бонапарт успел отрезать пьемонтские войска от австрийских, разбить их в нескольких сражениях и в мае 1796 г. заключить с Пьемонтом мир. 10 мая в *сражении при деревне Лоди* он нанес первое поражение австрийцам, ставшее переломным в его карьере. «В этот вечер, — вспоминал он позднее, — я почувствовал себя не просто генералом, но человеком, призванным влиять на судьбу народа».

В кампании 1796—1797 гг. военные таланты Бонапарта проявились в полной мере. Ни император, ни Директория не ожидали столь стремительного поражения Австрии. После вступления французов в Милан Империя была вынуждена перебросить в Италию подкрепление, однако ряд последовавших военных побед французов (самые главные из которых *при Арколе в ноябре 1796 г.* и *при Риволи в январе 1797 г.*) заставил австрийцев пойти на переговоры. Несмотря на желание Директории занять левый берег Рейна, Бонапарт, захватив Венецию, 17 октября 1797 г. в *Кампо-Формио* на свой страх и риск подписывает с Австрией мирный договор, по которому та от-

казывалась от аннексированных Францией владений в Нидерландах и по левому берегу Рейна (но только если на это согласятся другие государства Империи). Кроме того, при разделе с Австрией венецианских владений к Франции переходили Ионические о-ва. Созданная еще в начале войны первая коалиция против Франции окончательно распалась. Хотя Директория и стремилась к продолжению войны, мечтая о наступлении на Вену, узнав о подписании мира, она не решилась дезавуировать Бонапарта и одобрила его действия.

Итогом военных побед Франции стало создание в 1795—1799 гг. ряда, как говорили в ту эпоху, «республик-сестер» — формально независимых, но фактически полностью подчиненных Франции: *Цизальпинской*, *Лигурийской*, *Римской* и *Неаполитанской* (*Партенопейской*) в Италии; *Гельветической* на большей части территории Швейцарии; *Батавской* — в Нидерландах. На проведенных под надзором французских войск референдумах в *Цисрейнской* республике (на левом берегу Рейна) и в оккупированной в 1798 г. Женеве было одобрено их присоединение к Франции.

Хотя Директория вынашивала планы десанта на территорию Англии, после возвращения в Париж в декабре 1797 г. Бонапарт сумел доказать, что эта экспедиция должным образом не подготовлена, и избрал для себя куда более отдаленный театр военных действий. Целью его экспедиции стал принадлежавший Османской империи Египет — важный стратегический пункт на пути в Индию. В мае 1798 г. французская армия отплыла из Тулона и других портов и, заняв по пути о. Мальту, высадилась на территории Египта. Разгромив мамелюков 21 июля в знаменитой *Битве у пирамид*, французы вступили в Каир. Однако не прошло и 2 недель, как Англия нанесла ответный удар: командовавший английской эскадрой адмирал *Г. Нельсон* не сумел перехватить Бонапарта по дороге в Египет, однако полностью разгромил французский флот у его берегов в *битве при Абукире*. Уцелело лишь 2 судна; армия оказалась отрезана от метрополии и заперта в пустыне; получение подкрепления из Франции также стало невозможным. Подчинив большую часть Египта, Бонапарт принял решение прорываться в Сирию, однако так и не смог ее захватить, понеся значительные потери.

Высадка в Египте спровоцировала войну с Турцией, а затем и с поддерживавшей ее Россией. Помимо этих стран в сложившуюся в 1798 г. *вторую коалицию* вошли Англия, Австрия, неаполитанские Бурбоны и Швеция. Впервые Россия не ограничилась финансовой и дипломатической поддержкой, двинув против революционной Франции свои войска под командованием А. Суворова; к апрелю 1799 г. ими был занят Милан. Объединенные русские и австрийские войска нанесли французам поражения у *реки Треббия* (июнь 1799 г.) и *при Нови* (август 1799 г.); русский десант был высажен с английских кораблей на берег Батавской республики. И хотя десант был разгромлен, а решение императора Павла I отозвать войска су-

шественно ухудшило шансы коалиции, поражения 1799 г. привели в значительному падению популярности режима Директории.

Государственные перевороты 1797 — 1799 г. «Политика качелей». Как и термидорианскому Конвенту, Директории на протяжении всего своего существования приходилось отражать атаки как «справа», так и «слева». В апреле 1796 г. был даже принят специальный закон, угрожавший смертной казнью за призывы к восстановлению монархии или Конституции 1793 г. Однако стоило Директории ликвидировать заговор Бабёфа, как она сразу же столкнулась с гораздо более серьезной угрозой.

Не сумев реализовать свои планы в 1795 г., французские роялисты сделали ставку на постепенное обновление Законодательного корпуса с тем, чтобы к 1797 г. завоевать в нем большинство мест. В итоге к лету 1797 г., пользуясь распространенной в народе ностальгией по временам спокойствия и стабильности, они получили большинство в обоих Советах и приступили к изменению законодательства: были отменены репрессивные меры против неприсягнувших священников и допущены к занятию общественных должностей родственники эмигрантов. В этих условиях большинство Директории во главе с П. Баррасом решается на военный переворот. В ночь на 18 фрюктидора V года Республики (4 сентября 1797 г.) отправленному Бонапартом в Париж генералу *Ш. П. Ф. Ожеро* был отдан приказ арестовать лидеров Советов и двух директоров, подозреваемых в симпатии к монархии. Некоторым роялистам удалось бежать, что не помешало перевороту. 177 депутатов были лишены полномочий, 65 из них отправлены в ссылку в Гвиану. Были закрыты 42 враждебные Директории газеты, полностью обновлен состав министров. Тем не менее выборы 1798 г., на которых теперь предстояло избрать практически 2/3 состава Советов, так и не принесли желанного спокойствия. На этот раз активизировались бывшие монтаньяры и якобинцы, что заставило Директорию и Законодательный корпус кассировать выборы под предлогом проверки полномочий вновь избранных депутатов. По закону от 22 флореаля VI года Республики (11 мая 1798 г.) 106 левых депутатов лишились своих мандатов.

На следующий год жертвой переворота стала уже сама Директория. Левые депутаты, вошедшие в Советы после выборов весны 1799 г., при поддержке умеренных настояли 30 прериала VII года Республики (18 июня 1799 г.) на обновлении состава Директории. Помимо П. Барраса и Э.-Ж. Сийеса в Директорию вошли 3 человека, имевшие репутацию «левых» (включая голосовавшего за казнь Людовика XVI *П. Р. Дюко*), министром полиции стал бывший «террорист» *Ж. Фуше*, министром юстиции другой царубийца — *Ж. Ж. Р. Камбасерес*.

Эти политические перевороты и колебания Директории то «вправо», то «влево» (прозванные «*политикой качелей*») совершались на фоне все более усиливавшейся усталости как населения, так и руководящих слоев общества от постоянных пертурбаций. Было мно-

го разговоров о коррупции, народные низы обостренно реагировали на то, что в наибольшей степени от революции выиграли более зажиточные слои общества, нарастало разочарование в революционных идеалах и ценностях, укреплялось неверие в возможность обеспечения мира и стабильности на основе Конституции III года Республики (тогда как по закону она не могла быть пересмотрена ранее 1805 г.). Не спасало положение и существенное улучшение экономической ситуации: предметом гордости во многом остались лишь победы французских армий под руководством генералов Гоша (скоропостижно скончавшегося осенью 1797 г.) и Бонапарта, а поражения 1799 г. воспринимались как национальный позор.

Переворот 18 брюмера. Неудачи на фронтах способствовали тому, что стали проводиться в жизнь меры, предлагаемые «левыми» депутатами Советов. Был объявлен дополнительный призыв в армию, удалось провести постановление о принудительном займе у имущих на 100 млн франков, было принято решение, что за убийство каждого государственного служащего или владельца национальных имуществ будут нести ответственность четверо заложников из числа бывших дворян или родственников эмигрантов. Активизировались и роялисты, Людовик XVIII впервые начал всерьез готовиться к возвращению в страну.

Оставшиеся у власти термидорианцы, многочисленные сторонники скорейшего окончания затянувшейся революции пришли к выводу о необходимости пересмотра конституции и прекращении ежегодного переизбрания депутатов, были полны решимости раз и навсегда покончить с угрозой режиму со стороны бывших якобинцев и сторонников реставрации монархии. В обществе нарастало стремление к установлению твердой власти, которая ассоциировалась с единственной реальной силой — армией. Одним из творцов грядущего переворота стал избранный Директором Э.-Ж. Сийес. Неожиданное возвращение в Париж Бонапарта, оставившего армию в Египте на произвол судьбы и прорвавшегося через английскую блокаду, внушило Сийесу мысль использовать популярного генерала в своих интересах. Надежды на успех переворота вселяло и то, что председателем Совета пятисот стал брат Наполеона, Люсьен Бонапарт.

18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.) организаторы переворота начали действовать. Под предлогом раскрытого якобинского заговора заседания Советов были перенесены из внушавшего опасения Парижа в его пригород — Сен-Клу. Бонапарт назначался командующим военными силами, расположенными в департаменте Сена. Однако 19 брюмера Совет пятисот оказал этим планам неожиданное сопротивление: большинство депутатов не поверили сообщению о якобинской угрозе, а появление в зале заседаний самого Бонапарта едва не привело к принятию декрета о его аресте. Положение спас Л. Бонапарт, обратившись к гренадерам И. Мюрата с просьбой о разгоне Совета. Вечером того же дня несколько десят-

ков наиболее послушных депутатов одобрили решение об исключении 62 своих коллег, вручили власть трем временным консулам — *Бонапарту, Сийесу и Дюко*, а также сформировали две законодательные комиссии, которым было поручено выработать новую конституцию, предназначенную для утверждения на референдуме. Режим Директории прекратил свое существование.

16.8. Итоги и историческое значение Французской революции конца XVIII в.

По прошествии двух столетий Французская революция конца XVIII в. видится событием всемирно-исторического масштаба. Она изменила политическую карту не только Франции, но и значительной части Европы, революцией было затронуто большинство европейских стран, в ней искали свои истоки многие идейно-политические течения XIX—XX вв. — консерватизм, либерализм, демократизм, социализм, коммунизм. Едва ли не каждая последующая революция Нового времени поверяла себя по французской, заимствовала у нее лексику и терминологию, полемизировала с ней, обращалась к ее политической практике.

Следствием Французской революции стало постепенное, но кардинальное изменение идейного и политического климата в Европе. Знаменитый лозунг «Свобода, равенство, братство» проникал в массы наряду с более умеренными идеями, характерными еще для деятелей Просвещения: свобода — это возможность делать все, что не ущемляет права другого, равенство — это прежде всего равенство перед законом. Большинство «принципов 1789 года» и поныне служат аксиомой для европейской политической модели: верховенство закона, свобода совести, свобода печати и многие другие. Все большую популярность на протяжении XIX в. завоевывала концепция народного суверенитета.

Не менее глобальны были и перемены, которые революция принесла самой Франции. Ее *главный итог* — *полное и окончательное уничтожение Старого порядка* как основы жизни общества. На месте тысячелетней монархии обозначились контуры новой страны, построенной на иных социально-экономических принципах, с иным административно-территориальным делением, с иным законодательством, с церковью, поставленной под контроль государства. Эта страна стала жить и по иным идеологическим ориентирам: на смену традициям и фундаментальным законам монархии пришла конституция, в которой закрепляются «принципы 1789 года», на смену сословиям — равенство всех граждан. Суверенитет короля сменился суверенитетом нации. Земельная собственность утратила сеньориальный характер, граждане начали владеть землей на равных основаниях.

На протяжении 10 лет Франция служила своеобразной «лабораторией», в которой опробовались различные политические режимы в поисках оптимального баланса между наследственной конституционной монархией и диктатурой. Революция развивалась постепенно, поэтапно, на ее ход влияло множество различных факторов: и активность народных движений, и углубление экономического кризиса, и начавшаяся в 1792 г. война, постепенно противопоставившая Францию всей Европе. Обострение внутри- и внешнеполитических проблем, угроза поражения революции обеспечили временную поддержку монтаньярам и робеспьеристам, сделавшим ставку на экстремистские методы решения стоявших перед страной проблем. Их власть, прикрываясь демагогическими разговорами о суверенитете народа, характеризовалась жестким авторитарным правлением, свободно нарушала провозглашенные в 1789 г. права человека, оказалась никоим образом не ответственной перед гражданами, развязала террор против собственного народа. Победа над внутренней и внешней контрреволюцией предопределила ее крах. В конечном итоге *на смену монархии божественного права пришла республика*, при которой реальную возможность влиять на управление страной получили те, кто сильнее всего стремился к спокойствию и стабильности, — люди, обладавшие более или менее значительной собственностью.

Сама французская модель представлений о нации и национальном самосознании также закрепились в результате Французской революции. Она основывалась на том, что французы — это прежде всего общность, объединенная единой территорией, единым правительством и едиными законами. Возникшая после падения монархии «единая и неделимая» республика стремилась к всеобщей унификации: уходил в прошлое административный партикуляризм провинций, активно насаждался французский язык, вводилась единая система мер и весов, единая система народного образования.

В *экономической сфере* итоги революции оказались куда более сложными, особенно если их рассматривать, что неизбежно, в исторической перспективе. С одной стороны, у французской экономики было немало характерных черт, остававшихся неизменными как на протяжении веков до революции, так и после нее. С другой стороны, последовавшие за революционным десятилетием наполеоновские войны, оккупация части страны иноземными войсками, многочисленные смены политических режимов в XIX в. подвергли тот вектор развития, который был задан событиями 1789—1799 гг., такому количеству модификаций и искажений, которые нередко не позволяют однозначно судить о его направленности и перспективах.

Разрушив, как говорили в те годы, «феодальный порядок» во французской деревне, уничтожив сеньориальный строй и ликвидировав сеньориальные повинности, отменив десятину, революция несомненно превратила крестьян из держателей в собственников земли и увеличила их доходы. Приобретая национальные имущества

и земли разорившихся прежних владельцев, добиваясь возвращения общинам узурпированных у них угодий, крестьянство увеличивало объем находившихся в его руках земель. В стране появились сотни тысяч новых собственников, Франция превратилась в страну массового крестьянского землевладения. Вместе с тем значительная доля приобретений совершалась крестьянской верхушкой, и в итоге революция так и не смогла решить проблему крестьянского малоземелья. В перспективе это привело к тому, что революция закрепила характерное для Франции мелкое крестьянское землевладение: даже обнищавший крестьянин обрел возможность не покидать деревню, получив определенную подпитку землей и сохранив ряд жизненно важных общинных прав, что увеличивало перенаселение в сельской местности, задерживало отток бедноты в города и делало крайне узким рынок свободной рабочей силы в промышленности.

Несмотря на все перемещения земельной собственности, крупнейшим ее владельцем и в первые десятилетия XIX в., и позднее оставалось дворянство. Распродажа национальных имуществ привела к значительному увеличению земельных владений не только крестьян, но также предпринимателей и торговцев — нередко именно у них хватало средств на то, чтобы в массовом порядке приобретать конфискованные земли, — однако и их капиталов оказалось недостаточно для концентрации в одних руках крупных земельных массивов, которые можно было бы затем сдавать в аренду. А если это и происходило, то арендные договоры нередко содержали условия, в немалой степени напоминавшие отдельные повинности времен Старого порядка — исчезнувшие для собственников земли, но частично сохранившиеся и видоизменившиеся для издольщиков.

Стремление к дополнительному заработку консервировало также архаичные (ремесленные и мануфактурные) формы промышленности, прибыльность которых обеспечивалась использованием дешевого труда деревенской бедноты, а не модернизацией с применением машин и новых технологий. Агротехническая перестройка происходила замедленно, черты традиционной системы ведения хозяйства обнаруживали большую живучесть, в послереволюционные годы урожайность важнейших культур не только не выросла, но, напротив, даже снизилась. Значительный подъем французского сельского хозяйства начался намного позднее, с эпохи Реставрации, однако и на протяжении XIX в. огромный удельный вес мелких крестьянских хозяйств по-прежнему отличал Францию от всех других стран Европы.

В то же время покупка предпринимателями национальных имуществ имела и другой немаловажный побочный эффект: как и при Старом порядке, деньги в прямом смысле слова «зарывались» в землю, не шли в инвестиции. В условиях политической нестабильности и многочисленных войн покупка земель рассматривалась как дело куда более надежное и приоритетное, нежели инвестиции в про-

мышленность, не говоря уже о том, что в обществе быть крупным землевладельцем неизменно считалось престижным.

Влияние революции на *развитие промышленности* оказалось весьма неоднозначным. Объединив страну, способствуя свободе торговли, упразднив внутренние таможи, привилегии, цехи и корпорации, разноразличных денежных знаков и мер, революция потенциально создавала существенно больший, нежели ранее, простор для предпринимательства. Для этого времени (как и для периода Империи) были характерны активное перемещение капиталов, появление множества нуворишей, воспользовавшихся изменениями экономической конъюнктуры, разбогатевших на скупке национальных имуществ, спекуляциях, военных поставках.

Однако революция в то же время положила начало и двум десятилетиям войн, разрушивших некогда мощную и процветающую французскую внешнюю торговлю, во многом бывшую залогом высоких темпов развития французской экономики в течение всего XVIII в. Переориентация на внутренний и континентальный рынки и значительные денежные вливания за счет государственных заказов повлекли за собой временный рост промышленного производства, особенно явный во времена Империи, однако этот рост оказался весьма односторонним и происходил в «тепличных условиях», исчезнувших одновременно с поражением Наполеона Бонапарта. Экономический кризис и обесценивание ассигнатов в значительной степени подорвали позиции ремесленников, ухудшили положение рабочих. И наконец, именно торгово-промышленные круги французского общества оказались одной из наиболее пострадавших от революции сторон — как в ходе городских и сельских волнений, так и во времена Террора, обрушившегося на «спекулянтов» и «негоциантов». Все эти факторы привели к тому, что в торговой и промышленной сфере революция значительно усугубила то отставание Франции от Англии, которое она начала преодолевать при Старом порядке, опираясь на растущую атлантических портов.

Французская революция обладала и целым рядом *особенностей*, отличий от других революций XVII—XVIII вв. Прежде всего, в ней в значительно большем масштабе по сравнению с революциями в Англии участвовали народные массы. При этом городские низы и крестьянство по большей части выступали в собственном ритме и с собственными требованиями, что дало ряду историков основание говорить о нескольких различных революциях в рамках единой. Однако именно «крестьянская революция» заставила законодателей закончить с сеньориальным порядком во французской деревне. Вплоть до 1795 г. соперничающие политические группировки нередко использовали в своих интересах движения городских народных масс, а порой даже шли у них на поводу.

Второй отличительной чертой Французской революции стала радикальность происходивших перемен и прочность ее итогов: стра-

не никогда уже не суждено было стать прежней. Ни «монархистам», ни «фельянам», ни жирондистам, ни монтаньярам, ни термидорианцам не удалось окончить революцию, достичь компромисса между старым и новым, вернуть стране мир и стабильность. Очередные политические группировки, приходившие к власти, неизменно продолжали социальные и экономические преобразования.

Следствием этих двух особенностей стала та невиданная в истории цена, которую пришлось заплатить французскому народу за произошедшие в стране изменения. Войны, голод, террор привели к тому, что Франция скатилась на последнее место в Европе по демографическому росту, повернула вспять урбанизация.

И наконец, третья особенность Французской революции: несмотря на все то новое, что она дала Франции и миру, несмотря на то, что сами революционеры представляли ее как резкий разрыв со Старым порядком, *она в значительной степени унаследовала и его программу реформ, и его устремления*. Введение свободы торговли и единого равного для всех налогообложения, усиление централизации и унификации страны, борьба с привилегиями провинций и подчинение регионов центральной власти — все эти реформы были намечены и начаты еще при Старом порядке, однако провалились из-за сопротивления традиционных общественных институтов. Во вторую четверть XIX в. Франция во многом вошла с тем же грузом мешающих развитию капитализма факторов, что и за век до того: нежеланием финансистов вкладывать деньги в промышленность, замедленным проникновением технических инноваций, недостаточно развитой конкуренцией, косностью аграрной системы. Сохранялась преэминентность и в курсе государственной власти на ее постепенное усиление: по сравнению с королевским «деспотизмом» и «абсолютизмом», борьба с которыми объединила различные слои общества в начале революции, власть, которую она породила в 1793—1794 гг., была куда более деспотической, ничем не ограниченной. Сбылись и внешнеполитические мечты Старого порядка: Франция вышла на свою «естественную границу» по р. Рейну и готова была продолжать завоевания.

В конечном итоге революция привела к постепенному возникновению в XIX в. современной Франции и современной Европы. Их отличительными чертами стало использование накопленного за эти годы опыта *парламентаризма* и *конституционализма*, развитие революционной и республиканской традиций и в целом *новая политическая культура*, начало которой и положила Французская революция XVIII в.

ФРАНЦИЯ В ГОДЫ КОНСУЛЬСТВА И ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ (1799—1814)

17.1. Становление и укрепление режима личной власти

Феномен *Наполеона Бонапарта* (1769—1821) — один из самых удивительных в истории Франции. Благодаря тому, что с его именем связано множество легенд (часть из которых сотворил он сам), Наполеон на долгие годы стал кумиром тысяч людей по всей Европе. Сын бедного дворянина, родившийся в г. Аяччо вскоре после того, как о. Корсика стал французским, он возглавил огромную империю, протянувшуюся от Пиренейского полуострова до Польши.

Будучи корсиканцем Наполеон не испытывал симпатий ни к французскому народу, ни к монархии и принял революцию во многом лишь потому, что видел в ней долгожданную возможность пробиться наверх. Получив профессиональное военное образование и чин артиллерийского офицера, он отправился в действующую армию, где проявил свои таланты в 1793 г. при осаде г. Тулона, а вскоре стал бригадным генералом. После Термидора Бонапарт оказался в опале, однако дружба с одним из видных термидорианцев — *П. Баррасом* позволяет ему вновь себя проявить. Весной 1796 г. Наполеон по протекции Барраса реализует свою давнюю мечту — получает под командование Итальянскую армию. В это же время в жизни Бонапарта происходит еще одно важное событие: он женится на обаятельной креолке *Жозефине Богарне*. К этому времени его судьба уже неразрывно связана с судьбами Франции. «Мой принцип — Франция превыше всего», — напишет он впоследствии.

Совершив на волне приобретенной в Италии популярности *переворот 18 брюмера* (9 ноября 1799 г.), Бонапарт становится фактическим главой государства и ставит своей целью создание режима, способного дать стране долгожданную стабильность и положить конец революции. Залогом этого должна была стать новая конституция Франции, написанная уже к декабрю 1799 г. и положившая начало периоду Консульства.

Конституция VIII (1799) года. Новая конституция практически уничтожала во Франции республиканскую форму правления и во многом порывала со сложившейся революционной традицией. Первые после отмены монархии столь обширные полномочия получала исполнительная власть. Она вручалась трем консулам, избираемым на 10 лет и названным в конституции поименно, однако главным из них становился *Первый консул* — Наполеон Бонапарт, тогда как пол-

номочия двух других ограничивались совещательным голосом. Первый консул получал право назначать и смещать членов Государственного совета, послов, министров, высших военачальников и чиновников. Разделение властей практически упразднилось, первый консул мог активно вмешиваться в дела двух других ветвей власти: ему принадлежало исключительное право предлагать и утверждать законы, а также назначать большую часть судей.

Законодательная власть выглядела значительно слабее, чем ранее. Ее разделили на три части: *Государственный совет* занимался составлением административных уложений и законопроектов, *Трибуна́т* — обсуждением и доработкой этих проектов и, наконец, *Законодательный корпус* должен был принять или отклонить законопроект без всякого обсуждения. Наиболее независимым стал Трибуна́т — неслучайно в 1802 г. среди его членов была проведена «чистка», а в 1807 г. он и вовсе был упразднен.

На вершине пирамиды оказался *Охранительный Сенат*, члены которого фактически назначались первым консулом пожизненно. Они получили право отвергнуть любой законопроект как антиконституционный, однако довольно быстро сенаторы начали менять саму конституцию посредством так называемых *сенатус-консультов* (т. е. формально — утверждаемых Сенатом разъяснений и дополнений к основному закону).

Избирательная система, установленная Конституцией VIII года, была намеренно усложнена для того, чтобы покончить с принципом народного суверенитета и лишить простых граждан возможности влиять на политический курс страны. Вместо этого все граждане, достигшие 21 года, голосовали (непосредственно или опосредованно) за «списки доверия», содержавшие имена кандидатов на замещение различных выборных вакансий, однако решающее слово в назначениях на все должности оставалось за властями.

Устраняя народ от принятия законов, Бонапарт тем не менее решил вынести конституцию на референдум. Было объявлено, что за нее высказались более 3 млн французов, однако около 2 млн не приняли участия в голосовании, да и эти результаты были сфальсифицированы: в реальности конституцию одобрило вдвое меньше граждан.

Первые преобразования. С самого начала Бонапарт видел свою цель в том, чтобы, опираясь на идеи и ценности, которые были привлекательны для большинства французов, примирить между собой различные части расколотого революцией французского общества. Но одновременно и сделать новую власть не зависимой от него. Это было невозможно без создания иллюзии того, что правительство в равной мере действует в интересах всех слоев населения, без уничтожения легальной оппозиции, без активного использования унаследованного Консульством пропагандистского и репрессивного аппарата.

Прежде всего внимание Бонапарта оказалось сосредоточено на управлении страной. Постоянные пертурбации времен Конвента и

Директории наводили на мысль о том, что одной конституции недостаточно — необходимо отказаться от заложенных революцией принципов выборности и коллегиальности и провести *административную реформу*. Начало ей было положено в феврале 1800 г. проведением в жизнь ряда мер, направленных на максимальную централизацию управления. Вся реальная власть в департаментах оказалась в руках назначаемых Первым консулом префектов и была почти ничем не ограничена. Вторая вертикаль власти, выборная, по сути имела декоративный характер. Полномочия выборных органов на местах были весьма незначительны: по большей части их деятельность ограничивалась обсуждением проводимой политики и высказыванием своих пожеланий.

Не менее энергичные меры были предприняты для *оздоровления экономики*: ко времени переворота 18 брюмера казна оказалась практически пуста, требовалось разрешить множество унаследованных от революции проблем. Не прошло и года, как на этом фоне разразился *первый* за время правления Бонапарта *экономический кризис*. Весной 1801 г. цены на хлеб в городах резко пошли вверх, к булочным стали выстраиваться очереди. Экономике лихорадило, выросла безработица.

В этой ситуации предпринятые первым консулом решительные меры доказали свою эффективность и способствовали укреплению доверия к режиму. Помня о народных восстаниях во времена революции, в качестве приоритета Бонапарт выдвинул бесперебойное снабжение городов хлебом. Заставив банкиров закупить зерно у Англии и Голландии, организовав общественные работы и активизировав деятельность *Французского банка*, созданного в 1800 г., он добился того, что не удалось ни Людовику XVI, ни революционным властям: к концу 1802 г. хлебный кризис пошел на спад.

В то же время была проведена немалая работа, направленная на пополнение казны. Продолжая начатые при Директории реформы, Бонапарт принял решение упорядочить систему налогообложения и сделать основной упор не на прямые, а на косвенные налоги (в частности, на табак и спиртные напитки). В результате принятых мер к 1802 г. удалось создать сбалансированный бюджет. Подверглась преобразованиям и финансовая система: за Французским банком была закреплена монополия на эмиссию бумажных денег. Итогом этих преобразований стало введение в обращение в марте 1803 г. серебряного франка, более века остававшегося стабильной валютой.

Борьба с оппозицией. Конкордат. Одновременно Бонапарт позаботился и о том, чтобы обезопасить себя от оппозиции. Уже в январе 1800 г. было покончено со свободой печати: в Париже из 73 газет осталось всего 13, и все они так же, как и выходившие в департаментах периодические издания, отныне контролировались властями. Год спустя под нажимом Первого консула было принято немаловажное дополнение и к судебной системе: правительство получа-

ло право создать в каждом департаменте, где только сочтет нужным, чрезвычайный трибунал, приговоры которого не подлежали ни апелляции, ни кассации. Подобные трибуналы были созданы в 32 департаментах Франции.

Как и во времена Директории, основную оппозицию правительству составляли левые и правые силы: бывшие якобинцы и роялисты. Хотя пик влияния якобинцев и бабуштивше остался далеко позади, Бонапарт в декабре 1800 г. воспользовался организованным на него покушением, чтобы завершить разгром левых: 130 наиболее активных деятелей были высланы в колонии.

Значительно более серьезную угрозу представляли роялисты, и политика Первого консула по отношению к ним была весьма гибкой. Безусловно, он стремился успокоить слои общества, тесно связанные с революцией, публично продемонстрировав, что никогда не пойдет на союз с Бурбонами. На высказанную Людовиком XVIII просьбу передать ему престол Бонапарт ответил отказом. В то же время он хотел привлечь на свою сторону роялистов, готовых отвергнуть Бурбонов и послужить Франции. Спустя всего несколько месяцев после переворота была замирена Вандея. Несмотря на данные в Конституции обещания, в 1800 г. оказался пересмотрен список эмигрантов: 50 тыс. человек получили право вернуться в страну.

И наконец, осенью 1801 г. был подписан *конкордат* (договор) с папой римским Пием VII. Революция была направлена на создание не зависимого от церкви государства, Бонапарт же предпочел пожертвовать этой идеей ради укрепления своей власти. Государство сохраняло светский характер, однако отделение церкви от государства отменялось и католицизм признавался религией большинства французов.

Новая французская церковь приобретала значительную независимость от папы римского: Первый консул назначал епископов и принимал от них клятву верности республике и конституции, папа римский возводил их в сан. Государство выплачивало клирикам содержание, те брали на себя обязательство молиться за республику и консулов. Папе также пришлось выполнить два главных требования Бонапарта: одобрить продажу церковных имуществ и согласиться на замену всех епископов (как присягнувших, так и неприсягнувших), чтобы можно было начать взаимоотношения государства и церкви с чистого листа.

Восстановление религиозного мира не только лишило роялистов серьезной поддержки в народе, но и стало одним из важнейших шагов на пути достижения общественного согласия. Сам же Бонапарт относился к католицизму весьма прохладно. «Скажут, что я — папист, — заявил он, — отнюдь. В Египте я был магометанином; здесь ради блага народа я буду католиком». Вместе с тем он полагал, что религия необходима народу: «Если вы лишите народ религии, у вас останутся только разбойники на большой дороге».

На пути к империи. Рост популярности Первого консула в связи с подписанием конкордата, победоносными войнами и заключением мира с Англией позволил Бонапарту продвинуться еще дальше по пути укрепления режима личной власти. Важным промежуточным шагом в этом направлении стали события 1802 г., когда Сенат предложил продлить полномочия Первого консула еще на 10 лет, Бонапарт настоял на том, чтобы этот вопрос был вынесен на референдум. Однако Государственный совет, вопреки Конституции VIII года, единолично решил, что народное волеизъявление должно определить, считает ли нация, что Бонапарта надо сделать консулом пожизненно. По сути это был государственный переворот: неслучайно принятые по итогам референдума сенатус-консульты принято называть *Конституцией X года*.

Хотя на референдуме против новой системы высказалось в 5 раз больше людей, чем пару лет назад, она была одобрена подавляющим большинством голосов. По Конституции X года все 3 консула сохраняли свои посты пожизненно, а Первый консул еще и приобретал право назначать себе преемника.

За Конституцией X года последовали и другие изменения в положении Первого консула. Начиная с 1802 г. Франция праздновала его день рождения, изображения Бонапарта появились на монетах, его жалованье увеличилось в 12 раз. Возник прообраз будущего двора, придворные моды начинают воспроизводить детали одежды, принятые при Старом порядке, постепенно исчезло обращение на «ты», возобновились дворцовые охоты, складывался придворный этикет. Негативно было воспринято республиканцами и создание *Почетного легиона* — особого сообщества (ордена) для поощрения военных и гражданских лиц, во главе которого встал Бонапарт.

Император французов. Очередная модификация государственного строя Франции произошла после того, как полиции удалось раскрыть монархический заговор, целью которого было убийство Первого консула. Поскольку стало известно, что кульминацией заговора должно было стать появление на территории Франции принца крови, Первый консул приказал захватить и расстрелять находившегося на территории суверенного Бадена сына принца Конде герцога Энгиенского, якобы планировавшего возглавить восстание. Данная мера столь негативно воздействовала на европейское общественное мнение, что один из современников даже сказал по этому поводу: «Это хуже, чем преступление, — это ошибка!»

Правительство в полной мере воспользовалось тем, что заговорщики надеялись, устранив Бонапарта, вызвать крах режима Консульства и возродить монархию. Со всех сторон стали раздаваться призывы сделать в будущем аналогичные планы бессмысленными, провозгласив власть Первого консула не только пожизненной, но и наследственной, что и было в итоге закреплено в утвержденном на референдуме сенатус-консульте от 18 мая 1804 г., вошедшем в исто-

рию как *Конституция XII года*. Как и в VIII году, результаты референдума были подтасованы, хотя и куда в меньшей степени — лишь для того, чтобы показать, что с каждым плебисцитом режим пользуется все большей поддержкой.

Первая статья новой конституции возвещала, что «управление республикой доверяется императору, принимающему титул *император французов*»; вторая объявляла императором Наполеона Бонапарта. Выбор этого титула был не случаен, поскольку позволял избежать ощущения преемственности со свергнутой революцией королевской властью. Конституция не предполагала коронации, однако Наполеон принял решение, чтобы в декабре 1804 г. его, как и Карла Великого, короновал папа римский.

Полномочия главы государства еще более увеличивались. Хотя он по-прежнему не имел права объявлять войну и заключать мир без согласия законодателей, в 1806 г. ему была предоставлена власть интерпретировать законы, что окончательно уничтожало даже потенциальную возможность любой легальной оппозиции. Избирательная система по Конституции XII года оставалась практически неизменной.

Кодексы Наполеона. Необходимость дать новой Франции обновленное законодательство ощущалась еще в годы революции. Уже тогда депутаты неоднократно пытались сделать то, что так и не удалось монархии: кодифицировать все существующее законодательство и сделать выбор между древними *кутьмами* (правовыми обычаями отдельных регионов) и новыми законами. Уже тогда были обозначены основные принципы, одобренные впоследствии Наполеоном: политическая свобода, право собственности, равенство всех перед законом, право заключать договоры, равенство имущественных прав обоих супругов и всех наследников, гражданский брак и гражданский развод.

К марту 1804 г. составление *Гражданского кодекса* (с 1807 г. — *Кодекс Наполеона*) было завершено, сам император принимал в нем непосредственное участие. Кодекс увековечивал светское государство, защищающее права всех индивидуумов, провозглашал принципы свободной конкуренции и частного предпринимательства, ориентированного прежде всего на земельную собственность. В то же время кодекс не сохранял провозглашенное при революции равенство между мужчиной и женщиной: жена по новому законодательству оказывалась в немалой степени подчинена мужу.

Этот новый единый свод законов стал по воле Наполеона образцом для законодательства многих сопредельных стран. Впоследствии Гражданский кодекс был дополнен еще четырьмя кодексами: *Процессуальным* (1806), *Торговым* (1807), *Уголовным* (1810) и *Сельским* (1814).

Складывание нового правящего слоя. Выстраивая систему управления страной, которая должна была примирить между собой

Старый порядок и революцию, Наполеон немало сделал и для того, чтобы объединить старые и новые политические верхи.

Был заново воссоздан двор, обладатели придворных чинов получили множество отличий, однако ни одна должность в стране (кроме должности самого императора) так и не стала наследственной. Сенатус-консулт 1808 г. восстановил дворянство, однако титул не был сопряжен с какими-либо привилегиями и представлял собой лишь знак отличия, даруемый за заслуги перед империей. Всего титулы получили 3600 человек, из которых почти 60 % были выходцами из армейской среды, а немногим более 20 % принадлежали к чиновничеству. Дворянство задумывалось как средство консолидации новой знати: почти четверть титулов досталась бывшим аристократам, около 60 % получили буржуа, около 20 % — выходцы из народа. Дворянство могло передаваться по наследству только при условии создания вновь введенного майората, что прочно соединяло титул и собственность, делая практически нереальной для людей небогатых передачу титула наследникам.

Само понятие «бюрократия» появилось еще в XVIII в., настоящий расцвет (а по мнению ряда историков, и само рождение) этого особого слоя чиновников приходится именно на годы империи. Если при Старом порядке продажность должностей ограничивала возможности государства влиять на своих служащих, в ходе революции это ограничение перестало существовать. Бюрократы во многом превратились в особый социальный слой — очень влиятельный и для того времени весьма многочисленный (численность управленческих кадров в Париже составляла около 5 % населения). С целью подготовки новых управленческих кадров была реорганизована и система образования. Начальные школы оказались отданы на откуп частной инициативе, однако правительство установило жесткий контроль над средней и высшей школой, где должны были готовить будущих чиновников и служащих.

Среди множества наполеоновских легенд особенно живучей оказалась легенда о невероятной социальной мобильности в годы империи. Это явление действительно имело место, однако его не следует преувеличивать. К тому же по мере подготовки новых кадров изначально широко распахнутые двери в высшие слои общества постепенно закрывались. В основной массе быструю и успешную карьеру сделали лишь те, кто начинал ее еще в годы революции.

Состав политической верхушки времен империи был весьма неоднородным. Новому режиму зачастую служили те же, кто стоял у истоков революции, кого избирали в Конвент, кто выдвигался на первый план при Робеспьере и Директории. Бывший депутат Генеральных штатов и Конвента, член Комитета общественного спасения Ж. Ж. Р. Камбасерес получил герцогский титул, стал одним из ближайших советников Наполеона и архиканцлером империи. Бывший епископ и депутат Генеральных штатов Ш.-М. де Талейран-

Перигор был вознагражден титулом принца и долгие годы возглавлял Министерство иностранных дел. Бывший депутат Конвента, монтаньяр *Ж. Фуше* (1759—1820) стал герцогом и искусным министром полиции.

В то же время на уровне департаментов картина нередко была иной. Первую империю принято называть империей *нотаблей* (от фр. *notables* — именитые граждане). При формальном сохранении принципа народного суверенитета реально к выборам допускался лишь верхний слой собственников, примерно 0,5 % населения страны. Основой богатства большинства нотаблей была земельная рента, однако в их число входили и высшие сановники, ряд крупных негоциантов и владельцев мануфактур, некоторые лица свободных профессий. Среди земельных собственников было немало бывших дворян и аристократов, значительная доля состояний которых сложилась еще до революции и увеличилась в ходе приобретения национальных имуществ. Некоторые дворяне сохранили земельные владения, несмотря на все пертурбации революционного десятилетия; другие, возвращаясь из эмиграции, выкупали свои поместья у новых собственников: примерно четверть утраченных в ходе революции земель вновь оказалась при империи в руках прежних владельцев.

Формирование общественного мнения. Немалую роль в обеспечении устойчивости режимов Консульства и империи играло целенаправленное формирование общественного мнения, обеспеченное умелым использованием пропаганды, роль которой со времен революции многократно возросла. Ее основой в годы империи стали так называемые «*Бюллетени Великой Армии*», которые начали выходить с 1805 г.; они сообщали о победах и излагали доступным языком суть боевых операций. Их лейтмотивом было прославление успехов французского оружия, гения императора и стремительности его действий.

Уделяя большое внимание пропаганде, Наполеон не забывал и об иных способах воздействия на общественное мнение. Формально во Франции не существовало цензуры, однако все издатели обязаны были представлять властям экземпляры печатаемых ими произведений. Власти обладали правом запретить распространение книги, что порой влекло за собой немалые убытки. Под контроль правительства попали также и театры: существенно сократилось их количество, а император не забывал лично следить за репертуаром.

Все жанры были поставлены на службу пропаганде величия Франции. Официальным живописцем империи стал бывший монтаньяр *Жак Луи Давид* (1748—1825). Наполеон даровал ему дворянство, орден Почетного легиона, сделал сенатором. В ответ Давид прославлял императора в своих знаменитых масштабных полотнах («Переход Наполеона через перевал Сен-Бернар в Альпах», «Коронация»). Широко известными стали картины и ряда других художников. Среди них *Антуан Жан Гро* (1771—1835) («Наполеон Бонапарт на Ар-

кольском мосту», «Бонапарт посещает чумной госпиталь в Яффе») и Жан Огюст Доминик Энгр (1780—1867) («Портрет Наполеона на императорском троне»).

Императора ваяли скульпторы, в честь него возводились триумфальные арки. За редким исключением в искусстве в это время царил неоклассицизм, получивший название *ампир* (от фр. *empire* — империя). Его характеризовали парадность, торжественность, заимствование элементов декора у римлян, греков и египтян. Наряду с традиционными для классицизма мифологическими образами для ампира также характерно употребление военной символики и символов наполеоновского режима — *орлов* и *пчел*.

Складывание национального самосознания. Активная пропаганда повлияла и на дальнейшее формирование национального самосознания. Региональный партикуляризм постепенно уходил в прошлое. «Мы — тридцать миллионов человек, объединенных просвещением, собственностью и торговлей», — провозгласил Наполеон, однако не только общая культура и экономические связи объединяли французов. В политической риторике того времени было принято прославлять величие французской нации и ее непобедимой армии, необходимость сплочения перед лицом общего врага.

Отражением стремления Бонапарта опереться на национальное согласие и принцип национального суверенитета также служили частые референдумы. «Нация — на троне, трон — в нации, — заявлял император, — и без этого не существует монархии. Я получил корону не от своих предков, но по воле нации, мне ее вручившей». Национальному единству способствовало усиление централизации и унификации — как управления страной, так и системы образования.

Формировавшейся французской национальной идее были присущи весьма специфические черты. С одной стороны, несмотря на многочисленные войны, тема *космополитизма* (граничащего с интернационализмом) непрерывно звучала в речах официальных лиц, особенно в краткие моменты мира. Французская государственная модель широко навязывалась завоеванным государствам, и со временем это должно было привести к созданию единой Европы — под эгидой Франции и ее императора.

С другой стороны, именно в это время во Франции зародился *национализм* в современном понимании этого слова — как идея превосходства одной нации над другими. Противопоставление французов другим народам, по отношению к которым они выступали (и официальной пропагандой это подчеркивалось) несущими особую политическую и культурную миссию, просвещение и свободу, имело немаловажное значение для ускорения консолидирования французской нации, но в то же время и способствовало подъему национальной освободительной борьбы в ряде завоеванных стран (прежде всего в Испании и германских землях).

Социально-экономическое развитие Франции. Власть Наполеона не была бы прочной, если бы его правление не вызывало благожелательного отношения к себе со стороны не только крупных собственников и военных, но и других слоев населения.

И в годы империи Франция оставалась преимущественно аграрной страной: 4/5 населения проживало в деревнях и маленьких городках. Именно поэтому Наполеон декларировал, что в первую очередь его интересует мнение зажиточного крестьянства, которое он рассматривал как становой хребет сельского мира. Именно этот социальный слой во многом и был покупателем национальных имуществ, именно он обладал наибольшим влиянием на сельское общество, давал работу безземельным односельчанам и батракам.

В целом 1800—1810 гг. характеризуются процветанием французской деревни. Призывы в армию освободили ее от лишних рабочих рук, растущий спрос на продукцию сельского хозяйства, который предъявляли города и войска, вызвал приток капиталов. Быстрее всего росли доходы фермеров, несколько отставала земельная рента. Росли и заработки сельскохозяйственных рабочих. Это позволило сельскому миру увеличить спрос на промышленные товары, в частности на текстиль.

Крестьянство обеспечило Наполеону поддержку большинства населения страны. Если в первые годы его правления оно видело в Бонапарте человека, принесшего Франции долгожданный мир и обеспечившего уверенность в неприкосновенности свершившихся в годы революции земельных перемещений, то впоследствии улучшение условий жизни и влияние пропаганды заставляли его в первую очередь обращать внимание на те блага, которые принесло с собой установление империи.

На первый взгляд для рабочих империя оказалась значительно менее благоприятна, чем для крестьян. По-прежнему оставались в силе два закона 1791 г. — *закон Алларда*, отменявший корпорации и провозглашавший свободное использование рабочей силы, и *закон Ле Шанелье*, запрещающий объединение граждан в ассоциации. Помимо этого, наполеоновское правительство вновь ввело в 1803 г. отмененные революцией и просуществовавшие вплоть до конца XIX в. рабочие книжки, в которых указывались квалификация, полученные задатки, срок найма и т. д. Хотя рабочую книжку следовало в обязательном порядке предъявлять при переходе от одного хозяина к другому, по большому счету это нововведение не мешало крайне важному для рабочих свободному перемещению по стране, что позволяло погасить многие конфликты: рабочему было проще поменять хозяина, нежели вступать в конфронтацию с ним. Объединению рабочих мешала и их чрезвычайная гетерогенность: у парижского ремесленника и крестьянина, подработывавшего в рамках рассеянной мануфактуры, было слишком мало общего.

Кроме того, наборы в армию постепенно приводили к дефициту рабочей силы в городах, что влекло за собой повышение заработной

платы: с 1789 по 1810 г. она возросла на 25 %, а все попытки сговора предпринимателей с целью ее понижения немедленно пресекались правительством. В итоге рабочие, которым не грозила безработица и чей уровень жизни постепенно рос, также стали опорой нового режима.

Развитие французской промышленности во времена империи было неравномерным и неоднозначным. Хотя Наполеон уделял этому сектору экономики немало внимания («Не кто иной, как я, создал французскую промышленность», — скажет он на закате своей карьеры), активно развивались преимущественно те отрасли, которые были необходимы для удовлетворения военных нужд. Для остальных предприятий тепличные условия создавала континентальная блокада, однако в те годы Франция только стояла на пороге промышленного переворота, количество рабочих на фабриках оставалось относительно скромным (около 500 тыс. человек), паровой двигатель только начинали внедрять, и французская промышленность еще не была способна удовлетворить европейский спрос, многократно возросший в отсутствие английских товаров.

Хотя развитие промышленности чрезвычайно варьировалось в зависимости от отрасли и региона, в целом в 1800—1810 г. в стране наблюдался *промышленный подъем*. На пике его находилась текстильная промышленность, в разнообразных формах которой была занята примерно половина рабочих Франции. Второе место принадлежало черной металлургии, которая хотя и отставала от Англии по объемам производства, но активно развивалась, в том числе и благодаря росту добычи угля. И наконец, третьей динамичной отраслью стала химическая промышленность, использовавшая последние достижения французской науки. В частности, существенно выросло производство мыла и вошедших в обиход у зажиточных горожан обоев; появлялись новые виды красок для текстильной промышленности (над этим, в частности, работал известный химик *Клод Луи Бертолле*).

Вместе с тем даже подъем экономики не мог застраховать французскую промышленность от кризисов. Несмотря на процветание, которое Империя принесла Франции, несмотря на приток средств из покоренных государств, с экономической точки зрения система оставалась хрупкой, поскольку во многом была тесно увязана с агрессивной внешней политикой Наполеона и развивалась успешно лишь до тех пор, пока режим вызывал доверие.

Второй кризис разразился в 1805 г., и обусловлен он был недостаточной надежностью финансовых операций. Страну охватили слухи о грядущем крахе Французского банка; возникший дефицит наличности спровоцировал цепную реакцию банкротств. За этим последовал спад производства, усугубленный проблемами сбыта в одной из основных отраслей — текстильной. Однако ситуацию вновь спасло энергичное вмешательство императора: были размещены го-

сударственные заказы, предприятия получили поддержку в виде кредитов. К весне 1807 г. кризис был преодолен.

Неоднозначно расценивается и развитие торговли в годы Империи. Постоянные войны и разрушение колониальной системы привели к значительному ослаблению внешних торговых связей и упадку ряда городов, ориентированных на экспорт (Дюнкерка, Кале, Марселя). Однако протекционистские меры, защищавшие рынок Франции и подвластных ей государств от английского экспорта, привели к одновременной активизации внутренней торговли, освоению новых торговых путей (прежде всего, водных), строительству новых каналов и улучшению дорог.

17.2. Наполеоновские войны и падение Империи

Общая характеристика наполеоновских войн. С небольшими перерывами Франция вела войны против наиболее могущественных государств Европы более 20 лет: с 1792 по 1815 гг. Война с самого начала рассматривалась французским правительством в качестве важнейшего инструмента для решения внутривнутриполитических проблем, однако в 1792 — 1794 гг. после первых успехов она очень быстро превратилась для Франции в оборонительную, ставкой в ней стало выживание республики. Примерно с 1794 г. характер революционных войн изменился: из оборонительных они становятся завоевательными. Франция сначала реализовала свою давнюю мечту выхода к так называемым «естественным границам» (т.е. якобы установленным самой природой — Пиренеям, Альпам и Рейну), а затем, во времена Директории, сторонники дальнейшей экспансии одержали верх, и военные действия продолжались даже после того, как распалась первая антифранцузская коалиция.

У истоков этого военного конфликта во многом находились негативное восприятие европейскими государями Французской революции и ее идеологии, с одной стороны, и стремление французов к экспансии своих идей и ценностей, с другой. В дальнейшем и это подвергается определенной трансформации: союзными державами все больше руководило не столько стремление восстановить на французском троне законного монарха, сколько желание положить предел тяге Франции к европейской или даже мировой гегемонии. С французской же стороны война по-прежнему трактовалась не столько как завоевательная, сколько как освободительная. Затихшая было внутри страны борьба со Старым порядком продолжилась за ее пределами, хотя чем дальше от границ Франции, тем менее энергичными и более недолговечными оказались реформы, направленные на административную централизацию, ликвидацию «феодализма» или его остатков, установление политического равенства.

По мере укрепления Империи планы и мечты Наполеона становились все более глобальными. «Я призван изменить лик мира; по крайней мере, я в это верю», — сказал он однажды. Вместе с тем не было никакого заранее намеченного плана завоеваний: они следовали одно за другим, подчиняясь логике текущего момента. Во многом именно война, именно победы сделали Бонапарта консулом, а затем и императором, и он осознал, что если хочет остаться на троне, основать и упрочить собственную династию, то обречен поддерживать свой авторитет именно силой оружия. За все время правления Наполеону так и не удалось обеспечить хотя бы относительно устойчивый новый европейский порядок: несмотря на то что численность французских солдат и чиновников в покоренных странах была невелика, доминирование Франции обеспечивалось прежде всего ее военными победами.

Хотя полководческий гений Наполеона I казался его современникам неоспоримым, в теории военного дела он отнюдь не был новатором: многие его идеи восходили к опубликованным еще в 1770-х гг. трудам графа *Ж. А. И. де Жибера*. На протяжении всего правления Наполеона во французской армии практически не было внедрено ни одно изобретение тех времен: ни аэростаты для воздушного наблюдения, ни ракеты, уже использовавшиеся англичанами, ни усовершенствованные ружья. По мнению ряда историков, пробелы в познаниях Бонапарта в климатологии и географии стоили жизни многим солдатам в Египте и на о. Сан-Доминго, плохое знание местности поставило императора в тяжелое положение в сражениях при Маренго и Прейсиш-Эйлау.

В то же время Наполеон довел до совершенства рожденную революцией стратегию, связанную с использованием больших воинских контингентов, и блестяще использовал эту стратегию на практике. Она основывалась на стремительности маневра и сосредоточении крупных сил на направлении главного удара, что позволяло измотать противника во второстепенных боях, а затем разгромить его армию (целиком или по частям) в генеральном сражении. Эта стратегия подразумевала необходимость широкого пространства для маневра и достаточного количества продовольствия и фуража. Там же, где хотя бы одно из этих условий отсутствовало — как это случилось, скажем, в Испании, а затем в России, — излюбленная стратегия французов оборачивалась поражением, а императорские войска несли огромные потери. Против партизанской войны Великая армия оказалась бессильна.

Французская армия. Значение армии в эту эпоху трудно переоценить. И ее роль была столь велика не только потому, что на победах основывалось процветание Франции и в конечном счете власть Наполеона. На смену прославления добродетелей санкюлотов пришло прославление солдатской доблести. Армия превратилась в главную национальную гордость, была символом вознаграждения талан-

тов по заслугам и быстрого продвижения по социальной лестнице, а живым воплощением этого символа стали и сам Наполеон, и его маршалы (сын конюха *Ж. Ланн*, сын бондаря *М. Ней* и сын врача *Ж.-Б. Бессьер* получили это звание в 35 лет, сын трактирщика *И. Мюрат* — в 37). Однако было бы неверным полагать, что большинство военачальников того времени дослужились до высших чинов уже в молодости и были выходцами из народа: около половины первых наполеоновских маршалов происходили из семей бывшего дворянства или крупной буржуазии, многие из них были существенно старше. Что же касается остального офицерского корпуса, то со временем для продвижения по службе все более ценной становилась выслуга лет и в несколько раз выросло количество офицеров, окончивших военные школы, созданные или реорганизованные при Наполеоне.

На апогее завоеваний численность подвластных Наполеону войск составляла около 2 млн 600 тыс. человек, из которых 2 млн были набраны на территории империи. В основе армии лежал преимущественно набор по призыву. Ко второй половине наполеоновских войн количество ветеранов в войсках было относительно невелико: примерно 80 % солдат было набрано после 1805 г., явственно стала чувствоваться нехватка квалифицированных и опытных офицеров.

Заключение мира с державами второй коалиции. Бонапарт осознавал, что одобрение переворота 18 брюмера и Конституции VIII года было вызвано в первую очередь не достоинствами новой политической системы, а стремлением видеть во главе страны победоносного полководца, способного обеспечить восстановление как внутреннего, так и внешнего мира. В этом заключалась определенная двойственность его положения: с одной стороны, в годы Директории армия оставалась едва ли не единственным поводом для национальной гордости, с другой — страна устала от непрерывно длившихся с 1792 г. войн и заключение мира неразрывно связывалось с завершением революции.

Свое правление Бонапарт начал с обращенных к Англии и Австрии предложений о мире, и лишь полученный отказ заставил его покинуть Париж и дать бой Австрии на итальянском театре военных действий. Взяв Милан и с большим трудом победив австрийцев в *битве при Маренго* (14 июня 1800 г.), Бонапарт практически полностью овладел Италией, а победы генерала *Ж.-В. Моро* на германском фронте открыли французам дорогу на Вену. В феврале 1801 г. Австрия вынуждена была заключить *Люневильский мирный договор*, заставивший ее отказаться от всех итальянских владений, кроме Венеции, одобрить создание в Италии французских «республик-сестер» и признать, что граница между Францией и Империей отныне проходит по р. Рейну. В октябре того же года Франция заключила мир с Турцией и Россией, а в марте 1802 г. подписала Амьенский мирный договор с Англией, где ее давний враг, У. Питт-младший, наконец, оставил пост премьер-министра. По Амьенскому миру Франция дол-

жна была отказаться от надежды сохранить за собой Египет: он возвращался к Турции. Мальта вновь отходила к мальтийским рыцарям. Англия сохраняла за собой большую часть колоний, однако ей пришлось признать победы революционных армий во Фландрии и на берегах Рейна, что во Франции воспринималось как несомненная победа.

Возобновление войны. Третья коалиция. Противоречия между Францией и Англией были слишком глубоки, чтобы Амьенский мир мог оказаться длительным. Англия по-прежнему покровительствовала Бурбонам, успех промышленного переворота повлек за собой агрессивный экспорт британских товаров на иностранные рынки, территориальные уступки, сделанные в течение XVIII в., воспринимались во Франции как национальное унижение. У англичан вызвали тревогу планы Бонапарта по построению колониальной империи: в эти годы ему удалось восстановить контроль над Сан-Доминго и вновь овладеть Луизианой (в 1803 г. она была продана США). Полемика борьбы за экономическое и политическое влияние оставалась и Европа. Расширение территории Франции и образование зависимых от нее государств не могли не насторожить британский двор. Англия попыталась навязать Франции новый торговый договор, однако Бонапарт на это не пошел: в стране были слишком свежи воспоминания о договоре 1786 г., сыгравшем немалую роль в складывании предреволюционного экономического кризиса. И хотя формально виновницей развязывания войны стала Англия, предъявившая французам ультиматум с требованием вывести войска из Голландии и Швейцарии, в Париже разрыв отношений в конце весны 1803 г. был встречен с не меньшим энтузиазмом.

В 1803 г. перед лицом Бонапарта единственный раз за всю его карьеру был только один противник — Британия. Первый консул начал готовить десант на острова, однако французский флот оказался слишком слаб, чтобы обеспечить безопасную переправу через Ла-Манш. Время было упущено: в 1805 г. Англия организовала *третью антифранцузскую коалицию*, в состав которой кроме нее вошли Россия, Австрия, Неаполь и Швеция.

Наполеон назвал новую коалицию союзом, «сотканным Англией из золота и ненависти». Он был вынужден временно отказаться от идеи покончить с Англией одним ударом. перебросив войска на берега Рейна, император поставил своей целью разгромить союзников по отдельности, и это ему удалось в полной мере. 20 октября 1805 г. в сражении *при Ульме* Наполеон окружил и взял в плен австрийскую армию генерала К. Мака, и меньше чем через месяц французские войска вошли в Вену. Император Франц II не стал защищать столицу, решив повести свои войска на соединение с императором Александром I, однако 2 декабря Наполеон под *Аустерлицем* разгромил в «сражении трех императоров» обе армии сразу. Эта победа по праву считается одной из самых блестящих в его карьере.

В конце года Австрии пришлось подписать мирный договор, по которому она лишалась ряда владений в Италии и Германии. В секретной статье договора предусматривалось, что Франц II должен будет отказаться от титула императора Священной Римской империи, в противовес которой был создан *Рейнский союз* со столицей во Франкфурте. Протектором союза стал император французов.

Одержав ряд побед на суше, Франция потерпела поражение на море: 21 октября 1805 г. у мыса *Трафальгар* адмирал Г. Нельсон (погибший в ходе этой битвы) разгромил франко-испанский флот. Потеря флота заставила Наполеона навсегда распрощаться с мечтой высадить десант на Британские острова.

Четвертая коалиция. Победе Франции над войсками третьей коалиции в известной степени способствовало и невмешательство Пруссии: передав Фридриху-Вильгельму III Ганновер, Наполеон стремился создать иллюзию, что готов поддержать претензии Пруссии на создание на германских землях, не вошедших в Рейнский союз, еще одной империи под эгидой Бранденбургского дома. Именно поэтому сделанное Францией в ходе переговоров с Англией летом 1806 г. предложение вернуть Георгу III Ганновер было воспринято в Пруссии как предательство. Фридрих-Вильгельм III предъявил Наполеону ультиматум с требованием отвести войска за Рейн и в октябре 1806 г. присоединился к государям, все еще продолжавшим войну с Францией. Так сформировалась *четвертая антифранцузская коалиция* в составе России, Англии, Пруссии и Швеции.

В действительности же Пруссия оказалась один на один с Францией: король начал наступление на Баварию, не дожидаясь подхода русских войск. Не дав прусским армиям соединиться, французы разгромили их одну за другой в сражениях при *Йене* и *Ауэрштедте*, и в конце октября 1806 г. Наполеон вступил в Берлин. Прусские земли были оккупированы, часть из них поделена на 4 департамента и присоединена к Франции. На страну была наложена огромная контрибуция. Курфюрст Саксонии стал королем, и его государство вошло в Рейнский союз. Таким образом вся северная Германия вслед за южной попала под контроль Франции.

Усилив свою армию, Наполеон начал преследование русских войск, отступивших на территорию Восточной Пруссии. Здесь *Великая армия* (так стали называть к этому времени войска императора французов) впервые столкнулась с многочисленными трудностями, включая растянутость коммуникаций и перебои в снабжении. Однако в начале 1807 г., разбив русских в двух кровопролитных сражениях — при *Прейсиш-Эйлау* и *Фридланде*, император вынудил Россию выйти из войны и заключить мир. Четвертая антифранцузская коалиция распалась.

Тильзитский мир и континентальная блокада. Летом 1807 г. в *Тильзите* был подписан мирный договор между Францией и Россией, преследовавший две главные цели: создать союз против Англии

и подвести итог войнам с четвертой коалицией. Из прусских территорий было выкроено 2 новых государства: *Вестфальское королевство* и *герцогство Варшавское* (в составе Саксонии). Оба государства вошли в Рейнский союз.

Так, к 1807 г. под французским контролем оказалась большая часть Европы. Более того, для Наполеона становится традицией легко перекраивать ее политическую карту и обеспечивать подчинение оккупированных стран, сажая на их престолы своих родственников. Единственным братом, не заслужившим никакого трона, оказался Люсьен. После разгрома третьей антифранцузской коалиции Жозеф получил неаполитанский престол, в 1806 г. Луи достался голландский трон, в 1807 г. Жером стал королем Вестфалии. Еще раньше, в 1805 г., пасынок императора Евгений Богарне стал вице-королем Италии, а маршал И. Мюрат, женившись на сестре Наполеона и войдя тем самым в клан Бонапартов, стал годом позже великим герцогом Берг и Клеве. Хотя формально они были независимыми монархами, всем приходилось выполнять волю императора. Как писал Наполеон Луи: «Все знают, что без меня вы — ничто».

Укрепление власти Наполеона над Европой позволило ему после разгрома Пруссии вернуться к вопросу о том, как победить своего главного противника — Англию. После Трафальгарской битвы император уже не мог рассчитывать сокрушить ее одним ударом, высадив на острове десант. Вместо этого он принял решение обратиться против Англии то оружие, которое она сама активно использовала, начиная еще со Средних веков, — экономическую блокаду.

Континентальная блокада была установлена несколькими декретами. Первый, принятый в Берлине в 1806 г., сразу после победы над Пруссией, объявлял «Британские острова в состоянии блокады» и запрещал не только Франции, но и всем оккупированным странам торговать с англичанами. Согласно планам Наполеона, к блокаде должна была присоединиться также Россия, воспрепятствовав тем самым контрабанде английских товаров через Балтику; в Тильзите он получил согласие на это Александра I.

В ответ на континентальную блокаду английский флот получил приказ взять под свой контроль Балтийское море (чтобы английские товары можно было реализовывать через нейтральные страны) и начать блокаду всех французских портов и портов государств, находящихся в состоянии войны с Великобританией. После этого Франции ничего не оставалось, кроме как фактически пойти на отказ от признания принципа нейтралитета: в конце 1807 г. в Милане система континентальной блокады дополнилась двумя декретами, предписывающими захватывать любые суда, заходившие в английские порты. Установление континентальной блокады оказало огромное влияние на европейские страны и во многом задавало вектор развития внешней политики Империи на все последующие годы. Стремление заставить государей соблюдать блокаду, которая нередко противоре-

чила их собственным интересам, подвигало французов на все более жесткий контроль над подвластными странами, спровоцировало оккупацию Рима, присоединение к Франции Голландии, вторжение в Португалию и Испанию, а затем и в Россию. Блокада все больше становилась для Наполеона навязчивой идеей, которой он подчинял свои политические решения.

Поначалу блокада оказалась тяжелым испытанием для английской экономики: резко упали доходы от экспорта (он сократился более чем на четверть), практически прекратилась торговля с поддерживавшими Наполеона Соединенными Штатами, выросли безработица и социальная напряженность. В 1808 г. в стране начались народные выступления. Однако со временем англичане сумели отыскать лазейки для своих товаров, экспортируя их в Европу через Пиренейский полуостров, Швецию и Россию. Постепенно наладилась и торговля с США, Англия в полной мере открыла для себя центрально- и южноамериканский рынки: помешать ее свободному доступу за океан оказалось не по силам Франции. В длительной перспективе блокада стала приводить и к весьма печальным последствиям для экономики ряда подвластных Наполеону стран, что заставило императора уже к 1810 г. смягчить ее.

Вторжение на Пиренейский полуостров. Следуя логике распроставления континентальной блокады, осенью 1807 г. Наполеон принял решение о разделе Португалии с Испанией и отдал другу юности *генералу А. Жюно* приказ занять Лиссабон. Португальская королевская семья бежала в Бразилию. Затем настал черед Испании. В конце весны 1808 г. Наполеон вызвал в Байонну короля Испании Карла IV и его наследника инфанта Фердинанда. После переговоров испанская корона была передана императору, возложившему ее на своего брата Жозефа. Однако Наполеон переоценил собственную популярность в этой стране и готовность народа поддержать навязываемые им реформы: грубое вмешательство Франции во внутренние дела своего южного соседа уязвило национальное достоинство испанцев и привело к массовому сопротивлению интервенции французских войск. По Испании прокатилась череда народных восстаний, при поддержке англичан испанская хунта (парламент) объявила войну Франции, активно разворачивалась незнакомая доселе французам *партизанская борьба*. Покинув Мадрид, Жозеф Бонапарт укрылся близ французской границы.

События в Испании дали толчок сопротивлению в Португалии, где с мая 1808 г. также начались народные выступления. Потерпев в августе того же года поражение от высадившихся на континенте английских войск, генерал А. Жюно вскоре капитулировал, и французам пришлось оставить территорию Португалии.

Оккупация Испании и разгром пятой коалиции. Ситуация, сложившаяся на Пиренейском полуострове, вызвала у Наполеона серьезную озабоченность. Череда неудач развеивала легенду о непо-

бедимости войск императора, однако перебросить Великую армию в Испанию было невозможно, поскольку с осени 1808 г. Австрия, реорганизовав армию, начала на английские деньги подготовку к новой войне. Единственным реальным противовесом планам Франца I могла бы стать Россия — если бы подтянула войска к австрийской границе. Осенью 1808 г. в Эрфурте Наполеон попытался договориться об этом с Александром I, однако встреча не принесла успеха императору французов. При тайной поддержке министра иностранных дел Франции Ш.-М. Талейрана император России постарался отклонить все инициативы Наполеона, пообещав в обмен на Финляндию, Молдавию и Валахию только участие в войне против Австрии — и то лишь в случае ее нападения на Францию.

Учитывая сложившуюся ситуацию, Наполеон принял решение выступить против испанцев в надежде разгромить их раньше, чем Франц I окажется готовым к войне. В декабре 1808 г. император объявил о начале в Испании широкомасштабных реформ по французскому образцу, взял Мадрид, но вскоре вынужден был отправиться на австрийский театр военных действий, оставив войска на попечение маршала Н.-Ж. Сульта. Итогом испанской кампании стало укрепление власти Жозефа Бонапарта и изгнание английских войск, однако маршалу Сульту так и не удалось окончательно овладеть страной. Непривычные для французов природные и климатические условия, проблемы со снабжением, размах партизанской войны делали перспективу полной оккупации Испании все более сомнительной.

Наполеон не зря торопился покинуть Испанию: в апреле 1809 г. Австрия с Англией создали *пятую антифранцузскую коалицию*. Австрийские войска начали войну значительно раньше, чем ожидали французы; их первой победой стал разгром союзной Наполеону армии Баварии. Франц I надеялся тем самым спровоцировать национальный подъем в германских землях, однако он просчитался: на юге Германии его призывы не имели успеха. Одержав победу в ряде сражений, Наполеон вновь занял Вену, правда, на сей раз ему пришлось столкнуться с куда более упорным сопротивлением, нежели ранее.

Решающее сражение состоялось в начале июля 1809 г. подле селения *Ваграм* на берегах Дуная; после этого австрийцы вынуждены были попросить о перемирии, и в октябре 1809 г. Наполеон подписал с Францем I *Венский (Шенбруннский) мир*. Просуществовав всего полгода, пятая коалиция распалась. Условия мира оказались для Австрии весьма неблагоприятными: она уступала часть своей территории в пользу Франции, Баварии, России и великого герцогства Варшавского, а кроме того, должна была выплатить значительную контрибуцию и присоединиться к континентальной блокаде.

Апогей Первой империи. К началу 1810 г. Французская империя превратилась в самую могущественную и влиятельную державу Европы. Число составлявших ее департаментов вскоре дошло до 130.

Империя простиралась от Бреста до Гамбурга и от Амстердама до Рима, на ее территории в 750 тыс. км² проживало 62 млн человек, из которых около 30 млн — французы. Вокруг империи располагались зависимые от Франции государства: Рейнский союз, Итальянское и Неаполитанское королевства, Испания, далеко на востоке — великое герцогство Варшавское. Вернувшаяся практически к исходным границам Пруссия и отрезанная от моря Австрия, казалось, более не представляли для Франции никакой угрозы.

Особой заботой императора французов была необходимость укрепления династии. К 1809 г. он принял решение развестись с Жозефиной (их брак оказался бездетным) и жениться на принцессе из одного из старых европейских домов. Еще на этапе встречи в Эрфурте он вынашивал планы попросить руки одной из сестер русского императора, однако Александр I затянул переговоры и в конце концов ответил отказом. Наполеон переориентировался на австрийский брак и весной 1810 г. женился на *дочери Франца I Марии-Луизе*. Французское общество приняло новую императрицу холодно, в Париже шутили, что теперь император стал «племянником» Людовика XVI. И хотя Мария-Луиза в 1811 г. подарила императору наследника, желание Наполеона быть принятым как равный в семью европейских монархов так и не исполнилось.

Во внутренней политике Наполеону во многом удалось то, о чем мечтали его предшественники, — оставить позади потрясения времен революции, создать политический режим, пользующийся поддержкой большинства социальных слоев, объединить расколотое общество, создать стабильные государственную и финансовую системы. Первоначально Наполеон всячески подчеркивал тесные связи между своим режимом и завоеваниями революции, но за несколько лет, прошедших со времен Консульства, все изменилось. «Те доктрины, которые называют принципами 1789 года, всегда будут несущим угрозой оружием в руках недовольных, честолюбцев и идеологов», — скажет император в 1810 г.

Из всей многообразной революционной символики сохранилось практически лишь трехцветное знамя. С 1804 г. более не празднуется День взятия Бастилии, с 1806 г. уходит в прошлое революционный календарь, с 1809 г. упоминания о республике исчезают с монет. Империя обрела свои собственные символы. Одним из них становится *орел*, одновременно и намекающий на преемственность с Древним Римом, и перекликающийся с гербами других великих держав. Вторым широко распространенным символом, более мирным, стала восходящая еще к Меровингам *пчела* — обладающая жалом, но приносящая мед.

Вместе с тем не произошло и возврата к монархии Старого порядка (хотя во многом империя и подражала ей). Не были восстановлены сословные привилегии. Конкордат с папой римским не помешал властям защищать права не католического населения страны (преж-

де всего, протестантов и иудеев). Неизменно гарантировалось право собственности владельцам национальных имуществ.

Назревание внутреннего кризиса. Вскоре после того, как империя достигла своего апогея, в ней начали назревать кризисные явления. Первыми летом 1810 г. появились признаки экономического кризиса. На сей раз они были обусловлены активизацией борьбы властей с контрабандой в подвластных Франции странах. Чтобы доход от перепродажи запрещенных товаров доставался не контрабандистам, а государству, Наполеон ввел специальные дорогостоящие лицензии, которые, однако, предусматривались лишь для французских судов, тогда как в Европе устанавливались еще более жесткие таможенные барьеры. В итоге на завоеванных Наполеоном территориях начал стремительно развиваться экономический кризис, вызванный разрывом традиционных торговых связей и несколькими крупными банкротствами, связанными с захватом полицией контрабандных товаров. Поползли слухи о грядущей денежной реформе. Нехватка денежных средств у ряда производителей повлекла за собой перебои в снабжении сырьем и ухудшение торговых связей. Финансовый кризис перерастал в экономический.

Расширяясь, кризис затронул всю Европу, включая Англию. Плохие урожаи 1810—1811 гг. втянули в него и сельское хозяйство: покупательная способность деревни существенно сократилась, вслед за обеднением и плохим питанием последовали эпидемии и голодные бунты, каких Франция не знала со времен революции. Правительство пыталось решить все эти проблемы, прибегая к уже ставшему привычным увеличению объема общественных работ и одновременно стараясь подавить народные выступления. Однако этого оказалось недостаточно. Побочным влиянием кризиса стало падение престижа империи. Общество уже успело привыкнуть к тому, что войны влекут за собой процветание метрополии, а не экономические проблемы, высокие налоги и отток в армию рабочей силы. Однако спектр проблем, которые начали тревожить империю к этому времени, не ограничивался исключительно кризисными явлениями в экономике. Уже на этапе первой испанской кампании наполеоновские войны перестали себя окучивать, с 1808 г. во Франции начались антивоенные выступления. Одновременно стало расти и недовольство режимом личной власти Наполеона среди тех, кто поначалу активно его поддерживал. По мере того как революция оставалась позади, ожидалось, что уйдут в прошлое и чрезвычайные меры национального спасения: ограничение свобод, сильнейшая централизация управления, постоянные массовые призывы в армию. Однако в реальности ситуация оказалась обратной. С 1809 г. император начал прибегать к досрочным призывам, что год за годом уменьшало население страны. Усиливались полицейский надзор и цензура: к концу 1811 г. число парижских газет сократилось до 4, и все они перешли в руки государства. Все попытки организовать оппозицию режиму

эффективно пресекались. В отставку были отправлены несогласные с политикой императора Талейран и Фуше. Не было ни одного социального слоя, с которым Наполеон готов был поделиться властью: даже дворянство не стало должной опорой его режима. Старая аристократия спустя лишь несколько лет с радостью будет приветствовать возвращение монархии Бурбонов. Новое дворянство стало быстро забывать, кому обязано своими титулами, стремясь породниться с более древними домами.

Все чаще высказывала недовольство империей и покоренная Европа. С 1809 г. начались активные антифранцузские выступления в Германии: французское мессианство в ответ порождало национальный подъем. Невозможность «заткнуть все дыры» в режиме континентальной блокады ставила под сомнение ее успех и приводила к новым конфликтам. В том же году после отказа Пия VII присоединиться к блокаде его владения были аннексированы, а сам он перевезен во Францию, что не могло не задеть чувств многих католиков, в особенности в Италии и Испании. На следующий год стремление обеспечить блокаду привело к новой волне аннексий, создававшей в Европе ощущение нестабильности и подрывавшей авторитет ставленников императора. Просчеты Наполеона множились: так, введение в 1810 г. лицензий для французских судов обеспечило дополнительный приток средств в казну, но одновременно и спасло задыхавшуюся от нехватки зерна Англию.

Война 1812 года. Тильзитский мир завершил вооруженное противостояние между Наполеоном и Александром I, однако дальнейшее развитие франко-российских отношений не удовлетворяло ни одного, ни другого государя.

В Петербурге мир был встречен весьма прохладно, и это заставило русского императора воздержаться в Эрфурте от того, чтобы, памятуя о судьбе Павла I, брать на себя дополнительные обязательства. Мечта о разделе Турции так и не реализовалась: Наполеон не спешил и дальше задаривать Россию новыми территориями. Присоединение к континентальной блокаде тяжело сказалось на российской экономике: Англия была емким рынком сбыта для российского сырья, тогда как торговый баланс с Францией оставался пассивным. И, несмотря на это, Россия страдала от нехватки промышленных товаров: французских негодяев русские рынки практически не интересовали. Все это заставляло российское правительство закрывать глаза на контрабанду английских товаров. Аннексированное в 1811 г. французами герцогство Ольденбургское принадлежало родственнику царя — в Петербурге это было воспринято как оскорбление. И наконец, авансы, которые Наполеон делал полякам, вкупе с созданием Великого герцогства Варшавского не могли не внушать опасений за судьбу западных границ России.

Остался разочарован союзом и Наполеон. Россия по-прежнему представляла широкую брешь в континентальной блокаде: через нее

английские товары расходились дальше по Европе. Он передал Александру I ряд территорий, тогда как тот, несмотря на данные обещания, практически уклонился в 1809 г. от войны с Австрией. В конце 1810 г. Россия ввела заградительные пошлины на предметы роскоши — основную статью французского импорта. Не забыл император и оскорбительного отказа российского царя выдать за него замуж свою сестру. К тому же через Россию пролегал путь в Индию, а Наполеон так и не отказался от давней идеи лишить Англию этой значимой для нее колонии и одновременно повторить путь Александра Македонского. К 1811 г. стало очевидно, что война между Францией и Россией неизбежна. Наполеон рассчитывал провести ее быстро: он планировал не оккупировать территорию Российской империи, а разгромить ее армию и заставить императора вновь стать верным партнером Франции. Именно поэтому, хотя освобождение русских крестьян рассматривалось французами как верный способ привлечь население на свою сторону, Наполеон не предпринял для этого никаких шагов. Собранная им Великая армия внушала уверенность в исходе кампании, пусть даже французы составляли меньшую ее часть: она насчитывала более 600 тыс. человек против примерно 200 тыс. солдат русской армии.

Перед войной Александр I провел успешную дипломатическую подготовку, заключив весной 1812 г. мир с Османской империей и союзный договор со Швецией, по которому обещал предавшему Наполеона маршалу *Ж.-Б.-Ж. Бернадотту* (с 1810 г. наследнику шведского престола) свою помощь в приобретении Норвегии. В апреле Александр I распорядился передать Наполеону ультиматум, в котором в качестве условий для дальнейших переговоров выдвинул требования вывести французские войска из Шведской Померании и Пруссии, а также разрешить России торговать с нейтральными странами. После чего, не дожидаясь ответа, Александр I выехал к армии.

Война началась 24 июня 1812 г. переходом войск Наполеона через Неман. Три российские армии были разрознены, и Наполеон стремился разбить их по одиночке, однако ему это не удалось: они начали отступать в глубь страны, уничтожая на своем пути все, что могло бы оказаться полезным для французов, и сумели соединиться. Императору пришлось изнурять своих солдат быстрыми маршами; в Великой армии начались болезни и дезертирство, усугубленные нехваткой продовольствия, не предоставленного в должном объеме немцами и поляками.

Решающая битва состоялась лишь *7 сентября (26 августа)* на подступах к Москве, *на Бородинском поле*. Наполеон выиграл это сражение и через несколько дней занял Москву, однако победа обошлась ему дорогой ценой, а русская армия так и не была уничтожена: оставив вторую столицу, она отошла, чтобы отдохнуть и пополнить свои ряды. Наполеону, напротив, неоткуда было ждать подкрепления: огромное расстояние отделяло его от Франции, в

России бушевала партизанская война, коммуникации оказались практически перерезаны, французская армия буквально таяла на глазах. У императора хватило бы припасов, чтобы перезимовать в Москве, несмотря на то, что город по приказу генерала-губернатора Ф. В. Ростопчина был охвачен пожарами. Однако Наполеон не рискнул оказаться запертым в Москве, тем более что его основная цель так и не была достигнута: на призывы начать переговоры Александр I не отвечал, что делало дальнейшую оккупацию Москвы бессмысленной. Наполеон принял решение начать отступление из России. Бегство переросло в катастрофу. Великая армия практически прекратила свое существование: 16 декабря 1812 г. через Неман переправилось лишь 18 тыс. человек, а сам император, оставив армию, поспешил в Париж.

Поражение Франции. Провал похода Наполеона в Россию привел к расширению сопротивления политике империи на территории подвластных ей государств. Первыми были прусские земли: под влиянием волны народных восстаний Фридрих-Вильгельм III в начале 1813 г. поспешил заключить договор с Александром I и провозгласить *«священную войну»* с французами. Так начала складываться *шестая антифранцузская коалиция*, поначалу состоявшая только из Англии, России и Пруссии.

Тем временем Наполеону удалось поставить под ружье 300 тыс. новобранцев, с которыми он и планировал дать бой коалиции. Размеры катастрофы были пока еще не ясны: император даже не торопился отзывать войска из Испании. В конце весны 1813 г. он одержал ряд побед над Пруссией, но все же сил оказалось недостаточно для того, чтобы полностью разгромить противника. Роль посредника в переговорах взялась сыграть Австрия. Однако Наполеон переоценил ее лояльность и недооценил привлекательность для австрийского правителя английских субсидий: после того как Наполеон отказался от восстановления Пруссии в прежних границах и роспуска Рейнского союза, Франц I в августе присоединился к коалиции. Вскоре в ее ряды влились также Швеция, Бавария и ряд других германских государств.

Решающее сражение с войсками шестой коалиции состоялось 16—19 октября 1813 г. под Лейпцигом и получило название *Битва народов*. В ходе сражения союзники получили подкрепление, что обеспечило им двойное превосходство над французами в численности войск и привело к поражению Наполеона. Империя начала рассыпаться. Одно за другим покидали Наполеона государства Рейнского союза, объявила о своем нейтралитете Швейцария, изгнала французов Голландия. Пользуясь поддержкой изменившего Наполеону Мюрата, австрийцы вторглись в Италию. Испания также оказалась потеряна: англичане заставили французов покинуть Мадрид и отойти к границе, после чего Наполеон вернул испанский трон сыну Карла IV Фердинанду VII.

Вернувшись во Францию, Наполеон попытался собрать новые силы, обратился за поддержкой к законодателям, вспоминая о том, что он — «представитель народа». Однако народ уже устал от войн. Кризис в экономике, увеличение налогов вызвали всеобщее возмущение, а новый призыв в армию — сопротивление. Союзники предложили императору заключить мир на условиях возвращения Франции к «естественным границам» по р. Рейну, Альпам и Пиренеям. Наполеон отклонил это предложение: он готов был отказаться от собственных завоеваний, но не от значительной части территориальных приобретений, сделанных до него, в ходе революционных войн.

Когда война переместилась на территорию Франции, от Наполеона отвернулись все, кто ранее поддерживал его режим, и выигранные им сражения уже ничего не решали: ему нечего было противопоставить численному превосходству армий коалиции. Не сбывается и последняя надежда на благосклонность Австрии: в начале марта 1814 г. Англия, Россия, Пруссия и Австрия подписали *Шомонский договор*, предначертав будущие границы Франции и взяв на себя обязательство не заключать сепаратного мира. Один за другим императору изменяли маршалы и высшие сановники; союзные войска вступили в Париж. 4 апреля Наполеон вынужден был *отречься от престола* в пользу своего сына, Римского короля, однако союзников это уже не устраивало, и Сенат призвал на трон брата Людовика XVI — *Людовика XVIII*, взявшего на себя обязательство пожаловать народу конституционную Хартию.

Наполеона отравили в ссылку на переходящий в его владение о. Эльба у побережья Италии, а союзники *30 мая 1814 г.* подписали *Парижский мирный договор* с Францией, по которому та должна была вернуться к границам 1792 г. Бельгия отходила к Голландии, Венеция и Ломбардия — к Австрии. Предполагалось, что судьба остальных территорий решится на специально созываемом для этой цели конгрессе в Вене. Шестая антифранцузская коалиция стала первой, чьи войны с Францией завершились победой.

Сто дней. Во время своего краткого пребывания на о. Эльба Наполеон внимательно следил за ситуацией во Франции и знал, что реставрацией монархии Бурбонов многие оказались недовольны. Хартия поставила под сомнение принцип национального суверенитета, чем разочаровала старых республиканцев и либералов. Многие боялись возвращения Старого порядка, сеньориальных повинностей и десятины. Роялисты требовали возвращения национальных имуществ прежним владельцам. Демобилизация армии вызвала раздражение у части офицерского корпуса; те же, кто оставался служить, были недовольны преимуществами, которые получали эмигранты при продвижении по службе.

Едва ли это означало, что многие среди мирного населения готовы были выступить за возвращение императора, однако Наполеон рискнул сделать ставку на военный переворот. Бежав с о. Эльба и

высадившись с гвардейцами 1 марта 1815 г. на южном побережье Франции, он сумел привлечь на свою сторону отправленные против него войска и двинулся на Париж, избегая районов, где были сильны роялистские настроения. Восторженный прием, оказанный ему солдатами, спровоцировал спонтанное возрождение в стране любви к императору. Уже 20 марта Наполеон с триумфом вошел в столицу, а Людовик XVIII бежал за границу.

Тем не менее нотабли по-прежнему видели в Наполеоне угрозу спокойствию и своему благосостоянию, а сделать ставку на народ и вернуться к традициям 1792 г. император оказался не готов. Его попытка договориться с союзными державами также не имела успеха: несмотря на обещание Наполеона признать условия Парижского мира, союзники объявили его вне закона и сформировали *седьмую антифранцузскую коалицию*, объединившую против Франции почти всю Европу: Австрию, Англию, Голландию, Испанию, Неаполь, Португалию, Пруссию, Россию, Швецию, германские страны.

Вопреки своему желанию Наполеону пришлось начать новую войну, закончившуюся сокрушительным поражением *18 июня 1815 г.* у деревни *Ватерлоо* на территории Бельгии. После повторного отречения Наполеон вынужден был отправиться на о. Святой Елены в южной части Атлантического океана, где он и скончался в 1821 г.

Итоги правления Наполеона I. В годы Консульства и Первой империи во Франции был создан уникальный политический режим, которому удалось завершить революцию, примирить Старый и новый порядок, объединить общество, расколотое за революционное десятилетие. Этот режим по праву считается *режимом личной власти Наполеона Бонапарта*. Несмотря на формальное сохранение парламентаризма, принципов выборности и народного суверенитета, одобрение всех важнейших политических изменений на референдумах, рожденные революцией политические институты, по большому счету служили лишь «декоративными элементами», украшающими авторитарную власть императора. Вся система управления страной замыкалась на личности императора и зависела только от него, легальная оппозиция была сведена к минимуму, управление страной видоизменялось согласно его желанию. Объем власти императора был существенно больше, чем у любого из его предшественников на французском троне. Вместе с тем реформы Наполеона в административной и финансовой сферах надолго пережили его правление: сочетание в управлении департаментами принципов выборности и назначаемости должностных лиц, Гражданский кодекс, прочный французский франк — все это он оставил в наследство XIX в.

Наполеон I одновременно положил конец революции и сохранил многое из того, что вошло в революционную эпоху в политическую практику: государство осталось в основе своей светским, был увековечен принцип равенства перед законом и единого закона для всех частей страны, продолжилось формирование французской нации,

усилилась тенденция к централизации управления страной, оказались увековечены перемещения земельной собственности, произошедшие в годы революции. Власть по-прежнему не приветствовала объединение людей в политические ассоциации и стояла над народом и над его нуждами. Не произошло возврата ни к сословному обществу, ни к сеньориальной системе.

В исторической литературе установленный Наполеоном режим нередко обозначается термином «*бонапартизм*», под которым понимается военная диктатура, опирающаяся на контрреволюционную буржуазию, но лавирующая между различными социальными силами. Однако этот более поздний термин применительно к эпохе Консульства и Первой империи выглядит явным анахронизмом хотя бы потому, что они не были диктаторскими режимами.

Власть Наполеона основывалась на широкой поддержке едва ли не всех социальных слоев и рухнула в тот момент, когда лишилась этой поддержки. Особую роль играла армия, ставшая своеобразным воплощением эгалитарных устремлений времен революции, открывая людям из низов определенные возможности для продвижения по социальной лестнице. Именно это обеспечило Наполеону огромную популярность и при жизни, и после заката его карьеры; весь XIX век во многом проходил под знаком Наполеона.

Бонапарту удалось, невероятное — превратиться из безвестного корсиканского офицера во властелина большей части Европы, но в глазах народа он был и оставался прежде всего полководцем, от успехов которого зависело процветание Франции. Пока войны Наполеона приносили стране победы, приток средств от грабежей и контрибуций, расширение рынков сбыта для французской промышленности, Франция гордилась своим императором и его победоносной армией. Однако закончить бесконечные войны, длившиеся еще с 1792 г., никак не получалось: Англия готова была финансировать каждого, кто хотел поднять оружие против Франции, континентальная блокада толкала императора на все новые завоевания, многие покоренные народы только и ждали случая, чтобы вернуть себе независимость. Десятилетия начавшихся еще в годы революции войн унесли более миллиона человеческих жизней. Как только войны перестали приносить доход, Франция вступила в полосу экономического кризиса, и, когда поражения последовали одно за другим, выяснилось, что Наполеон опирался по большей части лишь на свою популярность. Напротив, европейские страны, проигрывавшие битву за битвой, пока их силы были относительно раздроблены, оказались успешны, когда им удалось сделать выводы из своих ошибок и объединиться. В результате империя пала, уступив место конституционной монархии.

СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В 1789—1815 гг.

18.1. Англия

Англия на рубеже веков. Англия добилась значительных успехов в экономике, несмотря на то что в течение почти четверти века вела войны с Францией. В период войн британская экономика не сбавила темпов развития. Напротив — военные потребности подталкивали рост производства, несмотря на ряд кризисов (1793, 1797, 1809, 1811—1812), вызванных войной. Ведущее место в хозяйственной структуре заняло промышленное производство. Впервые стоимость неземельной собственности превысила стоимость земли (соответственно 1,45 млрд и 1,25 млрд ф. ст.). Выплавка чугуна в 1796—1806 гг. выросла с 68 до 250 тыс. т, добыча угля в 1780—1800 гг. увеличилась с 8,5 до более 10 млн. т. Особенно быстро расширялось хлопчатобумажное производство. К началу 1790-х гг. в нем было занято 162 тыс. рабочих, а в первое десятилетие XIX в. — уже 800 тыс. Инженер *Р. Тревитик* в 1803 г. построил первый паровоз, в 1814 г. *Дж. Стивенсон* создал его усовершенствованную модель. В сельском хозяйстве появились первые молотилки, изготовленные на промышленных предприятиях. Распространялся паровой двигатель *Дж. Уатта*. Производство двигателей на заводах самого Уатта и *У. Болтона* удовлетворяло в целом потребности английских фабрик, хотя спрос все еще превышал предложение. Современники считали, что фабрики и паровой двигатель ставили Англию вне конкуренции с другими странами.

Развитие фабричного производства стимулировало внутреннюю и внешнюю торговлю. Только в 1790-е гг. стоимость экспорта выросла с 20 до 36 млн ф. ст. Финансовая система успешно обслуживала экономику: численность банков увеличилась за 10 лет с 353 до 386. Быстро росли старые промышленные центры (Манчестер, Ливерпуль), процветали новые города (Рочдейл, Бредфорд). Началось строительство обширных доков в Лондоне, расширялась сеть дорог и каналов, появились рельсовые линии на конной тяге.

Вследствие парламентских огораживаний в начале XIX в. близилась к завершению многовековая (с конца XV в.) перестройка аграрных отношений. Это было обусловлено также тем, что крестьянские ремесленные промыслы не могли конкурировать с фабричным производством. Традиционные поземельные отношения остались в прошлом, участки крестьянских земель были сведены к незначительным

размерам, а крестьянство как особый социальный слой исчезло. Социальный состав английской деревни коренным образом изменился: на смену традиционной структуре «лендлорд — крестьянин-держатель» пришла новая: «лендлорд — капиталистический арендатор — батрак».

Массовые выступления. Важнейшие процессы внутри страны (Промышленная революция и завершавшиеся аграрные преобразования), а также внешнеполитические события (Французская революция и войны Англии с Францией) негативно сказывались на положении широких масс населения. Безудержно росли цены на продовольствие и топливо, что частично было связано с потребностями армии и флота, частично — с аграрной политикой лендлордов, поднявших арендные платежи в 3 раза и более. Рост налогообложения стал бичом населения. Современники рисуют картины нищеты и голода, прежде всего, в промышленных городах.

Известия о революции во Франции обостряли восприятие англичанами собственных невзгод и усиливали социальный протест. Происходили забастовки рабочих, выступления луддитов, волнения крестьян, «продовольственные» бунты, усилилось движение безработных, рос протест против войны и насильственной вербовки в армию и на флот. Требования хлеба и снижения налогов сочетались с политическими выпадами против правительства, короля и режима в целом. Жители Лондона неоднократно забрасывали камнями кареты Георга III и премьер-министра У.Питта-младшего. Повсюду царил «дух неповиновения и бунтарства». Массовые выступления нарастали начиная с 1790 г. и превратились из локальных в общенациональные, достигнув кульминации в 1795 г., а затем после некоторого спада вновь усилились в 1800—1803 гг.

Опасаясь стихийных возмущений, носивших порой антимоноархическую, республиканскую окраску, правящие круги прибегли к репрессиям. Правительство приостанавливало действие «Хабес корпус акта» в 1794, 1798, 1799 гг., т.е. вводило чрезвычайное положение. В 1799 г. был принят *Закон о запрете тред-юнионов* (рабочих союзов), а в 1812 г. — *акт о смертной казни для луддитов*. Однако народные выступления не прекращались. Их апогеем стали бунты на военных кораблях. В 1797 г. матросские волнения переросли в грозные восстания. Сначала поднялись матросы на кораблях эскадры в Ла-Манше, требуя повышения жалования, регулярной его выплаты, улучшения питания и быта, прекращения телесных наказаний и грубого обращения с ними офицеров. Затем последовало крупное, продолжавшееся три недели, восстание на кораблях Северного моря. Восстания были подавлены, последовали смертные приговоры, через повешение казнили 30 матросов, в тюрьмы заключили сотни восставших.

Под влиянием Французской революции начался новый подъем борьбы ирландцев, что еще более осложнило обстановку в стране.

Повстанцы рассчитывали на высадку в Ирландии десанта французов. Однако их расчет не оправдался, вспыхнувшее в 1798 г. восстание было задушено, правительство издало новые карательные законы против ирландцев. В 1801 г. вступила в действие *англо-ирландская уния*, которая была подписана в 1800 г. Согласно унии ликвидировался самостоятельный ирландский парламент, Ирландия становилась частью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии; она могла посылать 100 депутатов в нижнюю и 32 — в верхнюю палаты британского парламента.

Подъем демократического движения. Под воздействием событий во Франции стало развиваться также политически и организационно оформленное движение демократов. Возникнув почти одновременно со стихийными волнениями народа (и под их влиянием), оно фактически явилось продолжением (но организационно самостоятельным) движения радикалов. Демократическое движение политически всколыхнуло и объединило многочисленные слои ремесленников и лавочников, из которых вышли его руководители, в их ряды влились также рабочие.

Демократы исходили из того, что революция во Франции преследует те же цели, которых они сами добивались в Англии. Самох демократов, восторженно приветствовавших французских революционеров, в стране называли не иначе как «якобинцами». Их программы основывались на идеях Просвещения. Чрезвычайно популярными в их среде были взгляды Т. Пейна, избранного во Франции в революционный Конвент. Трактат Пейна «Права человека» (1791—1792) защищал принципы народного суверенитета и республиканизма. Среди участников выступлений демократов порой раздавались возгласы «Долой короля! Да здравствует Пейн!».

Движение демократов приобрело организованные формы в 1792—1795 гг. В 1792 г. было образовано *Лондонское корреспондентское общество* под руководством молодого адвоката *Мориса Маргарота* и сапожника *Томаса Харди*. Вскоре подобные объединения (их называли также *клубами*) возникли в городах и графствах, а к 1795 г. по всей стране оформилась густая сеть корреспондентских обществ. Общества стремились выработать программу демократизации государственно-политического строя Англии в противовес господству олигархии, поскольку, как полагали демократы, плоды труда народа «захватывает кучка аристократических угнетателей», а «парламент является грубым оскорблением прав собственности, религии и свободы». Предлагались различные варианты демократизации — от совершенствования конституционной монархии до установления республики. Демократы, опираясь на сочинения *Т. Спенса*, осуждали земельную монополию лендлордов, порицали войну и колониальную политику правящих верхов, отвергали рабство и работорговлю. Политическая программа рассматривалась ими как средство достижения экономического благополучия.

Английские «якобинцы» пропагандировали свои цели среди народа, читали лекции, выступали на митингах, распространяли собственную прессу, дешевую и доступную по языку простым людям. Осенью 1793 г. демократы создали *Всебританский конвент корреспондентских обществ* в г. Эдинбурге. Свою задачу Конвент видел в определении тактики действий. Демократы делились на сторонников борьбы, стремившихся к объединению с бунтующими массами, и приверженцев действий в рамках законности, не склонных к слиянию со стихией народных волнений. Последние, названные «легалистами», составляли большинство в корреспондентских обществах. Власти уже в декабре разогнали Конвент, арестовали его лидеров и позднее приговорили их к 14 годам ссылки в колонии. Правительство политикой подавления затруднило деятельность демократов и свело на нет их движение.

Восприятие англичанами революции во Франции. Участники стихийных выступлений и демократического движения постоянно выражали свою поддержку Французской революции: сажали «деревья свободы», находили различные способы продемонстрировать свою солидарность с революцией. Первоначально революция во Франции вызвала единодушное одобрение в английском обществе. Виги понимали 1789 г. во Франции как подобие дорогих им событий «Славной революции» 1688 — 1689 гг. Это относилось к восприятию Французской революции даже торийским правительством У. Питт-младшего, которое к тому же рассчитывало, что внутренняя борьба во Франции ослабит позиции этой страны как конкурента в торгово-колониальной политике. Английские аристократы поддерживали переписку с участниками революции в Париже и других городах. Деятель радикального движения *Дж. Картрайт* и его единомышленники видели в революции аналог собственной борьбы за политические реформы и посылали французам восторженные приветствия с выражением поддержки.

Однако уже осенью 1790 г. обнаружилась противоположная тенденция. Углубление революции во Франции, с одной стороны, и нарастание стихийных народных выступлений и организованного протеста демократов в Англии, с другой, обусловили изменение отношения верхов английского общества к французским событиям. Крутой поворот в их настроениях произошел в 1792 г. и особенно в 1793 г. в связи с казнью французского монарха, когда все чаще среди низов английского общества стал раздаваться призыв «Свобода и равенство, как во Франции!». В прессе открыто выражались опасения по поводу распространения слухов о том, что «чернь» намерена ликвидировать собственность, монархию и парламент. Лондонское корреспондентское общество отвечало на это, что противники олигархии «не чернь, а разгневанный, угнетенный народ». Стихийные народные выступления и активность демократов пробудили также тревогу у радикалов. Дж. Картрайт призывал вооружаться для защи-

ты от участников массовых волнений. Страх перед революцией, перед объединением «нищеты и якобинства» сплотил имущие социальные круги в поддержке репрессий правительства.

Выразителем настроений противников революции стал Э. Бёрк, просветитель и видный политический деятель вигов. В 1790 г. он опубликовал памфлет «Размышления о Французской революции», в котором отрицал право народа на активное сопротивление и осудил французских революционеров. В полемику с Э. Бёрком вступили Т. Пейн, Дж. Пристли и другие просветители.

Войны Англии с Францией. Войны Англии против революционной и наполеоновской Франции продолжались с небольшими перерывами 23 года. Правительство У. Питта-младшего сумело заручиться безоговорочной поддержкой проводимой им политики войны с Францией со стороны правящих и имущих слоев общества. Единственными критикам правительства были «левые виги», называвшие себя «разумной оппозицией» воинственному курсу. Политика правительства преследовала две цели: подавление Франции как главного конкурента в торгово-колониальном соперничестве, длившемся на протяжении всего XVIII в., и удушение революционного якобинизма во Франции, влиявшего также на внутреннее положение Англии. Правительство старалось представить противостояние англичан революционной Франции как «войну в защиту собственности».

Англия мобилизовала на военные нужды все возможные людские и материальные ресурсы. *Закон о массовом призыве* в армию ввел обязательную воинскую повинность для всех мужчин, но выполнялся с трудом. К 1809 г. регулярная армия, флот, ополчение и «добровольцы» (т.е. насильственно завербованные на военную службу) насчитывали около 800 тыс. человек, т.е. составляли примерно 1/6 часть взрослого мужского населения. Британия заботилась прежде всего о своей территориальной обороне, опасаясь интервенции французов. Оборонительные укрепления были построены вдоль побережья южных и восточных графств (Сассекса, Кента, Эссекса). Правительство резко увеличило налогообложение, таможенные пошлины и акцизы, в 1796 г. ввело налог на наследство, а в 1799 г. — прогрессивный налог на все доходы свыше 60 ф. ст. Государственный долг (включая принудительные займы) возрос за годы войн в 4 раза.

Англия являлась не только вдохновителем, но и участником антифранцузских коалиций. На суше войска англичан под руководством графа Чэтэма и герцога Веллингтона сражались, главным образом, на Пиренейском полуострове — в Испании и Португалии. Правительство добивалось победы, следуя трем направлениям своей стратегии: Англия использовала прежде всего свои военно-морские силы; предпринимала дипломатические усилия по созданию антифранцузских коалиций; привлекла мощный экономический потенциал страны. Число британских боевых линейных кораблей к 1801 г. достигло

108, и еще 80 находились в резерве, ремонте и строительстве (французский флот имел 41 корабль). На море Англия бесспорно преобладала и могла гордиться своими победами. Среди многих успешных морских сражений особенно значительным было *сражение в октябре 1805 г. у мыса Трафальгар* (на юго-западе Испании), где английский флот одержал блестящую победу под руководством вице-адмирала *Горацио Нельсона* (1758 — 1805), героически исполнившего свой долг и погибшего в этом бою. Будучи ведущей промышленной державой, Англия снабжала союзников боевой техникой, военным снаряжением и обмундированием, предоставляла им займы и субсидии, т. е. финансировала войну коалиций (так, в 1804 г. У. Питт выделил третьей коалиции 5 млн ф. ст.). Англия обеспечила экономический фундамент войны, ей удавалось выдерживать расходы, намного превосходившие расходы других держав.

Неслучайно именно Англии Наполеон Бонапарт ответил контрмерой экономического характера, объявив ей *континентальную блокаду* (1806 — 1814). Это была политика, предполагавшая блокаду Британских островов, запрет торговли с Англией; французским портам нельзя было принимать суда, прибывавшие из Англии; англичане, находившиеся в странах, зависимых от Франции, считались военнопленными. Наполеон стремился подорвать экономическую мощь Англии и оградить внутренний рынок Франции от ее торговой конкуренции. Блокада осложнила положение Англии, вызвав кризисы 1809 и 1811 — 1812 гг. Количество банкротств более чем вдвое превысило их число за предыдущее десятилетие, сильно пострадали хлопчатобумажная, чугунолитейная и другие отрасли, существенно снизился экспорт, поднялись цены на продовольствие, особенно на хлеб, увеличились масштабы безработицы: в промышленных центрах на улицу были выброшены тысячи рабочих, в Ланкашире мукомольные предприятия стали работать только 3 дня в неделю. Однако континентальная блокада не возымела того результата, на который рассчитывал Наполеон. Таможенным службам Франции и зависимых от нее стран не удавалось пресечь поток на европейские рынки контрабандной продукции из Англии. Главное же состояло в том, что Англия имела мощный экономический потенциал благодаря ее многочисленным колониям.

Грандиозное *сражение при Ватерлоо* 18 июня 1815 г. означало окончательный разгром Наполеона. Антифранцузской армией командовал фельдмаршал Веллингтон, что символизировало первостепенную роль Англии в войнах против Франции. Военные успехи Англии упрочили ее позиции в послевоенном мире, укрепили торгово-экономическое первенство, господство на морях. Англия к этому времени имела самый большой по тоннажу флот, расширила свои колониальные владения. Итоги войн державы-победители подводили в *Шомоне* (Франция, март 1814 г.) и на *Венском конгрессе* (сентябрь 1814 — июнь 1815 г.). От Англии главными действующими ли-

цами на переговорах были *Веллингтон* и министр иностранных дел *Р. С. Кэслри*. Гордясь достигнутым, Англия праздновала победу.

18.2. Испания

Испания в 1789—1808 гг. Конец 1780-х гг. стал важным рубежом в истории Испании. Начало революции во Франции напугало испанские правящие круги, заставив их отказаться от продолжения реформ, которые в новой ситуации стали представляться вредными и опасными. Изменению политического курса способствовало и то, что после смерти Карла III в конце 1788 г. королем был провозглашен его сын, *Карл IV*, ограниченный, легко поддававшийся чужому влиянию, не обладавший способностями государственного деятеля.

В первые годы своего правления новый король одного за другим сместил с высших государственных постов министров «просвещенного абсолютизма» П. Р. Кампоманеса, графа Х. Флоридабланку и графа П. Аранду; крупнейший деятель испанского Просвещения Г. М. Ховельянос был выслан в Астурию. В ноябре 1792 г. пост первого министра занял недалекий и тщеславный фаворит королевы Марии-Луизы *Мануэль Годой*, который пользовался безграничным доверием короля и вскоре сосредоточил в своих руках все рычаги государственной власти.

В стране постепенно усилилась политическая реакция. В 1790 г. был обнародован новый *Индекс запрещенных книг*, оживилась деятельность инквизиции, которая активно включилась в борьбу против распространения в Испании идей Французской революции. Экономические общества друзей Отечества, бывшие очагами просветительской мысли в Испании, лишились покровительства со стороны государства. В стране находили убежище эмигранты-контрреволюционеры и подвергались высылке французы, заподозренные в симпатиях к Французской революции. Мрачная атмосфера политической реакции и крах надежд просвещенных испанцев на продолжение реформ нашли отражение в офортах известного живописца *Франсиско Хосе де Гойи* (1746—1828) «Капричос» (1797—1798).

В 1795 г. был опубликован «Доклад об аграрном законе» Г. М. Ховельяноса. Испанский просветитель предложил отменить майораты (т. е. снять запрет на продажу дворянской земельной собственности), поощрять развитие крестьянской аренды, ликвидировать некоторые подати, стеснявшие развитие торговли. Проект Ховельяноса был отвергнут властями. В то же время социально-экономические преобразования «просвещенного абсолютизма», проведенные в 1760—1780-х гг., не были отменены.

Революция во Франции повлияла и на внешнюю политику Испании. Правящие круги отказались от союза с Францией, существовавшего с начала 1730-х гг. По мере углубления революции во Франции

франко-испанские отношения ухудшались. Испанская дипломатия принимала участие в переговорах европейских держав, связанных с подготовкой контрреволюционной интервенции, испанские войска были придвинуты к франко-испанской границе, хотя в 1792 г., когда началась война Франции с Пруссией и Австрией, Испания сохранила нейтралитет. Однако после казни Людовика XVI в январе 1793 г. подготовка Испании к войне с Францией приобрела демонстративный характер: начался прием добровольцев на воинскую службу, проводились сборы пожертвований. В *марте 1793 г. Конвент объявил Испании войну*. Весной 1793 г. испанской армии удалось добиться незначительных успехов, но уже летом и осенью 1794 г. французские войска перешли в наступление и заняли ряд городов в Стране Басков (в том числе и один из крупнейших портов — Сан-Себастьян) и Каталонии. Военные поражения заставили Испанию вступить в переговоры. В *июле 1795 г. в Базеле* был подписан мирный договор между Испанией и Францией. За это М.Годой был удостоен титула *Князя Мира*.

Война 1793 — 1795 гг. продемонстрировала бесперспективность конфронтации с более сильным соседом. Кроме того, власть термидорианского Конвента, а затем — Директории, представлялась правящим кругам Испании менее опасной, чем якобинская диктатура; поэтому испанская дипломатия вернулась к политике сотрудничества с Францией. В 1796 г. Испания заключила *договор о союзе с Францией*. Этот шаг был продиктован стремлением обрести сильного союзника в борьбе против Англии, которая все более энергично претендовала на испанские колонии в Новом Свете.

Однако расчеты испанской дипломатии не оправдались. Союз с Францией втянул Испанию в бесконечные войны с Англией. Испанский флот потерпел поражение в сражении у мыса Сан-Висент в 1797 г. и был разгромлен при Трафальгаре в октябре 1805 г. Ослабление военно-морского флота Испании сделало испанские колонии еще более уязвимыми: в 1797 г. англичане заняли о. Тринидад, в 1805 — 1807 гг. попытались захватить Ла-Плату. В начале XIX в. быстро сокращалась торговля Испании с ее заморскими владениями, одновременно расширялась английская контрабандная торговля с испанскими колониями.

Весной 1801 г. под нажимом Франции Испания объявила войну Португалии, которая была самым надежным союзником Англии на континенте. Испанские войска одержали победу, Испания получила португальский город Оливенсу, однако эта война ухудшила испано-португальские отношения.

Испания вынуждена была присоединиться к континентальной блокаде, провозглашенной Наполеоном в 1806 г., что нанесло огромный ущерб экономике страны. На протяжении 1796 — 1807 гг. зависимость Испании от Франции все более усиливалась, Испания постепенно превратилась из союзника Франции в ее сателлита.

Рост военных расходов, продовольственные кризисы 1793 и 1804—1805 гг., которые привели к увеличению импорта хлеба, сокращение колониальной торговли, расточительство двора истощили королевскую казну и обусловили затяжной финансовый кризис, который выразился в растущем дефиците государственного бюджета и падении курса государственных ценных бумаг.

В этой ситуации правительство вынуждено было вернуться к проведению реформ. Так, в 1798 г. дворянам было разрешено продавать майоратные земли с условием, что вырученные средства будут вложены в бумаги государственного долга. Эта реформа не имела успеха из-за продолжавшегося падения курса ценных бумаг. В 1805 г. королевская власть, по согласованию с Римом, начала распродажу части церковных земель, выплачивая церкви компенсацию бумагами государственного долга. Таким образом, хотя Карл IV и М. Годой не были сторонниками идей испанских просветителей, обстоятельства заставляли их проводить некоторые преобразования, способствовавшие расшатыванию экономических устоев Старого порядка. В связи с этим некоторые исследователи считают возможным говорить о «просвещенном абсолютизме Мануэля Годоя».

Начало войны за независимость и буржуазной революции. В октябре 1807 г. Испания заключила очередной договор с Францией, по которому французские войска получали право пройти через территорию Испании для военных действий против Португалии. В ноябре 1807 г. армия генерала Ж.-А. Жюно захватила Португалию, однако в начале 1808 г. французские войска продолжали прибывать в Испанию. Стало очевидно, что близорукая внешняя политика Карла IV и М. Годоя привела к тому, что Испания, формально оставаясь союзницей Франции, фактически превратилась в оккупированную страну. В итоге высшие государственные деятели — король и его первый министр — оказались дискредитированными в глазах населения, большинство испанцев считали их предателями.

Наследник престола *инфант Фернандо (Фердинанд)* и его окружение, давно интриговавшие против Карла IV, использовали всеобщее возмущение. 17 марта 1808 г. в Аранхуэсе, загородной королевской резиденции, сторонники Фернандо совершили *дворцовый переворот*, который был немедленно поддержан торговцами, ремесленниками и крестьянами, стекавшимися в Аранхуэс, когда там находился королевский двор. Дворцовый переворот перерос в локальное народное восстание, направленное против Карла IV и его фаворита. Король отрекся от престола, новым монархом был провозглашен *Фернандо VII*. Однако через несколько дней, оправившись от испуга, Карл IV отказался от отречения. В стране возникло *двоевластие*: на испанскую корону одновременно претендовали отец и сын. Оба монарха в борьбе за власть апеллировали к Наполеону и, пытаясь заручиться его поддержкой, выехали в приграничный французский город Байонну, где в то время находился император.

В Мадриде было оставлено регентство, однако фактически власть в столице оказалась в руках маршала Мюрата. Возмущение испанцев оккупацией страны все более нарастало. В конце марта произошло столкновение жителей Мадрида с французскими солдатами, в апреле волнения охватили некоторые города северной и центральной Испании, в том числе Бургос и Толедо. Утром 2 мая 1808 г., когда французы попытались вывезти из Мадрида последних представителей королевской семьи, *началось народное восстание*. У его участников не было ни определенных планов, ни ясных целей; это была вспышка ненависти к захватившим страну иноземцам. Восстание было обречено: плохо вооруженным повстанцам противостояла регулярная французская армия, а испанский гарнизон Мадрида (за исключением нескольких офицеров) не поддержал горожан. Уже к вечеру 2 мая восстание было подавлено, началась расправа над его участниками.

Многие жители Мадрида, спасая свою жизнь, бежали из города, и очень быстро вести о том, что произошло в столице, разнеслись по всей стране. В тот же день власти селения Мóstолес, неподалеку от Мадрида, разослали гонцов с призывом к вооруженной борьбе с французами.

В мае — июне во многих городах вспыхнули восстания. Горожане свергали старую власть и создавали новые органы власти, *хунты*, которые сразу же объявляли войну Наполеону, формировали ополчение, организовывали сбор денег и продовольствия. В состав хунт входили представители патриотически настроенного дворянства, горожан, духовенства. Тогда же в сельской местности возникли первые партизанские отряды.

Восстание 2 мая в Мадриде положило начало войне за независимость, главной движущей силой которой стали народные массы.

Одновременно в результате событий марта — июня 1808 г. была разрушена политическая система Старого порядка. Краеугольный камень абсолютизма — монархия фактически прекратила свое существование, так же, как и центральное правительство; власть на местах перешла в руки самопровозглашенных хунт, созданных восставшим против французского нашествия народом. В Испании началась революция.

В сентябре 1808 г. в Аранхуэсе (центральные районы Испании были к этому времени уже освобождены от французов) сформировалось новое правительство — *Центральная хунта*, состоявшая из делегатов провинциальных хунт. В Центральной хунте было немало представителей старой феодальной знати, но в то же время в ее состав входили видные деятели просвещенного абсолютизма — Х. Флоридабланка и Г. М. Ховельянос, а также либералы — М. Кинтана и Кальво де Росас. Консервативное большинство Центральной хунты считало своей главной задачей освобождение страны и возвращение «законного короля» Фернандо VII. Хотя на протяжении 1808 — 1809 гг.

Центральная хунта неоднократно обещала реформировать уголовное и гражданское законодательство, создать справедливую налоговую систему, пересмотреть взаимоотношения метрополии с колониями, но эти обещания так и не были выполнены. Центральная хунта также не смогла организовать отпор новому французскому нашествию и возглавить борьбу народа за независимость. Одной из немногих заслуг Центральной хунты было заключение *союзного договора с Англией* в январе 1809 г. Новое наступление французских войск заставило Центральную хунту перебраться в Севилью, а затем в Кадис. В начале 1810 г. Центральная хунта настолько дискредитировала себя, что ее члены боялись выходить из дома, опасаясь оскорблений со стороны жителей Кадиса. В феврале 1810 г. Центральная хунта заявила о своем самороспуске. Первый опыт создания новой власти закончился неудачей.

После восстания 2 мая в Мадриде планы Наполеона в отношении Испании прояснились. Добившись отречения от престола Фернандо VII и Карла IV, он передал испанскую корону своему брату — *Жозефу Бонапарту*. Этот шаг должен был принести Франции огромные выгоды: под властью Наполеона оказалась бы не только Испания, но и ее колоссальные владения в Новом Свете. Стремясь придать видимость законности этой династической рокировке, Наполеон приказал Мюрату доставить в Байонну представителей различных сословий. Так были учреждены *Байонские кортесы*, в состав которых входили представители аристократии, духовенства (в том числе и инквизиторы), чиновников, военных и купцов. Кортесы признали Жозефа Бонапарта королем Испании и приняли продиктованную Наполеоном конституцию. *Байонская конституция 1808 г.* предполагала создание двухпалатных кортесов (при цензовом избирательном праве) с законосовещательными функциями, введение единого законодательства на территории всей страны, устранение внутренних таможенных пошлин, равенство граждан перед законом. Наполеон рассчитывал на то, что введение конституционной монархии обеспечит его брату поддержку хотя бы части испанского общества. Однако подавляющее большинство испанцев не признали нового короля и Байоннскую конституцию; испанские колониальные власти также отказались поддержать Жозефа Бонапарта.

Военные действия на Пиренейском полуострове в 1808 — 1814 гг. После восстания 2 мая в Мадриде наибольшую опасность для французов представляли испанские войска, находившиеся на юге страны, в Андалусии. Их численность быстро возрастала за счет притока добровольцев. Мюрат направил в Андалусию войска под командованием генерала П.-А. Дюпона. В середине июля 1808 г. произошло *сражение под Байленом*. Испанская армия генерала Ф. К. Кастаньоса одержала победу, остатки французских войск вынуждены были сдать. Победа испанцев под Байленом, действия партизан, а также восстание на севере Португалии в июне 1808 г. и высадка англий-

ского десанта на португальском побережье вызвали панику во французском лагере. Французские войска поспешно отступили, оставив Португалию и большую часть территории Испании.

Однако Наполеон не отказался от покорения Испании. В начале ноября французская армия под его командованием перешла в наступление; 4 декабря французы вновь вступили в Мадрид.

Одним из самых ярких проявлений героизма испанского народа в борьбе за независимость стала *осада Сарагосы*, продолжавшаяся с ноября 1808 г. до февраля 1809 г. Тридцатитысячная испанская армия и жители города самоотверженно защищали Сарагосу, несмотря на огромные потери, голод и болезни. В январе — феврале 1809 г. в Сарагосе ежедневно от голода и болезней умирали около 300 человек. Даже после того, как французы ворвались в город, в течение 3—4 недель в Сарагосе продолжались уличные бои; монастыри и многие дома Сарагосы превратились в крепости.

В начале 1809 г. французы захватили северные области Испании, однако летом 1809 г. английские и испанские войска под командованием *А.Уэлсли* (1769—1852) (в будущем — герцога Веллингтона) начали контрнаступление с территории Португалии в центральные районы Испании. В результате нескольких сражений летом и осенью 1809 г. группировка Веллингтона отступила к испано-португальской границе. Одновременно французские войска вели наступление в Каталонии. В течение 6 месяцев (с июня по декабрь 1809 г.) продолжалась осада г. Жероны, жители которой повторили подвиг Сарагосы.

В начале 1810 г. французы захватили Андалусию. Единственным оплотом испанцев на юге страны остался крупный портовый город Кадис, державшийся благодаря поддержке английского флота. К осени 1810 г. армия Веллингтона оказалась оттеснена к побережью Португалии, однако французам не удалось преодолеть линии укреплений в районе Торреш-Ведраш и сбросить англичан в море. В 1811 г. в центральных районах Португалии продолжались столкновения между англо-испанскими и французскими войсками. Последним успехом французов на Пиренейском полуострове стало взятие крупного средиземноморского города Валенсии. В это же время Наполеон начал частичный вывод войск из Испании и Португалии, готовясь к войне с Россией.

Ослабление французской армии и рост партизанского движения позволили Веллингтону начать новое наступление. В июле 1812 г. англо-испанские войска выиграли *сражение при Арапилес* (неподалеку от Саламанки), в конце 1812 г. с высадкой английского десанта на средиземноморском побережье началось освобождение южных районов Испании. К началу 1814 г. французские войска контролировали только часть территории Каталонии, а в середине мая 1814 г. освобождение страны завершилось.

Огромную роль в войне за независимость сыграло народное партизанское движение — *герилья*. В 1808—1814 гг. существовало до

400 партизанских отрядов, в которых сражалось около 50—60 тыс. человек. Преобладали мелкие отряды, но встречались и крупные, в которых состояло до 3—3,5 тыс. партизан. Около 60 % потерь, понесенных французами в Испании, было связано с боевыми действиями партизан. Большинство герильерос составляли крестьяне, хотя в партизанских отрядах можно было встретить представителей всех слоев общества — от дворянина до бродяги. Активное участие населения в герилье объяснялось не только патриотическими побуждениями испанцев, но и стремлением защитить себя от безудержного мародерства французов. Партизаны избегали прямых столкновений с превосходящими силами противника и нападали на мелкие гарнизоны и небольшие отряды, отправлявшиеся из городов в деревню за продовольствием и фуражом. Попытки французов покончить с герильей успеха не имели, хотя французские войска были лучше вооружены и обучены и их возглавляли знаменитые наполеоновские маршалы — Мюрат, Массенá, Сульт, Сюшэ. Партизанские отряды отличались высокой мобильностью, оказавшись в окружении, герильерос «растворялись» среди местного крестьянского населения, которое оказывало партизанам всемерную поддержку. Большинство партизан считали своей главной целью изгнание французов из Испании, восстановление власти законного короля — Фернандо VII и прав «святой матери-церкви». Хотя во главе партизанских отрядов нередко находились люди, разделявшие идеи либералов (например, *Ф. Мина, эль Эмпесинадо, маркиз Х.Д. Порльер*), но в целом испанская герилья развивалась под лозунгами восстановления Старого порядка.

Кадисские кортесы. Испанский либерализм. Центральная хунта, заявив о своем самороспуске, призвала создать кортесы. В сентябре 1810 г. в осажденном Кадисе открылось *первое заседание кортесов*. В стране, охваченной войной, было невозможно провести настоящие выборы. Нередко случалось так, что депутата от какой-либо области, оккупированной французами, избирали уроженцы этой области, находившиеся в Кадисе. В Кадис прибыли также представители белого населения колоний — *«американос»*. В Кадисских кортесах сложились 2 основные группировки — *«сервилес»* (так называли сторонников Старого порядка за их раболепное отношение к королевской власти) и *либералы*. Среди либералов преобладали дворяне, многие из которых были чиновниками, офицерами, людьми свободных профессий, встречались и духовные лица. Наиболее авторитетными деятелями либералов в Кортесах были *Агустин Аргуэльес, Хуан Никасио Гальего, граф Хосе-Мария Торено*. Депутаты-либералы пользовались широкой поддержкой торгово-промышленной буржуазии Кадиса.

Мировоззрение испанских либералов начала XIX в. складывалось под сильным влиянием просветительских идей и взглядов французских конституционалистов-монархистов (*фельянов*). Так, при разра-

ботке испанской конституции либералы использовали некоторые положения французской конституции 1791 г. В то же время либералы считали себя продолжателями национальной политической традиции и апеллировали к старинным правам средневековых кортесов, ограничивавших полномочия королевской власти. Испанские либералы считали основой справедливого общественного устройства принцип суверенитета народа и разделение властей, хотя и категорически отвергали принцип демократии, которую они отождествляли с режимом якобинской диктатуры. Наилучшей формой правления для либералов была конституционная монархия, одной из своих главных задач они считали возвращение престола «законному королю» — Фернандо VII. Либералы отстаивали идею равенства граждан перед законом, их идеалом было бессловное общество, но при этом они подчеркивали, что равенство не может распространяться на имущественные отношения. Одной из основополагающих ценностей либерализма являлась свобода, что подразумевало гражданские и политические свободы, свободу собственности и предпринимательства, невмешательство государства в экономическую жизнь, свободу совести, преподавания и творчества. Испанские либералы начала XIX в. выступали против вмешательства церкви в политические дела, за сокращение ее влияния в сфере образования и культуры, но отвергали атеизм. Либералы были сторонниками унитарного государства и считали старинные региональные вольности — *фуэрос* пережитком феодализма, который необходимо устранить. Либеральная идеология была проникнута патриотизмом; высшей ценностью для либералов были нация и национальные интересы.

Своеобразной особенностью буржуазной революции было то, что борьба политических противников — либералов и сервилес — вплоть до конца 1813 г. проявлялась в дискуссиях в кортесах и на страницах печати. Относительная толерантность либералов и роялистов объяснялась тем, что у них был общий враг — иноземные захватчики. Однако уже в конце 1813 — начале 1814 г., когда большая часть страны была освобождена, борьба либералов и сервилес приобрела более ожесточенный характер.

Конституция 1812 г. и социально-экономическое законодательство. Важнейшим достижением Кадисских кортесов стала *конституция, принятая в марте 1812 г.* Этот документ был призван обеспечить юридическую базу новой политической системы, которая должна была заменить старую, рухнувшую в 1808 г. Конституция провозгласила суверенитет народа и принцип разделения властей. Кортесы обладали правом законодательной инициативы, принимали и отменяли законы. В их компетенцию входило утверждение бюджета, налогового и таможенного законодательства; управление национальным имуществом, развитие промышленности, защита свободы печати и организация системы образования. В ведении кортесов находилось формирование армии и флота. Конституция

ограждала кортесы от произвола и возможного подкупа со стороны королевской власти: монарх не мог досрочно распустить их, депутатам было запрещено занимать государственные должности и принимать награды и подарки от короля. Монарху предоставлялось право законодательной инициативы и право приостанавливающего вето, которое позволяло на 2 года задержать вступление в силу любого закона. Король назначал и смещал министров. Однопалатные кортесы избирались на 2 года. Хотя избирательное право для мужчин и не было всеобщим (его лишались слуги, бродяги, банкроты и осужденные преступники), но конституция не устанавливала имущественный ценз для избирателей. Конституция декларировала права, свободы и обязанности граждан, их равенство перед законом и равные права на занятие государственных должностей. Все граждане были обязаны платить налоги. Так, конституция положила конец существованию сословных привилегий духовенства и дворянства. Конституцией была установлена и единая система управления всеми областями страны.

Стремясь сохранить колониальные владения, кадисские законодатели пошли на существенные уступки креолам: все свободное население колоний признавалось частью испанской нации. В то же время рабство в испанской Америке не было отменено, так как подобная мера подорвала бы плантационное хозяйство, что, в свою очередь, вызвало бы недовольство креольской верхушки.

Одним из немногих отступлений от принципов либерализма стала статья конституции, провозгласившая католицизм единственной истинной верой, религией всех испанцев. Либералы пошли на эту уступку церкви, так как испанское духовенство принимало активное участие в борьбе против наполеоновского нашествия; они не хотели вносить раскол в ряды борцов на независимость.

Однако уже в начале 1813 г., когда стало ясно, что победа близка, отношение либералов к церкви стало меняться. Кортесы упразднили инквизицию, приняли *закон о закрытии части монастырей* и передаче их имущества государству.

Еще одним важным направлением в деятельности кортесов было решение аграрного вопроса. В августе 1811 г. кортесы приняли *закон о ликвидации сеньориальных прав и феодальных повинностей*. Этот акт предполагал безвозмездную отмену всех личных повинностей, баналитетов, права сеньоров назначать алькальдов и судей, взимать дорожные и мостовые пошлины. Поземельные повинности сохранялись лишь тогда, когда сеньор мог документально доказать право частной собственности на крестьянское держание. В 1813 г. кортесы одобрили *закон о распродаже половины пустошей и королевских земель*, другая половина должна была быть распределена между ветеранами войны за независимость и безземельными крестьянами. В том же году был принят *закон, дававший право расторжения до-*

говора долгосрочной аренды по инициативе одной из сторон. Еще один закон 1813 г. предполагал *отмену части майоратов*.

Законодательство кадисских кортесов 1811—1813 гг. представляло собой программу умеренных буржуазных преобразований, отвечавших интересам либерального дворянства и буржуазии. Либералам сравнительно легко удалось принять целый ряд законов, которые могли существенно изменить экономический строй, и конституцию, которая должна была стать фундаментом новой политической системы. Это объяснялось тем, что в период войны за независимость государственный аппарат абсолютизма был разрушен, и это значительно ослабило сопротивление сервилес. Однако либералам не удалось провести в жизнь эту программу. В 1810—1812 гг. Кадис был осажден; власть кортесов ограничивалась, по существу, территорией города. В 1812—1813 гг., по мере того как происходило освобождение страны, кадисские законодатели сталкивались с растущим сопротивлением сторонников Старого порядка, которые на местах саботировали постановления кортесов. Определенную роль сыграло и то, что герцог Веллингтон, командующий англо-испанской армией, считал конституцию 1812 г. слишком радикальной и поддерживал консервативные силы.

Одной из особенностей революции было то, что попытки буржуазных преобразований исходили не только от кадисских либералов, но и от их злейшего врага — Наполеона. В конце 1808 — начале 1809 г. Наполеон пытался укрепить власть своего брата в Испании с помощью реформ. Была провозглашена ликвидация сеньориальных прав, уничтожена инквизиция, закрыта часть монастырей и их имущество передано государству. Политика Наполеона привела к тому, что среди «офранцузенных» (так называли тех, кто сотрудничал с новой властью) оказались не только представители знати и духовенства, стремившиеся сохранить свое прежнее положение при новой власти, но и некоторые просвещенные испанцы, питавшие надежды, что смена династии повлечет за собой благотворные экономические и политические изменения. Однако правительству короля Жозефа не удалось осуществить эти реформы; оно контролировало только ту территорию, «куда падала тень от французских штыков». Подавляющее большинство населения Испании воспринимало французов как захватчиков и мародеров, а «офранцузенных» — как предателей.

Окончание Войны за независимость и контрреволюционный переворот. В конце 1813 г. Наполеон вынужден был признать свое поражение в Испании: Жозеф Бонапарт отрекся от испанского престола, корона была возвращена Фернандо VII. Цель, которую ставили перед собой все испанские патриоты, была достигнута, хотя надежды либералов на то, что король признает конституцию 1812 г. и другие законы, принятые кортесами, не оправдались. Фернандо VII, отличавшийся крайне реакционными взглядами, стал центром при-

тяжения для противников революции. В марте 1814 г. был подготовлен обширный документ — «*Манифест персов*» (это название объяснялось тем, что его авторы сравнивали ситуацию в Испании со смутой в древней Персии), в котором теоретически обосновывалась необходимость восстановления абсолютизма. В ночь с 10 на 11 мая 1814 г. в Мадриде произошел *контрреволюционный переворот*. Все законодательство кадисских кортесов, включая конституцию 1812 г., было отменено; кортесы были распущены. Символом реакции стало восстановление инквизиции. Реставрация абсолютизма сопровождалась репрессиями — многие либералы вынуждены были бежать из Испании, другие были заточены в тюрьмы и монастыри, жестоким преследованиям подверглись также и «офранцузенные».

Героическая борьба испанского народа за независимость, продолжавшаяся 6 лет (с весны 1808 г. до середины мая 1814 г., когда последние французские отряды были выведены из Испании), закончилась победой. Война за независимость оставила глубокий след в исторической памяти народа и в национальной культуре. День 2 мая и в наши дни воспринимается в Испании как символ борьбы за независимость; бурные события начала XIX в. нашли яркое отражение в творчестве *Ф. Гойи* (картины, посвященные восстанию 2 мая в Мадриде, офорты «Ужасы войны»), в патриотической поэзии *М. Х. Кинтаны* и *Х. де Эспронседы*, в исторических романах *Б. Переса Гальдоса*. Война за независимость подтолкнула к активным действиям испанских либералов и стала своеобразным катализатором буржуазной революции.

Однако революция 1808 — 1814 гг. потерпела поражение. Буржуазные преобразования, разработанные, с одной стороны, кадисскими кортесами, а с другой стороны, Наполеоном, не были проведены в жизнь. Либерализм в Испании в начале XIX в. был достоянием узкого круга просвещенных людей — части дворян, духовенства и буржуа. Подавляющее большинство населения, и в первую очередь крестьяне, считали главной целью освобождение страны от французов и возвращение «законного короля» Фернандо VII. Они не поддержали либералов в 1814 г., и те в итоге не смогли противостоять натиску реакции во главе с королем. Определенную роль в поражении революции сыграл и поворот к легитимизму в общеевропейском масштабе.

В то же время и после контрреволюционного переворота в 1814 г. конституция 1812 г. оставалась «символом веры» для испанских либералов. В последующие десятилетия революционное движение в Испании развивалось под лозунгом созыва кортесов и восстановления конституции 1812 г. Идеи испанского либерализма оказали немалое влияние на развитие общественной мысли в европейских странах, в том числе и в России.

Вторжение французских войск в Испанию создало благоприятные условия для развития национально-освободительного движения в испанских колониях в Новом Свете. Уже в 1808 — 1809 гг. во многих

районах начались восстания против испанского владычества. Ни Центральная хунта, ни кадисские кортесы не могли оказать помощь испанской колониальной администрации в борьбе против повстанцев. Только после изгнания французов из Испании и восстановления абсолютизма испанские власти начали отправку войск в Латинскую Америку.

18.3. Потугалия

Реформы просвещенного абсолютизма не привели к радикальным изменениям в жизни Португалии: сохранялись майораты, феодальные повинности, церковное землевладение, сословные привилегии, внутренние таможенные пошлины. Не было преодолено отставание страны от ведущих государств Европы.

Мария I, ставшая королевой после смерти Жозе I в 1777 г., вследствие душевного расстройства оказалась неспособной управлять государством. В конце 1770-х — середине 1780-х гг. соправителем был ее муж Педру, а в начале 1790-х гг. вся полнота власти перешла в руки ее сына Жоана, провозглашенного принцем-регентом.

Несмотря на то что после отставки в 1777 г. маркиза ди Помбала вновь усилилось влияние феодальной аристократии и католической церкви, в последние десятилетия XVIII в. были проведены некоторые реформы в духе просвещенного абсолютизма. Так, в 1790 г. была упразднена сеньориальная юрисдикция, судебные полномочия сеньоров были переданы королевской власти. Один из сторонников продолжения реформ — *Ж. ди Сеабра да Силва*, занимавший в 1788—1799 гг. пост государственного секретаря, предлагал возобновить деятельность кортесов, однако эта инициатива была отвергнута. В конце XVIII в. благодаря издательской деятельности Академии наук в Португалии распространились идеи физиократов.

Революция во Франции была враждебно встречена португальскими властями. В 1793—1795 гг. португальские отряды в составе испанской армии вели боевые действия против Франции. Традиционная проанглийская ориентация португальской внешней политики привела к обострению франко-португальских отношений в конце XVIII — начале XIX в. В 1801 г. под давлением Франции Испания вступила в войну с Португалией. В ходе военных действий в провинции Алентежу португальские войска потерпели поражение. Португалия была вынуждена уплатить контрибуцию, закрыть свои порты для английских военных кораблей и передать Испании г. Оливенсу.

В 1806 г. португальские власти отказались присоединиться к континентальной блокаде, что стало серьезным препятствием для осуществления внешнеполитических планов Наполеона. В июле 1807 г. Наполеон потребовал от Португалии разорвать торговые связи с Англией и конфисковать принадлежавшее англичанам имущество, а

в августе — объявить Англии войну. Португальские власти отвергли эти ультиматумы. В ноябре 1807 г. французские войска под командованием генерала Жюно, пройдя через территорию Испании, вторглись в Португалию. Правительство не смогло организовать отпор агрессии. Королевская семья и двор отплыли в Бразилию, оставив в Лиссабоне регентство. Жюно распустил регентство и взял власть в свои руки. Захватив Португалию, Наполеон укрепил континентальную блокаду, но не сумел овладеть богатейшей португальской колонией — Бразилией, которая осталась под контролем португальцев.

Французская оккупация, сопровождавшаяся ограблением сельского и городского населения, а также конфискацией церковных ценностей, очень скоро столкнулась с сопротивлением португальцев. Уже в середине декабря 1807 г. в Лиссабоне произошли столкновения между горожанами и французскими солдатами. В июне 1808 г. народные восстания вспыхнули в северных районах Португалии. В городах создавались новые органы власти — *жунты*, в сельской местности появились партизанские отряды. Одним из центров борьбы против захватчиков стал г. Коимбра. Многие студенты Коимбрского университета вступили в ополчение, в университетских лабораториях изготавливали порох и боеприпасы.

В отличие от соседней Испании в Португалии война за независимость не сопровождалась революцией: ни местные жунты, ни Временная жунта в г. Порту (претендовавшая на роль центральной власти), ни восстановленное регентство не стремились к каким-либо экономическим либо политическим преобразованиям.

В августе 1808 г. страна стала ареной противоборства английской и французской армий. Французы были вытеснены из Португалии только в конце 1811 — начале 1812 г.

После изгнания французов положение Португалии оставалось весьма тяжелым. В результате длительных боевых действий на всей территории страна была разорена. Королевская семья и придворная аристократия оставались в Бразилии, столицей фактически стал г. Рио-де-Жанейро. В 1815 г. изменилось даже название государства: Королевство Португалия и Алгарви (*Алгарви* — южная часть Португалии, освобожденная от мусульман и присоединенная к португальскому королевству в середине XIII в.) начали именовать *Объединенным королевством Португалии, Бразилии и Алгарви*. Политический центр переместился в Бразилию, Португалия стала превращаться в «колонию своей колонии». В то же время в стране все более усиливалось английское влияние. В 1810 г. был подписан торговый договор, открывший рынки Бразилии и Португалии для английской торговли, что нанесло огромный ущерб португальским купцам, владельцам мануфактур, землевладельцам. Португальскую армию возглавлял англичанин — маршал *У. Бересфорд*, фактически ставший правителем страны. Таким образом, завершение войны за независимость против наполеоновского нашествия не привело к националь-

ному освобождению Португалии. Французская оккупация сменилась экономической и политической зависимостью от Англии.

18.4. Италия

Влияние Французской революции. Революция во Франции отозвалась во всех слоях итальянского общества. Многие образованные люди встретили ее с энтузиазмом, правящие круги — с тревогой, которая по мере развития революции переросла в страх и ненависть к ней, побудившие Сардинскую (в 1792 г.) и Неаполитанскую (в 1793 г.) монархии вступить в войну с революционной Францией. Страх перед революцией заставил папу Пия VI обратиться осенью 1792 г. к российской императрице Екатерине II с просьбой направить к берегам Италии «наисильнейшую флотилию» для ограждения папских владений и других итальянских монархий от возможного нападения французского флота.

Под воздействием идей и практики революции в первой половине 1790-х гг. во всех итальянских государствах — от Сардинского королевства до Сицилии — родилось демократическое и республиканское движение: в десятках больших и малых городов возникли тайные политические общества и клубы, объединявшие литераторов, ученых, преподавателей университетов, студентов, медиков, юристов, военных, чиновников, либерально настроенных дворян, выходцев из торговых слоев, ремесленников, церковнослужителей — образованных монахов, епископов, священников. Некоторые французские дипломаты способствовали пропаганде революционных идей в Италии, предоставляя возможность желающим знакомиться с французскими газетами и другими печатными изданиями. Благодаря этому участники республиканского «*Патриотического общества*» в Неаполе перевели на итальянский язык и напечатали 2 тыс. экземпляров якобинской «Декларации прав человека и гражданина» и конституции 1793 г., распространив их затем в столице и провинциях.

Участников подпольного движения объединяло стремление к свободе и демократическому переустройству страны, что привело их на путь политической борьбы с абсолютизмом. В Пьемонте и Неаполе республиканские группы в 1793—1794 гг. нацелились на свержение монархии. Однако заговоры были раскрыты, последовали суровые репрессии; часть заговорщиков были казнены, десятки людей заключены в тюрьмы.

Одновременно в Италии получила большой размах антифранцузская и антиреволюционная пропаганда (печатная и устная), с помощью которой правительство и церковь стремились оградить крестьянские и городские народные массы от воздействия революционных идей, сохранить свой контроль над ними и не допустить социальных потрясений. В газетах, брошюрах и листовках, в проповедях

с церковных амвонов проводилась мысль о существовании громадного заговора (с центром во Франции) с целью ликвидации христианства и замены его безбожием и анархией. Странников революции изображали как нелюдей, кровожадных чудовищ, врагов всякого порядка и церкви. Массам внушалось, что единственный путь спасения от ужасов революции — подчинение государю, ибо это равносильно подчинению Богу. Неустанная пропаганда оказалась весьма эффективной: правящим слоям и церкви удалось сохранить свое влияние среди социальных низов.

И все же, несмотря на всю эту пропагандистскую кампанию и ужесточившуюся цензуру, вести о событиях во Франции проникали в народ и приближали вспышки накопившегося недовольства. Во многих областях страны в 1789—1796 гг. начались народные выступления, которые подчас сопровождалась призывами «поступать, как французы».

Массовое движение приняло две основные формы. Одна — *антифеодалная борьба крестьян* — получила наибольший размах в Сардинском королевстве (в пограничной с Францией Савойе и на о. Сардиния). Савойские крестьяне отказывались вносить навязанный им в 1770-е гг. выкуп феодальных повинностей, вступали в стычки с войсками. В 1792 г. народ Савойи радостно приветствовал вошедшую в эту область французскую республиканскую армию. Вскоре избранное *Учредительное собрание* освободило крестьян от всех выкупных платежей и остатков феодальной зависимости. В 1794—1796 гг. широкое антифеодалное восстание охватило Сардинию. Крестьяне изгоняли феодальных баронов, разрушали их дома, делили между собой хлеб из господских амбаров. Жители десятков деревень заключили союз, поклявшись «не признавать больше никакого феодала». Властям с большим трудом удалось подавить восстание.

Другой формой народного движения стали *продовольственные волнения*, вызванные тем, что быстрое удорожание продуктов питания (прежде всего хлеба) во второй половине XVIII в. и особенно в 1790-е гг. больно ударило по возраставшей массе городской и сельской бедноты, покупавшей продовольствие на рынке. Батраки и поденщики, разорившиеся исполщики, работники мануфактур, ремесленники, подмастерья требовали от властей снизить рыночные цены на хлеб, маку и другие продукты. Продовольственные беспорядки происходили в Неаполитанском королевстве, Пьемонте и Тоскане. Во Флоренции, Ливорно, Пистойе и в сельской местности народ требовал «дешевого хлеба». Правительственный чиновник того времени вынужден был признать, что рост дороговизны и безработица поставили бедняков Тосканы в такое положение, что им оставалось либо «умереть от голода, либо воровать, либо добиваться снижения цен на продовольствие». Обнищание низов общества приняло беспрецедентные размеры в Папском государстве, где на 2,3 млн человек населения приходилось сотни тысяч бедняков, которые мог-

ли существовать только при поддержке благотворительных учреждений — таково было следствие хронического хозяйственного застоя и общей деградации системы управления. Повсеместное обеднение и безработица сельских и городских масс влекли за собой расширение разбойничества. Повсюду ощущалось возраставшее общественное напряжение. Социальный кризис Старого порядка стал реальностью.

Поход Наполеона в Италию. Итальянские республики (1796—1799 гг.). В 1796 г. в истории Италии начался новый этап. Весной французские войска под командованием Наполеона Бонапарта, перейдя Альпы, вторглись в Пьемонт. Разгромив в короткий срок армию сардинского короля, Бонапарт принудил его заключить мир и передать Франции Савойю и Ниццу. Продолжив наступление, Наполеон занял Ломбардию, часть территории Венеции и Центральной Италии. Осенью 1797 г. он упразднил Венецианскую республику, передав ее территорию Австрии, чтобы привлечь ее правителей на сторону Франции. В 1798 г. французы захватили Папское государство, а в начале 1799 г. — Неаполь. Французское завоевание привело к крушению абсолютистских режимов, бегству или высылке прежних властителей и к республиканским преобразованиям на занятых территориях.

В конце 1796 г. в Центральной Италии была создана небольшая *Цизпаданская республика* (буквально: «расположенная к югу от Падуса» — так в Античности называлась река По). Зелено-белокрасный флаг республики стал впоследствии национальным флагом Италии. В 1797 г. вместе с Ломбардией и частью папской территории она вошла в состав *Цизальпинской* (т.е. «расположенной к югу от Альп») республики. Олигархический режим в Генуе сменила *Лигурийская республика*. В папских владениях в 1798 г. была провозглашена *Римская республика*, а на юге в январе 1799 г. — *Неаполитанская*, или *Партенопейская, республика* (*Партенопей* — древнее название Неаполя). Летом 1798 г. французы вторглись в Пьемонт и принудили короля Карла Эммануила IV отречься от престола. В феврале 1799 г. Пьемонт был присоединен к Франции, а весной французские войска захватили территорию Тосканского герцогства.

Созданные в Италии «дочерние» республики фактически не были независимыми государствами, они должны были служить опорой и орудием французского господства в Италии. Состав органов управления либо назначался, либо утверждался французскими генералами или комиссарами, строго контролировавшими всю деятельность итальянских властей. Вместе с тем введение республиканских порядков положило начало перестройке итальянского общества на основе принципов, провозглашенных Французской революцией. Конституции, принятые в большинстве республик, копировали с небольшими изменениями французскую конституцию 1795 г. Отменялись сословные привилегии дворянства и духовенства (налоговые, судебные и касавшиеся прав наследования), женщины уравнивались в имуще-

ственных правах с мужчинами, упразднились таможенные преграды. На севере и в центре Италии были ликвидированы остатки сеньориальных повинностей и церковная десятина. Распускались религиозные ордена и были закрыты сотни монастырей, имущество которых конфисковалось и продавалось с торгов. В бывших папских владениях была ликвидирована теократия, папа Пий VII лишился светской власти. Так Италия вступила в полосу по существу революционных преобразований, проводившихся «сверху» — чаще всего по инициативе французских военных властей и гражданских администраторов, которые руководствовались революционным законодательством Франции.

Самую деятельную поддержку новым политическим порядкам оказывали социальные слои, из которых ранее вышло большинство участников антимонархических заговоров — интеллигенция, люди свободных профессий, армейское офицерство, молодые дворяне (особенно на юге), церковнослужители. К новым порядкам примыкала также земельная и торговая буржуазия, но часто не потому, что ее вдохновляли лозунги свободы и равенства, а в надежде на то, что республиканская власть сможет обеспечить преемственность порядка и безопасность собственности.

Начался бурный подъем республиканского движения, в стране активизировалась политическая жизнь: происходили выборы государственных органов управления, учреждались политические клубы и общества. Расцвела издательская деятельность, печаталось множество воззваний, листовок и книг, начали выходить десятки газет демократического направления (в одном Милане их было 40).

В этих изданиях, на страницах газет и в ходе политических дискуссий живо обсуждался вопрос о будущем государственном устройстве страны. Пробуждалось национальное сознание итальянцев, а идея политического объединения Италии из литературного идеала, каким она была у просветителей, превращалась в конкретную политическую программу создания в стране единой республики или республиканской федерации. Однако парижская Директория решительно противилась объединению Италии, так как раздробленную страну легче было держать в подчинении и эксплуатировать экономически. Со всех итальянских территорий взимались огромные, многомиллионные контрибуции, населению приходилось полностью за свой счет содержать французскую армию. Во Францию вывозились золото, продовольствие и множество произведений искусства — сотни картин и скульптур мастеров эпохи Возрождения, античные статуи. Бонапарт, сообщая Директории об отборе в папских владениях произведений искусства для доставки во Францию, писал: «Все, что есть прекрасного в Италии, будет наше».

Французы ориентировались в Италии на умеренно настроенные слои буржуазии и дворянства, выходцы из рядов которых преобладали в правительствах большинства республик и при поддержке французов противодействовали преобразованиям, отвечавшим ин-

тересам широких масс. Вместе с тем немало активных сторонников новых порядков сознавали необходимость опереться на поддержку народа. Печатались десятки сочинений, написанных простым языком в форме диалогов или вопросов и ответов с целью гражданского «воспитания» широких масс городского и сельского населения, т. е. разъяснения им республиканских идей. В Неаполе, где эти идеи поддержала значительная часть духовенства (в том числе 19 епископов), церковнослужители после провозглашения республики пытались популяризовать принципы Французской революции. Радикально настроенные группы итальянских республиканцев призывали к принятию социальных мер, способных привлечь народные массы, включая крестьянство, на сторону республиканского строя. В Риме некоторые демократы предлагали разделить громадные латифундии римской аристократии на мелкие владения, чтобы продавать их, а также позволить крестьянам приобретать в собственность на выгодных условиях арендуемые ими участки. Однако эти предложения были отвергнуты представителями землевладельцев в правительственных органах.

В Неаполитанской республике в отличие от других итальянских республик радикально настроенные демократы играли большую роль в правительстве. Сознывая необходимость заинтересованности крестьян в политических преобразованиях, они добились принятия антифеодального закона, который из всех подобных мер, проведенных в революционный период, в наибольшей степени отвечал интересам сельского населения. Однако из-за весьма недолгого существования Неаполитанской республики закон не был претворен в жизнь.

Население Италии в своем большинстве заняло настороженную или выжидательную позицию в отношении новых порядков. Республиканский строй, который в народном сознании был неотделим от французского господства, не улучшив положения городского и сельского люда, принес ему новое бремя — реквизиции, дополнительные налоги, грабежи иноземных солдат. Республиканцы оказались оторванными от крестьян и городских низов, среди которых росла ненависть к французам, распространявшаяся и на итальянских республиканцев — в них стали видеть пособников иноземных поработителей.

Назревавшее возмущение выливалось в народные восстания. Первые волнения произошли уже в мае 1796 г. в некоторых местностях Ломбардии, а в Павии дело дошло до ожесточенного сражения горожан и поддержавших их окрестных крестьян с французскими войсками. В 1798 г. французы жестоко подавляли крестьянские мятежи в Римской республике, а с весны 1799 г. крестьянские и городские восстания охватили почти всю Италию, приобретая особенно массовый характер на юге, в Неаполитанской республике. Эти восстания в политическом плане носили антифранцузский и антиреспубликанский характер: массы поднимались «на защиту короля и святой веры» от безбожников-иноземцев и их местных сторонников —

«якобинцев» (так в Италии называли в те годы всех без разбора поборников республиканских преобразований). Однако довольно часто антиреспубликанские по форме восстания давали выход социальным противоречиям и конфликтам, назревавшим в последние десятилетия XVIII в. в условиях возраставшего обнищания социальных низов. Восставшие обрушивались на богатых — независимо от того, поддерживали они республиканский порядок или нет. Как писал очевидец этих событий, народ под видом выступления в защиту королевской власти «стремился разжиться за счет богатых, называя их “якобинцами”». Толпы восставших грабили дома состоятельных людей, крестьяне опустошали поля дворян и сельских богачей, возвращали себе общинные угодья, присвоенные «благородными», отказывались вносить подати и феодальные повинности. Вооружившись, жители некоторых селений полностью перекладывали уплату налогов на богатых и создавали собственное управление — без господ.

Однако в социальном плане восстания не сводились только к противостоянию бедных и богатых. На юге Италии, где выступления приняли особый размах, наружу вырвались давние, восходившие еще к XVII в., противоречия между группировками, десятилетиями оспаривавшими власть на местах, в городах и селениях. Эти кланы объединяли традиционными связями людей из самых разных социальных групп — от местной знати, богачей и патрициев, до мелких ремесленников и торговцев. Пользуясь представившейся возможностью свести давние счеты, соперничавшие кланы не останавливались перед тем, чтобы ради сокрушения своих противников облыжно обвинять их в «якобинстве», что обычно влекло за собой разграбление их имущества и физическую расправу. Кроме того, происходили столкновения между соседними селениями из-за общинных угодий — пастбищ, покосов и лесов. Подчас выбор политической позиции тем или иным селением (за республику или монархию) определялся сугубо практическими местными интересами. Таким образом, антифранцузские и антиреспубликанские по форме восстания приобретали разную социальную направленность, давая выход конфликтам, которые на юге уходили корнями в подтачиваемый кризисом феодальной строй.

Крушение в конце 1798 г. монархии неаполитанских Бурбонов, бежавших на о. Сицилию, и провозглашение затем Неаполитанской республики привели к ослаблению власти. Из-за относительной малочисленности французских войск на юге республиканская администрация и французское военное командование контролировали помимо Неаполя только провинциальные города и стратегические дороги. В таких условиях долго накапливавшаяся энергия социального напряжения, утратив всякий контроль, вырвалась наружу в виде массового произвола и насилия как основного способа решения всех назревших проблем. Повальные грабежи, кровавые расправы и варварская жестокость стали повседневным явлением. В тех селениях,

где восстания смели слабую республиканскую администрацию, возник вакуум власти и воцарились хаос и анархия, которые нередко усиливались из-за вмешательства отрядов разбойников, привлеченных возможностью грабежа.

Французские войска при поддержке вооруженных отрядов местных республиканцев пытались обуздать восстания, однако неблагоприятная для французов военная обстановка, создававшаяся в Северной Италии, вынудила их отвести основную часть находившихся в Неаполе войск в Ломбардию.

В борьбе с республиканцами сплотились роялисты и реакционеры-церковники. Раздавая посулы и разжигая религиозный фанатизм, они сумели направить стихийное народное движение против республиканских порядков, которые к осени 1799 г. пали под общим напором массовых восстаний и австро-русских войск, вытеснивших французов из Италии. Были восстановлены прежние абсолютистские режимы. В Неаполе тысячи республиканцев стали жертвами жестоких репрессий. Однако родившееся в 1790-е гг. патриотическое движение за создание свободной, независимой и единой Италии, получившее впоследствии название *Рисорджименто* (т.е. национальное возрождение), искоренить уже не удалось. Вместе с тем это движение как главный итог бурного «революционного трехлетия» 1796—1799 гг. явилось выражением начавшегося в этот период качественно нового процесса политизации итальянского общества.

Господство Наполеона в Италии (1800—1814 гг.). Летом 1800 г. армия Наполеона снова вторглась в Италию. В 1806 г. вся страна, кроме о-вов Сардиния и Сицилия, где обосновались бежавшие из Пьемонта и Неаполя короли, оказалась под властью французов. Наполеон неоднократно менял территориальное устройство Италии. В итоге Пьемонт, Парма, Модена, Лигурия, Тоскана и большая часть папских владений с Римом были включены в качестве департаментов непосредственно в состав Французской империи. Папа римский Пий VII в 1809 г. был вновь лишен светской власти и выслан во Францию. Были образованы 2 королевства, всецело подчинявшихся Наполеону. Восстановленную и расширенную Цизальпинскую республику Бонапарт, желая создать видимость поддержки национальных устремлений итальянцев, переименовал сначала в *Итальянскую республику*, а после провозглашения империи во Франции — в *Итальянское королевство* (в 1806 г. французы присоединили к нему Венецианскую область). Наполеон лично возглавил королевство, приняв титул короля Италии. На престол южного Неаполитанского королевства Бонапарт возвел своего старшего брата Жозефа, а затем своего зятя — маршала Иоахима Мюрата.

В период наполеоновского господства на все итальянские земли было распространено французское законодательство, что повлекло за собой дальнейшую ломку феодальных отношений там, где они еще сохранялись — главным образом на юге страны. Отменялись все су-

дебные, административные и налоговые права и привилегии сеньоров, равно как и сословные привилегии духовенства. Повсюду вводилось гражданское равенство. Упразднились майораты, фидеикомиссы и право «мертвой руки», а также (хотя и не полностью) хозяйственные привилегии сеньоров (баналитеты).

Особый размах антифеодальные преобразования получили в Неаполе, где феодальные порядки в течение первого короткого периода французского господства (январь — июнь 1799 г.) остались незатронутыми. Принятый в августе 1806 г. *Закон об отмене феодализма* предусматривал безвозмездное упразднение всех личных повинностей крестьян и церковной десятины, но реальные (поземельные) платежи феодального характера подлежали обязательному выкупу, как и особые платежи, которые вносили баронам города и селения, расположенные на территории их феодалов. Закон предусматривал также переход к коммуна части земель феодалов и последующее их распределение (как и общинных земель) между крестьянами. Бароны лишались десятков и сотен тысяч гектаров земли, однако они сохранили крупные владения, которые закреплялись за ними в качестве частной собственности. Передача крестьянам отчужденных феодальных земель затянулась на десятилетия и сопровождалась большими злоупотреблениями и спекуляциями. Кроме того, крестьяне часто продавали полученные участки, не имея необходимых средств для их обработки. В итоге закон об отмене феодализма не привел к значительному росту мелкой крестьянской собственности. Его плодами, равно как и распродажей земель 1300 монастырей и разных религиозных организаций, воспользовались верхи чиновничества, банкиры, армейские поставщики, генералитет, чиновники коммунальной администрации, а также дворянство. 154 человека скупили 2/3 всех церковных земель. Так, рядом с владениями бывшей феодальной аристократии появились огромные землевладения новых богачей. На севере и в центре Италии рост мелкого землевладения во время французского господства был также незначителен, зато повсюду росли ряды буржуазных землевладельцев вследствие распродажи церковных и монастырских владений.

В наполеоновский период были ликвидированы цехи, торговые монополии, многие таможенные границы, откупа на сбор налогов, были также упорядочены финансы, введены единая денежная система и единая система мер и весов. Развернулось строительство дорог и каналов. На Италию распространилось действие Гражданского, Торгового и Уголовного кодексов Французской империи. Эти меры первоначально благоприятствовали укреплению некоторых отраслей промышленности (в частности, традиционных — шелковой и хлопчатобумажной).

Важнейшим новшеством в этот период стала перестройка государственной системы по французскому образцу. Впервые за столетия во всей Италии утвердилась единая система управления как в областях,

непосредственно включенных в состав наполеоновской империи, так и в двух королевствах, формально обладавших некоторой автономией. Упорядочение власти на местах оживило провинциальные центры, людям из средних слоев общества открылся более широкий доступ в административный и судебный аппараты, в командный состав итальянских военных частей, сформированных по приказу Наполеона в Неаполитанском и Итальянском королевствах и на территориях, присоединенных к Франции. Была расширена сеть начальных школ, вводились более современные методы преподавания.

В целом в течение первых полутора десятилетий XIX в. произошел значительный сдвиг в буржуазном переустройстве итальянского общества. Однако наполеоновская политика в отношении Италии была глубоко противоречивой. Введение в стране самого передового законодательства, рожденного в годы революции конца XVIII в., открывало новые перспективы развития. Широкое привлечение итальянских кадров в административный и военный аппарат стимулировало развитие национального самосознания и либерально-конституционных устремлений. При этом Наполеону были нужны хорошо обученные чиновники, специалисты и военные, готовые беспрекословно выполнять волю императора. Формировавшийся (преимущественно из рядов буржуазии) новый правящий слой не имел реальной политической власти, все важные решения принимали французы.

Курс Наполеона, направленный на обеспечение политического и экономического первенства Франции и расширение территории империи, неизбежно расходился с итальянскими национальными интересами. Политика французов в период наполеоновского господства уменьшала или даже сводила на нет положительные результаты нововведений. Италия подвергалась усиленной экономической эксплуатации, ей отводилась роль поставщика сырья и потребителя французских промышленных изделий. Руководствуясь девизом Наполеона «Франция превыше всего», парижское правительство сознательно сдерживало развитие ряда отраслей итальянской промышленности, в частности шелкоткацкой, которая после некоторого оживления пришла в 1810—1814 гг. в полный упадок. Итальянская экономика в целом несла большой урон от беспощинного ввоза французских товаров и резкого сужения традиционных рынков сбыта. Например, вследствие введения запрета на экспорт и установления континентальной блокады деградировала неаполитанская торговля оливковым маслом, пшеницей, вином, шелком и шерстью. Сокращалось аграрное производство, в деревнях росла безработица.

Налоговый гнет с годами стал более обременительным, чем при старых абсолютистских режимах. Из Италии выкачивались огромные денежные средства, но несравнимо более тяжелой оказалась плата человеческими жизнями за войны, которые вел Наполеон: из 27 тыс. солдат и офицеров Итальянского королевства, участвовавших в по-

ходе на Россию, в живых осталось около тысячи, а всего в наполеоновских войнах погибло до 60 тыс. итальянцев. Рекрутские наборы приняли невиданные размеры, и только в Итальянском королевстве численность дезертиров и уклонявшихся от призыва достигла 40 тыс. человек. В южных районах Неаполитанского королевства разбойничество достигло таких размеров, что для его подавления властям пришлось использовать регулярные войска. Окрепшая буржуазия роптала, желая большей экономической свободы и обеспечения своих интересов путем введения конституционного правления, которое ограничило бы хозяйничанье французов. Однако все ее стремления к политической самостоятельности не получили отклика.

Конституционными настроениями, распространившимися в Италии, в частности в Неаполитанском королевстве, решили воспользоваться в пропагандистских целях противники Наполеона. После того как в 1806 г. французы захватили Неаполь, англичане установили полный контроль над Сицилией и превратили остров в свою военно-морскую базу в Средиземном море. Это принесло немалые выгоды крупным сицилийским землевладельцам — феодальным баронам, которые, желая добиться независимости от Неаполя, склонялись к установлению на Сицилии конституционно-аристократического порядка наподобие английского. Командующий английскими войсками лорд *В. Бентинк* пошел навстречу этим чаяниям сицилийской знати. Убежденный сторонник либерализма, он считал, что английский конституционный строй можно использовать как пример для подражания в борьбе с военной диктатурой Наполеона. Летом 1812 г. был *созван сицилийский парламент*, принявший конституцию, которая предусматривала законодательную власть парламента и его право контролировать налогообложение. Было объявлено о реформе феодальных отношений (в полном соответствии с интересами баронов) и провозглашалась полная независимость Сицилии от Неаполя. Однако пришедшее к власти в Англии правительство тори не поддержало *В. Бентинка*, и вскоре конституция и независимость Сицилии были отменены. Все же конституционный опыт на Сицилии не прошел бесследно — он способствовал распространению в Италии идей конституционного строя и национальной независимости, а на Сицилии — закреплению автономистских тенденций.

В 1810—1814 гг. недовольство французским господством в Италии стало всеобщим и породило подпольное антифранцузское движение, в котором выявились два направления. Возникли многочисленные *тайные общества — патриотические*, носившие преимущественно либерально-конституционный, но отчасти и республиканский характер, и *роялистско-клерикальные*, направлявшиеся реакционными силами и нацеленные на восстановление старых, дореволюционных порядков. В тайных обществах были представлены все слои населения — от верхов дворянства до городских ремесленников и крестьян. Наибольшее распространение в южных и отчасти цент-

ральных областях Италии получило *Общество карбонариев*, первые ячейки которого (*венты*) появились в 1807 г. Все тайные организации независимо от политической ориентации стремились прежде всего к свержению французского господства, которое постепенно лишилось в стране всякой поддержки и держалось теперь главным образом на штыках. В 1813—1814 гг. тайные общества на юге предприняли несколько неудавшихся попыток восстания против французов.

В апреле 1814 г. после отречения Наполеона поднявшиеся горожане, не встретив никакого сопротивления, свергли французские власти в Милане — центре Итальянского королевства. Попытки небольшой группы патриотов добиться независимости Ломбардии не имели успеха — эта область оказалась в руках австрийцев.

В обстановке крушения державы Наполеона Австрия и Англия допускали возможность сохранить неаполитанский трон за И. Мюратом при условии его присоединения к антинаполеоновской коалиции. Сначала Мюрат принял это предложение и в январе 1814 г. заключил союз с Австрией, но весной 1815 г. в связи с высадкой Наполеона во Франции Мюрат вступил в войну с австрийцами и опубликовал призыв к итальянцам поддержать его выступление с целью создания независимой, единой и конституционной Италии. Это обращение не получило никакого отклика среди населения. Потерпев военные неудачи, Мюрат в мае 1815 г. покинул Неаполь. Французскому владычеству в Италии пришел конец.

18.5. Германские государства

Германия и Французская революция. Первые известия о революции во Франции вызвали широкий отклик в немецком обществе. Прогрессивная интеллигенция и радикальная молодежь бурно приветствовали французскую революцию, первоначально воспринятую просвещенными представителями немецкого общества как «духовную революцию», «революцию идей». Самые известные поэты и философы — Ф. Г. Клопшток, И. Ф. Шиллер, И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель рассматривали ее как начало эпохи, в которой человечество окончательно победит несправие, тиранию и угнетение. Гегель сравнивал ее с прекрасным восходом солнца, с праздником для «всех существ, наделенных разумом». Кант отозвался о революции как о торжестве разума, Фихте написал брошюру, где защищал революцию и доказывал правомерность коренного преобразования политических форм государства на основе «общественного договора» в духе Ж. Ж. Руссо. Наибольшее влияние «духовной революции» испытали на себе германские земли по левому берегу Рейна.

Однако по мере радикализации революции и наступления во Франции периода кровавого террора многие представители немецкой интеллигенции изменили отношение к ней. И. Г. Гердер, пламен-

ный защитник Французской революции, в 1789 г., спустя 3 года, писал, что он не знает ничего более отвратительного, чем «безумный народ с его безумной властью», и что единственным результатом революции во Франции является «ужасающий беспорядок». И. Ф. Шиллер после казни Людовика XVI назвал Францию страной, где правит «закон гильотины», а французских революционеров — «жалкими живодерами». Лишь небольшая группа радикально настроенной интеллигенции — немецкие «якобинцы» — пытались понять причины «эпохи террора», но и среди них не было никого, кто связывал бы будущее страны с революцией по французскому образцу. Прусский министр Карл Густав фон Струнзее уверял французского посланника, что «целительная революция, совершенная вами снизу вверх, в Пруссии постепенно осуществляется сверху вниз». Но кроме освобождения в 1799 г. домениальных крестьян от барщины и замены ее денежными выплатами старая Пруссия не осуществила больше никаких значительных перемен.

В самой Германии революции не произошло. Пример Франции усилил представление о том, что политические перемены в немецких государствах лучше осуществлять тщательно продуманными реформами, что предоставлению прав и свобод должен предшествовать общий процесс воспитания граждан. Как заметил в июле 1793 г. Шиллер: «Следует начать с того, чтобы подготовить граждан к конституции, прежде чем давать им конституцию».

Первоначально Французская революция заметно отозвалась и среди народных масс. Усилилось буржуазно-демократическое движение в Западной Германии: в Кельне, Майнце, Трире и в других рейнских городах уже осенью 1789 г. прошла волна демонстраций и волнений. В августе 1789 г. в Бадене и Вюртемберге начались крестьянские выступления, с требованиями сократить повинности и барщину выступили крестьяне Нассау и Гессен-Касселя. В августе 1790 г. в Саксонии вспыхнуло стихийное крестьянское восстание, подавленное с большим трудом. В 1792—1793 гг. почти вся Силезия была охвачена пламенем восстания крестьян и ткачей, правительство Пруссии смогло разгромить повстанцев, лишь стянув туда крупные воинские силы.

Подъем народного движения и активность оппозиционных кругов напугали правителей немецких государств. Для выявления крайних настроений была усилена почтовая цензура и запрещен ввоз печатных изданий из Франции. Еще большую тревогу немецких государей вызвали декреты французского Учредительного собрания, отменившие феодальные привилегии во Франции, в том числе и во владениях немецких князей в Бургундии, Лотарингии и Эльзасе. Революционная Франция становилась грозной опасностью для немецких государств.

Майнцская коммуна. В августе 1791 г. прусский король Фридрих Вильгельм II и австрийский император Леопольд II, обеспоко-

енные развитием событий во Франции, встретились в замке Пильниц под Дрезденом и выпустили обращенную к европейским монархам декларацию о подготовке, если потребуется, совместного вторжения во Францию.

В апреле 1792 г. по инициативе жирондистов началась война Франции против коалиции европейских государств. В Париже были уверены в слабости Габсбургов и не верили в возможность союза Австрии и Пруссии. Руководители же коалиции считали свои армии непобедимыми и рассчитывали одним ударом покончить с восставшим парижским «сбродом».

В августе 1792 г. вторгнувшиеся во Францию австро-пруссские войска, взяв крепости Верден и Лонгви, развернули наступление на Париж. Однако *20 сентября в сражении при Вальми* французская армия заставила уверенных в успехе интервентов отступить. Наблюдавший эту битву И. В. Гёте прозорливо заметил, что «отсюда и отныне начинается новая эпоха мировой истории». На плечах отступавших пруссаков французская армия ворвалась в пределы Германии.

Это вызвало новый всплеск народного движения на немецкой земле. 21 октября 1792 г. французы заняли Майнц — один из центров промышленно развитой Рейнской области. Радикально-демократическое крыло буржуазной интеллигенции образовало клуб «*Общество друзей свободы и равенства*», члены которого называли себя *якобинцами* или *клубистами*. Общество, в которое входило около 450 человек, среди них 100 ремесленников, создало *Немецко-рейнское Национальное собрание*, которое вскоре издало декрет о низложении светских и духовных правителей и провозгласило Майнц с прилегающими к нему территориями республикой. Руководителями республики стали известные немецкие демократы профессор истории *Андреас Хоффер* и естествоиспытатель и публицист *Георг Форстер*. Народные массы *Майнцской коммуны* с энтузиазмом встретили декрет парижского Конвента о ликвидации на всех занятых французами территориях личной зависимости крестьян, феодальных повинностей, сословных привилегий. Однако вскоре немецкие крестьяне стали проявлять недовольство реквизициями продуктов и фуража для французской армии, превратившейся в их глазах из освободителя в оккупанта. В такой ситуации рейнские клубисты, утратившие веру в успех революции внутри Германии, по предложению Г. Форстера выступили за полное присоединение к Франции, что дало реакционерам повод обвинить их в национальной измене. Летом 1793 г. прусские войска перешли в наступление и взяли Майнц. Республика пала, ее руководители были захвачены в плен и казнены. Форстеру, незадолго до этого выехавшему в Париж для вручения Конвенту декрета о присоединении Майнцской коммуны к Франции, удалось спастись. В Майнце были восстановлены прежние порядки. Однако в октябре французская армия вторично вступила в Майнц и присоединила область к Французской республике.

Военные неудачи, усиливавшееся брожение внутри страны и обострение отношений с Австрией, отстраненной от участия во втором разделе Польши (1793), привели к выходу Пруссии из антифранцузской коалиции. В *Базеле 5 апреля 1794 г.* она заключила сепаратный мир, признав право Франции на присоединение левобережья Рейна. После этого в Северной Германии на 10 лет воцарился мир. Австрия с другими немецкими государствами продолжила войну, но в 1796 г. французские войска заняли весь юго-запад Германии, а на следующий год в Кампо-Формио заключила мир и побежденная Австрия.

Территориальная революция. В начале XIX в. в Германии произошли грандиозные изменения, связанные с политикой Наполеона Бонапарта, который стремился упрочить свое господство в Западной Германии и создать несколько средних по размерам вассальных государств, достаточно сильных, чтобы стать ценными союзниками, но слишком слабых, чтобы проводить независимую от Франции политику. Основным средством достижения этой цели стала так называемая *территориальная революция*, осуществляемая путем *секуляризации* и *медиатизации* (от лат. *medius* — средний). Секуляризация предполагала ликвидацию духовных владений; медиатизация лишала мелких светских правителей политической власти в их прежних владениях без отчуждения их личной собственности.

В конце февраля 1803 г. созданная по инициативе Наполеона особая имперская депутация из лояльных ему членов рейхстага приняла решение, в корне изменившее политическую структуру Империи, перевернувшее положение и устройство церкви и в значительной мере затронувшее экономические отношения. Были ликвидированы 112 правобережных рейнских духовных и мелких светских имперских владений с населением 3 млн человек. Их территория перешла под власть нескольких соседних правителей как компенсация за потерю ими левобережных рейнских земель. Из 51 имперского города остались лишь Гамбург, Бремен, Любек и Франкфурт-на-Майне, некоторое время — также Аугсбург и Нюрнберг. Правители, земли которых были экспропрированы в правобережной рейнской Германии, сохранили свои личные и сословные права, а некоторые получили постоянную ренту или новое владение.

В дальнейшем упразднение мелких владений продолжалось. Всего в 1803—1806 гг. было упразднено более 300 небольших государств и несколько сотен владений имперских рыцарей. Все их территории были распределены между сравнительно крупными германскими государствами. *Территориальная революция* смела раздробленный мир германских государств. Вместе с имперским рыцарством, имперскими городами и князьями-епископами исчезли те силы, которые видели в Империи и императоре гарантию собственного существования.

Секуляризация и медиатизация были в целом прогрессивным актом: они способствовали уменьшению политической раздроблен-

ности Германии, но осуществлялись, разумеется, в первую очередь в интересах Франции. Именно поэтому и территориальное расширение владений средних государств одновременно сопровождалось усилением их зависимости от Франции. В результате в Священной Римской империи появилась группа союзных Франции государств — Бавария, Баден, Вюртемберг, Саксония. Такая позиция ряда германских государств объяснялась не только их растущей зависимостью от могущественного западного соседа, но и желанием добиться полного суверенитета от Империи.

После того как Наполеону удалось вовлечь эти германские государства в войну 1805 г. в качестве союзников, они были вновь вознаграждены. Бавария, Вюртемберг, а также Саксония стали независимыми королевствами. Вместе с Великим герцогством Баден они получили возможность осуществить новый принцип неограниченного государственного суверенитета в своем внутреннем устройстве. Бавария тотчас присоединила Аугсбург и Нюрнберг. Однако прежде всего повсеместно пробил *последний час имперского рыцарства*, которое пало жертвой этой войны. Около 350 старинных родов с их 1500 карликовыми владениями и 350 тыс. подданных были подчинены новой территориальной власти.

Медиатизация привела к включению почти всех имперских городов и рыцарей в состав более сильных государств. Закончилась эра самостоятельных городских республик, политически было уничтожено мелкое дворянство, подчинявшееся непосредственно императору. От перекраивания политической карты более всего выиграли южногерманские государства, отныне их интересы побуждали соблюдать лояльность по отношению к Наполеону. Вместе с тем перед ними встала чрезвычайно сложная проблема — превратить свои пестрые, наспех собранные территории в жизнеспособное единое государство. Баден за утраченные на левом берегу Рейна области получил в 7,5 раза больше территории и в 9,5 раза больше населения. Значительно расширились Бавария и Вюртемберг за счет земель в Швабии и Франконии. Пруссия, престиж которой Наполеон тогда повышал в противовес Австрии, также увеличилась в 5 раз по территории и в 4,5 раза по населению. Кроме того, по Шенбруннскому союзному договору с Францией (15 декабря 1805 г.) ей был обещано курфюршество Ганновер. Как и южногерманские государства, Пруссия беззастенчиво проигнорировала имперское право, в марте 1806 г. аннексировав это курфюршество.

Пример Франции и постоянные притязания Наполеона, но особенно расширение функций государства, осуществленное рядом монархий, привели к тому, что решения 1803—1806 гг. оказались необратимыми, представляя собой истинную наполеоновскую революцию на немецкой земле.

Рейнский союз и конец Священной Римской империи. В 1806 г. Священной Римской империи был нанесен смертельный

удар. Представители 16 южных и юго-западных германских государств 17 июля подписали *акт о создании под протекторатом Наполеона Рейнского союза*, вышедшего из состава Империи. Она стала чистой фикцией, и 6 августа Франц II сложил с себя корону римского императора, оставшись только императором Австрии. Позднее к Рейнскому союзу присоединились еще 5 государств, и за его пределами оказались фактически только Австрия и Пруссия. Так бесславно закончилась тысячелетняя история Священной Римской империи германской нации.

Правда, по нормам имперского права не в компетенции Франца II было самостоятельно осуществить роспуск Империи, которая считалась вечной федерацией ее членов. Согласно же рейхстага, который в качестве представительного органа всех имперских сословий был единственно правомочен объявить об аннулировании Империи, никто и не спрашивал. Именно поэтому акция императора была противозаконной и недействительной. Юридически Империя продолжала существовать, но произошедшие перемены бесповоротно закрепили ее ликвидацию.

Внутри Рейнского союза были проведены крупные преобразования: отмена сословных привилегий дворянства и духовенства, секуляризация всех церковных имуществ, ликвидация внутренних таможен, реорганизация по французскому образцу финансов и судопроизводства, кое-где был принят французский Гражданский кодекс. Наиболее важными реформами были отмена крепостной зависимости и возможность выкупа крестьянами феодальных платежей и повинностей. В 1807 г. в Баварии усилиями первого министра и выдающегося реформатора графа *Максимилиана фон Монжель* (1759—1838) была принята первая в истории Германии *конституция*. Такие реформы облегчали капиталистическое развитие и имели исторически прогрессивный характер.

Более сложной была роль Рейнского союза с точки зрения решения проблемы национального объединения Германии. Правители входивших в него государств стремились к личным выгодам под эгидой Наполеона. Порвав с Римской империей, они формально получили суверенитет, но защитить его от притязаний Австрии или Пруссии могли, только превратившись в марионеток Наполеона. В создании Рейнского союза, углубившего раскол между Западной и Восточной Германией, проявился и антинациональный сепаратизм немецких монархов.

Двойственный характер Рейнского союза во многом определялся и французской политикой. Наполеон разрушил феодальные отношения лишь в той мере, в какой это было выгодно для Франции. Французская буржуазия рассматривала Германию как источник сырьевых ресурсов, необходимый прежде всего для развития французского горно-металлургического производства, которое лишь ненамного превышало объемы немецкого. Многочисленные контрибуции и

принудительные займы, рост налогов, вербовка рекрутов усиливали недовольство населения Германии французским господством. Неслучайно все большее число немцев возлагали надежды на Пруссию, в которой они видели оплот независимости Германии. На прусскую государственную службу перешли патриотически настроенные будущие реформаторы *Гарденберг* и *Шарнхорст* из Ганновера, саксонцы *Гнейзенау* и *Фихте*, *Штейн* из Нассау.

В своей германской политике Наполеон добился главного: объединив «третью Германию» в Рейнский союз, он создал противовес Австрии и Пруссии и одновременно буферную зону между ними и Францией. Ядром Рейнского союза стали 3 южногерманских государства: Бавария, Вюртемберг и Баден, а также Саксония. Союз по своему характеру являлся наступательно-оборонительным альянсом.

Крах старой Пруссии. Усиление позиций Франции в Германии, с одной стороны, и англо-российское дипломатическое давление, с другой, привели к тому, что в антифранцузскую коалицию вновь вступила Пруссия, которая и стала главным действующим лицом четвертой коалиции. В европейских столицах царил уверенность, что прусская армия, созданная Фридрихом Великим, в состоянии победить армию, порожденную «лишенной солдатского духа Французской революцией». К началу военных действий прусская армия по численности почти равнялась французской (180 тыс. против 195 тыс. у Наполеона). Однако феодально-крепостническая система и обусловленная ею отсталость Пруссии предопределили быстрый разгром ее армии. Война длилась всего 2 недели. 14 октября 1806 г. под Йеной Наполеон наголову разбил прусский корпус князя Ф.-Л. фон Гогенлоэ. В тот же день около Ауэрштедта его маршал Л.-Н. Даву нанес сокрушительное поражение главным силам прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского, смертельно раненного в самом начале битвы. Прусские войска в панике обратились в бегство. Они потеряли 22 тыс. убитыми и ранеными, 18 тыс. попало в плен, было утрачено 200 орудий и 600 знамен.

Прусской армии больше не существовало, ее остатки капитулировали через несколько дней. Можно ли было ожидать иного от армии, применявшей устаревшую колонную тактику, от армии, в которой царил палочная дисциплина, а почти половина генералов была старше 60—70 лет? Такая армия годилась разве что для мародерства при разделе Польши. Лишь отдельные части проявили боеспособность: корпус Блюхера под Любеком капитулировал лишь после того, как израсходовал запасы пороха и продовольствия; Гнейзенау при поддержке гражданского населения защищал Кольберг вплоть до заключения мира.

27 октября Наполеон вступил в Берлин и встретил восторженный прием горожан. Как писал Генрих Гейне, «Наполеон дунул на Пруссию, и ее не стало». Прусский король Фридрих Вильгельм III, его семья и небольшой двор укрылись в Кенигсберге, на восточной ок-

раине государства. 8 июля 1807 г. Франция и Россия подписали *Тильзитский мир*. Пруссия могла бы исчезнуть вообще, если бы Наполеону и Александру I не был нужен стратегический буфер между их державами, и русский царь настоял на ее сохранении.

Согласно условиям Тильзитского мира Пруссия теряла половину своей территории (49 %) и почти половину (46 %) населения, обязывалась сократить армию до 42 тыс. человек и выплатить контрибуцию в размере 120 млн франков. До полной выплаты контрибуции в крепостях Пруссии оставалась французская армия численностью в 157 тыс. человек. Восточные территории, отторгнутые у Пруссии, превращались в *Великое герцогство Варшавское*. Из западных прусских земель, а также Брауншвейга и части Ганновера было создано *королевство Вестфалия*.

Тильзитский договор содержал унижительную для Пруссии формулировку, в которой говорилось, что Наполеон лишь из уважения к императору Александру I соглашается возратить прусскому королю часть завоеванных территорий. Фридрих Вильгельм III получил назад Бранденбург, собственно Пруссию и Силезию. В отличие от членов Рейнского союза, оставшихся в огромном выигрыше, на долю Пруссии, великой европейской державы, выпала жалкая участь — влечь существование маленького восточноевропейского государства.

Германия и континентальная блокада. В ноябре 1806 г., находясь в Берлине, Наполеон издал антианглийский по своей направленности *Декрет о континентальной блокаде*, который распространялся на всех союзников Франции. Кроме того, в тексты всех мирных договоров, подписанных Наполеоном с побежденными государствами, теперь включалось обязательство последних присоединиться к блокаде.

Континентальная блокада имела неоднозначные последствия для Германии, которая в 1800 г. по внешнеторговому обороту в 730 млн марок занимала второе место, после Англии, и опережала Францию. Был утрачен английский рынок сбыта аграрной продукции, оптовые цены на которую резко упали (в Восточной Пруссии в 1806—1810 гг. они снизились на 60—80 %); в порту Мемеля гнили огромные деревянные балки, предназначенные для Англии. Соответственно страдало судоходство балтийских портов: в Кенигсберге оно уменьшилось на 60 %.

Зато рывок вперед совершило свеклосахарное производство, поскольку в условиях блокады, затруднившей ввоз индиго, свекла стала основным красителем. Пострадала льняная промышленность, утратившая традиционный южноамериканский рынок сбыта. Освобожденное от британской конкуренции хлопчатобумажное производство, напротив, расцвело, особенно в Саксонии, где число ткацких веретен в 1806—1812 гг. возросло с 13 200 до 255 900 шт. Переживала подъем металлообработка в Берге и Рурской области, так как бесперывная война требовала все больше железа.

На рейнском левобережье, включенном в крупное экономическое пространство Франции и защищенном протекционистской политикой Наполеона, быстро развивались торговля и ремесло.

В целом континентальная блокада своей цели не достигла. Невозможно было оградить все побережье Европы от наплыва переживавшей золотые дни контрабанды английскими и колониальными товарами, поэтому, когда в 1810 г. Наполеон разрешил торговлю с Англией по очень дорогим лицензиям, то именно эти лицензии и доходы от конфискации контрабанды позволили Пруссии дополнительно получить 12 млн талеров и выплатить огромную контрибуцию.

Реформы в Пруссии. Шок от поражения, чувство унижения и бессилия, бремя непосильной контрибуции, опустошительные постои французской армии, рост цен, вызванный французской таможенной системой, — все это привело к двум важным изменениям: проведению реформ и зарождению единой немецкой нации. Пруссия, постоянно испытывавшая давление и угрозу со стороны Наполеона, приступила к вынужденной модернизации и реформировала свои структуры в основном по французскому типу. Руководили реформами барон *Генрих Штейн* (1757—1831) и князь *Карл Гарденберг* (1750—1822). Потомок старинного рыцарского рода, Г. Штейн был сильной личностью, бесстрашно выступившей против прогнившей государственной системы. Еще более широкий государственный кругозор отличал аристократичного К. Гарденберга, чаще склонного к компромиссам и гибкой политике, чем неуживчивый по характеру Г. Штейн. Вопреки ожесточенному сопротивлению придворной камарильи они издали целый ряд реформаторских указов.

Самым крупным из указов был *Октябрьский эдикт* (9 октября 1807 г.), который гласил, что в течение трех лет, к осени 1810 г., все крестьяне получают личную свободу без выкупа, свободу выбора профессии и свободу местожительства. Эдикт разрешал неограниченную куплю-продажу земель. Государственные крестьяне получали свои наделы без выкупа. В Пруссии появилось 30 тыс. новых мелких собственников из их числа. Реформа же относительно поместных крестьян затянулась вплоть до середины XIX в. Освобождение было проведено без наделения землей, что отвечало интересам крупных землевладельцев, стремившихся превратить прежних крестьян в батраков-поденщиков и получивших право на определенных условиях присоединять их участки. Сельское дворянство сохранило в своих руках судебную и полицейскую власть на местах, а также надзор за церковью. Окончательно утвержденные в 1811 г. условия выкупа были разорительны для мелкого крестьянства, обязанного либо сразу внести 25 годовых платежей, либо уступить от 1/3 до 1/2 своих наделов. Права выкупа вообще были лишены крестьяне, не имевшие полной упряжки скота или владевшие своими наделами менее 50 лет. Однако реформа открыла путь медленному капиталистическому переустройству сельского хозяйства Пруссии.

По *закону об эмансипации* в марте 1812 г. почти полное правовое равенство получили евреи. Однако они не допускались в офицерский корпус и на высокие должности в органах юстиции и государственной администрации. На возвращенные Пруссии после победы над Наполеоном польские земли, где доля евреев в населении была особенно высока, этот закон вообще не распространялся.

В городах Пруссии вводилось самоуправление. Их жители на основе имущественного и образовательного ценза избирали собрания депутатов, которые из своего состава затем определяли членов магистрата. Города получили полную свободу в распоряжении своими финансами.

Административная реформа ликвидировала путаную двойную — ведомственную и территориальную — структуру государственного управления. Был упразднен архаичный королевский кабинет и прежние генеральные управления. Вместо них учреждалось 5 отраслевых министерств — военного, внутренних дел, иностранных дел, финансов и юстиции, подчиненные государственному канцлеру, которым в 1810 г. стал *К. Гарденберг*. Отныне министры были на службе не у короля, а у государства. Пруссия делилась на примерно равные провинции во главе с обер-президентами, которых назначал король. Был достигнут более высокий уровень государственной централизации.

При Гарденберге была проведена *финансово-промысловая реформа*. Принятие системы промысловых лицензий означало разрушение монополии цехов, которые отныне могли существовать только как частные ассоциации. С молотка продавалось конфискованное церковное имущество, вводился небольшой налог на дворянство. Наконец, в завершение реформ было обещано создание после войны национального представительства с избираемыми депутатами.

Патриотическая часть прусского общества, особенно офицерство, полагала, что возрождение страны следует начинать с восстановления ее военной мощи. Настоятельной потребностью стала *военная реформа*. Большую роль в ее подготовке и проведении сыграл выходец из крестьян, ганноверский офицер *Герхард Йоганн Шарнхорст* (1755—1813), перешедший в 1801 г. на прусскую службу.

Реформа предполагала ликвидацию сословного принципа формирования офицерского корпуса. По указу короля основаниями для притязаний на звание офицера в мирное время должны были быть только знания и образование, в военное время — способности и личное мужество. Были созданы военная академия и Генеральный штаб.

Прусская армия должна была превратиться в армию граждан по французскому образцу, служба в которой стала бы патриотической обязанностью. Запрещалась вербовка наемников, новый армейский устав отменял телесные наказания. Постепенно реформаторы двигались к главной цели — введению всеобщей воинской повинности.

Парижская конвенция, ограничившая численность прусских войск 42 тыс., вынудила на время отложить решение этого вопроса. Однако реформаторам удалось создать обходную систему ускоренного военного обучения, предусматривавшую, что после двух-трехмесячной подготовки призванных на сборы военнообязанных отправляли в запас и заменяли новобранцами. В итоге к 1811 г. Пруссия имела дополнительно около 130 тыс. вполне боеспособных солдат.

В одном ряду с преобразованием армии стояла *реформа образования*. Их сближал общий подход. Как и военная, реформа образования разрушала традиционное сословное социальное устройство, была направлена на сплочение нации. Для этого необходимо было «воспитывать» нацию, развивать в немецком обществе чувство солидарности и такие качества, как инициативность и самостоятельность. Неслучайно реформу образования активно поддерживали военные реформаторы.

Непосредственно осуществлением реформы в 1808—1810 гг. занимался министр образования *Вильгельм Гумбольдт* (1767—1835). Положенная в основу реформы концепция Гумбольдта была ориентирована на гуманистические идеалы всеобщего обучения. Закон создавал единую государственную школу из трех ступеней (народной школы, гимназии, университета), которая заменила существовавшее до этого многообразие церковных, частных, городских, корпоративных и государственных образовательных учреждений. Обязательное начальное образование, введенное еще в 1717 г., только теперь стало строго соблюдаться, появилось много новых школ. В 1810 г. был открыт *Берлинский университет*, первым ректором которого стал известный философ *Иоганн Готлиб Фихте* (1762—1814).

Национальное движение. Одновременно с проведением реформ в Пруссии усиливалось сопротивление французской оккупации. Население было недовольно медлительностью реформ и считало покорность правительства и короля недопустимой и бесчестной. Зимой 1807—1808 гг. И. Г. Фихте выступил в Берлине со своими знаменитыми *«Речами к немецкой нации»*. Он заявил, что немецкий народ является изначально «чистым народом», который борется за свободу против политического и культурного порабощения со стороны Франции, а значит — служит историческому прогрессу. Ярый франкофоб, публицист *Эрнст Мориц Арндт* (1769—1860) своими неустанными призывами возбуждал чувство ненависти к французам — ненависти, которая «должна стать истинной религией немцев, а свобода и отечество — святынями, на которые следует молиться».

Организационно национальное движение стало оформляться в виде тайных обществ, таких как *Немецкий союз* во главе с «отцом гимнастики», публицистом *Фридрихом Людвигом Яном*. В 1808 г. в Кенигсберге возникла тайная организация *Тугендбунд* («Союз добродетели»), целью которой было возрождение национального духа и униженной родины, достичь которого предполагалось путем ре-

форм. В Тугендбунд входили высшие офицеры и гражданские чиновники.

Помимо тайных обществ национальное движение приобретало различные формы: распространение патриотической литературы, партизанская борьба (отряды майора Шилля в Пруссии, полковника Дёрнберга в Гессен-Касселе, «Черного герцога» Брауншвейгского в Саксонии, сумевшего с боями пробиться через всю Германию и перебраться в Англию, где он сформировал сражавшийся в Испании Королевский немецкий легион). Центром патриотического движения стала Пруссия. Здесь зародилось спортивное движение, имевшее политический характер. Спортивные союзы были призваны готовить молодежь к освободительной борьбе, к участию в «великом общенациональном ополчении».

Рождение германского национализма. Эпоха Французской революции и наполеоновских войн стала также и временем становления германской национальной идеи, хотя «Германии» еще не было ни в политическом, ни в географическом смысле. Национальная идеология выросла на почве общего глубокого кризиса и исполняла важные социально-политические функции.

Первыми носителями *национальной идеи* стали интеллектуалы, остро ощущавшие потребность в новой идеологической ориентации и новой идентичности, особенно после краха Священной Империи. При этом в немецкой, как и в любой другой, национальной идеологии воедино слились две идеи. С одной стороны, миф о грандиозном прошлом, истолкованном с национальных позиций, с другой — миф о национальном возрождении и об уготованном немецкой нации блестящем будущем. Совсем неслучайно носителями национальной идеи стали прежде всего протестантские теологи, историки, писатели, чиновники, учителя. Они были более, чем католики, свободны от церковных догм и помещали в центр своей идеологии нацию, а это в конце концов привело к тому, что национальная идеология приобрела черты «политической религии».

При своем рождении немецкая национальная идеология была либеральной и оппозиционной по отношению к Старому порядку; призывала к подчинению власти монархов в отдельных германских государствах интересам нации, к ликвидации дворянских привилегий и вообще к отмене сословного неравенства. Центральной фигурой становился отныне не покорный «подданный» (понятие, которое националисты презрительно называли «дурно звучащим и неприличным»), а активный гражданин государства. У него должны были быть либо собственность, либо образование, на основе которых он мог содействовать делу нации. Именно поэтому национальную идеологию отличали ясно выраженные модернизаторские черты.

На раннем этапе развития немецкой национальной идеологии к требованию германского единства примешивалось хотя еще смутно выраженное, но тем не менее весьма сильное чувство особого пред-

назначения немцев, ожидание того, что объединенная Германия, развив свои неисчислимые и никогда ранее не использованные силы, сможет стать лидером всего человечества. Тогдашняя немецкая реальность представляла собой жалкое зрелище, поэтому носители национальной идеи вдохновлялись не реалиями действительности, а эмоциями и фантазией. Завораживающая утопия охватывающего весь мир национального призвания стала своеобразной компенсацией за удручающую современность.

Сторонники национальной идеи усматривали основу преодоления всех трудностей в создании немецкого национального государства и в единении всего германского народа. Вместе с тем их идеология вмещала в себя имперскую мифологию и призыв к возрождению империи. Присущее национальной идеологии мессианское сознание и вера в избранность, превращавшие ее в своего рода религию, ядовитая ксенофобия и упование на «немецкого Наполеона», который железной рукой сотворит единое национальное государство, в конечном счете соединились во взрывоопасную идеологическую смесь.

В этот период поборники немецкой национальной идеи не только требовали создания сильного единого государства, но и боролись против монархической автократии и сепаратистского дворянства, выступали за участие граждан в исполнении политической власти и за общество, устроенное в интересах народа. Гуманный, просвещенный, космополитический компонент ранней национальной идеологии полностью отвечал традициям и образу мышления образованных слоев немецкого общества, из которых и происходили ее главные представители.

Немецкий национализм так и не сумел разрешить коренное противоречие, которое кажется вообще неразрешимым. С одной стороны, объединенным в единую нацию и государство немцам уготовано более высокое призвание, чем остальным народам. С другой — носители национальной идеи утверждали, что немцы не должны замыкаться в рамках своего национального эгоизма, а отдать все свои дарования на благо человечества. Страстный поборник национальной идеи, берлинский теолог и философ *Фридрих Шлейермахер* подкреплял требование единства национализма и космополитизма словами пророков Ветхого Завета: «Так хочет Бог».

Освободительная война. В 1812 г. ситуация в Германии стала быстро меняться, что было связано с вторжением Наполеона в Россию. В рядах его армии находились 180 тыс. немцев из государств Рейнского союза. В войне против России обязана была участвовать и Пруссия, пославшая корпус в 20 тыс. солдат.

Разгром Великой армии Наполеона в России привел к отказу Пруссии от союза с ним и сближению с Россией. Уже в декабре 1812 г. генерал *Иоганн Давид фон Йорк*, командовавший прусским вспомогательным корпусом в составе наполеоновской армии, отделился от французов и на свой страх и риск заключил с русским ге-

нералом *И. И. Дибичем Таурогенскую конвенцию*. По этому документу прусские войска, стоявшие в Прибалтике, отступали в Восточную Пруссию и сохраняли нейтралитет вплоть до решения прусским правительством вопроса о союзе с Россией. Фридрих Вильгельм III в то время еще крайне опасался Наполеона, а поэтому объявил Таурогенскую конвенцию противозаконной и мятежной и отстранил Йорка от командования. Однако Восточная Пруссия уже пришла в движение. В Кенигсберг из России прибыл Штейн, который перетянул на свою сторону еще колебавшегося Йорка, по своей собственной инициативе объявил о военном наборе и о создании народного ополчения. Штейн и Йорк призвали немецкий народ к войне против французов. В Пруссии освободительная война началась.

Национальное воодушевление, охватившее общество, приток в прусскую армию добровольцев, давление со стороны военных, особенно реформаторов, заставили прусского короля изменить свою позицию. В начале февраля он отправил своего представителя в ставку российского императора в городе Калиш для переговоров о союзе. В результате 28 февраля 1813 г. был подписан *Калишский союзный трактат*, по условиям которого Пруссия после окончания войны должна была быть восстановлена в границах 1806 г.

Российско-пруссский союзный договор заложил основы шестой антифранцузской коалиции. Через месяц, 16 марта, прусский король объявил войну Франции. Выпущенное 17 марта 1813 г. королевское воззвание «К моему народу!» вызвало массовое воодушевление, подогреваемое потоком изданий антифранцузской и националистической литературы. Участвовать в этом процессе не гнушался ни один немецкий мыслитель или писатель, за исключением космополита Гёте, который демонстративно носил полученный от Наполеона орден даже тогда, когда это перестало быть предметом гордости и восхищения. Освободительная война против Франции стала поистине национальной войной. Правда, в прусской историографии долгое время жила легенда о том, что «король призвал, и все, все пришли». На самом деле Фридрих Вильгельм III с его нерешительным и боязливым характером колебался так долго, что прусские генералы стали подумывать о необходимости его отречения. Так что на войну пришли уже почти все, прежде чем появился сам король. Немецкое национальное восстание охватывало в основном территорию Пруссии. В государствах Рейнского союза население сохраняло лояльность Наполеону. Локальные волнения вспыхнули в Берге и Вестфалии, но были быстро подавлены.

Число участников шестой коалиции росло. К России и Пруссии присоединились Англия и Швеция, а затем Австрия. После поражения Наполеона в октябре 1813 г. в *Битве народов под Лейпцигом* остатки императорской армии отступили к Рейну. Наполеон лишился власти над многими частями своей империи. Развалился Рейн-

ский союз. Германские государства одно за другим присоединялись к коалиции. Последней это сделала Саксония. Власть Наполеона над Германией была окончательно утрачена. Освобождение страны завершилось к началу 1814 г. после того, как союзные армии форсировали Рейн. Освободительная война в Германии противоречиво сочетала в себе как исторически прогрессивный дух национального возрождения, так и реакционное стремление к реставрации прежних политических и социально-экономических порядков.

18.6. Монархия Габсбургов

Монархия Габсбургов к началу Французской революции. К началу революции во Франции Австрия находилась в чрезвычайно сложной ситуации, почти парализовавшей ее политическую активность. Внутри страны углублялся кризис, вызванный реформами Иосифа II и имевший самые разные проявления — от глухого недовольства в немецких провинциях Австрии до открытой оппозиции в Венгрии и вооруженной борьбы в Австрийских Нидерландах (Бельгии). Союз с Россией, столь важный для Габсбургов с точки зрения соперничества с Пруссией, вовлек страну в очередную войну с Османской империей (1787—1791). Одновременно вновь обострились австро-пруссские отношения. В таких сложных условиях смерть Иосифа II в феврале 1790 г. могла обернуться дальнейшим углублением кризиса.

Однако *Леопольд II* (1790—1792), младший брат и преемник скончавшегося императора, не только не допустил подобного развития событий, но и в самые короткие сроки практически вывел монархию Габсбургов из кризисной ситуации. Не менее одаренный, чем Иосиф II, новый император и глава земель дома Габсбургов обладал опытом успешной четвертьвековой реформаторской деятельности на престоле Великого герцогства Тосканского, а также политическим тактом и искусством компромисса, совершенно неизвестными его предшественнику.

В первую очередь Леопольд II успокоил Венгрию. В 1790—1791 гг. впервые после 25-летнего перерыва было созвано Государственное собрание, так называемое «*собрание реформ*» — одно из самых важных в истории взаимоотношений Габсбургов и Венгрии. На нем вновь признавались самостоятельность Венгрии, право созывать парламент не реже одного раза в 3 года, совместное с императором издание законов и вотирование налогов. Языковые декреты Иосифа II отменялись, официальным языком вновь объявлялась латынь. Помимо этого, Государственное собрание создало 9 комиссий по самым разным делам — административным, финансовым, экономическим, церковным и т.п. Выработанные комиссиями предложения реформ стали программой либерального движения первых десятиле-

тий следующего века. Венгерский парламент со своей стороны признал права Габсбургов на венгерский престол. Самым зримым свидетельством этого признания стала коронация Леопольда венгерским королем. Однако в целом баланс во взаимоотношениях Габсбургов и Венгрии отчетливо сдвинулся в сторону последней. Большое значение имела, в частности, знаменитая 10-я статья решений Государственного собрания 1791 г., где заявлялось, что Венгрия — это свободная страна, которая не подчиняется никакой другой стране и признает лишь своего коронованного короля, но не управляется им как какая-то провинция. По сути, эта статья, мало чем отличавшаяся от декларации о суверенитете, на полвека вперед стала едва ли не главным идейным оружием сторонников национальной независимости Венгрии.

Компромиссом закончилось и восстание в Австрийских Нидерландах: подавив его военной силой, Леопольд II одновременно признал старые права автономии Бельгии, нарушенные централизаторскими мероприятиями Иосифа II.

Наконец, ту же тактику необходимых уступок и допустимой твердости Леопольд II осуществил и в отношении реформ Иосифа II на остальной территории монархии Габсбургов. Отменялись некоторые поспешные меры централизации и государственного вмешательства, сословные учреждения получили часть прежних прав, в том числе при введении налогов; в крестьянском вопросе при сохранении большей части реформ Иосифа II Леопольд II был вынужден пойти на отмену наиболее значительной из них — регулирования барщины. В целом новому императору удалось полностью сохранить реформаторское законодательство Марии Терезии и существенную часть политического наследия своего брата, особенно во взаимоотношениях церкви и государства.

На внешней арене Леопольду II в самые короткие сроки также удалось добиться разрешения наиболее острых противоречий. В 1790 г. ценой некоторых уступок было достигнуто соглашение с Пруссией, не только устранявшее угрозу войны между двумя германскими державами, но и предполагавшее прекращение войны с Турцией и отказ Пруссии от поддержки антигабсбургского движения в Австрийских Нидерландах и в Венгрии. С подписанием *Систовского мира 1791 г.* с Турцией, фиксировавшего восстановление статус кво при минимальных приобретениях Австрии, на всех границах монархии Габсбургов воцарился мир.

В целом Леопольд II за считанные месяцы своего правления серьезно укрепил монархию Габсбургов внутри и ее позиции вовне, не отказываясь при этом от продолжения политики реформ, вот уже полвека осуществляемой в Австрии. Однако вскоре развитие событий во Франции коренным образом изменило политическую ситуацию.

Реакция на революцию в монархии Габсбургов. Французская революция была встречена в Австрии со смешанными чувствами.

С одной стороны, как и в других странах Европы, появились опасения распространения революции за пределы Франции, но вместе с тем было и некоторое чувство удовлетворения мнимой слабостью вечно беспокойной Франции. С другой стороны, за десятилетия реформ в Австрии возник целый слой людей, воспитанных на идеях Просвещения, которые первоначально восприняли революцию как реализацию этих идей. К их числу относились и оба императора, Иосиф II и Леопольд II, хотя, конечно, на их отношение к революции не могло не влиять то обстоятельство, что непосредственно задетой стороной была их родная сестра, французская королева Мария Антуанетта. Однако убеждения и рациональный политический расчет Леопольда II выдержали даже такую проверку, а его высказывание по этому поводу звучит как настоящий символ веры просвещенного монарха: «У меня есть сестра, королева Франции, но у Священной империи нет сестры и нет ее у Австрии. Мне позволительно действовать, как того требует благо народов, а не фамильные интересы».

Вместе с тем радикализация революции показала Леопольду II, что речь идет отнюдь не просто о воплощении близких ему идеалов Просвещения и конституционной монархии. Существенную роль сыграло также и заметное ухудшение положения короля и его супруги. Наконец, становилось все более очевидным, что именно Австрия, как никакая другая европейская великая держава, пострадает от высказанных и предполагаемых территориальных и внешнеполитических притязаний революции. Идеи захвата Австрийских Нидерландов, установления границы по Рейну и проникновения в Италию напрямую угрожали владениям Габсбургов. Кроме того, угроза владениям германских князей на левом берегу Рейна требовала от Леопольда II действий и как от главы Священной Римской империи.

Одним из важных шагов к началу войны стала неудачная попытка бегства королевской четы в июне 1791 г., после которого король и королева по существу оказались на положении арестантов. 27 августа 1791 г. Леопольд II и прусский король Фридрих Вильгельм II выступили со знаменитой *Пильницкой декларацией*, в которой заявили готовность принять все меры, чтобы вернуть королю Франции полную свободу действий на монархической основе и к благу французской нации.

Это заявление представляло собой скорее угрозу, чем призыв к немедленным действиям, поскольку условием его реализации была поддержка всех великих держав, а Англия не выражала пока подобной готовности. Вместе с тем Пильницкая декларация была серьезным шагом к войне, поскольку тем самым была заложена основа первой антифранцузской коалиции, а кроме того, декларация способствовала росту радикальных настроений в Париже. Однако даже в этой ситуации Леопольд II всячески стремился избежать войны — он одобрил принятие Людовиком XVI конституции 1791 г. и в секретной переписке с сестрой дал совет, чтобы король серьезно отнесся

к своим конституционным обязательствам. В то же время в правящих кругах Австрии сформировалось ложное представление о воздействии Пильницкой декларации: ситуация относительно нормализовалась по внутрифранцузским причинам, но в Вене и Берлине были уверены, что это произошло под давлением угроз, содержащихся в декларации, и этот кажущийся успех, как и мнимая слабость Франции, поощряли их на дальнейшие силовые акции.

На рубеже 1791 и 1792 гг. Австрия и Пруссия решили повторить то, что однажды, казалось, уже удалось — отрезать горячие головы в Париже с помощью словесных угроз. В ответ на французскую ноту, направленную в конце ноября трирскому курфюрсту с категорическим требованием распустить созданные французскими эмигрантами на территории курфюршества войска, Леопольд II как глава Империи хотя и присоединился к требованиям французов, но одновременно выступил с угрозами в их адрес. Угрозы и открытое признание союза монархов против революции вызвали бурю протеста в Париже. Следствием этих событий стало ультимативное требование к Леопольду II, направленное в Вену 25 января 1792 г.: до 1 марта 1792 г. сообщить, считает ли он себя по-прежнему связанным союзными обязательствами 1756 г. и обязуется ли в будущем воздержаться от любых действий, направленных на создание «европейского концерта» против Франции. Французский ультиматум привел стороны на порог войны.

В феврале монархия Габсбургов и Пруссия заключили оборонительный союз, на который Франция 18 марта ответила новым ультиматумом о его роспуске и разоружении Австрии. Ситуация еще более обострилась в связи с внезапной смертью Леопольда II, которая вызвала многочисленные слухи о покушении масонов или якобинцев и уничтожила последние преграды на пути к войне. Сын Леопольда II Франц II, едва заняв трон, потребовал от Франции вернуть конфискованные в Эльзасе земли, восстановить папские владения во Франции и вернуть королю его прежние права.

Предъявление таких требований было равносильно объявлению войны, и 20 апреля 1792 г. Законодательное собрание (лишь при 7 голосах «против») объявило войну Францу II, но не как императору Священной Римской империи, поскольку французы хотели по возможности избежать вмешательства в войну Империи, а как «королю Венгрии и Богемии». Европа вступила в более чем 20-летнюю полосу войн.

Участие Австрии в Первой коалиции 1792 — 1797 гг. Вступив в войну, Австрия на долгие годы превратилась в одного из самых постоянных и упорных противников Франции. Оба основных фронта, обозначившиеся с первых месяцев войны, имели к ней самое непосредственное отношение — Рейн и Австрийские Нидерланды. Боевые действия проходили с переменным успехом, однако, начиная со второй половины 1793 г., Австрия стала терпеть одно поражение

за другим, и к лету 1794 г., оставив отвоеванную у французов на некоторое время Бельгию, австрийские войска были вынуждены эвакуироваться на правый берег Рейна. К этому времени война поставила монархию Габсбургов на грань государственного банкротства, предотвращенного лишь благодаря английскому займу в 6 млн ф. ст.

Начало 1795 г. было ознаменовано двумя событиями — участием Австрии в третьем разделе Польши, принесшем ей Западную Галицию (во втором разделе монархия Габсбургов, целиком поглощенная борьбой с Францией, не участвовала, и ей была обещана компенсация французскими территориями), а также Базельским миром Пруссии и Франции. Отныне Австрия противостояла Франции на Рейне практически в одиночку, поддерживаемая лишь некоторыми малыми германскими государствами, однако не без успеха — в конце лета 1796 г. было остановлено продвижение французских войск в Южную Германию. Но еще весной 1796 г. против Австрии был открыт новый фронт, в итоге оказавшийся решающим: войска Бонапарта вытеснили австрийцев из Ломбардии и в начале 1797 г. после длительной осады взяли ключевую крепость Мантую. Вторжение Бонапарта в Тироль, создававшее прямую угрозу Вене, решило исход войны: потеряв практически всех континентальных союзников и находясь на грани полного военного разгрома, Австрия пошла на заключение мира.

Подписанный 17 октября 1797 г. *Кампоформийский мир* отразил практически все требования Бонапарта. Австрия соглашалась на переход к Франции Бельгии, Ионических островов с венецианскими поселениями в Албании, Ломбардии и отказывалась от всех претензий на земли Цизальпинской республики. Область Брейсгау на Рейне Австрия уступала герцогу Модены в качестве компенсации за его владения, конфискованные Наполеоном. В свою очередь, в качестве компенсации за собственные потери Габсбурги получали Венецию.

Таким образом, Кампоформийский мир означал почти полную потерю Австрией влияния в Северной Италии — традиционной сфере ее интересов. Достигнутое благодаря приобретению Венеции укрепление позиций на Адриатике во многом обесценивалось тем, что французы получили опорные пункты на албанском побережье, а обладание чрезвычайно важными со стратегической точки зрения Ионическими островами давало им контроль над выходом из Адриатического моря.

Несмотря на то что согласно одной из статей Кампоформийского договора мирное урегулирование отношений Франции со своими германскими соседями должно было состояться на специальном конгрессе в баденском Раштатте, германский вопрос также нашел отражение в договоре. Под нажимом Наполеона делались две важнейшие уступки, которые наносили серьезный удар по устройству Империи и подрывали авторитет Габсбургов как носителей имперской коро-

ны: Австрия фактически признавала новую границу по Рейну и принцип возмещения потерь на левом берегу компенсациями на правом. В частности, Габсбурги признавали границей с Францией все верхнее течение Рейна от Базеля до впадения в Рейн р. Нетте, неподалеку от Кобленца, и обещали содействовать такому признанию также и со стороны прочих германских суверенов. Такое признание должно было последовать на проходившем с декабря 1797 г. по апрель 1799 г. *Рапштадтском конгрессе*. Однако конгресс закончился безрезультатно, поскольку в связи с началом Второй коалиционной войны император наложил вето на его решения.

Австрия и Вторая коалиция 1798—1802 гг. Продиктованный Бонапартом мир сохранился недолго. Австрия, и без того недовольная сделанными уступками, болезненно воспринимала дальнейшее укрепление Франции в Италии и Швейцарии, по существу, на ее границах и, в частности, провозглашение Римской и Гельветической республик. Свою роль сыграли и другие трения, в том числе дипломатические. Автором одного из инцидентов стал французский посол в Вене *Ж.-Б. Бернадом*. К смятению городских властей, он водрузил над своей резиденцией трехцветный флаг Французской республики. Развевавшийся посреди императорской Вены флаг с надписью «Свобода, равенство, братство» смутил умы и привел к уличным беспорядкам, за которыми последовало осложнение дипломатических отношений с Францией.

В итоге Австрия примкнула к складывавшейся вокруг Англии Второй антифранцузской коалиции. В марте 1799 г. Франция объявила Австрии войну, поводом к которой стал пропуск австрийцами через свою территорию направлявшихся в Италию русских войск под командованием А. В. Суворова.

Боевые действия велись на двух основных театрах — западноевропейском и итальянском. Начало войны было за союзниками: в мае австрийские войска отбили французское вторжение через Рейн, в июне французы были выбиты из Швейцарии, а в Италии начались так называемые *Тринадцать месяцев (май 1799 — июнь 1800)*, в ходе которых войска союзников при активной поддержке населения многих итальянских государств очистили от французов все занятые ими итальянские территории. Однако достигнутые на севере успехи ставились под угрозу растущими разногласиями в стане коалиции, в частности, русские не без оснований подозревали, что их австрийские союзники стремятся освободить Северную Италию от французов, намереваясь занять их место. В октябре 1799 г. Россия вышла из состава коалиции.

В 1800 г. война продолжалась в Италии и Германии. В мае Наполеон совершил легендарный переход через Альпы и, обрушившись на совершенно не ожидавшие его австрийские войска в Италии, разбил их в решающей *битве при Маренго в июне 1800 г.* Тем самым Франция вновь вернулась в Италию, и началась новая страница ее взаи-

моотношений как с итальянскими государствами, так и с Австрией. Однако на этот раз победы Наполеона в Италии оказалось недостаточно, чтобы склонить Австрию к миру. Решающую роль сыграло поражение австрийцев от генерала Моро в сражении при Хоэнлиндене в Баварии в декабре 1800 г. В итоге 9 февраля 1801 г. был подписан *Люневильский мирный договор*.

Новый мир практически полностью подтверждал положения Кампоформийского мира, но с некоторыми отличиями. В первую очередь это касалось разграничения по Рейну: границей между Францией и Империей объявлялась долина Рейна во всем его течении от Батавской до Гельветической республики. Кроме того, Франц II еще раз официально признал передачу Франции Австрийских Нидерландов. Все это означало серьезное ослабление международных позиций германских государств и непосредственно Австрии, авторитет и влияние которой после этого «предательства» немецкого дела значительно упали.

Другая часть Люневильского мира касалась ситуации в Италии. Австрия сохраняла свои приобретения в Северной Италии — Венецию вместе с ее областями Истрией и Далматией. Одновременно Габсбурги в Тоскане теряли свой трон — в качестве компенсации для них предусматривалось возмещение из территорий Империи (им стало архиепископство Зальцбург). Австрия отказывалась от всех претензий на итальянские земли на правом берегу р. По, т. е. по существу от всей остальной Италии. Наконец, Франц II заявлял о признании «республик-сестер» — Лигурийской, Цизальпинской, а также Гельветической и Батавской.

В результате Люневильского мира 1801 г. Франция становилась единоличным лидером в Италии, с одной стороны, и начинала обретать влияние в Империи — с другой. При этом если Франция приобретала, то главной теряющей стороной оказалась Австрия. «Подсластив пилюлю» уступкой Венеции, Наполеон закрыл перед Габсбургами ворота в Италию — одну из главных точек приложения их внешней политики на протяжении веков. Отодвинув границу к Рейну и уже готовясь его перешагнуть, Наполеон ставил под угрозу и германские позиции Австрии, которые во многом составляли основу ее существования как великой державы. Австрийский уполномоченный в Люневиле охарактеризовал подписанный им мир буквально в двух словах: «Он ужасен».

Провозглашение Австрийской империи. После Люневильского мира, заставившего Австрию отказаться от каких-либо итальянских амбиций, последовало катастрофическое ослабление ее германского положения. Впервые за несколько веков из-под ног Габсбургов стала уходить имперская почва — в результате радикальной территориальной реформы Священной Римской империи, осуществленной в 1803 г. под нажимом Франции, император лишился своей самой надежной опоры в лице имперских городов и духовных сосло-

вий, место которых занял ряд относительно сильных государств, своим своекорыстием еще больше ослаблявших Империю. Кроме того, конфессиональный паритет в избиравшей императора коллегии курфюрстов изменился в пользу протестантов, и в этих условиях перспективы Габсбургов на следующих выборах становились более чем туманными.

Священная Римская империя очевидно приближалась к своему концу, однако главный удар имперскому положению Габсбургов был нанесен извне — в мае 1804 г., когда Наполеон провозгласил себя императором Франции. Тем самым Габсбурги оказались перед лицом серьезного политического вызова: на титул, подразумевавший главенство в западном мире, появился серьезный претендент, в то время как их собственная империя расплзлась по швам, угрожая оставить в их руках лишь конгломерат разнородных провинций, уже не связанных авторитетом главы империи. Желая создать, наконец, связь, соединяющую все габсбургские земли, и противопоставить новоявленному французскому императору равный ранг, Франц II принимает историческое решение и 11 августа 1804 г. провозглашает себя *императором «Австрийской империи»*.

Так у существующей уже несколько веков страны впервые появилось собственное имя. Впервые возникли и государственные символы, по большей части перенятые из политической традиции Священной Римской империи: двуглавый орел, черно-желтые имперские цвета, бывшая домашняя корона одного из прежних императоров Священной Римской империи, объявленная теперь австрийской императорской; еще в 1797 г. состоялось первое исполнение гимна, написанного Й.Гайдном во многом как осознанное противопоставление «Марсельезе», с которой продвигались к Вене французские войска. С этого времени на европейских картах земли Габсбургов стали обозначаться как «Австрийская империя» — и все это несмотря на то, что с правовой точки зрения декларация Франца II (который как первый император Австрии одновременно стал Францем I) имела весьма сомнительный вес. Самовольное решение императора не было согласовано с сословными органами в «наследственных землях» и одновременно нарушало «конституцию» Священной Римской империи. Оно противоречило и особому статусу Венгрии, политики которой и после провозглашения Австрийской империи продолжали ссылаться на Прагматическую санкцию и решения Пештского Государственного собрания 1791 г. как на единственные правовые узы, связывавшие их страну с Габсбургами. Однако своевременно заявленные гарантии сохранения старых установлений и прав отдельных земель предотвратили открытые проявления недовольства.

Таким образом, с провозглашением империи старые структурные недостатки монархии Габсбургов сохранились. За новой имперской оболочкой скрывалась все та же политическая, культурная и нацио-

нальная гетерогенность, все тот же недостаток централизаторского начала. С правовой точки зрения монархия Габсбургов продолжала оставаться собранием множества корон — символично, что новоявленная корона Австрийской империи в реальности так никогда и не была использована для коронации.

Третья коалиция и война 1805 г. Стремительная утрата германских позиций, еще более подчеркнутая делом герцога Энгисенского (см. главу о Наполеоновских войнах), в котором Габсбурги как носители императорской короны и главные блюстители безопасности Священной Римской империи вновь показали свое полное бессилие, привела Австрию в стан сложившейся в 1805 г. *Третьей антифранцузской коалиции*.

Начавшаяся вскоре война была молниеносной. Нанеся сокрушительное поражение австрийской армии в *битве при Ульме* в Южной Германии в октябре 1805 г. и заняв в ноябре Вену, Наполеон разгромил остатки австрийской армии вместе с главными силами русских союзников в знаменитой *Битве трех императоров при Аустерлице* 2 декабря 1805 г.

Бесславный итог Третьей коалиции подвел продиктованный Наполеоном 26 декабря 1805 г. *Пресбургский мир*. Это был один из самых тяжелых мирных договоров в австрийской истории, в результате которого она лишилась территорий с более чем 3-миллионным населением. 24 статьи мирного договора, с французской стороны подписанного Талейраном, требовали от Австрии многочисленных уступок: Франции — Истрии и Далматии; Итальянскому королевству — Венеции; Баварии — Форальберга, Тироля и Триента; Вюртембергу — некоторых областей Передней Австрии; Бадену — Брейсгау и Констанцы на Боденском озере. Кроме того, австрийский император признал королями курфюрстов Баварии и Вюртемберга, а Наполеона — королем Итальянского королевства. Единственной компенсацией было возвращение Зальцбурга, глава которого эрцгерцог Фердинанд III, бывший великий герцог Тосканы, был вынужден вновь пересечь на новый трон, получив как вознаграждение баварский Вюрцбург.

Вскоре процесс вытеснения Австрии с ее германских позиций пришел к своему логическому завершению. *Рейнский союз*, созданный под протекторатом Наполеона летом 1806 г., к 1808 г. включал в себя все немецкие государства, за исключением Австрии, Пруссии, шведской Померании и датского Гольштейна. Тем самым фактически уничтожалась Священная Римская империя, поскольку акт о Рейнском союзе прямо обязывал к выходу из нее. Завершающим аккордом германской политики Наполеона на этом этапе стало формальное уничтожение и без того агонизирующей Священной Римской империи. 1 августа 1806 г. государства Рейнского союза заявили о своем выходе из Империи, а Наполеон ультимативно потребовал от Франца II сложить имперскую корону. 6 августа 1806 г. Франц II не

только отказался от имперской короны, но и освободил имперские сословия от клятвы верности ему и Империи. Его поступок был продиктован желанием избежать возможного с точки зрения имперского права провозглашения новым императором Наполеона. Восьмисотлетняя Империя перестала существовать.

Внутриполитическое развитие монархии Габсбургов в 1792 — 1809 гг. Начало правления *Франца II* (1792 — 1835) означало гораздо больше, чем просто смену монархов. Новый монарх, хотя и воспитанный в просветительском духе, в отличие от своего отца и дяди, оказался не в состоянии воспринять Французскую революцию иначе, чем бунт и анархию. Образованный, музыкальный, далеко не глупый, он не обладал достаточными политическими талантами и силой воли, чтобы гибко реагировать на вызовы революции и ответил на них однозначно — консервативным и даже в некотором смысле реакционным поворотом как внутренней, так и внешней политики. Полувековая эпоха австрийских реформ окончилась.

На консервативные перемены австрийской внутренней политики особенно сильное влияние оказали 2 события — казнь французской королевской четы в 1793 г. и почти одновременное раскрытие в Австрии в 1794 г. заговора так называемых «якобинцев».

В реальности «якобинцы» не представляли собой организованной политической силы, могущей составить серьезную угрозу власти. Речь шла о 2 — 3 сотнях сторонников различных революционных идей, от конституционной монархии до демократической республики, входивших в локальные группы в «наследственных землях» и в Венгрии. Главным образом это были представители дворянства и интеллигенции. В первую очередь выделялись венские «якобинцы» во главе с офицерами Ф. Гебенштрайтом и А. Ридлем.

В Венгрии священником И. Мартиновичем (авантюристом и агентом тайной полиции), поэтом Ф. Казинци, литератором Й. Хайноци были созданы 2 революционных общества, различавшихся степенью радикализма и посвященности их участников. Первое — *Общество реформаторов* — ставило умеренную цель создания аристократической республики; второе — *Общество свободы и равенства* — стремилось к созданию «народной республики». Летом 1794 г. общества были разгромлены, многие «якобинцы» получили большие тюремные сроки, их руководители были казнены. В печати и в образовании осуществлялась строжайшая цензура, на деятельность разного рода объединений были наложены многочисленные ограничения. Вместе с тем и в различных слоях обществ идеи «якобинцев» были не слишком популярны. Под влиянием радикализации революции во Франции и казни королевской четы даже венгерское дворянство, наиболее просвещенное и оппозиционно настроенное, встало на сторону Габсбургов и уже не оставляло их без своей поддержки.

Процесс ревизии реформ Иосифа II, имевший при Леопольде характер временного отступления, приобретал совершенно иной

смысл. Те же централизаторские мероприятия и контроль над церковью были восприняты Францем II (но уже без всякого просветительского пафоса, сугубо практически) как средство укрепления власти и контроля над обществом. И тем не менее именно на правление Франца II приходится завершение двух важнейших реформаторских начинаний его дяди и отца — *Уголовного и Гражданского кодексов*. С точки зрения прогрессивного характера содержавшихся в кодексах идей весьма показательно, что, претерпев несколько модификаций, первый из них сохранился до 1970-х гг., а второй — до наших дней.

Экономические мероприятия правительства практически полностью были подчинены потребностям войны и в первую очередь поиску способов ее финансирования. Несмотря на значительные английские займы в 1796, 1798 и 1811 гг., военные расходы в значительной степени финансировались за счет инфляции. Начиная с середины 1790-х гг. бумажные деньги были официально объявлены равноценным платежным средством, и с этого момента денежный станок с каждым годом набирал обороты. К 1809 г. бумажный гульден составлял лишь двенадцатую часть стоимости серебряного, население стало утаивать даже медные монеты, которые почти полностью исчезли из оборота. В 1811 г. фактически наступило государственное банкротство.

Пятая коалиция и переориентация Австрии 1809 — 1812 гг.

Самым сильным испытанием для австрийских финансов стало участие Австрии в Пятой антифранцузской коалиции 1809 г. Австрийские правители, не оставив надежды вернуть утраченное в Италии и Германии, использовали пятилетнюю передышку для укрепления страны и реорганизации армии. В Вене было известно о растущих противоречиях между Францией и Россией, и там втайне надеялись на помощь русского царя. Однако главное заключалось в том, что в правящих кругах Австрии созрела мысль побить врага его же собственным оружием — посредством национальной войны. При этом особенную роль сыграли успехи антинаполеоновского движения в Испании. В 1808 — 1809 гг. в Австрии была создана система *территориальной милиции*, т.е. частично введена всеобщая военная обязанность, и к началу войны страна подошла с самой большой армией в своей истории — 725 тыс. человек. Впрочем, попытка пробудить немецкий национальный протест против французского господства в иных государствах бывшей Священной Римской империи осталась практически безрезультатной. Для немцев, населявших страны Рейнского союза, призывы к национальным чувствам *Ф. фон Генца*, одного из самых ярких публицистов этой эпохи, значили гораздо меньше, чем местные интересы и династическая верность своим князьям. И в самой Австрии в призыве к национальному единению перед лицом французской угрозы народы империи расслышали в лучшем случае апелляцию к династической верности. Неслучайно самое

громкое эхо этот призыв нашел в традиционно верном короне Тироле. В 1809 г. там началось крупное восстание во главе с трактирщиком *А. Гоффером*. Однако в целом попытка организовать народную войну по испанскому примеру в многонациональной Австрии завершилась неудачей. Безуспешными оказались и попытки Наполеона мобилизовать себе на пользу национальные чувства венгров.

Неудачно завершились и начавшиеся в апреле 1809 г. боевые действия. Оставшись фактически без всякой внешней поддержки, Австрия после первоначальных успехов в Баварии вновь была вынуждена уступить военному гению Наполеона: в мае была взята Вена, и после решающего поражения при Ваграме летом 1809 г. император Франц I пошел на заключение очередного мира.

Продиктованный Наполеоном Шенбруннский мир отличался еще большей жесткостью, чем предыдущие. Австрия потеряла 2 тыс. км² и 3,5 млн человек: в пользу герцогства Варшавского она уступала почти все земли, полученные по третьему разделу Польши; к Баварии отходили Зальцбург и некоторые другие альпийские земли; Адриатическое побережье в районе Триеста и Фиуме переходило в состав созданных Наполеоном «Иллирийских провинций». Кроме того, Австрия обязывалась присоединиться к континентальной блокаде, выплатить значительную контрибуцию и серьезно ограничить численность своих войск. В результате Шенбрунского мира Австрия, лишенная военной мощи и отрезанная от морей, по существу превратилась в державу второго ранга.

Пережитая катастрофа со всей настоятельностью заставляла задуматься о правильности курса, на протяжении почти 20 лет ведущего Австрию от поражения к поражению. Ревизию этого курса предложил новый человек на посту министра иностранных дел Австрийской империи — *К. Л. Меттерних* (1773—1859).

Самый крупный из австрийских политических деятелей и одна из наиболее известных фигур австрийской истории Клеменс Лотар Меттерних по рождению принадлежал к рейнской аристократии, которая одной из первых пострадала от Французской революции и германских мероприятий Наполеона. Однако убежденным противником французской политики он стал не из-за понесенных от нее личных материальных потерь и не по национальным либо патриотическим мотивам. Во главе Австрии встал глубоко консервативный, рационально мыслящий политик, обладавший к тому времени значительным дипломатическим опытом.

Назначенный министром иностранных дел, Меттерних немедленно предложил свою программу дипломатического реализма: «Мы можем обрести безопасность, только примкнув к победоносной французской системе... Мы должны, начиная со дня заключения мира, ограничить нашу систему исключительно лавированием, уклонением, лезть. Только так мы, возможно, продлим наше существование до дня полного освобождения». Иными словами, следова-

ло идти с Наполеоном, дожидаясь удобного момента, чтобы выступить против него; выступить осторожно, поскольку Наполеон — лучше, чем революция, а Франция — необходимый противовес Англии и России; обеспечить Австрии в ожидавшемся столкновении Франции и России роль арбитра и сохранить эту роль за собой в послевоенном мире.

Первым шагом подобной политики стала женитьба Бонапарта на дочери Франца I Марии Луизе в 1810 г. Наполеон давно искал случая породниться с какой-нибудь старой династией Европы, а Меттерних достигал тем самым сразу несколько целей — доказывал лояльность Наполеону, демонстрировал отдалившимся от Австрии государствам Рейнского союза, что они утратили своего рода эксклюзивные права на Наполеона, и, наконец, обеспечивал большую безопасность для Австрии, государь которой становился тестем французского императора. Однако платой за сближение с Францией оказалось участие в походе Великой армии Бонапарта на Россию.

Австрия в войнах 1812 — 1815 гг. Несмотря на тайные контакты с Россией, К.Л. Меттерних пошел на участие австрийских войск в войне против нее, движимый элементарным политическим расчетом — он считал, что Наполеон легко справится с полуварварской Россией, и не хотел, чтобы Австрия вновь оказалась на стороне проигравшего. Тем не менее Меттерних сумел добиться самостоятельности 30-тысячного австрийского корпуса Шварценберга, который, следуя секретным указаниям из Вены, старательно избегал серьезных сражений.

После того как поход Наполеона в Россию закончился катастрофой, Меттерних не спешил присоединяться к антифранцузскому союзу России и Пруссии, желая сохранить Францию в качестве противовеса России. Однако после неудачной попытки Меттерниха в личной беседе убедить Наполеона принять требования России, Австрии и Пруссии (очистить правый берег Рейна, распустить герцогство Варшавское, вернуть полученное по Шенбруннскому миру 1809 г. и т.д.) в августе 1813 г. Австрия объявила Франции войну.

В Вене пытались вести войну так же осторожно, как в нее вступили. Опасаясь выпустить из-под контроля народные массы и памятуя о неудачном опыте в войне 1809 г., австрийские власти, в отличие от прусских, не хотели никакой «народной войны». Если Леопольд II мерилom деятельности государя объявлял «благо народов», то его сын в написанном Ф. Генцем австрийском манифесте об объявлении войны «За Бога, императора и отечество» собственноручно — и символично — вычеркнул слово «отечество».

После *Битвы народов* в середине октября 1813 г. военное превосходство союзников стало очевидным, и сразу же обострились противоречия по вопросу о целях войны. К.Л. Меттерних сумел отстоять свое предложение о сохранении власти Наполеона во Франции, ограниченной «естественными границами» 1792 г. Помимо политиче-

ских определенную роль играли и династические интересы Франца I, желавшего сохранить французский трон для своей дочери и ее малолетнего сына. Однако отказ французского императора предопределил все дальнейшее течение событий — вторжение во Францию, занятие Парижа, отречение Наполеона. Во Франции восстанавливались Бурбоны, и внуку императора Франца I так и не пришлось примерить французскую корону.

Итоги миновавшей эпохи революции и войн для монархии Габсбургов оказались весьма неоднозначными. Вместе с тем, несмотря на реально существовавшие угрозы, монархия сохранила свое государственное существование. Вместе с тем Французская революция стала одной из важнейших причин отказа от полувековой политики реформ. Отныне и на следующие полвека монархия Габсбургов превращалась в последовательного противника любых изменений, причем не только внутри страны, но и в масштабах Германии и даже всей Европы.

18.7. Швеция

Внутриполитическое развитие на рубеже XVIII — XIX вв. После убийства в 1792 г. Густава III на трон вступил новый король — *Густав IV Адольф* (1792—1809). Первоначально юный правитель пользовался поддержкой в обществе. Оппозиция состояла преимущественно из дворян, исповедовавших идеалы Французской революции, но их влияние было относительно невелико. Публичный отказ ряда оппозиционеров от своих дворянских званий на риксдаге в Норчепинге в 1800 г. (тем самым они хотели выразить протест против непреклонно враждебного отношения короля к революционной Франции) был не более чем демонстрацией, не имевшей серьезных последствий. Король, раздраженный поведением дворянства, несмотря на то, что сословия в принципе поддерживали политику правительства, предпочел больше не созывать риксдаг.

При Густаве IV Адольфе в стране продолжились экономические преобразования. Так, в 1803—1807 гг. был осуществлен новый этап *межевания* — теперь владельцам участков было разрешено производить их обмен, что в перспективе вело к разрушению прежней общинной системы землепользования и концентрации земельных угодий в рамках отдельных хозяйств. Однако финансовое положение оставалось тяжелым. Правительство пыталось всеми способами уменьшить расходы, но достижению устойчивых результатов помешали неурожаи, а главное — внешнеполитические неудачи.

Отсутствие гибкости Густава IV Адольфа во внешней политике в непростой ситуации, сложившейся в Европе в ходе наполеоновских войн, привело в итоге к катастрофе — потере Финляндии в результате неудачной для Швеции войны с Россией (1808—1809). В марте

1809 г. — еще до окончания войны — *на сейме в городе Борго* (финское название — Порвоо) Александр I был провозглашен великим князем финляндским. В составе Российской империи Финляндия получила значительную автономию. Швеция же лишилась более трети своей территории, более четверти населения и трети армии.

Это поражение стоило Густаву IV Адольфу трона. К 1809 г. в самых разных слоях общества было уже немало недовольных его правлением: крестьяне роптали из-за возобновления рекрутских наборов (военно-поселенная система не позволяла обеспечить необходимую численность армии); представителей интеллектуальных кругов возмущали ограничения свободы печати, к тому же король вступил в конфликт с Упсальским университетом, среди преподавателей которого было много приверженцев идеалов Французской революции; чиновничество выражало недовольство финансовой и внешней политикой — король требовал продолжения войны любой ценой, тогда как средств на ее ведение катастрофически не хватало; офицерство также выступало за прекращение войны. Потеря Финляндии стала последней каплей.

13 марта 1809 г. Густав IV был арестован группой офицеров. Король отрекся, надеясь на то, что новым монархом будет избран его девятилетний сын. Однако риксдаг, собравшийся в мае, лишил Густава IV и его потомков права на престол. Бывший монарх покинул страну, а на трон взошел его престарелый и бездетный дядя под именем Карла XIII (1809—1818).

В 1809 г. была принята очередная *форма правления*, в соответствии с которой власть короля существенно ограничивалась, а прерогативы риксдага в том, что касалось контроля над деятельностью правительства, увеличивались. В частности, риксдаг наравне с монархом получил право законодательной инициативы и право абсолютного вето. Сословный принцип его формирования был, однако, сохранен. Были провозглашены свободы личности, вероисповедания, собственности и печати. Незадолго до принятия новой конституции дворянство добровольно отказалось от своих прежних привилегий в землевладении, налогообложении и при замещении высших должностей, но за крестьянами по-прежнему сохранились некоторые государственные повинности.

Важной проблемой был выбор наследника Карла XIII. В 1810 г. собравшийся в г. Эребру риксдаг *избрал престолонаследником французского маршала Жана-Батиста Бернадота*. Выбор был обусловлен тем, что гуманное обращение Ж. -Б. Бернадота со шведами, захваченными французами в плен во время войны, сделало этого наполеоновского маршала весьма популярным в Швеции. Под именем *Карла Юхана* он был усыновлен королем. В 1812 г. от Карла Юхана как от союзника Наполеона ждали помощи в возвращении Финляндии, однако он сделал ставку на союз с Россией и другими противниками Франции, а также на отторжение Норвегии от Дании,

принявшей сторону Бонапарта. В итоге он добился этого, однако Норвегия не стала новой шведской провинцией, а заключила со Швецией личную унию и вступила в нее как самостоятельное государство, сохранив собственную, весьма демократическую для того времени конституцию. Формально Норвегию связывали со Швецией лишь общий король и военный союз. Новая монархия официально называлась *Соединенные королевства Швеция и Норвегия*. Впрочем, у Норвегии не было собственной дипломатической службы, а наместник страны должен был назначаться королем из Стокгольма. Условия шведско-норвежской унии были признаны *Венским конгрессом в 1815 г.* В 1818 г. умер Карл XIII, и *Карл XIV Юхан* (1818—1844) стал первым королем из династии Бернадотов, правящей в Швеции и поныне.

18.8. Дания

«**Великие реформы**» рубежа XVIII—XIX вв. После отстранения в 1784 г. Гульдберга от управления страной к власти в качестве регента при душевнобольном отце Кристиане VII пришел шестнадцатилетний кронпринц Фредерик (*король Фредерик VI*, 1808—1839), вокруг которого сплотилась группа либералов: аристократы-землевладельцы братья графы *К. Д. и Ю. Л. Ревентловы*, министр иностранных дел *А. П. Бернсторф*, глава финансового ведомства граф *Э. Шиммельман*. Начался новый период серьезных реформ, важнейшей из которых стала *отмена в 1788 г. военно-приписной повинности* (в два этапа: сперва освобождались все, кто был младше 14 и старше 36 лет, а также отслужившие в армии; остальные должны были получить полную свободу с 1 января 1800 г.). Одновременно срок армейской службы сокращался с 12 до 8 лет, причем призыву теперь подлежали все подданные королевства, а не только крестьяне. Полицейская и судебная власть помещиков над крестьянами упразднялась. Однако замена барщины денежными выплатами зависела от воли помещиков (процесс законодательного ограничения барщины начался только в 1799 г.).

Значительны были достижения реформаторов *в социальной сфере*. В 1794 г. запретили деятельность знахарей (правда, они могли продолжить свою практику, если оказывались в состоянии доказать успешность используемых ими методов). Начиная с 1803 г. высшим органом надзора в системе здравоохранения страны стала *Медицинская коллегия*, членами которой были только профессиональные врачи. В том же 1803 г. была *регламентирована практика помощи неимущим* — это был один из первых подобных актов в Европе. В каждом приходе создавалась специальная комиссия во главе с местным пастором, которая должна была заниматься распределением средств в пользу бедных. Средства поступали в основном благодаря

добровольным пожертвованиям, однако в случае необходимости деньги собирали со всех прихожан. Наконец, в 1814 г. Дания ввела *всеобщее обязательное начальное образование* для детей в возрасте от 7 до 14 лет — опять-таки впервые в Европе.

Была *либерализована торговля*: Копенгаген в 1793 г. потерял исключительное право ввоза заграничных товаров, ликвидировались монополии многих компаний, в новом *Таможенном тарифе* (1797) предусматривалось снижение пошлин и почти не содержалось запретов на ввоз тех или иных товаров. Принимались меры и по оздоровлению финансов, в частности, *в 1791 г. был создан Банк Дании и Норвегии*, который в 1794 г. смог обеспечить серебряный паритет выпускавшихся им банкнот. Указанные реформы фактически открывали дорогу капиталистическому развитию.

Однако участие в наполеоновских войнах серьезно подорвало экономику страны и свело на нет результаты некоторых преобразований. Оказался прерван процесс финансовой стабилизации — в 1813 г. было даже объявлено о банкротстве страны. Дания до последнего старалась сохранить нейтралитет. Одной из причин была значительная выгода, получаемая в результате использования датско-норвежского торгового флота всеми воюющими сторонами. Однако после подписания Тильзитского договора как Франция, так и Англия были в равной степени не заинтересованы в сохранении нейтралитета Дании. Стремление Англии заставить страну следовать в фарватере своей внешней политики привело к бомбардировке г. Копенгагена английским флотом в сентябре 1807 г. В итоге Дания оказалась втянута в войну на стороне Франции.

Самым тяжелым последствием союза с Наполеоном стала потеря Норвегии. Уже с 1770-х гг. радикально настроенные представители норвежских верхов выступали за независимость от Дании (либо в качестве самостоятельного государства, либо в составе шведской монархии). После вступления Дании в войну из-за действий английского флота оказалось нарушено снабжение Норвегии продовольствием, что вызвало в ней голод. Кроме того, Англия являлась важнейшим торговым партнером Норвегии, поэтому война с Англией обернулась усилением сепаратистских настроений.

В январе 1814 г. — после того, как шведские войска под командованием Карла Юхана заняли Гольштейн, — был подписан *Кильский договор*, по которому Дания обязалась передать Норвегию Швеции (взамен Дании были обещаны шведские владения в Померании). Известие о заключении этого соглашения вызвало в Норвегии революционный подъем. 19 февраля 1814 г. норвежский наместник Кристиан Фредерик после совещания с группой крупных чиновников в местечке Эйдсволл провозгласил себя регентом, назначил правительство и объявил о выборах в Учредительное собрание. Пока шведские войска были заняты в Европе, Учредительное собрание в Эйдсволле приняло *демократическую конституцию Норвегии* (17 мая 1814 г.):

строго проводился принцип разделения властей; король получал право не абсолютного, а лишь отлагательного вето; в однопалатный парламент запрещалось выбирать высших чиновников и придворных; гарантировались основные свободы. Королем сначала был провозглашен Кристиан Фредерик, но после короткой войны со Швецией (конец июля — начало августа 1814 г.) он отрекся от власти, и на норвежский престол избрали *Карла XIII*. Таким образом, в результате заключения личной унии со Швецией Норвегия обрела внутреннюю самостоятельность и сохранила свою конституцию (причем в нее были внесены изменения, которые еще больше ограничили власть монарха).

Дания же так и не получила от Швеции (несмотря на обещания) ни денежной, ни территориальной компенсации за утрату Норвегии — земли в Померании были выкуплены у Швеции Пруссией, которая уступила Дании лишь небольшое герцогство Лауэнбург. Вместе с тем Дания сохранила за собой заморские территории — Исландию, Гренландию и Фарерские острова, — формально зависевшие от Норвегии. После окончания наполеоновских войн датскому правительству пришлось решать проблемы восстановления разрушенной экономики, а также приспособления к новому, понизившемуся внешнеполитическому статусу.

18.9. Голландия

С началом революции во Франции в 1789 г. возобновилось брожение в голландском обществе. «Патриоты», остававшиеся в стране, а их было много в городах (сотни в Лейдене и Утрехте и тысячи в Амстердаме), поддерживали связи с эмиграцией, выжидая удобного момента для новых выступлений. Эмигранты организовали во Франции в 1792 г. *Батавский батальон* (по имени древнего племени батавов, успешно воевавших с Римом). Статхаудер в свою очередь вел переговоры с Англией и Пруссией, рассчитывая на их помощь в случае войны с Францией. Во главе Батавского батальона встал *Виллем Дандельс* (1762—1818) родом (как и Ван дер Каппелен) из Гельдерна. Адвокат по профессии, он проявил себя как военачальник, стал генералом французской армии, а в 1807 г. Наполеон произвел его в маршалы Голландии. В 1808—1811 гг. он стал генерал-губернатором голландской Ост-Индии (Индонезии), где активно готовился к обороне против англичан. Затем был отозван и принял участие в походе наполеоновской армии в Россию.

1 февраля 1793 г. Конвент объявил войну одновременно Англии и Соединенным провинциям. Зимой 1794 г. северная армия, в составе которой был и Батавский батальон, подошла к границам Нидерландов. Зима была суровой, реки и каналы покрылись льдом, войска быстро продвигались, опираясь на помощь «патриотов» внутри страны. 17 января 1795 г. статхаудер Виллем V вместе с семьей отпра-

вился в Англию. В мае 1802 г., получив в свое владение некоторые земли в Германии, он отказался от своего поста. С этого времени перестал существовать и сам институт статхаудерства. Виллем V умер в эмиграции в 1806 г.

В Нидерландах в 1795 г. была провозглашена *Батавская республика*, первая из «дочерних республик», создание которых поддерживала Франция. Договор с Францией гарантировал независимость новой республики, но он предусматривал содержание в стране 25-тысячного французского корпуса. Республика приняла официальные революционные лозунги «Свобода, равенство, братство», но не затронула вопрос о собственности. Когда «патриоты» пришли к власти, то обнаружили неоднородный состав этого движения и разница в целях: городская буржуазная верхушка стремилась получить более широкие права для своей предпринимательской деятельности, централисты (унитаристы) добивались централизации государственного управления на демократической основе, представители ряда провинций хотели отстоять свою автономию.

Эти противоречия в полной мере отразились на первом *Национальном собрании, созванном 1 марта 1796 г.*, которое в подражание французскому называлось конвентом. Проект конституции, выработанный им, был повторением французской термидорской конституции 1795 г. Проект этот был отвергнут плебисцитом в августе 1797 г. Последовал период нестабильности и государственных переворотов, в которые косвенно, а то и прямо вмешивались французские дипломаты и военные. В июне 1798 г. в Нидерландах была учреждена директория по французскому образцу, а *в сентябре 1801 г. принята новая конституция*, по которой власть переходила к регентству в составе 12 членов. Регентство просуществовало до весны 1805 г. К этому времени Наполеон решил ввести в Голландии некое подобие консульского правления во Франции, при этом он хотел придать этой власти традиционную форму, возглавить ее должен был великий пенсионарий. На эту роль он избрал *Яна Рожера Шиммельпенинка*, который до этого был голландским представителем в Париже. Новая конституция была принята вопреки сопротивлению народа, за нее проголосовало немногим более 14 тыс. избирателей, а 350 тыс. не принявших участия в голосовании считались одобрявшими ее. Впрочем, правление пенсионария продлилось только до июня 1806 г., когда Наполеон решил создать Голландское королевство, посадив на престол одного из своих братьев — Луи.

Единственное, что было постоянным в Голландии, — это рост денежных поборов, военных реквизиций, а также использование голландских войск в непрерывных войнах, которые вел Наполеон. Голландские финансы были истощены, а государственный долг непрерывно возрастал. Наконец, тяжелый удар голландской торговле нанесла континентальная блокада. Попытки короля Луи защитить интересы Голландии раздражали Наполеона. Специальным декретом в

июле 1810 г. он упразднил королевство и присоединил Голландию к французской Империи.

Финансовое бремя страны еще более возросло. Голландские солдаты воевали в Испании и в России, народ бедствовал, поэтому, когда после поражения под Лейпцигом французские войска были выведены из страны, *народное восстание 15 ноября 1813 г.* буквально за несколько часов свергло французскую администрацию. В первых рядах восставших были рабочие амстердамских верфей.

2 декабря 1813 г. в Голландию вернулся сын последнего stadхаудера. Он был с энтузиазмом встречен народом и вскоре был провозглашен королем Нидерландов *Виллемом I*.

18.10. США

Федералисты и республиканцы. После одобрения федеральной конституции прошли первые общенациональные выборы конгресса и президента США. Первым американским президентом стал *Джордж Вашингтон*, который в 1789 г. сформировал федеральное правительство на внепартийной основе, но уже вскоре после принятия им президентской присяги в правительстве, так же, как и в конгрессе США, возникли партийные расхождения. По иронии судьбы Дж. Вашингтон, ярый противник фракционных размежеваний, назначил на два ключевых поста в правительстве (министра финансов и государственного секретаря, в США исполняющего обязанности министра иностранных дел) создателей политических партий-соперниц — *Александра Гамильтона* и *Томаса Джефферсона*. Гамильтон возглавил *Федералистскую партию*, а Джефферсон — *Республиканско-демократическую* (в период деятельности партии ее сторонников чаще всего называли просто республиканцами, по этой причине партию Джефферсона, дабы не путать ее с Республиканской партией А. Линкольна, возникшей в 1854 г., именуют иногда первой Республиканской партией США).

Соперничество двух партий и их лидеров отразило разногласия по вопросам о путях развития североамериканского общества. Сразу после принятия конституции США вышел наружу конфликт между торгово-финансовыми и аграрными кругами. В период принятия конституции они были сплочены, столкнувшись с угрозой социального и экономического хаоса, но после ее одобрения на первый план выступило серьезное различие их социально-экономических интересов. Федерализм прежнего образца рушился, а утверждение на ведущей позиции в американском правительстве А. Гамильтона (министр финансов стал играть роль премьера), подчинившего Федералистскую партию интересам северо-восточного капитала и пренебрегшего интересами аграриев, привело к отходу от федералистов основной группы политиков-южан во главе с Дж. Мэдисоном.

Мэдисон, порвав с Гамильтоном, стал «правой рукой» Джефферсона в Республиканско-демократической партии. Союз этих двух политиков был прагматичен: при наличии у них мировоззренческих различий оба оказались в оппозиции гамильтоновскому плану развития США. Партию Джефферсона поддерживала значительная часть мелких и средних фермеров, что помогло республиканцам в дальнейшем отеснить федералистов от власти, но в руководстве обеих партий находились представители верхнего класса. Если в Федералистской партии главенствовали выразители интересов финансово-торгового капитала, то в руководстве республиканцев преобладали плантаторы. Джефферсон не мог не сознавать глубокой противоречивости фермерских и плантаторских интересов, объединившихся в его партии, но он надеялся на достаточно скорое естественное преодоление этого противоречия. В 1770—1780-х гг. рабовладельческие плантации, специализировавшиеся тогда преимущественно на производстве табака, переживали затяжной экономический кризис, и Джефферсон полагал, что действие этого фактора наряду с запретом ввоза рабов с 1808 г. (это было предусмотрено федеральной конституцией) приведет рабство к естественному концу. Ни он, ни другие демократы-аграрии не могли предвидеть неожиданного, необычайно благоприятного для плантационного рабства поворота событий в конце XVIII в.

Изобретение в 1793 г. американцем Э. Уитни хлопкоочистительной машины, позволившей в десятки раз увеличить производство хлопка, вдохнуло в рабовладение новую жизнь. Плантаторы-рабовладельцы быстро извлекли пользу из изобретения Уитни и стали переводить плантации на возделывание хлопка, пользовавшегося на мировом рынке высоким спросом. Повышающаяся рентабельность хлопковых плантаций нанесла сокрушительный удар по надеждам Джефферсона и его единомышленников на скорую естественную смерть антидемократического института, но в полной мере стимулирующее воздействие промышленного переворота на рабовладение проявилось лишь спустя десятилетия.

Федералистская партия определяла политический курс США в период президентства Дж. Вашингтона (1789—1797) и Дж. Адамса (1797—1801), а Республиканско-демократическая партия главенствовала в американской политике в первой четверти XIX в. В период федералистского правления внутренняя и внешняя политика США в наибольшей степени испытали воздействие замыслов А. Гамильтона, который предложил широкую программу государственного покровительства финансов, торговли, промышленности. Он потребовал полностью погасить государственные долги, что было выгодно финансовому капиталу, сосредоточившему в своих руках практически все долговые обязательства Континентального конгресса эпохи Войны за независимость (большая часть этих обязательств состояла из долговых расписок, выдававшихся американским солдатам, кото-

рые, в свою очередь, не надеясь на возмещение долга, перепродали расписки финансистам за бесценок). Гамильтон откровенно указывал, что цель полного возврата государственного долга — создание прочного альянса правительства и денежного капитала, единственно способного, по его убеждению, стать надежной опорой финансов и всей экономики молодой республики.

Добившись успеха в этом вопросе, Гамильтон затем сумел добиться от законодателей создания *Национального банка* на условиях, также выгодных северо-восточному финансовому капиталу. С особой настойчивостью Гамильтон проповедовал идею создания в стране крупных мануфактур, добившись и в этом вопросе поддержки законодателей и исполнительной власти.

Т. Джефферсон и его сторонники резко возражали против плана индустриализации США, который, по их убеждению, был чреват массовой пролетаризацией населения, разделением его на богатых и бедных, разрушением социальной однородности и гармонии, крахом республиканских добродетелей, распространением коррупции и в конечном итоге утверждением господства финансовой олигархии. Согласно их планам, правительство должно было использовать величайшее естественное преимущество США над Старым Светом: наличие у федерального государства огромного фонда незанятых западных земель, что позволяло обращать в добродетельных и обеспеченных фермеров любое количество граждан. Такие фермеры, согласно Джефферсону, являлись единственной надежной опорой республики и демократии. Фермерский путь развития США должен быть главенствующим, а промышленность и финансы — подчинены ему.

Кроме социально-экономических между партиями федералистов и республиканцев были также политические различия. Джефферсоновцы проявили себя сторонниками развития демократических нововведений Американской революции, распространения демократических прав и свобод на новые слои населения. Федералисты же выступали за «замораживание» либерально-республиканских преобразований Американской революции и упрочение тех институтов и законов, которые соответствовали узким интересам имущего класса. Укрепившись у власти, они предприняли ряд попыток ограничить демократические нормы. Наиболее известной среди этих попыток стали *законы 1798 г. об иностранцах и подстрекательстве к мятежу*. По закону об иностранцах президент США получал право высылать из страны граждан других государств, проявлявших нелояльность в отношении Соединенных Штатов. Закон о мятеже под угрозой штрафа в 5 тыс. долл. или тюремного заключения сроком до 5 лет запрещал «любые ложные, скандальные или оскорбительные публикации против правительства, любой палаты Конгресса Соединенных Штатов или Президента США». После принятия закона, означавшего ущемление Билля о правах, начались преследования редакторов влиятельных оппозиционных газет.

Серьезные различия между федералистами и республиканцами возникли и в вопросах внешней политики. Федералисты с самого начала ориентировались на развитие отношений с Англией, а республиканцы — с Францией (в обиходе их даже стали называть «английской» и «французской» партиями). Лейтмотив федералистов состоял в том, что поддержание экономических и политических отношений с могущественной Великобританией носит тактический характер, ибо США могли стать сильной и независимой державой только при условии длительного мира, ради поддержания которого необходимо идти на компромиссы и определенные уступки Лондону. Этот мотив чаще всего использовался федералистами в период подготовки и ратификации *договора Дж. Джея* (одобренного сенатом США 24 июня 1795 г.), обеспечившего Англии благоприятные в сравнении с другими странами условия проникновения на американский рынок и подтверждавшего все долги бывших колоний метрополии. Федералистская пропаганда искусно подбирала аргументы, призванные раскрывать преимущества развития экономических отношений между США и Англией. Указывалось, что американские купцы везут свои товары прежде всего во владения Великобритании и лишь от случая к случаю заходят во французские порты. Если американский экспорт в британские владения, доказывали федералисты, составлял главную статью доходов купечества и обеспечивал рост промышленности США, то пошлины с английского импорта в штаты, в десятки раз превышающего объем товаров, ввозимых из Франции, являлись главным источником пополнения федеральной казны.

Внешнеполитическая доктрина республиканцев утверждала, что национальным интересам США отвечает именно антианглийский курс как самый надежный способ достижения не только политической, но и экономической независимости Соединенных Штатов, а также как средство цементирования американского патриотизма и единства. Отношение сторонников Джефферсона к Франции включало также идеологический мотив. Французская революция, начавшаяся в 1789 г., а затем свержение монархии и установление республики, с точки зрения джефферсоновцев, подвели под дружеские отношения США и Франции еще более прочный политический фундамент. В США возникло множество демократических клубов, пестовавшихся республиканцами и энергично поддерживавших Французскую революцию. Правда, когда возник вопрос о позиции Соединенных Штатов в связи с вооруженным конфликтом между Францией и европейскими монархиями, республиканцы высказались в пользу политики нейтралитета в значительной мере по причине отсутствия у США регулярных сухопутных сил и военного флота, способных оказать помощь Франции.

Напротив, антифранцузская линия Федералистской партии усиливалась и восторжествовала в период пребывания на президентском посту *Джона Адамса* (1797 — 1801). В 1798 г., после серии недруже-

любных действий с обеих сторон, США аннулировали договоры, заключенные с Францией в период Войны за независимость. Был создан военно-морской департамент, приняты решения о строительстве 25 фрегатов, о вооружении торговых кораблей: был санкционирован захват французских судов в открытом море. Для покрытия военных расходов в США вводились налоги на недвижимость.

Джефферсоновская демократия. В 1800 г. во время четвертых президентских выборов республиканцы сумели впервые одержать победу над федералистами и прочно утвердиться у власти в США. Лидеры республиканцев — Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон и Дж. Монро, сменяя друг друга на президентском посту, удерживали власть в стране на протяжении 24 лет. Республиканско-демократическая партия оценивала свою победу как «революцию 1800 года», а сам Джефферсон утверждал уже после ухода в отставку, что его победа на президентских выборах означала «столь же осязаемую революцию в принципах управления, как и революция 1776 г. в государственных формах». В действительности политическая практика республиканцев не привела к глубоким общественным сдвигам, и, хотя их политика включала в себя некоторые важные преобразования, она сохраняла фундаментальную преемственность по отношению к федералистскому правлению.

Реформы и нововведения в годы пребывания у власти *Томаса Джефферсона* (1801—1809), вошедшие в историю как *эпоха Джефферсоновской демократии*, оказались скромнее обещаний республиканцев. Весомыми были политические изменения. Джефферсон и его сторонники восстановили в полном объеме действие Билля о правах. В стране возобновился процесс демократизации американского конституционализма, прерванный в постреволюционный период. В течение 20 лет во всех штатах был отменен имущественный ценз. Политическая демократия особенно успешно укоренялась в новых штатах, образовывавшихся на присоединяемых к США западных территориях. Демократический характер носил ряд социально-экономических мероприятий Джефферсона. Государственный земельный фонд резко расширился в 1790—1800-е гг. В 1789 г. Северная Каролина отказалась в пользу федерального правительства от территории Теннесси, а в 1802 г. Джорджия уступила территории Алабамы и Миссисипи. В 1795 г. Испания согласилась с тем, что территории к югу от Огайо вплоть до Луизианы и Флориды по праву принадлежат США. Так в федеральный фонд вошла огромная юго-западная территория. В 1803 г. она пополнилась территорией Луизианы. Условия продажи земельных участков на юго-западе оставались теми же самыми, что и на северо-западе, но *на юго-западе не запрещалось рабство*.

В 1796 г. федералисты ужесточили условия приобретения земель из государственного земельного фонда: минимальный размер приобретаемого участка сохранялся, а минимальная цена за 1 акр повыша-

лась до 2 долл. Земельный вопрос стал предметом острых дискуссий между Федералистской и Республиканской партиями. В 1800 г. благодаря республиканцам минимальный размер приобретаемого участка был снижен до 320 акров с 4-летней рассрочкой платежа за землю. В 1804 г. минимальный размер был снижен еще больше — до 160 акров. Тогда же был принят закон о преимущественных правах реальных поселенцев на приобретение земли из государственного фонда (как правило, это были малоимущие американцы, самочинно занявшие и обрабатывавшие участки на западных территориях). В результате доступ к государственным землям для представителей малоимущих слоев общества существенно расширился, что подтверждается объемами земельных продаж: с 1803 по 1805 г. они возросли более чем в три раза. Одной из демократических мер джефферсоновского правления стала отмена всех прямых налогов, всегда составлявших предмет острейших разногласий между республиканцами и федералистами. Среди отмененных налогов были и акцизные сборы на производителей спиртного, которые в середине 1790-х гг. обусловили фермерские волнения в центральных районах.

Социально-экономические меры республиканцев не отменили вместе с тем важных тенденций и институтов, заложенных Гамильтоном и федералистами. Джефферсоновцам не однажды пришлось идти на уступки федералистским доктринам, исходя из общественно-исторической и политической целесообразности. Так, уже в начале своего президентства Джефферсон должен был отречься от официальной партийной доктрины — безусловного приоритета аграрных интересов. В своем первом ежегодном послании конгрессу США он объявил сельское хозяйство, мануфактуры, торговлю и мореплавание четырьмя столпами процветания. Постепенно он должен был поступиться также идеей государственного невмешательства в экономическое развитие, которая всегда занимала ведущее место в идейном арсенале республиканцев (Джефферсону принадлежит знаменитое крылатое выражение: «Наилучшим является то государство, которое правит в наименьшей степени»). Во время второго срока своего президентства Джефферсон стал доказывать, что средства государственной казны должны активно использоваться для развития судоходства, каналов, дорожного строительства и даже для поощрения мануфактур. Отказался он постепенно и от фритредерской идеи, признав, что государство обязано защищать национальную промышленность от иностранной конкуренции при помощи протекционистской политики.

В наибольшей степени федералисты отошли от своей линии в вопросах внешней политики. Джефферсон изменил антифранцузский курс федералистов на антианглийский. Улучшению отношений с Францией способствовали, правда, уже не столько идеологические мотивы, сколько удачная сделка с Наполеоном Бонапартом, в результате которой Соединенные Штаты в 1803 г. купили у Франции огром-

ную территорию Луизианы. Франция в тот период сосредоточилась на завоевательных планах в Европе, ее военные расходы быстро росли, и Наполеон Бонапарт считал целесообразным продать эту территорию США. Однако затем попытка США извлечь экономическую выгоду из трудностей всех сторон европейского конфликта привела к ухудшению отношений с Францией. После ухода Джефферсона в отставку отношения с Францией вновь улучшились, а с Англией продолжали ухудшаться.

Война США с Англией 1812 г. Война, объявленная США Англии в июне 1812 г., имела разнообразные причины. После достижения независимости Соединенные Штаты могли свободно торговать с кем хотели, и среди их партнеров появились не только Франция, Испания и Голландия, но даже Китай. Через несколько лет после окончания Войны за независимость мощный толчок развитию американскому торговому мореплаванию дали европейские войны, начавшиеся с объявления революционной Францией войны ведущим европейским монархиям и продолжавшиеся более 20 лет. США в полной мере использовали свое положение нейтральной державы для извлечения максимальной выгоды из торговли с каждой из противоборствующих сторон. Экспорт Соединенных Штатов в период с 1790 по 1807 г. увеличился с 20 до 108 млн долл. Общий тоннаж американского флота за этот же период возрос с 202 до 1269 тыс. Независимость и активная внешняя торговля способствовали успехам национального судостроения: удельный вес отечественных судов в торговом флоте США вырос с 73 до более чем 96 %.

«Золотой век» американской торговли, как окрестили тот период в США, весьма резко пресекся в 1807 г. Причина заключалась в усилении агрессивных действий обоих главных европейских антагонистов — Англии и Франции — в отношении американских судов. Согласно английским указам, всем судам нейтральных стран, ведущих торговлю с Францией, предписывалось заходить в английские порты для осмотра и уплаты разрешительной пошлины, а во французских декретах, напротив, им под угрозой захвата и конфискации запрещалось бросать якоря у берегов Великобритании. Американская внешняя торговля в результате оказалась «между молотом и наковальней». В том же году по предложению Т. Джефферсона конгресс США принял *закон об эмбарго*, по сути наложивший запрет на внешнюю торговлю Соединенных Штатов.

Закон не возымел никакого действия на Францию и Англию, но существенно ослабил американскую экономику. В 1809 г. он был заменен другой мерой, разрешавшей американским судам торговать со всеми государствами, за исключением Франции и Англии. В следующие 3 года внешняя торговля США укрепила свои позиции, но все же американский экспорт достиг только половины уровня 1807 г. В 1810 г. Франция отменила декреты, ограничивавшие американскую торговлю, и отныне восстановлению ее позиций мешала толь-

ко Англия. Бывшая метрополия проявила жесткую неуступчивость, продолжая последовательно захватывать американские торговые суда, конфисковывать их грузы, арестовывать и судить американских моряков. В июне 1812 г. президент США Дж. Мэдисон, направляя конгрессу США послание с предложением объявить войну Англии, указывал на нарушение ею торговых прав США как на единственную причину.

В действительности этот дерзкий шаг правительства США имел под собой и другое серьезное основание. В политических расчетах американских властей присутствовало желание, не отраженное в официальных документах об объявлении войны, воспользоваться европейскими трудностями Англии для того, чтобы ослабить ее позиции, в том числе территориальные, в Северной Америке. Экспансионистская фракция американских политиков не скрывала стремления отнять у Англии львиную долю ее американских владений.

Тайное стало явным, когда США начали военные действия вторжением в Канаду, но оптимистический прогноз экс-президента Джефферсона, что эта английская колония падет, как только американцы войдут в нее, не подтвердился. Военная экспедиция в Канаду потерпела сокрушительный провал. Дела американцев несколько поправились в 1813 — начале 1814 г., когда они осуществили несколько удачных операций на канадском фронте, а на юго-западе подавили сопротивление индейских племен, противостоявших экспансионистским планам США. Однако начиная уже с лета 1814 г. армия США перешла к обороне. После поражения Наполеона в Европе Англия высвободила силы для переброски их в США. В последние месяцы 1814 г. англичане высадили 3 десанта — в центре, на юге и севере Соединенных Штатов. Центральный десант вынудил правительство США бежать из столицы — г. Вашингтона. В условиях, когда англичане контролировали морские пути, по которым к ним прибывало подкрепление, положение североамериканской республики становилось критическим. Американскому правительству приходилось только надеяться на успех переговоров, открывшихся в Генте. Переговоры завершились подписанием *24 декабря 1814 г. мирного договора*, вернувшего США к тому состоянию, в котором они находились перед началом войны. Официальная американская пропаганда, воспользовавшись тем, что в завершающий момент войны США одержали победу над англичанами под Новым Орлеаном, даже распространила о ее победоносном исходе для Соединенных Штатов. В действительности американские территориальные притязания остались нереализованными. О морских правах США, из-за которых формально началась война, в договоре даже не упоминалось.

Последствия войны для правящей Республиканско-демократической партии, как и для США в целом, имели определенные позитивные результаты. В период войны республиканцы утвердили практически свое безраздельное политическое господство в стране, а их

партия даже стала многозначительно называться *национальными республиканцами*. В значительной степени это было следствием грубых просчетов федералистов. Федералистская партия встретила объявление войны Англии в штыки. Лидеры федералистов из северо-восточных штатов были, казалось, готовы на любые унижения национального суверенитета США со стороны Лондона при условии, что финансисты и купцы северо-востока страны продолжали бы получать прибыль от экспортно-импортных операций с Англией. Меркантильные мотивы федералистов привели их к шагу, расцененному многими американцами как предательство: в 1814 г. они предприняли попытку отделения штатов Новой Англии от Союза. Этот шаг оказался для партии самоубийственным: федералисты дискредитировали себя в глазах нации и вскоре сошли с исторической арены. Серьезными и весьма позитивными были последствия англо-американской войны 1812 г. для экономики США. Резкое сокращение импорта из Англии стимулировало активизацию отечественного промышленного производства. Первый важный этап подобной активизации пришелся на период Войны за независимость 1775—1783 гг., но после нее в развитии американской промышленности произошел некоторый спад, причиной которого явились успехи торгового мореплавания, способствовавшие перетеканию капиталов из мануфактурного производства в торговлю. Промышленный же подъем периода англо-американской войны 1812 г. приобрел устойчивый характер и стал основополагающей вехой в развитии промышленного переворота в США.

Больших успехов в годы войны добилась хлопчатобумажная отрасль — лидер начавшегося промышленного переворота. Если в 1807 г. в США насчитывалось 15 хлопчатопрядильных фабрик, то в 1815 г. их было уже 213. Количество предприятий по производству шерсти за три года войны удвоилось, перевалив за 100. Резко возросло производство вооружения. Численность банков увеличилась вдвое, в 1815 г. их было более 200. Правительство США во главе с Дж. Мэдисоном, все более пренебрегая доктринами собственной партии, решительно содействовало развитию мануфактур, строительству дорог и каналов. В наибольшей мере отход республиканцев от своих доктрин проявился в отношении Национального банка. В 1811 г. республиканцы отказались продлить хартию Национальному банку, созданному Гамильтоном, но в 1815 г. Мэдисон выступил инициатором создания нового *Национального банка* (учрежден в 1816 г.).

В целом война с Англией 1812 г., которую американцы стали называть «второй войной США за независимость», в своих последствиях дополнила политическую независимость от Англии, завоеванную в конце XVIII в., независимостью экономической. Национальный суверенитет Соединенных Штатов серьезно упрочился, а экономика вступила в длительную полосу подъема.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1564 — 1642	Галилео Галилей
1585 — 1642	Арман Жан дю Плесси, кардинал, герцог де Ришелье, первый министр Франции
1585 — 1638	Корнелиус Янсениус, епископ г. Ипра, основоположник янсенизма
1589 — 1610	Правление Генриха IV во Франции
1592 — 1655	Пьер Гассенди
1596 — 1650	Рене Декарт
1598	Нантский эдикт
1599 — 1660	Диего Родригес де Сильва и Веласкес
1599 — 1658	Оливер Кромвель
1602 — 1661	Джулио Мазарини, кардинал, первый министр Франции
1603 — 1625	Правление Якова I в Англии
1604	Введение полетты, закрепление наследственного права на государственные должности во Франции
1606 — 1684	Пьер Корнель
1606 — 1669	Рембрандт Харменс ван Рейн
1607	Основание первой английской колонии в Северной Америке (на территории будущей Виргинии)
1608 — 1674	Джон Мильтон
1609 — 1614	Изгнание морисков из Испании
1609 — после 1652	Джерард Уинстенли
1610 — 1643	Правление Людовика XIII во Франции
1611—1632	Правление Густава II Адольфа в Швеции
Ок. 1614—1657	Джон Лилберн
1614—1615	Сессия Генеральных штатов во Франции
1618—1648	Тридцатилетняя война
1619—1683	Жан Батист Кольбер, генеральный контролер (министр) финансов Франции
1619—1655	Савиньен де Сирано де Бержерак
1620	Основание Нового Плимута. Заключение «Соглашения на Мэйфлауэре»
1621—1665	Правление Филиппа IV в Испании
1622—1673	Жан Батист Мольер
1623—1662	Блез Паскаль

1625 — 1649	Правление Карла I в Англии
1630	Начало «великого исхода» пуритан в колонии Новой Англии
1630 — 1697	Республика беглых рабов-негров Палмарис в Бразилии
1631	Начало издания «Газет» (с 1762 — «Газет де Франс»)
1632 — 1704	Джон Локк
1635	Основание Французской академии
1636	Основание Гарвардского колледжа
1639 — 1699	Жан Расин
1640—1656	Правление Жоана IV в Португалии
1640	Отделение Португалии от Испании
1640 — 1652	Восстание в Каталонии
1640 — 1653	Долгий парламент в Англии
1641 — 1652	Национально-освободительные восстания в Ирландии
1642 — 1647	Первая гражданская война в Англии
1642 — 1727	Исаак Ньютон
1643 — 1651	Регентство Анны Австрийской при малолетнем Людовике XIV
1643 — 1715	Правление Людовика XIV во Франции
1644, 2 июля	Битва при Марстон-Муре
1644—1654	Правление королевы Кристины в Швеции
1645, 14 июня	Битва при Нейзби
1646	Акт об отмене рыцарских держаний в Англии
1647 — 1648	Революция в Неаполе и в Сицилии
1647, август	Первая чистка Долгого парламента
1647 — 1649	Движение левеллеров
1648 февраль — август	Вторая гражданская война в Англии
1648, октябрь	Окончание Тридцатилетней войны. Вестфальский мир
1648, декабрь	Прайдова чистка Долгого парламента
1648 — 1653	Фронда во Франции
1649, январь	Суд над Карлом I Стюартом и вынесение ему смертного приговора
1649, май	Провозглашение республики в Англии
1649, май и сентябрь	Восстания левеллеров в армии
1649 — 1651	Движение диггеров в Англии
1649 — 1652	Завоевание Ирландии английской армией
1650 — 1651	Поход английской армии в Шотландию
1651	Навигационный акт, принятый Английской республикой
1652 — 1654	Англо-голландская война
1653 — 1658	Протекторат Кромвеля
1658 — 1705	Правление Леопольда I в монархии Габсбургов
1659, ноябрь	Пиренейский мир между Францией и Испанией
1660	Установление абсолютизма в Дании

1660 — 1688	Период реставрации Стюартов в Англии
1660 — 1685	Правление Карла II в Англии
1660	Основание Королевского общества в Англии — первой академии наук
1660 — 1697	Правление Карла XI в Швеции
1665 — 1667	Англо-голландская война
1665—1700	Правление Карла II в Испании
1667 — 1745	Джонатан Свифт
1668	Признание Испанией независимости Португалии
1672 — 1678	Война Англии, Швеции и Франции против коалиции во главе с Голландией
1675	Восстание во французской провинции Бретань
1676	Восстание Н. Бэкона в Виргинии
1679	Нимвегенский мир
1679	Принятие Хабеас корпус акта (Habeas Corpus Act) в Англии
1680	Установление абсолютизма в Швеции
1680	Свод законов Индии
1681	Присоединение Страсбурга к Франции
1683 — 1699	Австро-турецкая война, закончившаяся Карловицким миром — 1699
1685 — 1750	Иоганн Себастьян Бах
1685, октябрь	Эдикт Фонтенбло, отмена Людовиком XIV Нантского эдикта, запрет на отправление протестантского культа на территории Франции
1685 — 1688	Правление Якова II в Англии
1686	Образование Аугсбургской лиги
1687	Трактат И. Ньютона «Математические начала натуральной философии»
1687 — 1688	Пожоньское Государственное собрание (монархия Габсбургов)
1688	Государственный переворот в Англии («Славная революция»)
1688 — 1697	Война Аугсбургской лиги (Девятилетняя война), закончившаяся Рисвикским миром — 1697
1689, октябрь	Билль о правах в Англии
1689 — 1746	Якобитское движение
1689 — 1755	Шарль Луи Монтескье
1689	Восстания в Массачусетсе, Нью-Йорке, Мэриленде
1692	Салемская «охота на ведьм»
1694 — 1778	Вольтер (Мари Франсуа Аруэ)
1695	Введение капитации во Франции
1695	Открытие золотых месторождений в Бразилии
1697—1718	Правление Карла XII в Швеции
1700	Начало правления династии Бурбонов в Испании
1700 — 1721	Северная война России со Швецией, закончившаяся Ништадтским миром — 1721

1701	Провозглашение Пруссии королевством
1701, июнь	Принятие Акта об устроении (Закона о престолонаследии) в Англии
1701 — 1714	Война за испанское наследство. Утрехтский мирный договор — 1713; Раштаттский мирный договор — 1714
1702 — 1705	Восстание камизаров во Франции
1703 — 1711	Антигабсбургская освободительная война в Венгрии под руководством Ф. Ракоци, закончившаяся Сатмарским миром — 1711
1703	Метуэнский договор между Англией и Португалией
1706 — 1790	Бенджамин Франклин
1707	Уния Англии с Шотландией
1707 — 1716	Законы «нового установления» в Испании
1707 — 1788	Жорж Луи Леклерк де Бюффон
1710	Основание первой в Европе фарфоровой мануфактуры в г. Мейсене
1712 — 1778	Жан Жак Руссо
1713	Прагматическая санкция (закон о престолонаследии и нераздельности наследственных земель Габсбургов)
1713	Издание папой Климентом XI буллы Унигенитус («Unigenitus»), осуждающей янсенизм и галликанские вольности
1713 — 1784	Дени Дидро
1713 — 1750	Действие права асьенто, полученного Англией по Утрехтскому договору
1714 — 1901	Ганноверская династия в Англии
1714 — 1727	Правление Георга I в Англии
1715 — 1774	Правление Людовика XV во Франции
1715 — 1723	Регентство Филиппа II, герцога Орлеанского во Франции в период несовершеннолетия Людовика XV
1716 — 1718	Австро-турецкая война, закончившаяся Пожарвацким миром
1716 — 1720	Финансовая система Джона Лоу
1717, 24 июля	Создание Великой ложи масонов в Англии
1719 — 1772	Режим сословного парламентаризма в Швеции («Эра свобод»)
1720 — 1721	Последняя эпидемия чумы на территории Франции
1721	Первая в Европе прививка оспы
1723 — 1790	Адам Смит
1724 — 1804	Иммануил Кант
1727 — 1760	Правление Георга II в Англии
1729	Открытие алмазов в Бразилии
1732 — 1799	Джордж Вашингтон

1733 — 1738 1733, 1743, 1761	Война за польское наследство Семейные пакты — договоры между Испанией и Францией
1737 — 1739	Австро-турецкая война, закончившаяся Белградским миром — 1739
1737 — 1809	Томас Пейн
1738 — 1794	Чезаре Беккариа
1739 — 1778	Административная реформа в испанских колониях в Новом Свете
1740 — 1748	Война за австрийское наследство, закончившаяся Аахенским миром — 1748
1740 — 1780	Правление Марии Терезии в Австрийской монархии
1740 — 1786	Правление Фридриха II в Пруссии
1743 — 1826	Томас Джефферсон
1750 — 1816	Франсиско Миранда
1748	Трактат Ш.-Л. Монтескье «О духе законов»
1749 — 1832	Иоганн Вольфганг Гёте
1750	Установление границ между Бразилией и испанскими колониями
1751 — 1780	Первое издание «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел»
1753	Конкордат Испании и Святого престола
1756	Франко-австрийский союз, «дипломатическая революция»
1757	Покушение Дамьена на Людовика XV
1756 — 1763	Семилетняя война
1756 — 1791	Вольфганг Амадей Моцарт
1758	Реформа испанской колониальной армии
1758 — 1794	Максимилиан Робеспьер
1759 — 1788	Правление Карла III в Испании
1759	Изгнание из Бразилии Ордена иезуитов
1759, 12 августа	Разгром прусской армии русскими войсками при Кунерсдорфе
1760	Взятие русскими и австрийскими войсками Берлина
1760 — 1780-е гг.	Начало Промышленной революции в Англии
1760 — 1820	Правление Георга III в Англии
1762	Трактат Ж. Ж. Руссо «Об общественном договоре»
1762 — 1764	Изгнание иезуитов из Франции
1763, 15 февраля	Губертусбургский мир
1763 — 1764	«Физиократические» реформы во Франции, первая попытка ввести свободу торговли зерном и мукой
1765 — 1790	Правление герцога Петра Леопольда в Тоскане
1765	Изобретение Дж. Харгривсом механической прядильной машины «Дженни»
1765 — 1778	Испанская колониальная реформа

1766	Присоединение к Франции герцогств Лотарингия и Бар
1767 — 1768	Изгнание Ордена иезуитов из Испании и испанских колоний в Америке
1768 — 1779	Проникновение Англии в Новую Зеландию и Австралию
1769	Закон против разрушителей машин в Англии
1769 — 1821	Наполеон Бонапарт
1770, март	«Бостонская бойня»
1770 — 1772	Политика «просвещенного абсолютизма» в Дании. Реформы Струэнзе
1771 — 1792	Правление Густава III в Швеции
1771 — 1774	Парламентская реформа Могу во Франции
1772	Первый раздел Польши
1773, декабрь	«Бостонское чаепитие»
1773	Упразднение Ордена иезуитов в Италии
1774, сентябрь	Первый Континентальный конгресс в Филадельфии
1774 — 1792	Правление Людовика XVI во Франции
1774 — 1776	Реформы Тюрго во Франции
1775, май	«Мучная война» во Франции
1775, апрель	Сражение при Лексингтоне и Конкорде — начало Войны за независимость США
1775 — 1783	Война североамериканских колоний Англии за независимость
1776, 4 июля	Принятие Декларации независимости, провозгласившей создание США
1777	Прекращение действия Тордесильяского договора (1494) между Испанией и Португалией
1777, октябрь	Победа американской армии под Саратогой
1778	Признание Францией независимости Соединенных Штатов Америки
1777 — 1781	Первое министерство Ж. Неккера во Франции
1780 — 1790	Правление Иосифа II в Австрийской монархии. Политика «просвещенного абсолютизма»
1780 — 1783	Восстание индейцев Перу под руководством Тупака Амару
1781	Публикация Ж. Неккером брошюры «Отчет королю» о состоянии финансов
1781	Упразднение личной зависимости крестьян в Богемии
1781	Патент о веротерпимости в монархии Габсбургов
1781 — 1782	Восстание в Новой Гранаде
1781, октябрь	Победа американской армии при Йорктауне
1783, сентябрь	Версальский мирный договор. Признание Великобританией независимости США
1784	Получение Дж. Уаттом патента на универсальный паровой двигатель

1785	Изобретение Э. Картрайтом механического ткацкого станка с ножным приводом
1786 — 1787	Восстание под руководством Д. Шейса в США
1787, февраль — май	Первое собрание нотаблей во Франции
1787	Принятие Северо-западного ордонанса в США
1787, 17 сентября	Принятие Конституции США
1788	Отмена крепостного права в Дании
1788, май	Парламентская реформа Ламуаньона во Франции
1789, 5 мая	Открытие Генеральных Штатов во Франции
1789, 9 июля —	
1791, 30 сентября	Учредительное собрание во Франции
1789, 14 июля	Взятие Бастилии — начало Французской революции
1789, 4—11 августа	Принятие Учредительным собранием Франции декретов об отмене сословных привилегий и некоторых феодальных повинностей
1789, 26 августа	Принятие Декларации прав человека и гражданина во Франции
1789, 21 сентября	Принятие конгрессом США Билля о правах (вошел в силу в 1791 г.)
1789 — 1797	Президентство Джорджа Вашингтона
1791, 27 августа	Принятие Пильницкой декларации
1791, 3 сентября	Принятие Конституции 1791 г. во Франции
1792	Образование Лондонского корреспондентского общества
1792, апрель	Начало революционных войн Франции
1792, 10 августа	Народное восстание в Париже. Свержение монархии во Франции
1792, 20 сентября	Победа французских войск при Вальми
1792, 21 — 22 сентября	Открытие Национального Конвента. Провозглашение Франции республикой
1792, октябрь —	
1793, июль	Майнцская коммуна
1793, 21 января	Казнь Людовика XVI
1793	Второй раздел Польши
1793, 31 мая—2 июня	Народное восстание в Париже. Приход к власти монтаньяров
1793, 24 июня	Принятие Национальным Конвентом якобинской конституции
1793, июль	Принятие Конвентом декрета о безвозмездной отмене всех феодальных повинностей
1793, 10 октября	Принятие Конвентом декрета о революционном порядке управления
1794 — 1796	Крестьянское восстание на острове Сардиния
1794, 27 июля	Падение диктатуры монтаньяров
(9 термидора)	
1795, май	Образование Батавской республики

1795	Третий раздел Польши
1795, 5 апреля	Базельский мирный договор между Францией и Пруссией
1795, 22 июля	Базельский мирный договор между Францией и Испанией
1795, 22 августа (5 фрюктидора)	Принятие Конституции III года Республики
1795, октябрь— 1799, ноябрь 1796	Режим Директории во Франции
1796—1797	«Заговор во имя равенства» под руководством Гракха Бабёфа
1797—1799	Поход Наполеона Бонапарта в Италию
	Образование Цизальпинской, Лигурийской, Римской и Неаполитанской (Партенопейской) республик в Италии
1797, октябрь	Кампоформийский мирный договор Франции с Австрией
1798	Национально-освободительное восстание в Ирландии
1799, апрель—август 1799	Поход А. В. Суворова в Северную Италию
	Акт о запрете тред-юнионов (рабочих союзов) в Англии
1799, 9 ноября (18 брюмера)	Государственный переворот Наполеона Бонапарта
1799, 24 декабря (4 нивоза)	Принятие Конституции VIII года Республики
1799, ноябрь — 1804, май	Режим Консульства во Франции
1800, 14 июня	Битва при Маренго
1801, февраль	Люневильский мир Австрии с Францией
1801	Англо-ирландская уния
1801—1809	Президентство Томаса Джефферсона
1802, март	Амьенский мирный договор между Англией и Францией
1802, 8 апреля (16 термидора)	Принятие Конституции X года Республики
1804, 18 мая (28 флореаля)	Принятие Конституции XII года Республики
1804—1814	Первая империя во Франции
1805, 21 октября	Трафальгарская битва
1805, 2 декабря	Сражение при Аустерлице
1805, 26 декабря	Пресбургский мир
1806	Образование Рейнского союза
1806	Отказ Габсбургов от короны императоров Священной Римской империи. Конец Священной Римской империи
1806, 14 октября	Разгром прусской армии под Йеной и Ауэрштедтом

1806, ноябрь	Декрет Наполеона о блокаде Британских островов. Начало континентальной блокады
1807	Первый рейс парохода Р. Фултона по реке Гудзон
1807	Образование первых организаций карбонариев в Италии
1807, 25 июня (8 июля)	Тильзитский мир
1807—1811	Реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии
1808, май	Народное восстание в Мадриде. Начало первой буржуазной революции (1808—1814) в Испании
1808—1809	Героическая оборона Сарагосы от французских захватчиков
1809	Принятие новой конституции Швеции (конец абсолютизма)
1809, 5—6 июля	Битва при Ваграме
1809, октябрь	Шёнбруннский (Венский) мир Австрии с Францией
1812, март	Принятие Кадисской конституции
1812, 24 июня	Вторжение наполеоновской армии в Россию
1812, 7 сентября	Бородинская битва
1812—1814	Англо-американская война
1813, 16—19 октября	Сражение под Лейпцигом («Битва народов»)
1814	Принятие норвежской конституции (с поправками действующей и поныне)
1814, 6 апреля	Принятие Временной конституции Сената
1814, 4 июня	Конституционная Хартия
1814	Первый Парижский мир
1814	Изобретение паровоза Дж. Стефенсоном
1814, сентябрь —	
1815, июнь	Венский конгресс
1814—1905	Шведско-норвежская уния
1815, 20 марта—	
22 июня	«Сто дней» Наполеона
1815, 18 июня	Битва при Ватерлоо
1815, сентябрь	Парижский акт о создании Священного союза
1815	Второй Парижский мир

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

К главам 1 — 2

- Американские просветители: Избр. произв.: в 2 т. — М., 1968 — 1969.
Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М., 1939.
Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. — М., 1978.
Вольтер Ф. М. Философские повести. — М., 1960.
Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. — М., 1977.
Дидро Д. Избр. произв. — М.; Л., 1950.
История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. — Л., 1978.
Коган М. А. Просвещенный абсолютизм в Дании. Реформы Струэнзе. — Л., 1972.
Локк Дж. Избр. философ. произв.: в 2 т. — М., 1960.
Мелье Ж. Завещание: в 3 т. — М.; Л., 1954.
Мир Просвещения: Исторический словарь. — М., 2003.
Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и враги (1780 — 1790). — СПб., 1907.
Момджян Х. Н. Французское Просвещение XVIII в. — М., 1983.
Монтескье Ш. Избр. произв. — М., 1955.
Немецкие демократы XVIII в.: Шубарт, Форстер, Зейме. — М., 1956.
Просветительское движение в Англии / под ред. проф. Н. М. Мещеряковой. — М., 1991.
Руссо Ж. Ж. Трактаты. — М., 1969.
Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. — М., 1962.
Смит А. Теория нравственных чувств. — М., 1997.
Социально-политические идеи европейского Просвещения. — М., 2000.
Enlightened Absolutism. — L., 1990.

К главе 3, разделу 18.1

- Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI—XIX вв. — М., 2004.
Английская литературная критика XVII—XIX вв. — Киров, 2004.
Английские материалисты XIII в.: в 2 т. М., 1967.
Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. — М., 1978.
Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. — М., 1966.
Ерофеев Н. А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII веке. — М., 1964.
Ерофеев Н. А. Промышленная революция в Англии. — М., 1965.

Из истории европейского парламентаризма: Великобритания. — М., 1995.

История Ирландии. — М., 1980.

Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. — М., 1968.

Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. — М., 2005.

Лабутина Т. Л. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689—1714 гг.). — М., 1994.

Лавровский В. М. Парламентские огораживания общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в. — М.; Л., 1940.

Локк Дж. Соч.: в 3 т. — М., 1985.

Мандевиль Б. Басня о пчелах. — М., 1974.

Мещерякова Н. М. Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII в.). — М., 1979.

Павлова Т. А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль второй половины XVII в. — М., 1979.

Просветительское движение в Англии. — М., 1991.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М., 1993.

Треvelyан Д. Социальная история Англии. — М., 1959.

Шефстберн Э. Эстетические опыты. — М., 1975.

Яковлев Н. Н. Британия и Европа. — М., 2003.

Clark J. C. D. English Society, 1688—1832. Religion, Ideology and Politics during the Ancien Regime. — Cambridge, 2000.

Hay D., Rogers N. Eighteenth-century English Society. — Oxford, 1997.

Porter R. Enlightenment Britain and the Creation of the Modern World. — L., 2001.

Stevenson J., Gregory J. The Routledge Companion to Britain in the Eighteenth Century, 1688—1820. — L., 2007.

К главе 4

Ардашев П. Н. Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору Старого порядка. 1774—1789. — СПб.; К., 1900—1906. — Т. 1—2.

Вольтер Ф. М.: Собр. соч.: в 3 т. — М., 1998.

Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. — М., 2002.

История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. — Л., 1978.

Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. — М., 1879.

Кожокин Е. М. Государство и народ: От Фронды до Великой французской революции. — М., 1989.

Луцицкий И. В. Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене). — К., 1900.

Люблинская А. Д. Французские крестьяне в XVI—XVIII вв. — Л., 1978.

Мерсье Л.-С. Картины Парижа. — М., 1995 (М.; Л., 1935—1936).

Монтескье Ш.: Избр. произв. — М., 1955.

Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. — М., 1986.

- Руссо Ж. Ж.* Трактаты. — М., 1969.
- Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. — М., 1997.
- Фор Э.* Опала Тюрго, 12 мая 1776 г. — М., 1979.
- Французский ежегодник. 2005. Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972). — М., 2005.
- Чеканцева З. А.* Порядок и беспорядок: протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. — Новосибирск, 1996.
- Элиас Н.* Придворное общество. — М., 2002.
- Энгельгардт Р. Ю.* Социально-экономическое положение Франции в конце XVII — начале XVIII в. — Кишинев, 1976.
- Юнг А.* Путешествия, предпринятые в 1787, 1788 и 1789 годах для познания земледелия, богатства и национального благосостояния Французского королевства. Сочинение Артура Юнга, эсквайра, члена Королевского Общества. — СПб., 1996.
- Cosandey F., Descimon R.* L'absolutisme en France: histoire et historiographie. — Р., 2002.
- Mousnier R.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598—1789. — Vol. 2. — Р., 1974—1980.

К главе 5, по разделу 18.2

- Волосюк О. В.* Испания и российская дипломатия в XVIII веке. — М., 1997.
- Волосюк О. В.* Просвещенный абсолютизм Карла III в Испании и Испанской Америке // Вестник РУДН. — (Серия «История. Философия»). — М., 1993.
- Волосюк О. В.* Экономические общества друзей Отечества в Испании во второй половине XVIII века // Проблемы испанской истории. — М., 1987.
- Испанские короли. 18 исторических портретов от Средних веков до современности/под ред. В. Бернекер, К. Сейдель, П. Хозер. — Ростов н/Д, 1998.
- Кантерева Т. П.* Искусство Испании. — М., 2001.
- Кеймен Г.* Испания: дорога к империи. — М., 2007.
- Литаверина Э. Э.* Крестьянство Испании и Португалии в XVI—XVIII вв. // История крестьянства в Европе. — М., 1986. — Т. 3.
- Силюнас В. Ю.* Стиль жизни и стили искусства. — СПб., 2000.
- Суховерхов В. В.* Ховельянос. Жизнь. Литература. Философия. — М., 1991.
- Юрчик Е. Э.* Испанское просветительское движение // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. — М., 2002.

К главе 6, разделу 18.3

- Варьяш О. И., Черных А. П.* Португалия: дороги истории. — М., 1990.
- Maxwell K. Pombal.* Paradox of the Enlightenment. — Cambridge, 1995.
- Oliveira Marques A. H. de.* Historia de Portugal. — Lisboa, 1983. — Vol. 2.

К главе 7, разделу 18.4

Андронов И. Е. У истоков итальянского Просвещения: Пьетро Джанноне. — М., 2000.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. — М., 1939.

Берти Дж. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. — М., 1959.

Бондарчук В. С. Итальянское крестьянство в XVI—XVIII вв. // История крестьянства в Европе. — М., 1986. — Т. 3.

Бондарчук В. С. Итальянское Просвещение//Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / под ред. Н. М. Мещеряковой. — М., 2002.

Бондарчук В. С. Неаполитанская революция 1647—1648 гг. — М., 1994.

Куоко В. Опыт истории неаполитанской революции 1799 г. — СПб., 2006.

Вико Дж. Основание новой науки об общей природе наций. — Л., 1940.

Дживеллегов А. К. Итальянская народная комедия *Commedia dell'arte*. — М., 1962.

История Италии. — М., 1970. — Т. 1, 2.

Канделоро Дж. История современной Италии. — М., 1958. — Т. 1.

Лозинский С. Г. История папства. — М., 1986.

Реизов Б. Г. Итальянская литература XVIII в. — Л., 1966.

Решетников Ф. Н. Беккариа. — М., 1987.

Рутенбург В. И. Истоки Рисорджименто: Италия в XVII—XVIII вв. — Л., 1980.

Тарле Е. В. Экономическая жизнь королевства Италия в царствование Наполеона I. — Юрьев, 1916.

Carpanetto D., Ricuperati G. Italia del Settecento. R., 1993. Folle controrivoluzionarie / A cura di Anna Maria Rao. — Roma, 1999.

Venturi F. Settecento riformatore. — Torino, 1969, 1976. — Vol. 1—2.

К главе 8

Германская история в Новое и Новейшее время. — М., 1970. — Т. 1.

Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770—1990. — СПб., 2003.

Деборин А. М. Очерки социально-политической мысли в Германии: конец XVII — начало XIX века. — М., 1967.

Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495—1806. — М., 2004. — Т. 1.

Имангалиев Р. Н. Становление политического консерватизма в Пруссии в конце XVIII — середине XIX в. — Казань, 2001.

Кайзеры. — Ростов н/Д, 1997.

Костюшко И. И. Прусская аграрная реформа: К проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа. — М., 1989.

Крейе Э. Э. Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном. 1799—1814. — М., 2002.

Мошковская Ю. Я. Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII в. — М., 1961.

Никулин Н. Н. Немецкая и австрийская живопись XV—XVIII веков. Эрмитаж. — Л., 1989.

Патрушев А. И. Германская история. — М., 2003.

Шульце Х. Краткая история Германии. — М., 2004.

Эпштейн А. Д. История Германии от позднего Средневековья до революции 1848 г. — М., 1961.

Clark Ch. Preußen. Aufstieg und Niedergang. 1600—1947. — München, 2007.

Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland. 1648—1763. — Berlin, 1998.

К главе 9, разделу 18.6

Ачади. История венгерского крепостного крестьянства. — М., 1956.

История Венгрии: в 3 т. — М., 1971.

История венгерского государства и права. — М., 1986.

Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. — М., 2002.

Митрофанов П. П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790). — СПб., 1907.

Освободительные движения народов Австрийской империи: возникновение и развитие: Конец XVIII—1849 г. — М., 1980.

Очерки новой и новейшей истории Венгрии. — М., 1963.

Пристер Е. Краткая история Австрии. — М., 1952.

Рахмиров П. Ю. Князь Меттерних: человек и политик. — Пермь, 1999.

Хаванова О. В. Заслуги отцов и таланты сыновей. Венгерские дворяне в учебных заведениях монархии Габсбургов. 1746—1784. — СПб., 2006.

Reynalter H. Österreich und die Französische Revolution. — Wien, 1988.

Vocelka K. Glanz und Untergang der hofischen Welt: Repräsentation, Reform und Reaktion im habsburgischen Vielvölkerstaat. — Wien, 2001.

К главе 10

Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVII—XVIII вв. — М., 1949.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. — М., 1996.

История Швеции. — М., 1974.

Кан А. С. История Скандинавских стран. — 2-е изд. — М., 1980.

Лозинский С. Г. История Бельгии и Голландии в Новое время. — СПб., 1907.

Ошис В. В. История нидерландской литературы. — М., 1983.

Хеденбург С., Юханссон А., Мелин Я. История Швеции. — М., 2002.

Чистозвонов А. Н. Бюргерство и буржуазия в Нидерландах (XV—XVIII вв.) // Социально-экономические проблемы генезиса капитализма. — М., 1984.

Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма в Нидерландах // Проблемы генезиса капитализма. — М., 1987.

Шатохина-Мордвинцева Т. А. Внешняя политика Нидерландов 1713—1763 гг. — М., 1991.

Kirby D. Northern Europe in the Early Modern Period: the Baltic World 1492—1772. — L., 1990.

The Baltic World, 1772—1993: Europe's Northern Periphery in an Age of Change. — L.; N.Y., 1995.

К главе 11, разделу 18.10

Американская цивилизация как исторический феномен / под ред. Н. Н. Болховитинова. — М., 2001.

Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. — М., 1966.

Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. — М., 1993.

Бэррес Р. Документы американской революции. — М., 1994.

Война за независимость и образование США / под ред. Г. Н. Севостьянова. — М., 1976.

Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. — Л., 1990.

Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. 1789—2001 / под ред. Э. А. Иваняна. — М., 2001.

Исаев С. А. Джеймс Мэдисон: политическая биография. — СПб., 2006.

Конституция США: история и современность / под ред. А. А. Мишина и Е. Ф. Язькова. — М., 1988.

Конституция США: политико-правовой комментарий / А. А. Мишин, В. Л. Власихин. — М., 1985.

Пейн Т. Избр. произв. — М., 1959.

Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. — М., 1984.

Согрин В. В. Идеиные течения в Американской революции XVIII в. — М., 1980.

Согрин В. В. Политическая история США. XVII—XX вв. — М., 2001.

Становление американского государства. — СПб., 1992.

Трояновская М. О. США: у истоков двухпартийной системы. — М., 1989.

Трояновская М. О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775—1823). — М., 2010.

Ушаков В. А. Америка при Вашингтоне: Политические и социально-экономические проблемы США в 1789—1797 гг. — Л., 1983.

Ушаков В. А. Американский лоялизм: консервативное движение и идеология в США в 1760—1780-е гг. — М., 1989.

Федералист: политические эссе А. Гамильтона, Д. Мэдисона и Дж. Джея. — М., 2000.

Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и ее создатели. — М., 1992.

Ширяев Б. А. Политическая борьба в США. 1789—1801 гг. — Л., 1981.

Шлезингер А. Циклы американской истории. — М., 1992.

Шпотов Б. М. Фермерское движение в США (1780—1790-е гг.) — М., 1982.

Ketcham R. Presidents Above Party: The First American Presidency. 1788—1829. — Chapel Hill, 1984.

Sharp J. R. American Politics in the Early Republic: The New Nation in Crisis. — New Haven; L., 1993.

Wood G. The Creation of the American Republic. 1776—1787. — Williamsburg, 1969.

К главе 12

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. — М., 1991.

История Перу. От древнейших времен до наших дней. — М., 2001.

Культура Латинской Америки: энциклопедия. — М., 2000.

Латинская Америка в исторической ретроспективе XVI—XIX вв. — М., 1994.

Линч Дж. Революции в Испанской Америке. — М., 1979.

Мирошевский В. М. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войн за независимость (1492—1810). — М.; Л., 1946.

Открытие и колонизация Латинской Америки европейцами. — М., 1992.

Очерки истории Бразилии. — М., 1962.

Помбу Р. История Бразилии. — М., 1962.

Посконина О. И. История Латинской Америки (до XX века). — М., 2005.

Сей Л. Философия американской истории: судьбы Латинской Америки. — М., 1984.

Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. — М., 1984.

К главам 13, 14

Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость (1775—1783 гг.). — М., 1976.

Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы. 1700—1918 гг. — М., 2004.

Дехийо Л. Хрупкий баланс. Четыре столетия борьбы за господство в Европе. — М., 2005.

Ерофеев Н. А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. — М., 1964.

Зак Л. А. Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). — М., 1963.

Иванова И. И. История международных отношений от Античности до конца Первой мировой войны. — Владивосток, 2001.

История дипломатии. — М., 1941. — Т. 1.

Киссинджер Г. Дипломатия. — М., 1997.

Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. — М., 2007.

- Ревякин А. В.* История международных отношений в Новое время. — М., 2004.
- Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI — XX вв. — М., 2002.
- Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. — М., 2002.
- Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. — М., 1965.
- Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии. — М., 1995.
- Яковлев Н. Н.* Европа накануне Семилетней войны. — М., 1997.
- Das europäische Staatensystem im Wandel.* — München, 1996.
- Durchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie: internationale Beziehungen. 1700 — 1785.

К главе 15

- Антология мировой философии. — М., 1970 — 1971. — Т. 2 — 3.
- Всеобщая история искусств: в 6 т. — М., 1956 — 1965. — Т. 4.
- Делюмо Ж.* Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII — XVIII вв.). — Екатеринбург, 2003.
- История всемирной литературы: в 8 т. — М., 1983 — 1994. — Т. 4 — 5.
- История ментальностей. Историческая антропология. — М., 1996.
- Ливанова Т. Н.* История западной музыки до 1789 г. — М., 1983 — 1987. — Т. 1 — 2.
- Лобанова М. Н.* Западноевропейское музыкальное барокко. — М., 1994.
- Модзалевский Л. Н.* Очерки истории воспитания и обучения с древнейших времен до наших дней. — СПб., 2000. — Ч. 1 — 2.
- Ренессанс. Барокко. Классицизм. — М., 1966.
- Споры о главном. — М., 1993.
- Философия эпохи ранних буржуазных революций. — М., 1983.
- Burke P.* Popular culture, in Early Modern Europe. — L., 1978.

К главе 16

- Адо А. В.* Крестьяне и Великая французская революция конца XVIII века. — 2-е изд. — М., 1987.
- Бачко Б.* Как выйти из Террора? Термидор и Революция. — М., 2006.
- Бовыкин Д. Ю.* Революция окончена? Итоги Термидора. — М., 2005.
- Генифе П.* Политика революционного Террора. 1789 — 1794. — М., 2003.
- Гордон А. В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918 — 1941. — Саратов, 2005.
- Гусейнов Э. Е., Кожокин Е. М., Ревякин А. В., Туган-Барановский Д. М.* Буржуазия и Великая французская революция. — М., 1989.
- Документы истории Великой французской революции. — М., 1990 — 1992. — Т. 1 — 2.
- Кутон Ж.* Избр. произв. 1793 — 1794. — М., 1994.
- Леввер Э.* Мария-Антуанетта. — Ростов н/Д, 1997.
- Манфред А. З.* Три портрета эпохи Великой французской революции. — М., 1978.

- Марат Ж. П.* Избр. произв.: в 3 т. — М., 1956.
- Местр Ж. де.* Рассуждения о Франции. — М., 1997.
- Мягкова Е. М.* «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на западе Франции в XVII—XVIII веках. — М., 2006.
- Озуф М.* Революционный праздник. 1789—1799. — М., 2003.
- Песни первой французской революции. — М.; Л., 1934.
- Погосян В. А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. — Ереван, 2004.
- Робеспьер М.* Избр. произв. — М., 1965. — Т. 1—3.
- Ролан М. Ж. де ла Платьер.* Личные воспоминания. — Рыбинск, 2002.
- Руде Дж.* Народные низы в истории. 1730—1848. — М., 1984.
- Сен-Жюст Л. А.* Речи. Трактаты. — СПб., 1995.
- Смирнов В. П., Посконин В. С.* Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789—1989. — М., 1991.
- Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. — М., 1966.
- Собуль А.* Первая республика. — М., 1974.
- Тырсенко А. В.* Фельяны. У истоков французского либерализма. — М., 1999.
- Тырсенко А. В.* Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. — М., 2005.
- Фюре Ф.* Постигание французской революции. — СПб., 1998.
- Черкасов П. П.* Лафайет. Политическая биография. — М., 1991.
- Чудинов А. В.* Французская революция. История и мифы. — М., 2007.
- Dictionnaire historique de la Révolution française/Sous dir. d'A. Soboul. — Paris, 1989. Furet F.
- Jaume L.* Le discours jacobin et la démocratie. — Paris, 1989.
- Lefebvre G.* La France sous le Directoire. — Paris, 1984.
- Mercier L. S.* Le Nouveau Paris. — Paris, 1994.
- Ozouf M.* Dictionnaire critique de la Révolution française. — Paris, 1988.

К главе 17

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. — (Серия I: 1801—1815 гг.) в 8 т. — М., 1960—1972.

- Дюфрес Р.* Наполеон. — М., 2003.
- Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. — Екатеринбург, 2001.
- Коленкур А.* Мемуары. — М., 1943.
- Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. — М., 1980.
- Наполеон I.* Избранные произведения. — М., 1956.
- Талейран Ш. М.* Мемуары. — М., 1969.
- Тарле Е. В.* Наполеон // Е. В. Тарле. Соч.: в 12 т. — М., 1957—1962. — Т. 7.
- Тарле Е. В.* Континентальная блокада // Там же. — Т. 3.
- Тарле Е. В.* Талейран // Там же. — Т. 11.
- Тюлар Ж.* Наполеон. — М., 1996.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И АМЕРИКА В XVIII в.

Глава 1. Просвещение	3
1.1. Теоретические взгляды просветителей	4
1.2. Достижения просветителей в науках	7
Глава 2. Реформы в западной европе во второй половине XVIII в. (просвещенный абсолютизм)	12
Глава 3. Англия	19
3.1. Общественно-политическое развитие в первой половине XVIII в.	19
3.2. Начальный этап Промышленной революции (1760— 1780-е гг.)	27
3.3. Политические процессы в 1760— 1780-е гг.	32
Глава 4. Франция	38
4.1. Социально-экономическое развитие страны	38
4.2. Регентство (1715— 1723)	43
4.3.Правление Людовика XV	45
4.4. Общественная жизнь	50
4.5. Правление Людовика XVI	54
Глава 5. Испания	57
5.1. Война за испанское наследство (1701— 1714)	57
5.2. Реформы государственной системы в первой половине XVIII в.	58
5.3. Испанское Просвещение	61
5.4. Политика «просвещенного абсолютизма» в Испании	63
Глава 6. Португалия	66
Глава 7. Италия	73
Глава 8. Германские государства	85
Глава 9. Монархия Габсбургов	100
9.1. Монархия Габсбургов в начале XVIII в. Прагматическая санкция	100

9.2. Эпоха реформ 1740—1792 гг.	102
9.3. Внешняя политика Австрии	108
Глава 10. Швеция. Дания. Голландия	112
10.1. Швеция	112
10.2. Дания	115
10.3. Голландия	118
Глава 11. Война за независимость английских колоний в Северной Америке. Образование США	120
Глава 12. Латинская Америка	140
12.1. Испанские и португальские колонии в Новом Свете в конце XVII—первой половине XVIII в.	140
12.2. Реформы второй половины XVIII в.	142
12.3. Последствия колониальных реформ. Общественно-экономическое развитие испанской Америки в XVIII в.	144
Глава 13. Международные отношения	148
13.1. Война за испанское наследство	148
13.2. Северная война 1700—1721 гг.	150
13.3. Войны с Турцией	151
13.4. Международные отношения в Европе в 1720-е—1730-е гг.	152
13.5. Война за польское наследство 1733—1738 гг.	154
13.6. Война за австрийское наследство 1740—1748 гг.	155
13.7. «Переворот союзов» и Семилетняя война	157
13.8. Разделы Польши	160
Глава 14. Европейский колониализм	164
14.1. Колониальная политика европейских держав	164
14.2. Борьба за колонии и международные отношения	167
Глава 15. Культура и общественное сознание	172

РАЗДЕЛ II

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И АМЕРИКА В 1789—1815 гг.

Глава 16. Французская революция 1789—1799 гг.	196
16.1. Нарастание кризиса Старого порядка	196
16.2. Начало революции. Падение Старого порядка. Революционные преобразования (14 июля 1789 г. — 3 сентября 1791 г.)	205
16.3. Период конституционной монархии (3 сентября 1791 г. — 10 августа 1792 г.)	218
16.4. Установление республики. Правление жирондистов	223
16.5. Назревание политического кризиса весной 1793 г. Восстание 31 мая — 2 июня.	232
16.6. Диктатура монтаньяров	235

16.7. От термизора к брюмеру (июль 1794 г. — ноябрь 1799 г.)	250
16.8. Итоги и историческое значение Французской революции конца XVIII в.	260
Глава 17. Франция в годы Консульства и Первой империи (1799 — 1814)	265
17.1. Становление и укрепление режима личной власти	265
17.2. Наполеоновские войны и падение Империи	276
Глава 18. Страны Западной Европы и Америки в 1789 — 1815 гг.	292
18.1. Англия	292
18.2. Испания	298
18.3. Португалия	309
18.4. Италия	311
18.5. Германские государства	321
18.6. Монархия Габсбургов	335
18.7. Швеция	348
18.8. Дания	350
18.9. Голландия	352
18.10. США	354
Хронологическая таблица	363
Список литературы	372

Учебное издание

**Бовыкин Дмитрий Юрьевич,
Бондарчук Валериан Семенович,
Кирсанова Наталья Викторовна,
Медяков Александр Сергеевич,**

Мещерякова Надежда Михайловна,

Патрушев Александр Иванович,

**Пименова Людмила Александровна,
Согрин Владимир Викторович,**

Тер-Акопян Норайр Бадамович,

**Толстиков Александр Владимирович,
Тырсенко Андрей Владимирович,
Юрчик Екатерина Эдуардовна**

История стран Европы и Америки в Новое время

В двух частях

Часть 2

1700 — 1815 годы

Учебник

Под редакцией В. С. Бондарчука

Редактор *С. П. Вачаев*

Ответственный редактор *И. В. Пучкова*

Технический редактор *Н. И. Горбачёва*

Компьютерная верстка: *Р. Ю. Волкова*

Корректор *В. Н. Рейбекель*

В оформлении обложки использована репродукция (фрагмент)

Ж. -Л. Давида «Клятва в теннисном зале»

Изд. № 101115043. Подписано в печать 26.01.2011. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Бумага офсет. № 1. Усл.-печ. л. 24,0.
Тираж 1 500 экз. Заказ № 31171.

ООО «Издательский центр «Академия». www.academia-moscow.ru
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1, пом. 26б.

Адрес для корреспонденции: 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, а/я 48.
Тел./факс: (495) 648-0507, 616-00-29.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № РОСС RU. АЕ51. Н 14964
от 21.12.2010.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством
электронных носителей в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

В двух частях

Часть 2

1700 — 1815 ГОДЫ

ISBN 978-5-7695-6026-2

Издательский центр «Академия»

www.academia-moscow.ru